

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 1 (47) 2025

**ТОМСК
2025**

Главный редактор:

В. М. Лемская, канд. филол. наук (Томск, Россия)

Заместители главного редактора:

Т. А. Гончарова, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия)

Н. В. Полякова, канд. филол. наук, доцент (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

- А. В. Бауло, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия);*
А. В. Дыбо, д-р филол. наук, член-корреспондент РАН (Москва, Россия);
А. А. Ким, д-р филол. наук, доцент (Томск, Россия);
Е. А. Крюкова, канд. филол. наук, доцент (Томск, Россия);
В. В. Напольских, д-р ист. наук, член-корреспондент РАН (Москва, Россия);
Л. М. Плетнёва, д-р ист. наук, профессор (Томск, Россия);
В. А. Плунгян, д-р филол. наук, академик РАН (Москва, Россия);
Н. А. Тучкова, д-р ист. наук, главный научный сотрудник (Ханты-Мансийск, Россия);
М. П. Чёрная, д-р ист. наук, профессор (Томск, Россия);
Л. И. Шерстова, д-р ист. наук, профессор (Томск, Россия);
А. Yu. Filchenko, Ph.D. Linguistics, Назарбаев университет (Астана, Казахстан);
Е. G. Kotorova, д-р филол. наук, профессор (Берлин, Германия);
Z. Nagy, д-р антропологии, профессор (Печь, Венгрия);
О. S. Potanina, канд. филол. наук, Назарбаев университет (Астана, Казахстан);
F. Siegl, д-р лингвистики, научный сотрудник (Хельсинки, Финляндия);
E. J. Vajda, профессор Западно-Вашингтонского университета (Беллингхем, США);
B. Wagner-Nagy, профессор (Гамбург, Германия).

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Полякова, Т. А. Гончарова, В. М. Лемская

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 82719.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 31-14-64.

Адрес редакции, издателя:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.
Тел. (3822) 311-325, факс (3822) 31-14-64. E-mail: tjla@tspu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.
Тел.: 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013.

Подписано в печать: 19.03.2025. Дата выхода в свет: 21.03.2025. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.
Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 23. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1298/Р.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: Ю. А. Ворошилова.
Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Е. В. Литвинова.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2025. Все права защищены.

**THE MINISTRY OF EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 1 (47) 2025

**TOMSK
2025**

Editor in Chief:

V. M. Lemskaya, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor (Tomsk, Russia)

Deputy Editors-in-Chief:

T. A. Goncharova, Cand. Sci. (History), Associate Professor (Tomsk, Russia)

N. V. Polyakova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor (Tomsk, Russia)

Editorial Board:

- A. V. Baulo, Dr. Sci. (History), Leading Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia);*
A. V. Dybo, Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member of RAS (Moscow, Russia);
A. A. Kim, Dr. Sci. (Philology), Professor (Tomsk, Russia);
E. A. Kryukova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor (Tomsk, Russia);
V. V. Napolskikh, Dr. Sci. (History), Corresponding Member of RAS (Moscow, Russia);
L. M. Pletneva, Dr. Sci. (History), Professor (Tomsk, Russia);
V. A. Plungyan, Dr. Sci. (Philology), Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
N. A. Tuchkova, Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Museum of Nature and Man (Khanty-Mansiysk, Russia);
M. P. Chernaya, Dr. Sci. (History), Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
L. I. Sherstova, Dr. Sci. (History), Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
A. Yu. Filchenko, Ph.D. Linguistics, Nazarbayev University (Astana, Kazakhstan);
E. G. Kotorova, Dr. Sci. (Philology), Professor (Berlin, Germany);
Z. Nagy, Dr. Sci. (Anthropology), Professor (Pecs, Hungary);
O. S. Potanina, Cand. Sci. (Philology), Nazarbayev University (Astana, Kazakhstan);
F. Siegl, Dr. Sci. (Linguistics), Research Fellow (Helsinki, Finland);
E. J. Vajda, Professor, Western Washington University (Bellingham, USA);
B. Wagner-Nagy, Professor (Hamburg, Germany).

Scientific Editor of the Issue:

N. V. Polyakova, T. A. Goncharova, V. M. Lemskaya

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 31-14-64.

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.
Tel. +7 (3822) 311-325, fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: tjla@tspu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.
Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.
Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)
PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 19.03.2025. Publication date: 21.03.2025. Formate: 60×90/8.
Paper: offset. Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1298/P.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: Yu. A. Voroshilova.
Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: E. V. Litvinova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2025. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
Слово главного редактора	9
ЛИНГВИСТИКА	
Беленов Н.В. Топонимия эрзянского села Новый Маклауш Самарской области: лексико-семантический анализ DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-11-20	11
Данилов И.А. Этнодемографический фактор в атрибуциях процессов лингвистической интеграции русского населения в республиках РФ DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-21-34	21
Ключева М.А. Соотношение исконной финно-угорской лексики и заимствований в стослове самых частотных глаголов марийского языка DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-35-49	35
Куцаева М.В. Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах Башкортостана (по материалам полевых экспедиций 2024 г.) DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-50-63	50
Ооржак Б.Ч., Монгуш Н.М. Тувинские названия пыток маньчжуро-китайского периода в сопоставлении с монгольскими DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-64-74	64
Тюнтешева Е.В., Шагдурова О.Ю., Бадарчы А.-Х.Т. Принципы эвфемистических наименований диких животных в тюркских языках Южной Сибири DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-75-85	75
Файзуллина Г.Ч., Садыкова Э.Ф., Юсупов А.Ф. Фитонимическая лексика сибирских татар в сравнительно-историческом аспекте DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-86-94	86
Чугунекова А.Н. Оценочные полипредикативные конструкции в хакасском языке DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-95-107	95
АНТРОПОЛОГИЯ	
Миронова В.П., Иванова Л.И. Обряд жениховой бани в контексте карельской свадебной традиции DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-108-117	108
Русланов Е.В., Кисагулов А.В. Животноводство и охота у населения чиялыкской культуры Южного Урала DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-118-128	118
Содномпилова М.М. Родник как элемент малой родины в традиции предбайкальских бурят: образ, статус, функции DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-129-139	129
Федоров С.И., Федорова А.Р. Охотничьи сюжеты в современной якутской культуре: «якорь» в традиционность постиндустриального общества DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-140-152	140
К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО	
Богданова А.Г., Ким А.А. А.П. Дульзон – личность, ученый, наставник: к 125-летию со дня рождения DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-153-159	153
Попов М.А., Функ Д.А. Неопубликованные нижнечулымские тексты в записи А.П. Дульзона 1948 г. DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-160-176	160
НАШИ АВТОРЫ	177
AUTHORS	179

CONTENTS

From the Editors	8
Word from the Editor-in-Chief	9

LINGUISTICS

Belenov N.V. Toponymy of the Erzya-Mordovian Village Novy Maklaush, Samara Region: Lexical and Semantic Analysis DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-11-20	11
Danilov I.A. Ethno-Demographic Factor in Attributions of the Processes of Linguistic Integration of the Russian Population in the Republics of Russia DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-21-34	21
Klyucheva M.A. Native Words of Finno-Ugric Origin VS. Borrowings in the Top 100 Most Frequent Verbs in the Mari Language DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-35-49	35
Kutsaeva M.V. The Function of Mari Idioms in the Old Diasporas of Bashkortostan (based on the Field Linguistic Data from the year 2024) DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-50-63	50
Oorzhak B.Ch., Mongush N.M. Tuvan Torture Names from the Manchurian-Chinese Period Compared to Mongolian Torture Names DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-64-74	64
Tyutesheva E.V., Shagdurova O.Yu., Badarchy A.-Kh.T. Basics of Euphemistic Names Wild Animals in Turkic Languages of South Siberia DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-75-85	75
Faizullina Guzel' Ch., Sadykova El'za F., Yusupov Ayrat F. Phytonymic Lexicon of the Siberian Tatars in a Comparative-historical Aspect DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-86-94	86
Chugunekova A.N. Evaluative Polypredicative Constructions in the Khakass Language DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-95-107	95

ANTHROPOLOGY

Mironova V.P., Ivanova L.I. The Bridegroom's Banya Ritual in the Context of the Karelian Wedding Tradition DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-108-117	108
Ruslanov E.V., Kisagulov Anton V. Animal Husbandry and Hunting in the Population of the Chiyalik Culture Of Southern Ural DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-118-128	118
Sodnompilova M.M. Spring as an Element of a Small Homeland in the Tradition of the Cis-Baikal Buryats: Image, Status, Functions DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-129-139	129
Fedorov S.I., Fedorova A.R. Hunting Folklore in Contemporary Yakut Culture: An Anchor in the Traditionality of Post-Industrial Society DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-140-152	140

FOR THE SCIENTIST'S ANNIVERSARY

Bogdanova A.G., Kim A.A. The Role of A.P. Dulzon in the Preservation of the Ethnocultural Heritage of Siberia: on the 125th Anniversary of his Birth DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-153-159	153
Popov M.A., Funk D.A. Unpublished Lower Chulym Texts as Recorded by A.P. Dulzon in 1948 DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-160-176	160
AUTHORS (in Russian)	177
AUTHORS (in English)	179

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

From the Editors

‘Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology’ was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and worldwide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

Слово главного редактора

Уважаемые коллеги, читатели и авторы!

Представляем очередной, 47-й номер «Томского журнала лингвистических и антропологических исследований». За свою многолетнюю историю журнал зарекомендовал себя как площадка для научного диалога, осуществляемого на высоком исследовательском уровне. К моменту создания журнала в 2013 г. ощущалась острая необходимость консолидации усилий лингвистов и антропологов и переноса их многолетнего сотрудничества в формат серьезного научного издания. В качестве девиза журнала были приняты слова Чарльза Хоккета: «Лингвистика без антропологии стерильна, антропология без лингвистики слепа», что весьма точно отражает важность взаимодействия двух близких по проблематике и методологии, но разных с точки зрения используемой эмпирической базы наук.

Комплексный подход к исследованию этнолингвистических особенностей коренных народов характерен для основателя Томской лингвистической школы (ныне – Томская лингвистическая школа по изучению исчезающих языков Сибири им. А.П. Дульзона) профессора Андрея Петровича Дульзона. В этом году мы отмечаем 125-летие со дня его рождения. Знакомясь с непростыми фактами биографии Андрея Петровича и общаясь с представителями его семьи, учениками и последователями, мы не перестаем удивляться широте научного мышления ученого, его работоспособности, стремлению к разноплановым изысканиям в области изучения языков, культуры и истории народов Сибири. Научные интересы А.П. Дульзона имели широкие рамки своей реализации: от вопросов немецкой диалектологии до языкового сдвига в сообществах коренных народов Сибири, от индоевропейского словообразования до реконструкции фонетической системы тюркских языков, от терминологии родства в селькупском языке до подробного описания кетского языка, от древних смен народов по данным топонимики до археологических раскопок и их интерпретации в контексте исторических данных и т. д.

Именно в целях «продолжения томской исследовательской традиции и дополнительной местной инициативы по организации междисциплинарного и международного печатного и электронного научного форума» был создан и успешно развивается настоящий журнал, чей высокий уровень подтверждается активной цитируемостью, индексацией в ведущих научных российских и международных базах данных, популярностью среди авторов научных статей. В период 2013–2024 гг. в журнале, который издается с периодичностью четыре выпуска в год, опубликовано порядка 600 научных статей, включая публикации сообщений и рецензий.

В настоящее время в журнале публикуются результаты научной работы по историческим (5.6.3 «Археология»; 5.6.4 «Этнология, антропология и этнография»; 5.6.5 «Историография, источниковедение, методы исторического исследования» – раздел «Антропология») и филологическим (5.9.5 «Русский язык. Языки народов России», 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» – раздел «Лингвистика») наукам. Все поступающие в редакцию статьи проходят процедуру рецензирования, публикуются бесплатно. Тематика принимаемых к изданию статей ограничена рамками названных выше научных специальностей, однако в свете отмечаемой знаковой юбилейной даты со дня рождения профессора А.П. Дульзона в 2025 календарном году в выпусках журнала будут выделены специальные разделы для публикации результатов научных изысканий, продолжающих идеи ученого, либо

неопубликованного ранее материала по языкам и культуре народов Сибири. Кроме того, в Томском государственном педагогическом университете запланирован ряд научных мероприятий, посвященных юбилейной дате, обзоры которых планируется помещать на страницах журнала.

Первый выпуск в новом календарном году выходит при обновленном составе редакционной коллегии журнала, основной состав которой остается неизменным на протяжении многих лет. В состав редакционной коллегии входят доктора и кандидаты наук – отечественные и зарубежные специалисты по языкознанию и антропологии, активно осуществляющие научные исследования и публикующие их результаты в ведущих научных изданиях. Солидный опыт успешной деятельности журнала позволил собрать коллектив рецензентов из числа ведущих отечественных и зарубежных экспертов из перечисленных научных областей.

В завершение хочется пожелать авторам и сотрудникам редакции «Томского журнала лингвистических и антропологических исследований» научного роста, творческого вдохновения, развития новых актуальных исследовательских направлений в духе лучших традиций Томской лингвистической школы по изучению исчезающих языков Сибири им. А.П. Дульзона! До встречи на страницах журнала!

В. М. Лемская

ЛИНГВИСТИКА

УДК 94(09)=(15=02.33)

Н.В. Беленов

ТОПОНИМИЯ ЭРЗЯНСКОГО СЕЛА НОВЫЙ МАКЛАУШ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье вводится в научный оборот и анализируется система географических названий топонимического пространства эрзянского села Новый Маклауш Клявлинского района Самарской области. До настоящего времени данная топонимическая система не становилась объектом специального исследования, что определяет актуальность представленной работы. В статье выявляются основные характеристики данного топонимического пространства как типичной топонимической системы клявлинской мордвы, его специфические особенности, а также общие черты с топонимией других эрзянских сел Самарского Поволжья и сопредельных регионов. В основе работы лежат материалы, полученные автором в ходе полевых исследований в селе Новый Маклауш и в других эрзянских населенных пунктах Клявлинского района в октябре 2019 г. Для сравнительно-сопоставительного анализа привлекаются данные по топонимии различных эрзянских сел Самарского Поволжья и других территорий расселения мордвы, полученные в ходе наших экспедиций 2015–2023 гг. В результате проведенного исследования нами было установлено, что топонимическое пространство села Новый Маклауш в кластерах географической терминологии, морфологии отдельных топонимных единиц-маркеров, их семантике находит убедительные параллели в других топонимических пространствах клявлинской мордвы. Значительные черты сходства прослеживаются и с топонимическими пространствами других групп мордвы-эрзи Самарского Заволжья и сопредельных территорий. Значимых отличий в топонимическом пространстве Нового Маклауша от других топонимических пространств мордвы-эрзи Клявлинского района выявлено не было. К субстратному слою данного топонимического пространства может быть отнесен потамоним Уксада, принадлежащий небольшой речке, притоку реки Сок. Однако автор настоящего исследования полагает, что и название Уксада происходит из эрзянского языка, где «уксо» – вяз; данная лексема в указанном значении еще сохраняется в некоторых говорах мордвы-эрзи Шенталинского района, однако в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка в настоящее время собственно эрзянское слово заменено русским заимствованием. Представленное исследование будет интересно специалистам в области ономастики мордовских языков, финно-угорского языкознания, региональной истории и краеведам-любителям.

Ключевые слова: *топонимика, географическая лексика, мордва, эрзя-мордовский язык, Самарское Заволжье*

Введение

Топонимия эрзянских сел Самарского Заволжья до настоящего времени не подвергалась специальному систематическому исследованию. Вместе с тем такие исследования представляют значительный научный интерес как сами по себе, так и в связи с работами по этноязыковой региональной истории, мордовским языкам, финно-угорскому языкознанию.

Рассматриваемый в настоящей статье Новый Маклауш является одним из эрзя-мордовских сел Клявлинского района Самарской области. Мордовское население села в быту общается на клявлинском говоре эрзя-мордовского языка. По данным переписи населения 2010 г., в Новом Маклауше насчитывается 97 постоянных жителей, 91% из которых – мордва-эрзя. Зафиксированы внутрирайонные миграции населения (чаще всего по причине брачных связей) между Новым Маклаушем и Новыми Соснами, в результате чего в настоящее время жители Нового Маклауша в большей степени чувствуют родственную связь именно с эрзянами Новых Сосен, а не Старого Маклауша, откуда когда-то вышли их предки.

Клявлинская мордва представляет собой относительно многочисленную, внутренне консолидированную группу эрзян Самарской области, в значительной степени связанную общностью происхождения еще до переселения в Заволжье. При этом некоторые характерные черты дан-

ной группы, в частности унификация говоров, как показывают наши исследования, вырабатывались уже на заволжском этапе истории клявлинских эрзян. Подобная ситуация в целом является типичной для этнотерриториальных групп мордвы Самарской области: ареальные связи здесь часто оказывают большее влияние на формирование местных типов мордовских говоров, чем их изначальная диалектная принадлежность. В настоящее время клявлинская мордва расселяется в следующих населенных пунктах: Старые Сосны, Новые Сосны, Старый Маклауш, Новый Маклауш, Новый Казбулат, Клявлино (не путать с одноименной железнодорожной станцией, ставшей в настоящее время райцентром), Петровка. Несколько особняком стоит село Ойкино, эрзяне которого по говору ближе к причеремшанской мордве, чем к клявлинской. Мордовское население села Новый Байтермиш, административно относящегося к Иса克林скому району, генетически связано с клявлинской мордвой, но в процессе тесного взаимодействия восприняло некоторые особенности говора эрзи Старого Вечканова, предки которой являются выходцами из Нижегородской области, что отразилось на их диалектных особенностях [1].

История клявлинской мордвы в Заволжье, судя по преданиям, сохранившимся в старейших местных селах: Старых Соснах, Старом Маклауше и Старом Байтермише [2], – восходит ко второй половине XVII в. При этом в документах нет точного подтверждения даты основания не только старейших сел, но и их относительно новых выселков.

Точная дата возникновения села Новый Маклауш также неизвестна. В картографических источниках оно фиксируется со второй половины XIX в., согласно местным преданиям, основано в начале XIX в. Эрзя-мордовское население Нового Маклауша, имея общее происхождение с большей частью клявлинской мордвы, демонстрирует и характерные для данной группы черты (например, в фольклоре). Здесь особенно распространены предания о Степане Разине, также бытующие в Старых и Новых Соснах: согласно некоторым из них, именно карательные действия царских войск после подавления разинского восстания вынудили предков данной группы эрзян покинуть Волжское Правобережье и переселиться в Заволжье. Отметим, что дата подавления восстания Степана Разина хорошо согласуется с наиболее обоснованной датировкой основания старейших поселений клявлинской мордвы в Заволжье – 70-е гг. XVII в. Жители Нового Маклауша, основанного позднее, унаследовали данную фольклорную традицию от своих предков. Наиболее популярной легендой разинского цикла здесь является сказ о том, что на одной из гор в окрестностях Нового Маклауша легендарный атаман закопал свою саблю, а место это заговорил. Кому она откроется, тому выпадет жребий продолжить его дело [3]. Подобные предания с небольшими вариациями имеют достаточно широкое распространение в Поволжье, однако в Клявлинском районе у других групп населения, например, у русских, основным героем исторических преданий является не Степан Разин, а Емельян Пугачев. По данному и ряду других показателей жители Нового Маклауша скорее составляют культурную общность с жителями Старых и Новых Сосен, чем с населением Старого Маклауша (основано во второй половине XVII в. [4, 5]), из которого когда-то их предки отселились на юго-запад. В Старом Маклауше исторические предания концентрируются в основном вокруг истории самого села, совместном проживании в одном населенном пункте с чувашами, отправлением языческих обрядов и т. п.

Как мы уже указывали выше, говоры клявлинской мордвы характеризуются высокой степенью унификации, что особенно контрастирует с заметным разнообразием говоров в других этнотерриториальных группах мордвы Самарского Поволжья. Кроме того, словосочетание «клявлинская мордва» является здесь формулой самоидентификации, с противопоставлением, например, «северной мордве/северной эрзе» (эрзянское население Северного района Оренбургской области. – Н.Б.) и «похвистневской мордве» (прежде всего под этим названием имеется в виду толкайская мордва как наиболее многочисленная в данном районе; кроме того, эрзяне сел Старое Мансуркино и Алешкино, также расположенных на территории совре-

менного Похвистневского района Самарской области, имеют иное происхождение, отличаются особенностями говоров и не могут рассматриваться в составе единой этнотерриториальной группы с толкайской мордвой. – Н.Б.).

Обзор литературы

Топонимия клявлинской мордвы специальной темой научного исследования до последнего времени не становилась, однако отдельные этимологии географических названий из топонимических пространств ряда мордовских сел района встречаются уже в трудах участников академических экспедиций в Поволжье второй половины XVIII в., например, у И.И. Лепехина, оставившего, кроме того, ценнейшие описания начальной истории ряда сел клявлинской мордвы, прежде всего Старых и Новых Сосен [6, 7].

На рубеже XIX–XX вв. ряд мордовских сел Самарской губернии, ныне относящихся к территории Клявлинского, Иса克林ского и Похвистневского районов Самарской области, а также Бугульминского района Татарстана, посетила экспедиция финского ученого Х. Паасонена, результатом деятельности которой явился словарь мордовской лексики, остающийся наиболее полным до настоящего времени, ценность которого с течением времени только возрастает, с одной стороны, как источника исторической лексикографии, а с другой – как хранилища утраченных и устаревших словоформ мордовских языков [8]. В словаре отмечаются лексемы эрзянских говоров, бытующих в следующих селах Клявлинского района: Старый Маклауш, Старые Сосны, также экспедиция Х. Паасонена работала в селе Новый Байтермиш (ныне относится к Иса克林скому району Самарской области), жители которого, как мы уже упоминали, разговаривают на клявлинском говоре эрзянского языка, поскольку их предки – выходцы из села Старый Байтермиш Клявлинского района. При этом в эрзянском говоре жителей Нового Байтермиша прослеживается и влияние старовечкановского говора эрзя-мордовского языка, с носителями которого они исторически тесно контактировали.

На территории районов, ныне относящихся к северу Самарской области, к востоку Ульяновской области и к югу Татарстана, в начале XX в. проводил диалектологические исследования мордовских говоров М.Е. Евсеев, выявивший в эрзянских говорах нынешнего Новомалыклинского района Ульяновской области ряд архаичных фонетических особенностей, а также зафиксировавший в ряде эрзянских сел Шенталинского района мокшанский языковой элемент, к настоящему времени полностью ассимилированный эрзянскими говорами соответствующих населенных пунктов [9].

В селе Старый Байтермиш в 1958 г. работала этнографическая экспедиция под руководством В.Н. Белицер, в ходе которой ее участниками также были собраны некоторые материалы по топонимии села [2].

Ойконимы мордвы Клявлинского района получили убедительные этимологии в работах Д.В. Цыганкина [10, 11], отдельные географические названия с территории Клявлинского района, в том числе мордовские, нашли отражение на страницах коллективной работы «Самарская топонимика» [12].

Лексико-семантический анализ топонимии села Новый Маклауш

Ало пе 'Ало 'р'е. Название низменной части села Новый Маклауш. Данный элемент является практически неизменным атрибутом топонимического пространства любого эрзя-мордовского села Самарского Заволжья. Название происходит от эрзя-мордовских лексем: *ало* – ‘низменный’ + *пе* – ‘конец’ = ‘нижний конец’. Дуальную систему «Ало пе – Вере пе» вообще можно назвать своеобразным топонимическим маркером эрзянских сел, при этом, однако, надо учитывать, что ее распространенность в различных районах проживания мордвы-эрзи неодинакова.

накова. Так, в Чердаклинском районе Ульяновской области в ряде эрзянских сел она отсутствует, заменяясь системой «Ало веле – Вере веле» [13], также не фиксируется в некоторых селах Новомалыклинского района той же области, например в Новой Бесовке и Новой Куликовке [14].

В Новом Маклауше район «Ало пе» рассматривается именно как элемент дуальной макросистемы «Ало пе – Вере пе», в каждый из которых входит несколько других районов (либо улиц). Такое же понимание характерно и для мордовского населения Старого Маклауша.

Ало ульця 'Alo 'ul'sä. Эрзянское название одной из улиц в Новом Маклауше, входит в район Ало пе того же села. С эрзя-мордовского языка на русский топоним переводится таким образом: *ало* – ‘низменный’ + *ульця* – фонетически адаптированный в эрзя-мордовской этноязыковой среде русский термин *улица* = ‘низменная улица’. Данная улица проходит по окраине *Ало пе*, термин *ульця* указывает на то, что она формировалась уже как улица в классическом понимании, к районам с архаичной застройкой клявлинская эрзя применяет термины *куринка* или *курмыш*.

Артемка. Название одной из улиц Нового Маклауша. Со слов информантов: «Название улицы дано по имени человека, который когда-то там жил. Улица небольшая, после кладбища восемь дворов» [3].

Вере пе 'V'er'e 'p'e. Название возвышенной части Нового Маклауша. Название происходит от эрзя-мордовских лексем: *вере* – ‘вверху; сверху’ + *пе* – ‘конец’ = ‘верхний конец’. В Новом Маклауше районы Ало пе и Вере пе являются урбонимическими макросистемами, в которые включается ряд более мелких районов и улиц.

Горелый колок. Название леса, расположенного в сторону железнодорожной станции Клявлино. По воспоминаниям старожилов: «Там пожар в лесу был. Полностью он не сгорел, но деревья в конце концов высохли. А в то время газа не было у нас, топили дровами, а нечем топить было. И вот мы ходили в тот лес, дрова брать. А если кто увидит, из лесхоза – то запрящали брать даже сушняк. Сейчас дрова-то никому даром не нужны. А вот с тех пор он – Горелый колок, хотя теперь там уже опять зеленое все стало» [3].

Дурма лисьма Dur'ma 'l'is'ma. Один из родников в окрестностях Нового Маклауша. Со слов информаторов: «Сильно тек родник там, дуром прямо бил, поэтому и назвали – дурма лисьма, сильно течет значит» [3]. Таким образом, топоним на русский язык с эрзя-мордовского переводится так: *дурма* – фонетически и морфологически адаптированная в эрзя-мордовской этноязыковой среде русская лексема «дурной» со значением «сильно текущий» + *лисьма* – ‘родник’ = ‘сильно текущий (дуром) родник’. Вероятно, русская лексема «дуром» была переосмыслена в эрзя-мордовской среде не только фонетически, но и морфологически, в результате чего формант «ом» принял форму мордовского словообразовательного аффикса «ма».

Кевлей Kev'l'ej. Овраг, находящийся на границе топонимических пространств Нового Маклауша и Новых Сосен, которые, как мы упоминали выше, имеют множественные пересечения. Подобное название часто встречается в эрзянских топонимических пространствах Самарской области. Так, нами они зафиксированы в окрестностях эрзянского села Багана Шенталинского района и в топонимическом пространстве русско-чувашско-эрзянского села Старое Эштебенькино Челно-Вершинского района в форме Кевлейка. Жители Баганы объясняют название тем, что бегущая по оврагу вода двигает на его дне камни [15]. У Старого Эштебенькино Кевлейкой назывался родник и небольшой ручеек, которому он давал начало, раньше на поляне у родника проводили сельские праздники [16]. Этимология топонима следующая: *кев* – ‘камень’ + *лей* – термин, имеющий в литературно-письменном эрзянском языке значение ‘река’. Такое же значение он имеет и в клявлинском говоре, где для обозначения рек используется также термин *пандалкс* [17]. Между тем топоним *Кевлей* в настоящее время в топонимическом пространстве Нового Маклауша маркирует овраг с сезонным водотоком, что может свидетельствовать о том, что в недавнем прошлом лексемой *лей* в клявлинском

говоре, как и в большинстве других эрзянских говоров Самарского Поволжья и прилегающих территорий, обозначались небольшие ручьи и овраги с водой. Подробнее эту тему мы рассматриваем в одной из своих работ [18], подтверждения именно такой семантики данного географического термина в мордовских языках в прошлом отражены и в старейших лексикографических памятниках мокшанского и эрзянского языков [19, 20]. В заключение разговора о данном топониме надо отметить, что Д.В. Цыганкин в своем фундаментальном исследовании географических названий Республики Мордовии также указывает несколько топонимов типа *кевлей/кевляй*. Все они относятся к объектам, характеризующимся как обводненные овраги [11].

Колка 'Kolka. Название небольшого леса у села Новый Маклауш. В данном случае географический термин *колка*, имеющий в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка значение 'роща; небольшой лес', выступает в качестве имени собственного. Со слов информаторов: «Там прям рядом у нас Колка – лесок такой. Раньше мы туда и за сморчками ходили, в Колку» [3].

Курка *ne Kur'ka p'e*. Название части села Новый Маклауш, в свою очередь является частью другого района с названием Томбалькс (по другим данным, *Курка ne* – альтернативное название Томбалькса). Этимология названия не установлена. Не вызывает сомнений лишь то, что *ne* в данном случае, как и во многих подобных, является географическим термином, служащим в эрзя-мордовском языке для обозначения части села. Лексему *курка* информаторы перевести не смогли. В эрзя-мордовском языке словом «курка» обозначается птица «индюк», однако на мой прямой вопрос, не имеет ли данная лексема отношение к рассматриваемому названию, информанты ответили отрицательно [3]. По нашему предположению, в данном названии может содержаться та же утраченная ныне в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка в индивидуальном значении лексема, что и в устойчивом словосочетании для обозначения центра села – *кунчка куро*. Если это предположение верно и топоним *Курка ne* восходит к лексеме *куро* со значением 'деревня; село', то название *Курка ne* можно вольно перевести как «Конец села», что, отметим, отвечает реальному расположению данного района Нового Маклауша. Также нельзя исключать и наличие в составе второй лексемы эрзянского аффикса уменьшительности *ке*, т. е. изначальная форма топонима реконструируется в виде *Куроке пе.

Лесхоз удалкс *L'es hoz u'dalks*. Урочище у села Новый Маклауш. Топоним является двусоставным: *лесхоз* – понятие, заимствованное из русского языка, + *удалкс* – 'место за чем-либо, позади' = 'место за лесхозом'. Объяснение названия со слов информантов: «Там лесхоз был, а за ним... ну, как поле. И вот там, когда у нас тут нефть искали, палатки ставили бурильщики» [3].

Маклауш *Mak'laus*. Титульный ойконим исследуемого топонимического пространства. При этимологии данного названия необходимо учитывать, что оно является переносным с территории Волжского Правобережья. Новый Маклауш получил свое название от Старого Маклауша, а тот, в свою очередь, от названия населенного пункта, известного сегодня как Старые Маклауши Майнского района Ульяновской области. Д.В. Цыганкин в своей работе «Ойконимия мордовского Заволжья» название Старого Маклауша возводит к тюркской лексеме *махла* в значении 'селение, деревушка' [10, 11].

Мы полагаем, что также вероятно происхождение данного названия и от чувашских лексем: *мйкла* – 'моховой' и диалектного *ушень* – 'улица', 'район села'. Изначально так мог именоваться один из районов села. Впоследствии название района закрепилось за всем селом, подобные переходы мы можем наблюдать в чувашской ойконимии на примере многочисленных названий сел с формантом *кас/касы*. Предполагать чувашское происхождение потапонима позволяет информация П.Л. Мартынова, который считает, что изначально село (имеется в виду село в Ульяновской области) было основано чувашами и лишь затем заселено мордвой [21] (в документах с конца XVIII в. и вплоть до начала XX в. село фигурирует как мордовское, в современных переписях – как русское). В связи с рассматриваемым вопросом также интересно

отметить, что жители Новых Сосен называют Новый Маклауш по-своему: *Пандо пе*, т. е. Горный конец.

Ривезь латко *R'iv'ez' latko*. Название оврага, расположенного в непосредственной близости от урочища Ривезь угол. В переводе с эрзя-мордовского языка на русский топоним означает: *ривезь* – ‘лиса’ + *латко* – ‘овраг’ = ‘лисий овраг’. Происхождение названия со слов информантов: «Это овраг, как идти из Нового Маклауша в Новые Сосны. Лис там много было, наверное, поэтому так и назвали» [3].

Ривезь угол *R'iv'ez' ugod*. Название одного из полей в окрестностях Нового Маклауша. Термин «угол» в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка имеет достаточно вариативную семантику, одним из его значений является «возделываемое поле», также нередко в топонимических пространствах клявлинской мордвы он встречается в значении «возделываемое ранее, теперь заброшенное поле» [3]. Эрзя-мордовский зооним *ривезь* в переводе на русский язык означает ‘лиса’. Таким образом, топоним имеет вид: *ривезь* – ‘лиса’ + *угол* – ‘поле’ = ‘лисье поле’. По-видимому, первичным было название оврага, рассмотренное выше.

Сахалин. Название части села Новый Маклауш, которая располагалась «через речку за горой, теперь там один дом остался» [3]. Свое название данный район села получил из-за отдаленности от его основной части. Отметим, что подобного рода урбонимы-метафоры, связываемые с реальными географическими объектами, характеризующимися значительным территориальным удалением от мест расселения мордвы, имеют широкое распространение в эрзя-мордовских селах Самарского Поволжья, являясь здесь своеобразным маркером соответствующих топонимических пространств. Сравните: Хива – название мокшанского «конца» в смешанном эрзяно-мокшанском селе Спиридоновка Волжского района Самарской области; Карабах – название отдаленного района, построенного в конце 80-х гг. XX в. в эрзя-мордовском селе Новое Ермаково Ставропольского района Самарской области; Ташкент – отдаленный район эрзя-мордовского села Ерзовка Кинель-Черкасского района Самарской области, в настоящее время также название улицы.

Солдат угол. Название одного из полей в окрестностях Нового Маклауша. Из объяснений информантов: «Там солдаты раньше были, землю им давали. Распахивали поле, сажали там что-то» [3]. Данный топоним, помимо прочего, еще раз подтверждает бытование термина *угол* в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка в значении ‘поле; заброшенное поле’. Термин часто встречается в топонимических пространствах клявлинской эрзи, например в топонимии села Старые Сосны [22].

Томбалькс *Tom'bal'ks*. Название части села в Новом Маклауше, располагающейся за рекой по отношению к центру села. Информанты переводили нам данное название на русский язык как «Заречье» [3]. Если обратиться к литературно-письменному эрзя-мордовскому языку, то перевод будет следующим: «по ту сторону чего-либо». В топонимии эрзян Заволжья данный термин используется с различной смысловой нагрузкой, в ряде случаев обозначая и отдаленные объекты, как правило, по отношению к селу – центру топонимического пространства [23]. Специфичным для Нового Маклауша является пересечение данного названия с названием другого района села (по другим сведениям, параллельного названия того же района) – Курка пе.

Уксада *Uksa'da*. Название наиболее значительной реки в окрестностях села, правого притока реки Сок. Со слов информантов: «Издали она идет и в Сок впадает. Глубокая она, особенно раньше была, а сейчас бобры всю ее запрудили» [3]. Современным носителям клявлинского говора, в том числе жителям Нового Маклауша, происхождение названия реки неизвестно. При этом в ряде говоров эрзя-мордовского языка соседнего с Клявлинским Шен-талинского района, например в старосуркинском, нами зафиксирована лексема *уксо*, которая, как и в некоторых диалектах эрзянского языка, имеет там значение «вяз». Показательно, на наш взгляд, что в современном клявлинском говоре название этой древесной породы заменено русским заимствованием, а собственно эрзянское название забыто. Таким образом,

нельзя исключать, что название Уксада имеет значение «Вязовка», входя в обширную группу отфлористических потамонимов, имеющих значительное распространение в Самарском Поволжье, как в русском, так и в финно-угорских и тюркских языках. Также считаем необходимым отметить, что в предложенной трактовке потамоним нельзя семантически связывать с многочисленными русскими Вязовками Самарского Поволжья – они своим происхождением обязаны свойствам речного дна, а не названиям деревьев. Наконец, необходимо отметить, что реки с основой *укса/уксо* нечасто, но регулярно встречаются в топонимических пространствах на территории Республики Мордовии [11].

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что основу топонимического пространства села Новый Маклауш составляют названия, происходящие из эрзянского и русского языков, причем в отличие, например, от топонимического пространства Старого Маклауша смешанные эрзянско-русские или русско-эрзянские названия здесь встречаются редко.

Также надо отметить, что топонимия Нового Маклауша в целом обладает большинством характеристик, общих для клявлинской мордвы. Это, в частности, отражается в высокой топонематичности таких географических терминов, как *колка*, *угол*, *пе*.

Многочисленные параллели географические названия Нового Маклауша и его окрестностей находят в топонимии эрзянских сел, население которых относится к другим этнотерриториальным группам мордвы Самарского Поволжья. К таковым относится дуальная система «Ало пе – Вере пе» в урбонимии села, типичный для эрзя-мордовских топонимических систем топоним Томбалькс, семантика названия-метафоры Сахалин и ряд других.

Субстратный слой в исследуемом топонимическом пространстве, по нашему мнению, отсутствует: единственный вероятный кандидат, потамоним Уксада, происходит из эрзянского языка, однако в настоящее время лексема *уксо*, лежащая в его основе, носителями клявлинского говора забыта.

Список источников:

1. Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt von Ignatij Zorin, Durchgesehen u. transkribiert von Heikki Paasonen, übers. von Kaino Heikkilä u. Paavo Ravila, Herausgeg von Martti Kahla. V. Band. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977. 161 p.
2. Белицер В.Н. Обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. в районах, смежных с Мордовской АССР // «Забытые» тексты полевых экспедиций В.Н. Белицер. Саранск: НИИГН при правительстве РМ, 2023. С. 221–268.
3. ПМА 1 2019 г.: Самарская область, Клявлинский район, с. Новые Сосны. Кузьмина Е. В. 1975 г. р., информантка пожелала остаться неизвестной 1939 г. р., уроженка с. Новый Маклауш.
4. Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. Приходно-расходная книга Синбирской приказной избы. 1665–1667 гг. Симбирск, 1896. 285 с.
5. Книга строельная города Синбирска. Симбирск: Губернская типография, 1897. 118 с.
6. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1821. 458 с.
7. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. 786 с.
8. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch Zusammenge stellt von Kaino Heikkilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. Helsinki, 1990–1995. 557+747+624+775 s.
9. Евсеев М.Е. Отчет о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка. Казань, 1914. 17 л.
10. Цыганкин Д.В. Ойконимия мордовского Заволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 3. С. 9–15.
11. Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове. Саранск, 2005. 429 с.

12. Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара, 1996. 192 с.
13. ПМА 2 2023 г.: Ульяновская область, Чердаклинский район, с. Старое Матюшкино. Информанты пожелаали остаться неизвестными
14. ПМА 3 2023 г.: Ульяновская область, Новомалыклинский район, с. Новая Бесовка. Рузанова Т.И. 1961 г. р., Цветкова Н.И. 1959 г. р.
15. ПМА 4 2019 г.: Самарская область, Шенталинский район, с. Старое Суркино. Кандраев С.Я. 1965 г. р.
16. ПМА 5 2021 г.: Самарская область, Шенталинский район, с. Багана. Низова В.Т. 1947 г. р.
17. Беленов Н.В. Географическая лексика клявлинского говора эрзя-мордовского языка // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 28–35.
18. Беленов Н.В. Топонимическое пространство эрзянского села Багана Самарской области: лексико-семантический и структурно-сопоставительный анализ // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 26–42.
19. Witsen N. Noord en oost Tartarye. Deel 2. Amsterdam, 1692. 600 p.
20. Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы, и черемис (составлен под руководством епископа Нижегородского и Алатырского Дамаскина в 1785 году). ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 187.
21. Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1903. 240 с.
22. Беленов Н.В. Топонимия эрзянского села Старые Сосны Самарской области: общая характеристика и особенности // Вестник угроведения. 2023. № 1. С. 34–42.
23. ПМА 6 2023 г.: Ульяновская область, Новомалыклинский район, с. Александровка. Михайлова Л. 1966 г. р., Крымкин А.И. 1946 г. р.

Беленов Николай Валерьевич.

Кандидат педагогических наук, доцент.

Самарский государственный социально-педагогический университет.

Ул. М. Горького, 65/67, Самара, 443099.

E-mail: belenov82@gmail.com

Материал поступил в редакцию 9 февраля 2024 г.

Nickolay V. Belenov

TOPONYMY OF THE ERZYA-MORDOVIAN VILLAGE NOVY MAKLAUSH, SAMARA REGION: LEXICAL AND SEMANTIC ANALYSIS

The article presents the scientific distribution and analyzes the system of geographical names of the toponymic space of the Erzya-Mordovian village of Novy Maklaush in the Klyavlinsky district of the Samara region. This toponymic system has not yet been the subject of special research, which determines the relevance of the present work. The article identifies the main features of this toponymic space as a typical toponymic system of the Klyavlinsky Mordva, its peculiarities, as well as similarities with the toponymy of other Erzya-Mordovian villages of the Samara-Volga region and neighboring regions. The work is based on materials obtained by the author during field research in the village of Novy Maklaush in October 2019. For the comparative analysis, data on the toponymy of various Erzya-Mordovian villages of the Samara-Volga region and other areas of the Mordvinian settlement obtained during our expeditions in 2015–2023 are used. As a result of our research, we have found that the toponymic space of the village of Novy Maklaush has convincing parallels in other toponymic spaces of the Klyavlinsky Mordva in terms of clusters of geographical terms, individual toponymic unit markers and their semantics. Significant similarities can also be found with the toponymic spaces of other Erzya-Mordovian groups of the Samara-Volga region and neighboring areas. There were no significant differences between the toponymic space of the Novy Maklaush and other toponymic spaces of the Erzya-Mordovians of the Klyavlinsky district. The name Uksada, which belongs to a small river, a tributary of the Sok River, can be assigned to the substrate layer of this toponymic space. However, the author of this study believes that the name Uksada also originates from the Erzya-Mordovan language, where the lexeme Ukso – elm in this meaning is still preserved in some dialects of the Erzya-Mordovan language of the Shentala district. However, in the Klyavlinsky dialect of Erzya-Mordovian, the Erzya-Mordovian word itself has since been replaced by a Russian borrowing. The research presented here will interest specialists in the field of onomastics of Mordovian languages, Finno-Ugric linguistics, regional history, and amateur local historians.

Keywords: *toponymy, geographical lexemes, Mordva, Erzya-Mordovian language, Samara Trans-Volga region*

References:

1. Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt on Ignatij Zorin, Durchgesehen u. transkribiert von Heikki Paasonen, übers. von Kaino Heikkilä u. Paavo Ravila, Herausgeg von Martti Kahla. V. Band. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977. 161 r. (in Finnish)
2. Belitser V.N. Obzor mordovskikh poseleniy i postroek pervoy poloviny XX v. v rayonakh, smezhnykh s Mordovskoy ASSR [Overview of Mordovian settlements and buildings of the first half of the twentieth century in areas adjacent to the Mordovian ASSR]. In: «Zabytye» teksty polevykh yekspeditsiy V.N. Belitser ["Forgotten" texts of field expeditions V.N. Veliker]. Saransk, NIIGN pri pravitel'stve RM, 2023. Pp. 221–268 (in Russian).
3. PMA 1 2019 g.: Samarskaya oblast', Klyavlinitskiy rayon, s. Novye Sosny. Kuz'mina E.V. 1975 g. r., informantka pozhelala ostat'sya neizvestnoy 1939 g. r., urozhentka s. Noviy Maklaush (in Russian).
4. Zercalov A.N. Materialy dlya istorii Simbirskaya i ego uezda. Prihodno-rashodnaya kniga Simbirskoy prikaznoy izby. 1665–1667 g.g. [Materials for the history of Simbirsk and its district. The receipt and expense book of the Simbirsk clerical hut. 1665–1667]. Simbirsk, 1896. 285 p. (in Russian).
5. Kniga stroel'naya goroda Simbirskaya [The book of builders of the city of Simbirsk]. Simbirsk Gubernskaya tipografiya, 1897. 118 p. (in Russian).
6. Lepjohin I.I. Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii Nauk ad'yunkta Ivana Lepekhina po raznym provinciyam Rossiyskogo gosudarstva [Daily notes of the travels of the doctor and the Academy of Sciences associate Professor Ivan Lepekhin in different provinces of the Russian state]. SPb., 1821. 458 p. (in Russian).
7. Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provinciyam Rossiyskoy imperii [Travel to different provinces of the Russian Empire]. SPb., 1773. 786 p. (in Russian).
8. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch Zusammenge stellt von Kaino Heikkilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. Helsinki, 1990–1995. 557+747+624+775 p. (in German).
9. Evsev'ev M.E. Otchet o komandirovke v Samarskuyu i Kazanskuyu gubernii dlya izucheniya govorov mordovskogo yazyka [Report on a business trip to Samara and Kazan provinces to study the dialects of the Mordovian language]. Kazan', 1914. 17 p. (in Russian).
10. Tsygankin D.V. Oikonomiya mordovskogo Zavolz'hya [Oikonymy of the Mordovian Trans-Volga region]. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy – Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2010, no. 3, pp. 9–15 (in Russian).
11. Tsygankin D.V. Pamyat', zapechatlennaya v slove [The memory imprinted in the word]. Saransk, 2005. 429 p. (in Russian).
12. Barashkov V.F., Dubman Ye.L., Smirnov Yu.N. Samarskaya toponimika [Toponymy of Samara region]. Samara, 1996. 192 p. (in Russian).
13. PMA 2 2023 g.: Ul'yankovskaya oblast', Cherdaklinskiy rayon, s. Staroe Matyushkino. Informanty pozhelali ostat'sya neizvestnymi (in Russian).
14. PMA 3 2023 g.: Ul'yankovskaya oblast', Novomalyklinskiy rayon, s. Novaya Besovka. Ruzanova T.I. 1961 g. r., Tsvetkova N.I. 1959 g. r. (in Russian).
15. PMA 4 2019 g.: Samarskaya oblast', Shentalinskiy rayon, s. Staroe Surkino. Kandraev S.Ya. 1965 g. r. (in Russian).
16. PMA 5 2021 g.: Samarskaya oblast', Shentalinskiy rayon, s. Bagana. Nizova V.T. 1947 g. r. (in Russian).
17. Belenov N. V. Geograficheskaya leksika klyavlinskogo govora yerzya-mordovskogo yazyka [Geographical lexicon of the Klyavlinitskiy dialect of the Erzya-Mordovian language]. Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly – Philological sciences. Scientific reports of higher education, 2021, no. 1, pp. 28–35 (in Russian).
18. Belenov N.V. Toponimicheskoe prostranstvo yerzyanskogo sela Bagana Samarskoj oblasti: leksiko-semanticheskij i strukturno-sopostavitel'nyi analiz [Toponymic area of the Erzya-Mordovian village Bagana, Samara region: lexical-semantic and structural-comparative analysis]. Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, no. 2, pp. 26–42 (in Russian).
19. Witsen N. Noord en oost Tartarye. Deel 2. Amsterdam, 1692. 600 p.
20. Slovar' yazykov raznykh narodov, v Nizhegorodskoy yeparkhii obitayushchikh, imenno rossiiyan, tatar, chuvashy, mordvy, i cheremis (sostavlenn pod rukovodstvom episkopa Nizhegorodskogo i Alatyrskogo Damaskina v 1785 godu) [Dictionary of languages of different peoples living in the Nizhny Novgorod diocese, namely Russians, Tatars, Chuvash, Mordvins, and Cheremis (compiled under the guidance of Bishop Damaskin of Nizhny Novgorod and Alatyr in 1785)]. CANO. F. 2013. Op. 602a. D. 187 (in Russian).
21. Martynov P.L. Seleniya Simbirskogo uezda [Villages of Simbirsk county]. Simbirsk, 1903. 240 p. (in Russian).

22. Belenov N.V. *Toponimiya yerzyanskogo sela Starye Sosny Samarskoy oblasti: obshchaya kharakteristika i osobennosti* [Toponymy of the Erzya-Mordovian village Starye Sosny in the Samara region: general characteristics and features]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric studies*, 2023, no. 1, pp. 34–42 (in Russian).
23. *PMA 6 2023 g.*: Ul'yanovskaya oblast', Novomalyklinskiy rayon, s. Aleksandrovka. Mikhaylova L. 1966 g. r., Krymkin A.I. 1946 g. r. (in Russian).

Belenov Nickolay Valer'evich.

Candidate of Pedagogical Sciences, associate, Professor of the Department of ICTO.

Samara State University of Social Sciences and Education.

Gorky str., 65/67 M., Samara, Russia, 443099.

E-mail: belenov82@gmail.com

И.А. Данилов

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В АТТРИБУЦИЯХ ПРОЦЕССОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ РФ¹

В статье рассматривается проблема лингвистической интеграции русского населения в национальных республиках Российской Федерации на основе данных Всероссийских переписей 2002, 2010 и 2020 гг. Предлагается новый взгляд на феномен лингвистической интеграции, фокусируясь на процессе освоения русским населением государственных языков национальных республик. Подчеркивается, что такой подход позволяет выйти за рамки понимания лингвистической интеграции как сугубо прикладного адаптационного процесса, характерного для мигрантов, и рассматривать ее как фактор формирования культурной идентичности и ментальных особенностей носителей языка. Теоретико-методологическую основу исследования составляет комплексный анализ статистических данных переписей в сочетании с качественной интерпретацией результатов с учетом социолингвистических, этнодемографических и исторических факторов. Сочетание количественных и качественных методов позволяет получить многомерную картину лингвистической интеграции русских в национальных республиках и выявить ее региональные особенности. Выявлены основные количественные параметры владения русским населением титульными языками республик, прослеживается динамика этих показателей на протяжении двух десятилетий, проводится сопоставительный анализ по разным регионам. Результаты исследования демонстрируют значительную вариативность уровня лингвистической интеграции русских в разных республиках, которая лишь отчасти коррелирует с долей русского населения и динамикой его численности. Делается вывод о том, что на лингвистическую интеграцию русского населения в национальных республиках влияет комплекс факторов, включающий особенности этнодемографической структуры, степень урбанизации, характер языковой ситуации, языковую политику в регионах и т. д. Показано, что высокий уровень владения русскими титульным языком характерен для республик с относительно небольшой долей русского населения и высокой степенью его вовлеченности в межэтническое взаимодействие. В большинстве республик уровень владения русскими титульными языками остается стабильно низким, однако в некоторых регионах (Чечня, Тыва) отмечается заметный рост соответствующих показателей. Эти данные свидетельствуют о потенциале лингвистической интеграции русского населения в определенных социокультурных условиях и необходимости дифференцированного подхода к языковой политике в разных регионах России. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования государственной языковой политики и оптимизации межэтнических отношений в полиэтнических регионах России. Перспективы дальнейших исследований связываются с более глубоким изучением различных аспектов языкового взаимодействия русского населения с титульными народами республик РФ.

Ключевые слова: лингвистическая интеграция, русское население, национальные республики, государственные языки, титульные языки, языковая ситуация, языковая политика

Введение

Российская Федерация является одним из самых полиэтнических и многоязычных государств мира. В России, согласно итогам Всероссийской переписи населения, проведенной в 2020 г., проживают представители 194 народов, а по данным специалистов Института языкознания РАН, функционируют 155 языков. Ключевую роль в поддержании этнокультурного многообразия страны играют национальные республики, которые представляют собой особый тип регионов, образованных по этнотерриториальному признаку. Следует отметить, что республики значительно различаются между собой по целому ряду параметров: численности и доле титульной этнической группы, уровню социально-экономического развития, степени урбанизации, типу языковой ситуации и др. Эта вариативность обуславливает специфику межэтнического и языкового взаимодействия в каждом национальном субъекте и ставит перед федеральным центром задачу выработки гибкой и дифференцированной стратегии управления этнокультурным многообразием и межэтническими отношениями.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20392, <https://rscf.ru/project/24-28-20392/>. Автор выражает глубокую признательность руководителю проекта д.ф.н. Н. И. Ивановой за продуктивное обсуждение рукописи и ценные замечания.

В постсоветский период республики столкнулись с рядом вызовов и противоречий, связанных с необходимостью балансировать между сохранением этнической самобытности титульных народов и обеспечением единства общероссийского культурного пространства. Одним из индикаторов состояния межэтнических отношений и языковой ситуации в республиках выступает уровень владения титульными языками² среди русского населения, которое составляет различные доли в общей совокупности населения в национальных регионах. Данный показатель отражает степень лингвистической интеграции русских в региональный социум, их готовность и способность к межкультурному диалогу с титульными народами республик. В то же время динамика языковой компетенции русских показывает эффективность мер по поддержке миноритарных языков и создает основу для прогнозирования дальнейшего развития языковой ситуации в республиках, что в последнее время актуализируется в российской социолингвистической науке [2].

Лингвистическая интеграция чаще рассматривается в контексте адаптации мигрантов к новой языковой среде [3, 4]. Однако в рамках данной статьи мы предлагаем взглянуть на этот феномен под иным углом зрения, фокусируясь на процессе освоения русским населением государственных языков национальных республик РФ³ как инструмента межкультурной коммуникации с титульными народами. Такой подход позволяет расширить традиционные представления о лингвистической интеграции, выводя ее за рамки сугубо прикладного адаптационного процесса. Мы исходим из понимания того, что язык является не только средством общения, но и ключевым фактором формирования как индивидуальной, так и групповой культурной идентичности⁴.

Актуальность изучения данной проблемы обусловлена несколькими факторами. С одной стороны, в условиях роста этнического самосознания и языкового активизма титульных народов республик все более острой становится проблема обеспечения языковых прав и потребностей русского населения, сохранения его этнокультурной самобытности. С другой, уровень владения этническими русскими языками титульных народов выступает важным фактором социальной стабильности и гражданской солидарности в полиэтнических регионах, снижения межэтнической напряженности и конфликтности.

Несмотря на очевидную значимость и многоаспектность проблемы, она до настоящего времени не получила всестороннего научного освещения. Имеющиеся исследования либо ограничиваются анализом ситуации в отдельных республиках [5–13], либо рассматривают русское население национальных республик в контексте общей проблематики межэтнических отношений [14–18]. При этом практически отсутствуют работы, основанные на систематическом анализе статистических данных о языковой компетенции русского населения в масштабах всей страны.

Данная статья нацелена на частичное восполнение этого пробела и представляет собой попытку выявления и интерпретации основных количественных параметров и тенденций владения титульными языками среди русских в республиках РФ на основе данных Всероссийских переписей населения, проведенных в 2002, 2010 и 2020 гг. Мы предполагаем, что комплексный анализ этих показателей в динамике и в контексте этнодемографической ситуации в регионах позволит приблизиться к пониманию реальной картины языкового взаимодействия

² Титульный язык – язык титульной нации. Термин стал применяться с начала 90-х гг. XX в. по отношению к языкам наций, давших наименование соответствующей республике в составе Российской Федерации (титульным нациям) [1, с. 230].

³ Государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной, экономической и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства [1, с. 47]. Согласно п. 2 ст. 3 Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» республики вправе устанавливать в соответствии с Конституцией Российской Федерации свои государственные языки. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102012883> (дата обращения: 01.04.2024).

⁴ Формы лингвистической интеграции. Текст переведен А. Парфеновым и Г. Александровым // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/lang-migrants/forms-of-linguistic-integration> (дата обращения: 01.04.2024).

русского населения с титульными этническими группами и факторов, определяющих его интенсивность и результативность и обуславливающих региональную специфику и вариативность рассматриваемых показателей.

Материал и методы

Эмпирическую базу исследования составили официальные данные Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг., представленные на сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Для анализа были отобраны показатели по 22 республикам РФ, характеризующие: 1) долю русского населения, владеющего соответствующими титульными языками; 2) долю титульной этнической группы в общей численности населения республики, указавшего национальную принадлежность; 3) динамику численности русского населения в межпереписной период. Выбор данных показателей обусловлен их ключевой ролью в характеристике языковой ситуации и этнодемографического баланса в республиках.

В качестве основного метода исследования был использован статистический анализ данных, включающий расчет относительных показателей (доли, проценты), оценку динамики показателей в межпереписной период, ранжирование регионов по владению русским населением государственными языками республик. Для выявления связи между языковыми и демографическими переменными применялся корреляционный анализ.

Наряду с количественными методами в работе использовались также качественные приемы анализа и интерпретации данных с учетом комплекса социолингвистических и этнодемографических факторов. При интерпретации количественных показателей принимались во внимание исторические, политические, социально-экономические и культурные факторы, определяющие специфику языковой ситуации в некоторых из обсуждаемых республик. Использовались данные региональных исследований, отражающие реальные практики языкового поведения русской этнической общности.

Комплексный характер используемой методологии, сочетающей количественные и качественные методы анализа, позволяет получить достаточно полную и объективную картину процессов лингвистической интеграции русского населения в республиках РФ.

Вместе с тем необходимо отметить и некоторые ограничения используемых данных. Во-первых, переписи населения фиксируют лишь наличие языковой компетенции, но не ее уровень и характер использования языков в разных сферах коммуникации. Во-вторых, официальная статистика не учитывает субъективное восприятие государственных языков республик жителями регионов, их ценностные ориентации и установки на использование тех или иных языков. В-третьих, агрегированные количественные показатели не всегда отражают внутреннюю неоднородность русского населения республик в языковом отношении (различия между городским и сельским населением, разными поколениями и социальными группами; плотность русского населения и соотношение владения титульными языками в разрезе муниципальных образований).

Однако эти ограничения не снижают ценности представленных данных как отправной точки для изучения языковых процессов в полиэтнических регионах России. Они лишь указывают на необходимость дополнения количественного анализа качественными исследованиями, позволяющими глубже раскрыть механизмы и противоречия языкового взаимодействия в республиках, мотивацию и установки разных групп населения в отношении изучения и использования государственных языков республик.

Результаты и обсуждение

Данные по владению русским населением государственными языками республик в составе Российской Федерации систематизированы и представлены в табл. 1. Следует отметить,

что в связи с отсутствием необходимых статистических сведений анализ языковой ситуации в Донецкой Народной Республике (ДНР) и Луганской Народной Республике (ЛНР), вошедших в состав РФ в 2022 г., в рамках данного исследования не проводился. Особого комментария требует ситуация в Республике Карелии, где единственным государственным языком является русский, а карельский, финский и вепсский имеют статус языков, находящихся под государственной защитой. Для обеспечения полноты и сопоставимости данных по всем республикам в табл. 1 для Карелии приведены показатели владения русскими карельским языком как титульным для данного региона.

Таблица 1

Доля русских, владеющих государственными языками республик, %

Республика	Государственный язык	2002 г.	2010/2014 ⁵ гг.	2020 г.
Республика Адыгея	адыгейский	0,6	0,4	0,5
Республика Алтай	алтайский	1,0	0,9	1,5
Республика Башкортостан	башкирский	1,0	1,0	2,1
Республика Бурятия	бурятский	0,7	0,4	0,8
Республика Дагестан	аварский	0,3	0,6	1,2
	агульский	0,0	0,0	0,0
	азербайджанский	0,3	0,3	0,1
	даргинский	0,2	0,3	0,3
	кумыкский	0,7	0,7	0,6
	лакский	0,1	0,2	0,2
	лезгинский	0,4	0,6	0,4
	ногайский	0,1	0,1	0,1
	рутульский	0,0	0,1	0,0
	табасаранский	0,1	0,1	0,1
	татский	0,0	0,0	0,0
	цахурский	0,0	0,0	0,0
	чеченский	0,1	0,1	0,0
Республика Ингушетия	ингушский	9,1	10,0	8,9
Кабардино-Балкарская Республика	кабардинский	1,4	1,2	1,8
	балкарский	0,3	0,3	0,3
Республика Калмыкия	калмыцкий	0,8	0,6	3,4
Карачаево-Черкесская Республика	абазинский	0,1	0,1	0,2
	карачаевский	0,6	0,7	1,0
	ногайский	0,1	0,1	0,2
	черкесский	0,2	0,2	0,2
Республика Карелия	нет	0,4	0,0	0,3
Республика Коми	коми	2,0	2,1	3,0
Республика Крым	украинский	—	18,4	7,8
	крымскотатарский	—	0,0	0,1

⁵ Перепись населения в Крымском федеральном округе 2014 г. // РОССТАТ. URL: https://rosstat.gov.ru/freedoc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 29.03.2024).

Республика	Государственный язык	2002 г.	2010/2014 ⁶ гг.	2020 г.
Республика Марий Эл	марийский (горный и луговой)	1,8	1,5	1,6
Республика Мордовия	мордовский (мокшанский и эрзянский)	1,5	1,1	0,8
Республика Саха (Якутия)	якутский	2,5	2,0	1,8
Республика Северная Осетия – Алания	осетинский (иронский и дигорский диалекты)	3,9	4,2	6,7
Республика Татарстан	татарский	4,3	3,6	4,6
Республика Тыва	тувинский	1,7	2,0	8,3
Удмуртская Республика	удмуртский	1,7	1,3	1,5
Республика Хакасия	хакасский	0,2	0,1	0,2
Чеченская Республика	чеченский	4,0	6,7	17,6
Чувашская Республика	чувашский	4,8	3,9	4,3

Прежде всего обращает на себя внимание значительный разброс показателей уровня языковой компетенции русских в региональном разрезе. По данным переписи 2020 г., максимальное значение доли русских, владеющих соответствующим титульным языком, зафиксировано в Чеченской Республике – 17,6%. Далее со значительным отрывом следуют республики Ингушетия (8,9%), Тыва (8,3%), Северная Осетия (6,7%), Татарстан (4,6%). В остальных республиках этот показатель не превышает 3–4%, а в ряде регионов (Карелия, Хакасия, Адыгея, Мордовия, Удмуртия) составляет менее 1%.

Сопоставление данных трех переписей показывает, что в большинстве республик уровень владения русскими титульными языками остается достаточно стабильным на протяжении последних 20 лет. Исключение составляют Чеченская Республика, где соответствующий показатель вырос более чем в 4 раза (с 4,0% в 2002 г. до 17,6% в 2020 г.), Республика Тыва (рост с 1,7 до 8,3%), Калмыкия (с 0,8 до 3,4%), что, вероятно, связано со снижением доли русских в этнической структуре данных республик (табл. 2), что будет предметом обсуждения позднее.

В то же время в некоторых регионах отмечается снижение языковой компетенции русского населения. Например, в Якутии доля русских, владеющих якутским языком, уменьшилась с 2,5% в 2002 г. до 1,8% в 2020 г. Это подтверждается и результатами конкретных социолингвистических исследований, проведенных Н. И. Ивановой в 2007 и 2014 гг.: «показатели включенности якутского языка в русскую языковую компетенцию отражают относительную стабильность в исследуемые годы, но заметна тенденция к их снижению» [13, с. 220].

Принимая во внимание, что учет демографических показателей русского населения в каждой из рассматриваемых республик открывает дополнительные возможности для анализа и интерпретации показателей владения титульными языками, представим долю титульных этнических групп и русских в общей численности населения республик в табл. 2.

Так, динамика численности русских в республиках РФ за 2002–2020 гг. демонстрирует общую тенденцию к сокращению их доли в структуре населения. Особенно явственно этот процесс прослеживается в республиках Северного Кавказа, Тыве, Калмыкии. Вероятно, он обусловлен комплексом социально-экономических и этнополитических факторов. В этом отношении интересными являются выводы В.В. Стеценко: «В регионах, где русские являются меньшинством, численность русского населения со временем лишь уменьшается, причем

⁶ Перепись населения в Крымском федеральном округе 2014 г. // РОССТАТ. URL: https://rosstat.gov.ru/freedoc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 29.03.2024).

Таблица 2

Доля титульных этнических групп и русских в общей численности населения республик, %

Республика	Народ	2002 г.	2010/2014 г. ⁷	2020 г.
Республика Адыгея	Адыгейцы	24,2	25,2	22,0
	Русские	64,5	63,6	64,4
Республика Алтай	Алтайцы	30,6	33,9	37,0
	Русские	57,4	56,6	53,7
Республика Башкортостан	Башкиры	29,8	29,5	31,5
	Русские	36,3	36,1	37,5
Республика Бурятия	Буряты	27,8	30,0	32,5
	Русские	67,8	66,1	64,0
Республика Дагестан	Аварцы	29,4	29,4	30,5
	Агулы	0,9	1,0	0,9
	Азербайджанцы	4,3	4,5	3,7
	Даргинцы	16,5	17,0	16,6
	Кумыки	14,2	14,9	15,8
	Лакцы	5,4	5,6	5,2
	Лезгины	13,1	13,3	13,3
	Ногайцы	1,5	1,4	1,2
	Рутульцы	0,9	1,0	0,9
	Табасараны	4,3	4,1	4,0
	Таты	0,0	0,0	0,0
	Цахуры	0,3	0,3	0,3
	Чеченцы	3,4	3,2	3,2
	Русские	4,7	3,6	3,3
Республика Ингушетия	Ингуши	77,3	94,1	96,4
	Русские	1,2	0,8	0,7
Кабардино-Балкарская Республика	Кабардинцы	55,3	57,2	57,1
	Балкарцы	11,6	12,7	13,7
	Русские	25,1	22,5	19,8
Республика Калмыкия	Калмыки	53,3	57,4	62,5
	Русские	33,6	30,2	25,7
Карачаево-Черкесская Республика	Абазины	7,4	7,8	8,1
	Карачаевцы	38,5	41,0	44,4
	Ногайцы	3,4	3,3	3,7
	Черкесы	11,3	11,9	12,7
	Русские	33,6	31,6	27,5
Республика Карелия	Карелы	9,2	7,4	5,5
	Русские	76,6	82,2	86,4

⁷ Перепись населения в Крымском федеральном округе 2014 года // РОССТАТ: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 29.03.2024).

Республика	Народ	2002 г.	2010/2014 г.	2020 г.
Республика Коми	Коми	25,2	23,7	22,2
	Русские	59,6	65,1	69,7
Республика Крым	Украинцы	—	15,7	8,2
	Крымские татары	—	10,6	14,1
	Русские	—	67,9	72,9
Республика Марий Эл	Марийцы	42,9	43,9	40,1
	Русские	47,5	47,4	52,5
Республика Мордовия	Мордва	31,9	40,1	38,7
	Русские	60,8	53,4	54,1
Республика Саха (Якутия)	Якуты (саха)	45,5	49,9	55,3
	Русские	41,2	37,8	32,6
Республика Северная Осетия — Алания	Осетины	62,7	65,1	68,1
	Русские	23,2	20,8	18,9
Республика Татарстан	Татары	52,9	53,2	53,6
	Русские	39,5	39,7	40,3
Республика Тыва	Тувинцы	77,0	82,0	88,7
	Русские	20,1	16,3	10,1
Удмуртская Республика	Удмурты	29,3	28,0	24,1
	Русские	60,1	62,2	67,7
Республика Хакасия	Хакасы	12,0	12,2	12,7
	Русские	80,3	81,7	82,1
Чеченская Республика	Чеченцы	93,5	95,3	96,4
	Русские	3,7	1,9	1,2
Чувашская Республика	Чуваши	67,7	67,7	63,7
	Русские	26,5	26,9	30,7

в ряде национальных республик до значений, близких к нулевым. ...в национальных образованиях ассимиляционные процессы (с другими народами. — *Прим. авт.*) действуют не в сторону увеличения русских, а, скорее, наоборот: в смешанных семьях дети берут национальность родителя, которая является титульной для данного региона. Кроме того, в большинстве республик наблюдается миграционный отток русских, происходящий по разным причинам, в том числе и связанным с национальным фактором» [19, с. 167]. Можно предположить, что «количественное сжатие» русского населения в ряде республик, процессы ассимиляционного характера косвенно способствуют повышению его мотивации к освоению титульных языков как средству интеграции в региональный социум. Однако для проверки этой гипотезы необходимы специальные этносоциолингвистические и этнопсихологические исследования.

Очевидно, что каждая республика имеет уникальную языковую ситуацию, что порождает невозможность ее описания в рамках унифицированной модели. Несмотря на это, сопоставительный анализ данных позволяет выявить некоторые общие тенденции и закономерности. В частности, наблюдается обратная корреляция между долей русского населения в республике и уровнем владения титульным языком. В регионах, где русские составляют меньшинство, показатели их языковой компетенции в среднем выше, чем в республиках

с преобладанием русского населения. Так, по данным переписи 2020 г., в Ингушетии русские составляют лишь 0,7% населения, в Чечне – 1,2%, в Туве – 10,1%, при этом уровень владения титульными языками в этих регионах максимален. И напротив, в регионах с преобладанием русского населения уровень владения минимален. Это также наводит на мысль, что статус русских как демографического меньшинства стимулирует их языковую адаптацию к иноэтничному большинству, тогда как доминирование в численном отношении снижает мотивацию к изучению государственных языков республик. Тем самым подтверждается тезис об асимметричном характере национально-русского двуязычия, при котором представители миноритарных этнических групп активнее осваивают русский язык, чем русские – региональные языки.

Вместе с тем данная закономерность прослеживается не во всех случаях. Например, в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии при сопоставимой доле русского населения (около 20%) показатели владения титульными языками различаются более чем втрое. Очевидно, здесь вступают в действие иные факторы, связанные со степенью витальности и престижа языков, особенностями языковой политики, межэтнических отношений и языковых ориентаций населения.

Анализ также не подтвердил предположение о наличии однозначной связи между языковой компетенцией русского населения и динамикой его численности в республиках. В одних регионах (например, в Туве и Ингушетии) сокращение доли русских сопровождалось ростом показателей владения титульными языками, в других (Мордовия, Удмуртия) аналогичная демографическая динамика не привела к повышению языковой компетенции. Как отмечает Н.И. Иванова, в г. Якутске с 2007 по 2016 г., несмотря на демографическую убыль вследствие миграции за пределы республики, динамика интегративных тенденций русского населения снизилась, что отразилось, в частности, в снижении включенности якутского компонента в образовательном процессе – доля желающих обучать детей в классах с русским языком обучения и воспитания и преподаванием якутского языка как разговорного снизилась с 46,4 до 32,4%. Автор, опираясь на изменения, дополнения в федеральных законах в сфере образования и их последствия в трансформациях установок некоторой части молодых родителей – представителей коренных народов, предполагает, что «при ограничении новой идеологии унификации в государственной языковой политике, включающей в себя избыточную поддержку русского языка в системе образования, перспективы благоприятного неконфликтного развития массового якутско-русского двуязычия и более локального русско-якутского двуязычия вполне реальны» [20, с. 78].

Рост показателей в некоторых республиках, вероятно, связан с интенсивностью миграции. Например, в Туве значительное сокращение численности русского населения детерминирует его этносоциальное самочувствие [21, 22], что косвенно может влиять на необходимость овладения титульным языком.

Перспективным представляется также анализ взаимосвязи между уровнем языковой компетенции русских и показателями межэтнической брачности в республиках. Можно предположить, что высокая доля межэтнических браков способствует большему распространению двуязычия, в том числе среди русского населения. Однако для проверки этого предположения необходимо дополнить имеющиеся данные результатами опросов и интервью.

Таким образом, анализ этнодемографической ситуации в отдельных республиках позволил выявить ряд дополнительных факторов, влияющих на лингвистическую интеграцию русского населения. К их числу можно отнести:

- исторические особенности формирования русской диаспоры в регионе (давность и характер заселения, миграционная подвижность и др.);
- тип расселения русского и титульного населения (совместное или раздельное проживание, уровень урбанизации и т. д.);

- степень этнокультурной дистанции между русскими и титульным народом (конфессиональные различия, бытовые традиции и нормы поведения);
- характер языковой ситуации в регионе (витальность и функциональный статус государственных языков, распространенность двуязычия);
- специфику региональной языковой политики (наличие законов о языках, уровень преподавания титульных языков в школе и т. п.).

Рассмотрим некоторые примеры, иллюстрирующие влияние этих факторов. Так, относительно высокий уровень владения титульными языками среди русских в республиках Северного Кавказа обусловлен не только их меньшей численностью, но и длительной историей совместного проживания и межэтнического взаимодействия. Многие русские в этом регионе являются потомками казаков, поселившихся здесь еще в XVIII в. и активно контактировавших с местным населением [23].

Низкие показатели языковой компетенции русских в Республике Алтай связаны с типом их расселения. Большинство русских в этой республике проживают в городе, имеют слабые социальные связи с титульным населением, которое в основном концентрируется в сельской местности: по данным переписи 2020 г., 76,9% алтайцев проживают в селах. Это обусловлено степенью их урбанизированности, что отмечается О.Л. Лушниковой: «...переезд в город чаще рассматривается как временный. Из-за численного меньшинства, а также по причине сложных исторически сложившихся отношений с русским населением на территории региона алтайцы, скорее, сегрегируются, нежели интегрируются в городскую среду» [24, с. 121].

Вместе с тем проживание русских в сельской местности с преобладанием титульного народа может способствовать их лингвистической интеграции, хотя доля сельских русских в республиках невелика. К примеру, ситуация в Бурятии складывается по такому принципу, о чем писали Э.В. Хилханова и Г.А. Дырхеева: «Бурятско-русское и русско-бурятское двуязычие у русских представлено редко и наблюдается в основном у лиц, живущих в сельской местности, в окружении носителей бурятского языка. По данным переписи населения 1989 г., 0,3% русских ответили, что знают бурятский язык, однако имеются сведения, что в сельской местности около 40% русскоязычного населения в той или иной степени владеют бурятским языком, а в городе доля носителей русско-бурятского двуязычия составляет 27%» [6, с. 107].

Особого внимания заслуживает языковая ситуация в Дагестане, которая отличается высокой степенью этноязыкового разнообразия. Здесь проживают представители более 30 коренных народов, имеющих собственные языки. При этом уровень владения этими языками среди русского населения крайне низок – от 0,1 до 1,2% по разным языкам. Это объясняется не только сложностью языковой структуры Дагестана, но и спецификой социальных функций миноритарных языков. Как пишет Б.М. Атаев, «современная этноязыковая ситуация в Дагестане складывается таким образом, что выполнение национальными языками знаковых, социально или политически престижных функций представляется куда менее актуальной, чем то, что родные языки выходят даже из семейно-бытового употребления, их преподавание свертывается уже на стадии начального образования» [25, с. 64].

Безусловно, анализируя представленные данные, нельзя абстрагироваться от общероссийского контекста государственной языковой политики. Характерные для постсоветского периода колебания и непоследовательность этой политики существенно повлияли на языковую ситуацию в республиках РФ. По мнению академика В.М. Алпатова, «в России единой продуманной политики, сравнимой с тем, что делалось в советское время, не было и по-прежнему нет. Сколько-нибудь ясные цели не ставятся, а выработка политики передана в регионы, где ведется по-разному: где-то проявляется местный национализм, где-то излишняя русификация» [26, с. 8].

Очевидно, что языковая политика в Российской Федерации характеризуется определенной двойственностью и разнонаправленностью. На декларативном уровне постулируется

принцип поддержки и защиты языкового многообразия народов РФ, а на практике приоритет нередко отдается законодательным инициативам и управленческим решениям, направленным на укрепление позиций русского языка как «языка государствообразующего народа» (например: Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”»).

Как справедливо отмечает К.Ю. Замятин, «постсоветская российская языковая политика преследует цели, с одной стороны, распространения русского языка, а с другой стороны, сохранения и развития других языков. При этом если на уровне официального дискурса эти цели не рассматриваются как противоречащие друг другу, то на уровне общепринятых представлений (*common sense*) и практик языковая политика обычно предстает как «игра с нулевой суммой», в которой «если один язык выигрывает, то другой проигрывает». В данном случае «победителем» оказывается русский язык, а все остальные языки оказываются «аутсайдерами» [27, с. 8]. Подобный дисбаланс языковой политики в пользу общегосударственного языка при всей его объективной значимости может приводить к сужению сфер функционирования миноритарных языков и снижению мотивации к их изучению представителями других национальностей, в том числе русскими.

Заключение

В целом анализ представленных данных в контексте этнодемографической динамики свидетельствует о значительной вариативности и неоднозначности языковой ситуации в республиках РФ. Так, уровень владения русскими титульными языками республик сильно варьируется в зависимости от региона – от минимальных значений в республиках Хакасия и Карелия до максимальных показателей в Чеченской Республике и Тыве. В большинстве республик уровень языковой компетенции русского населения остается достаточно стабильным на протяжении 20-летнего периода. Вместе с тем в ряде регионов (Чечня, Тыва, Калмыкия) отмечается существенный рост доли русских, владеющих государственным языком, тогда как в некоторых других (Мордовия, Якутия) наблюдается тенденция к снижению этого показателя. Сопоставление данных о языковой компетенции с показателями этнического состава населения выявило наличие умеренной отрицательной корреляции между долей русского населения в республике и уровнем владения титульным языком. В то же время анализ не подтвердил гипотезу о прямой зависимости между языковой компетенцией и динамикой численности русских в регионах. Интерпретация полученных результатов с учетом более широкого социолингвистического и этнодемографического контекста позволяет предположить многофакторную обусловленность процессов языковой интеграции русского населения в республиках РФ. Важную роль здесь играют исторические традиции межэтнического взаимодействия, характер расселения и миграционная подвижность контактирующих групп, особенности языковой политики и другие факторы.

Обнаруженные количественные закономерности и тренды требуют дополнительной проверки и подкрепления качественными исследованиями на местах. Такой комплексный подход позволит глубже понять внутренние механизмы и противоречия лингвистической интеграции русских в полиэтнических регионах России. Это в свою очередь позволит сформировать научно обоснованные рекомендации по оптимизации языковой политики и гармонизации межэтнических отношений в России с учетом региональных особенностей национальных республик. Коренные народы являются хранителями уникальных знаний и культурных традиций, а их языки – стратегически важным ресурсом для обеспечения устойчивого развития. В связи с этим представляется целесообразным формирование как национально-русского, так и русско-национального типа двуязычия, способного обеспечить сохранность языкового и культурного разнообразия, чрезвычайно важного и ценнейшего актива, выступающего необходимым условием для достижения целей устойчивого развития.

Список источников:

1. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с.
2. Биткеева А.Н. О концепции, методологии и методах социолингвистического прогнозирования (на примере многоязычной Российской Федерации) // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 9–34.
3. Esser H. Migration, language and integration. Berlin: WZB, 2006. 130 p.
4. Linguistic integration of adult migrants: requirements and learning opportunities: report on the 2018 Council of Europe and ALTE survey on language and knowledge of society policies for migrants / L. Rocca, C. Hamnes Carlsen, B. Deygers. Strasbourg: Council of Europe, 2020. 76 p.
5. Wigglesworth-Baker T. Использование титульных языков русским населением спустя 20 лет после распада Советского Союза (Республика Татарстан) // Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение: материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 2011. С. 320–328.
6. Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края) / Э.В. Хилханова, Г.А. Дырхеева, Л.М. Любимова, Д.Б. Сундуева. М.: Восточная литература, 2016. 174 с.
7. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2017. 136 с.
8. Алексеенко С.С., Абрамова С.Р. Этноязыковая идентичность и двуязычие русского населения в Башкортостане // Политика и общество. 2017. № 11. С. 137–145.
9. Кондрашкина Е.А. Развитие билингвизма и полилингвизма в Республике Башкортостан // Научный диалог. 2019. № 4. С. 29–42.
10. Шайгерова Л.А., Алмазова О.В., Долгих А.Г. Русско-национальное двуязычие: субъективное благополучие различных категорий молодежи в Республике Башкортостан и Республике Татарстан // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 565–574.
11. Галлямов Р.Р., Кучумов И.В. Русское население Башкортостана: демографические и этноязыковые процессы во второй половине XIX – начале XXI веков // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 4 (49). С. 99–108.
12. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Марийский язык в структуре лингвокомпетенции населения Республики Марий Эл в XXI веке // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 2. С. 347–357.
13. Иванова Н.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в., этносоциопсихолингвистический аспект. Новосибирск: Наука, 2022. 284 с.
14. Петрова Е.В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири. Улан-Удэ: БГУ имени Доржи Банзарова, 2009. 332 с.
15. Васильева Е.А. Русское население Марийского края (история формирования и современные этнокультурные процессы): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 276 с.
16. Тхамокова И.Х. Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2014. 152 с.
17. Алексеенко С.С. Русские Башкортостана на рубеже XX–XXI вв.: этносоциологическое исследование. Уфа: Первая типография, 2016. 88 с.
18. Русские Башкортостана: этнодемографические и языковые процессы (1979–2014 гг.) / С.Р. Абрамова, Ф.Г. Сафин, А.И. Халиулина. Уфа: Первая типография, 2019. 176 с.
19. Стеценко В.В. Динамика численности и трансформация расселения русских в Российской Федерации в 1990–2010 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 153–170.
20. Иванова Н.И. Тенденции и динамика развития двуязычия в Республике Саха (Якутия): этносоциопсихолингвистический аспект // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 2 (31). С. 67–79.
21. Кужугет А.К. Тувинцы и русские в контексте изучения чувства национального достоинства (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. 2010. № 3. С. 72–84.
22. Тарбастаева И.С. Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // ЭКО. 2018. № 5 (527). С. 65–80.
23. Ерохин А.М., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Роль и место русских в модернизационном развитии Северного Кавказа в советский период // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 74–82.
24. Лушников О.Л. Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3 (58). С. 113–125.
25. Атаев Б.М. Национально-языковая политика в Дагестане постсоветского периода // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2019. № 74. С. 62–68.

26. Алпатов В.М. Языковая политика в России и в мире // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74, № 1. С. 3–10.
27. Замятин К.Ю. Российское языковое законодательство: динамика становления и изменения // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 2. С. 8–15.

Данилов Игорь Альбертович.
Младший научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.
E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23 мая 2024 г.

Igor A. Danilov

ETHNO-DEMOGRAPHIC FACTOR IN ATTRIBUTIONS OF THE PROCESSES OF LINGUISTIC INTEGRATION OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE REPUBLICS OF RUSSIA⁸

The article considers the problem of linguistic integration of the Russian population in the national republics of the Russian Federation based on the data of the all-Russian censuses of 2002, 2010, and 2020. A new perspective on the phenomenon of linguistic integration is proposed, focusing on the process of mastering the state languages of the national republics of the Russian population. It is emphasized that this approach allows us to go beyond the understanding of linguistic integration as a purely applied adaptation process characteristic of migrants and to consider it as a factor in the formation of cultural identity and mental characteristics of native speakers. The theoretical and methodological basis of the research is a comprehensive analysis of statistical data from censuses in combination with a qualitative interpretation of the results, taking into account sociolinguistic, ethno-demographic, and historical factors. The combination of quantitative and qualitative methods makes it possible to obtain a multidimensional picture of the linguistic integration of Russians in the national republics and to identify their regional characteristics. The most important quantitative parameters of the Russian population's mastery of the republics' title languages are shown, the dynamics of these indicators are traced over two decades, and comparative analyses are carried out for different regions. The study results show that the degree of linguistic integration of Russians in different republics is very different, which only partially correlates with the proportion of the Russian population and the dynamics of their numbers. It is concluded that the linguistic integration of the Russian population in the national republics is influenced by a complex of factors, including the peculiarities of the ethno-demographic structure, the degree of urbanization, the nature of the language situation, the language policy in the regions, etc. It turns out that a high level of proficiency in Russian in the titular language is characteristic of republics with a relatively small share of the Russian population and a high degree of participation in interethnic interactions. In most republics, the level of Russian proficiency in the titular languages remains consistently low, but in some regions (Chechnya and Tyva), there has been a significant increase in the corresponding indicators. These data show the potential for the linguistic integration of the Russian population under certain socio-cultural conditions and the need for a differentiated approach to language policy in various regions of Russia. The results obtained can be used to improve state language policy and optimize interethnic relations in the multi-ethnic regions of Russia. The prospects for further research are connected with a deeper study of the various aspects of linguistic interaction between the Russian population and the titular peoples of the republics of the Russian Federation.

Keywords: *linguistic integration, Russian population, national republics, state languages, titular languages, language situation, language policy*

References:

1. *Slovar' sociolingvisticheskikh terminov* [Glossary of Sociolinguistic Terms]. Moskva: 2006. 312 p. (in Russian).
2. Bitkeeva A.N. O konceptsii, metodologii i metodakh sociolingvisticheskogo prognozirovaniya (na primere mnogoyazychnoy Rossiyskoy Federatsii) [On the concept, methodology and methods of sociolinguistic forecasting (on the example of the multilingual Russian Federation)]. *Sotsiolingvistika – Sociolinguistics*, 2023, no 4(16), pp. 9–34 (in Russian).

⁸ The study was supported by grant No. 24-28-20392 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-20392/>. The author expresses her deep gratitude to the project leader, Dr. N.I. Ivanova for productive discussion of the manuscript and valuable comments.

3. Esser H. Migration, language and integration. Berlin: WZB, 2006. 130 p.
4. Rocca L., Hamnes Carlsen C., Deygers B. Linguistic integration of adult migrants: requirements and learning opportunities: report on the 2018 Council of Europe and ALTE survey on language and knowledge of society policies for migrants. Strasbourg: Council of Europe, 2020. 76 p.
5. Wigglesworth-Baker T. Ispol'zovanie titul'nykh yazykov russkim naseleniem spustya 20 let posle raspada Sovetskogo Soyuza (Respublika Tatarstan) [The use of titular languages by the Russian population 20 years after the collapse of the Soviet Union (Republic of Tatarstan)]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yazyki Rossii i stran blizhnego zarubezh'ya kak inostrannye: prepodavanie i izuchenie»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Languages of Russia and the Near Abroad as Foreign Languages: Teaching and Studying"]. Kazan, 2011. Pp. 320–328 (in Russian).
6. Khilkhanova E.V., Dyrheeva G.A., Lyubimova L.M., Sundueva D.B. *Yazykovoe soznanie i yazykovye ustanovki zhitel'ey prigranichnykh rayonov vostoka Rossii (na primere Respubliki Buryatiya i Zabaykal'skogo kraya)* [Linguistic consciousness and linguistic attitudes of the inhabitants of border regions of eastern Russia (on the example of the Republic of Buryatia and Transbaikalia Territory)]. Moskva: Vostochnaya literatura, 2016. 174 p. (in Russian).
7. Borgoyakova T.G. Guseynova A.V. *Status i funktsionirovanie tyurkskikh yazykov Yuzhnoy Sibiri* [Status and functioning of Turkic languages of South Siberia]. Abakan, Khakasskiy gosudarstvennyi universitet im. N.F. Katanova Publ., 2017. 136 p. (in Russian).
8. Alekseenko S.S., Abramova S.R. Yetnoyazykovaya identichnost' i dvuyazychie russkogo naseleniya v Bashkortostane [Ethno-linguistic identity and bilingualism of the Russian population in Bashkortostan]. *Politika i obshchestvo – Politics and Society*, 2017, no 11, pp. 137–145 (in Russian).
9. Kondrashkina E.A. Razvitiye bilingvizma i polilingvizma v Respublike Bashkortostan [Development of bilingualism and polylingualism in the Republic of Bashkortostan]. *Nauchnyi dialog – Scientific dialogue*, 2019, no 4, pp. 29–42 (in Russian).
10. Shaygerova L.A., Almazova O.V., Dolgih A.G. Russko-natsional'noe dvuyazychie: sub'ektivnoe blagopoluchie razlichnykh kategoriy molodezhi v Respublike Bashkortostan i Respublike Tatarstan [Russian-national bilingualism: subjective well-being of different categories of young people in the Republic of Bashkortostan and the Republic of Tatarstan]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii – Herzen Readings: Psychological Research in Education*, 2019, no 2, pp. 565–574 (in Russian).
11. Gallyamov R.R., Kuchumov I.V. Russkoe naselenie Bashkortostana: demograficheskie i etnoyazykovye processy vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI vekov [Russian population of Bashkortostan: demographic and ethno-linguistic processes in the second half of XIX – early XXI centuries]. *Vestnik BIST – Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies*, 2020, no. 4(49), pp. 99–108 (in Russian).
12. Shabykov V.I., Kudryavtseva R.A. Mariyskiy yazyk v strukture lingvokompetentsii naseleniya Respubliki Mariy El v XXI veke [Mari language in the structure of linguocompetence of the population of the Republic of Mari El in the XXI century]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 347–357 (in Russian).
13. Ivanova N.I. *Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya): yakutskiy yazyk v nachale XXI v., etnosociopsiholingvisticheskiy aspekt* [Language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language in the early XXI century, ethnosociopsycholinguistic aspect]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2022. 284 p. (in Russian).
14. Petrova E. V. *Russkoe naselenie v etnosotsial'noy strukture respublik Sibiri* [Russian population in the ethno-social structure of the Siberian republics]. Ulan-Ude: Buryatskiy gosudarstvennyi universitet imeni Dorzhi Banzarova, 2009. 332 p. (in Russian).
15. Vasil'eva E. A. *Russkoe naselenie Mariyskogo kraya (istoriya formirovaniya i sovremennyye yetnokul'turnyye processy)* [Russian population of the Mari region (history of formation and modern ethno-cultural processes)]: History Cand. Diss. Kazan, 2011. 276 p. (in Russian).
16. Thamokova I. Kh. *Russkoe naselenie Kabardino-Balkarii v XIX – nachale XXI v.: dinamika yetnokul'turnykh granits* [Russian population of Kabardino-Balkaria in the XIX – early XXI century: the dynamics of ethno-cultural boundaries]. Nal'chik, Institut humanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk Publ., 2014. 152 p. (in Russian).
17. Alekseenko S.S. Russkie Bashkortostana na rubezhe XX–XXI vv: yetnosotsiologicheskoe issledovanie [Russians of Bashkortostan at the turn of XX–XXI centuries: ethno-sociological study]. Ufa: Pervaya tipografiya, 2016. 88 p. (in Russian).
18. Abramova S.R. Safin F.G., Haliulina A.I. *Russkie Bashkortostana: etnodemograficheskie i yazykovye processy (1979–2014 gg.)* [Russians of Bashkortostan: ethno-demographic and linguistic processes (1979–2014)]. Ufa, Pervaya tipografiya Publ., 2019. 176 p.
19. Stecenko V.V. Dinamika chislennosti i transformatsiya rasseleniya russkikh v Rossiyskoy Federatsii v 1990–2010 gg. [Population dynamics and transformation of Russian settlement in the Russian Federation in 1990–2010]. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya – Demographic Research*, 2023, vol. 3, no. 3, pp. 153–170 (in Russian).

20. Ivanova N.I. Tendentsii i dinamika razvitiya dvuyazychiya v Respublike Sakha (Yakutiya): yetnosociopsikholingvisticheskiy aspekt [Trends and dynamics of bilingualism development in the Republic of Sakha (Yakutia): ethno-sociopsycholinguistic aspect]. *Severo-Vostochniy gumanitarniy vestnik – North-Eastern Humanitarian Herald*, 2020, no 2 (31), pp. 67–79 (in Russian).
21. Kuzhuget A.K. Tuvintsy i russkie v kontekste izucheniya chuvstva natsional'nogo dostoinstva (postanovka problemy) [Tuvinians and Russians in the context of studying the sense of national dignity (problem statement)]. *Novye issledovaniya Tuva – New research of Tuva*, 2010, no 3, pp. 72–84 (in Russian).
22. Tarbastaeva I.S. Tuva prevrashchaetsya v monoetnichniy region: riski i perspektivy [Tuva is turning into a mono-ethnic region: risks and prospects]. *EKO – ECO*, 2018, no. 5(527), pp. 65–80 (in Russian).
23. Erohin A.M., Avdeev E.A., Vorob'ev S.M. Rol' i mesto russkikh v modernizatsionnom razvitii Severnogo Kavkaza v sovetskiy period [The role and place of Russians in the modernisation development of the North Caucasus in the Soviet period]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura – Caspian region: politics, economics, culture*, 2022, no. 3(72), pp. 74–82 (in Russian).
24. Lushnikova O.L. Altajcy, tuvincy, hakasy: вовлечение в urbanizatsionnye process [Altaians, Tuvinians, Khakasses: involvement in urbanisation processes]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya – Oikumena. Regional studies*. 2021. No 3(58). Pp. 113–125 (in Russian).
25. Ataev B.M. Natsional'no-yazykovaya politika v Dagestane postsovetskogo perioda [National-language policy in Dagestan of the post-Soviet period]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN – Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2019, no. 74, pp. 62–68 (in Russian).
26. Alpatov V.M. Yazykovaya politika v Rossii i v mire [Language policy in Russia and in the world]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 2015, vol. 74, no. 1, pp. 3–10 (in Russian).
27. Zamyatin K.Yu. Rossiyskoe yazykovoe zakonodatel'stvo: dinamika stanovleniya i izmeneniya [Russian language legislation: dynamics of formation and changes]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of the Buryat State University. Philology*, 2022, no. 2, pp. 8–15 (in Russian).

Danilov Igor Albertovich.

Junior Researcher.

**Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.**

Petrovskogo str., 1. Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

М.А. Ключева

**СООТНОШЕНИЕ ИСКОННОЙ ФИННО-УГОРСКОЙ ЛЕКСИКИ И ЗАИМСТВОВАНИЙ
В СТОСЛОВЕ САМЫХ ЧАСТОТНЫХ ГЛАГОЛОВ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА**

В статье выявляется и исследуется с точки зрения этимологии наиболее частотная глагольная лексика марийского языка. Поскольку готовых списков самых частотных глаголов марийского языка в научной и образовательной литературе не представлено, его создание вылилось в отдельную задачу, которая была решена методами корпусной лингвистики. Стослов самых частотных глагольных лемм (основ) марийского языка составлен на материале самого крупного онлайн-корпуса марийского литературного языка Mari Meadow texts на платформе Корп в двух вариантах: 1) на полном его объеме (57,38 млн токенов); 2) на основе двух его подкорпусов – художественной литературы и публицистики (7,1 млн токенов). Состав этих двух стословов совпал на 90%. Этимология частотных глагольных лемм установлена по справочной научной литературе, прежде всего наиболее надежным этимологическим словарям К. Rédei, G. Bereczki и М. Räsänen. Выявлено соотношение исконной финно-угорской лексики и заимствований (из чувашского, татарского и русского языков) в представленных стословах марийских глаголов. Исследование показало, что основную долю в списках самых частотных глагольных лемм марийского языка занимает исконная лексика финно-угорского происхождения – от 56–59% (в корнях и леммах) до 69–70% (в токенах). Доля собственно марийских слов и слов с неясной этимологией составляет 14–23%; заимствований из тюркских языков – 15–22%. Чувашских заимствований больше, чем татарских. По своей семантике заимствования из тюркских языков – это преимущественно ментальные глаголы, что говорит о значительности культурно-гуманитарного влияния тюркского мира на финно-угорский (марийский). В стослове самых частотных глагольных лемм марийского языка имеется лишь один глагол с основой русского происхождения – шотлаш ‘считать’, но в марийский язык он скорее всего попал через чувашское посредство, ср. чув. *шутла* ‘считать’. Результаты нашего исследования подтверждают известный лингвистический факт: глаголы в языке более консервативны и устойчивы к заимствованиям, чем имена. Составленные стословы самых частотных марийских глаголов могут найти практическое применение при преподавании и изучении марийского языка.

Ключевые слова: глаголы, частотность, частотный словарь, корпусные исследования, марийский язык, финно-угорские языки, тюркские языки, заимствования, семантика заимствований, этимология, Урало-Поволжье

Введение

Исследование частотности тех или иных языковых явлений имеет важное значение для теоретического и прикладного языкознания. Основным инструментом современных количественных исследований языка становятся корпусные методы. Именно на материале крупных корпусов возможно составление списков наиболее частотных слов. Ранее по марийскому языку был издан лишь один частотный словарь [1], в котором представлены по убыванию частотности все словоформы, встретившиеся в определенном тщательно отобранном объеме текстов на марийском языке (художественная проза, научно-публицистические и газетно-журнальные тексты, современная драматургия). Общий объем источников, на основе которых был составлен данный частотный словарь марийского языка (лугово-восточная литературная норма), – 230 тыс. словоупотреблений. Но в настоящее время частотные словари подобной структуры могут быть легко созданы на гораздо большем материале средствами специальных программ-конкордансеров. Так, с помощью программы AntConc мы получили аналогичный словарь самых частотных словоформ марийского языка на основе текстовой базы литературного «Корпуса марийского языка» объемом ок. 19 млн токенов [2]. В табл. 1 в виде скриншотов представлены топ-10 этого списка в сравнении с аналогичным списком «Частотного словаря» 2005 г.

Состав этих двух списков в основном одинаков, и самыми частотными словоформами марийского языка оказались послелог и союзы (*дене* ‘с’, *да* ‘и’, *а* ‘а’, *гыч* ‘из’, *гын* ‘если’,

Десять самых частотных слов марийского языка

Топ-10 самых частотных слов марийского языка по «Частотному словарю» 2005 г. [1, с. 351]	Топ-10 самых частотных слов марийского языка по «Корпусу марийского языка» [2]																																								
<div>дене, 2440</div> <div>да, 1926</div> <div>гыч, 1230</div> <div>огыл, 1125</div> <div>а, 1099</div> <div>марий, 981</div> <div>ик, 905</div> <div>деч, 879</div> <div>тудо, 842</div> <div>гын, 830</div>	<table><tr><td>Concordance</td><td>Concordance Plc</td></tr><tr><td>Word Types: 550208</td><td>Wo</td></tr><tr><td>Rank</td><td>Freq</td><td>Word</td></tr><tr><td>1</td><td>65756</td><td>—</td></tr><tr><td>2</td><td>27176</td><td>дене</td></tr><tr><td>3</td><td>26037</td><td>да</td></tr><tr><td>4</td><td>21904</td><td>а</td></tr><tr><td>5</td><td>14400</td><td>гыч</td></tr><tr><td>6</td><td>13569</td><td>огыл</td></tr><tr><td>7</td><td>11554</td><td>ок</td></tr><tr><td>8</td><td>11349</td><td>гын</td></tr><tr><td>9</td><td>11133</td><td>марий</td></tr><tr><td>10</td><td>11031</td><td>мый</td></tr><tr><td>11</td><td>10804</td><td>деч</td></tr></table>	Concordance	Concordance Plc	Word Types: 550208	Wo	Rank	Freq	Word	1	65756	—	2	27176	дене	3	26037	да	4	21904	а	5	14400	гыч	6	13569	огыл	7	11554	ок	8	11349	гын	9	11133	марий	10	11031	мый	11	10804	деч
Concordance	Concordance Plc																																								
Word Types: 550208	Wo																																								
Rank	Freq	Word																																							
1	65756	—																																							
2	27176	дене																																							
3	26037	да																																							
4	21904	а																																							
5	14400	гыч																																							
6	13569	огыл																																							
7	11554	ок																																							
8	11349	гын																																							
9	11133	марий																																							
10	11031	мый																																							
11	10804	деч																																							

деч ‘от’), отрицательные слова (ок, огыл), местоимения мый ‘я’ и тудо ‘он’, числительное ик ‘один’ и имя существительное/прилагательное (в зависимости от контекста) марий ‘мари’, ‘мужчина’, ‘муж’. Подчеркнем, что первый список (в табл. 1 левая колонка) составлен в 2005 г. на материале текстовой базы в 230 тыс. словоупотреблений, а второй (в табл. 1 правая колонка) – на материале 19 млн словоупотреблений «Национального корпуса марийского языка». Очевидно, что на фоне возможностей современной компьютерной лингвистики работа 2005 г. во многом потеряла свое значение.

Объектом исследования данной статьи будут не словоформы, а самые частотные глагольные леммы марийского языка, выявить которые не позволяет ни представленный опубликованный «Частотный словарь», ни использование программы-конкордансера¹. Цели данной работы: 1) составление и презентация стослова самых частотных глагольных лемм марийского языка; 2) оценка входящих в него лемм с точки зрения этимологии.

Материал и методы

Обозначенные задачи решаются корпусными методами. Из трех имеющихся крупных онлайн-корпусов марийского языка [2, 4, 5] оптимальным материалом для нашего исследования является корпус Mari Meadow texts на платформе Corp (Corpora) [5], поскольку он самый крупный по объему и имеет хорошо разработанную систему поиска со снятой омонимией. Созданием данного корпуса марийского языка занимался преимущественно Jeremy Bradley (Венский университет)². Данный корпус общим объемом 57,38 млн токенов включает шесть подкорпусов:

- 1) Non-fiction texts – публицистика (199,05 тыс. токенов);
- 2) Fiction texts – художественная литература (6,89 млн токенов);
- 3) Law texts – законодательные тексты (3,42 тыс. токенов);
- 4) Science texts – научные тексты (288,91 тыс. токенов);
- 5) News texts – тексты новостей (49,34 млн токенов);
- 6) Wikipedia texts – тексты «Википедии» (656,73 тыс. токенов).

¹ Поводом к выбору предмета статьи (именно глагольные леммы) стало проведенное ранее исследование частотности и ключевости марийской глагольной лексики в конкретном фольклорном корпусе – текстах с описаниями народных игр [3].

² На материале этого корпуса Jeremy Bradley написал и защитил докторскую диссертацию о грамматикализации (конструкциях из деепричастия и спрягаемого глагола) в марийском языке [6]. Полезна также записанная им и размещенная в свободном доступе в Интернете видеонструкция по пользованию этим корпусом [7].

На материале данного корпуса составим два варианта стослова самых частотных глагольных лемм марийского языка: 1) на основе первых двух собственно литературных подкорпусов Корп – публицистики и художественной литературы ($\approx 7,1$ млн токенов); далее будем сокращенно обозначать этот стослов как топ-100; 2) на полном объеме Корп (Топ-100). Ожидается, что эти два стослова не будут сильно отличаться, но фиксация различий между ними имеет смысл, поскольку тематическая ограниченность и стилистическая окрашенность определенных подкорпусов Корп (например, текстов новостей, законодательных актов, текстов «Википедии») не может не отражаться на показателях частотности конкретных глагольных лемм. Далее на основе фундаментальной научной литературы устанавливается этимология всех выявленных частотных глагольных лемм. По исконной финно-угорской лексике основными источниками являются этимологические словари К. Rédei [8] и G. Bereczki [9], а по тюркизмам – М. Räsänen [10, 11]. Принимаются во внимание также данные этимологических словарей ученых Урало-Поволжья – Р.Г. Ахметьянова, В.И. Вершинина, Ф.И. Гордеева, Н.И. Исанбаева, В.И. Лыткина и Е.С. Гуляева, М.Р. Федотова [12–20], другие источники [21–27]. (При расхождении в литературе относительно тюркских заимствований в марийском за основную принимается версия М. Räsänen.) Соотношение исконной лексики финно-угорского происхождения и заимствований в каждом из двух стословов марийских глаголов будет представлено в виде статистических таблиц и наглядных диаграмм. Также дадим лексико-семантическую характеристику заимствованной глагольной лексики.

1. Стослов самых частотных глагольных лемм марийского языка по корпусным данным

Определенным образом заданный поисковый запрос в марийском онлайн-корпусе Корп позволяет получить полный список всех представленных в нем глагольных лемм марийского языка по убыванию частотности. Для этого в расширенном (Extended) поисковом запросе выбираем поиск по части речи (verb – глагол), вкладка «Статистика», компиляция по базовой форме. Поиск можно осуществлять как по полному объему всех шести подкорпусов Корп, так и по одному или нескольким избранным подкорпусам. При поиске по двум литературным подкорпусам (публицистика и художественная литература) полный список глагольных лемм составил, по автоматическим данным, 4 473 единицы (леммы), а при поиске по полному объему Корп – 6 281. Столь существенное различие указывает на значительную долю малочастотных неологизмов и заимствованных слов прежде всего в самом объемном подкорпусе Корп – текстах новостей на марийском языке³ – по сравнению с собственно литературными марийскими текстами. Верхние сто позиций данных списков составляют искомые стословы самых частотных глагольных лемм марийского языка по корпусным данным. Важно, что глагольные формы от ста самых частотных глагольных лемм занимают в корпусе очень большую долю – порядка 60% от всех глагольных словоформ (в токенах).

Между собой два полученных стослова (по полному объему Корп (Топ-100) и по двум подкорпусам (топ-100)) практически совпадают (90 из 100 слов в них общие), поэтому для компактности изложения не будем их приводить полными отдельными списками. В табл. 3 содержится стослов самых частотных глагольных лемм, по литературным подкорпусам Корп (топ-100), а в дополняющей ее табл. 4 – те десять слов из Топ-100, которые не вошли в топ-100. В свою очередь слова, которые входят в топ-100, но не входят в Топ-100, выделены в табл. 3 курсивом.

В табл. 3 содержится основная справочная информация: указаны рейтинг и частотность⁴ каждой леммы в литературных подкорпусах (в столбцах 1 и 3) и в полном корпусе Корп

³ В подкорпусе новостей – 6 095 глагольных лемм, в подкорпусах текстов «Википедии» – 1 506 лемм, законодательных текстов – 110 лемм, научных текстов – 1 632 леммы.

⁴ Частотность указывается в таблицах в тысячах словоупотреблений.

Статистические данные о числе глагольных словоформ в Корп

Показатель	Всего токенов	Всего глагольных словоформ	Число глагольных словоформ от ста самых частотных глагольных лемм (в токенах и в процентах от всех глагольных словоформ в корпусе)	
Полный объем Корп	57,38 млн	7,617284 млн токенов	4,662124 млн токенов	61%
Литер. под-корпуса Корп	7,09 млн	1,171069 млн токенов	701,761 тыс токенов	60%

(в столбцах 6 и 7), а также ее этимология – принадлежность корня, от которого происходит глагольная лексема, к пластам финно-угорской лексики (уральской, финно-угорской, финно-пермской, финно-волжской, по Rédei) либо заимствованиям (с ссылками на источник). Пометы типа «?ФУ» (с вопросом) означают, что финно-угорская этимология марийского слова под вопросом в источнике. Запись через слеш, например «ФП/ФУ», соответствует сомнениям в принадлежности слова к прафинно-пермскому или прафинно-угорскому лексическому слою (также в источнике [8]), причем на первом месте вариант более правдоподобный, по Rédei. Помета «мар.» означает, что слово не входит ни в базы исконной лексики, ни в базы заимствованной, т. е. эти слова условно относим к группе собственно марийских слов. Отдельные слова из этого слоя отнесены к исконным (прамарийским и даже прауральским) в работах А. Аікіо: *велаиш* ‘проливать’ [26, с. 138], *лұдаиш* ‘бояться’ [27, с. 85], *нӧлтаиш* [26, с. 133]⁵, *ӧраиш* ‘удивляться’ [26, с. 131]⁶. Также некоторые сопоставления ранее неэтимологизированной марийской лексики со словами финно-угорских языков содержатся в этимологическом словаре В.И. Вершинина [13, 14]. Краткие переводы марийских слов в табл. 3, 4 сделаны по 10-томному «Словарю марийского языка» [28]. Следует иметь в виду, что в получившихся списках глагольных лемм не учитываются ни омонимия, ни многозначность слов, например, за леммой *шинчаиш* фактически стоят три разных глагола: *шинчаиш* ‘сидеть’ (II спр.), *шинчаиш* ‘садиться’ (I спр.) и *шинчаиш* ‘знать’. Аналогично более одного глагола стоит за леммами *толаиш* (знач. приходить и грабить), *пуаиш* (давать и дуть), *пураиш* (входить и грызть), *возаиш* (писать, ложиться, ронять, снимать), *шуаиш* (хотеться, доходить, бродить, бросать, срезать, кроить), *куш-таиш* (плясать, растить) и др. В таких случаях в таблице, как правило, указываются перевод и этимология более частотного слова. Из-за омонимии с существительными и словами других частей речи частотность некоторых глагольных лемм явно завышена, например, у слов *вараиш* ‘смешивать’ (ср. *вараиш* ‘ястреб’), *иаиш* ‘плыть’ (ср. *ий* ‘лед’, *ий* ‘год’ и *иаиш* ‘годовой’). (Аналогичная ситуация с глаголами *палаиш* ‘знать’, *пуаиш*, *возаиш*, *шинчаиш* и др.) Однако мы воздержались от ручной коррекции частотности глагольных лемм в данной статье⁷. Здесь обсуждаются и анализируются собственно автоматические данные поиска по Корп; большие данные компенсируют обозначенные погрешности.

⁵ См. производное *нӧлталаш* ‘поднять’ – № 100 в табл. 3.

⁶ Благодарим А. В. Савельева за указание на данные источники и обсуждение ряда этимологий марийских слов.

⁷ Минимальная ручная коррекция списков самых частотных глагольных лемм заключалась лишь в удалении из списка глагольных лемм отрицательного слова *ок* (при глаголах не прошедшего времени 3-го лица единственного числа) и двух ложных глагольных основ *иаиш* и *алаиш*, поскольку таких глаголов в марийском языке нет. Не исключено, что в результатах поиска могут быть и некоторые другие технические неточности, в частности, неясно, почему в списке глагольных лемм Корп отсутствует достаточно частотное и многозначное слово *йӧраиш* (знач. валять, мешать, тухнуть, годиться, лить).

Таблица 3

**Самые частотные глагольные леммы марийского языка
по двум литературным подкорпусам Корп (top-100)**

R ^{lit}	Verb	Fr ^{lit} (token)	Et	Ref	R ^{all}	Fr ^{all}
1	улаш 'быть'	54,277	ФУ	[8, с. 580]	1	368,188
2	лияш 'быть, стать'	33,035	ФУ	[8, с. 243]	2	261,203
3	манаш 'говорить, сказать; называть'	26,795	?У	[8, с. 290]	3	171,044
4	толаш 'прийти, приехать'	22,506	У	[8, с. 535]	5	140,41
5	каяш 'идти'	22,328	?ФВ	[8, с. 654–655]	7	128,991
6	лекташ 'выйти'	17,634	ФУ	[8, с. 239–240]	8	122,578
7	налаш 'брат'	17,292	мар.	[8, с. 319]	6	136,766
8	ышташ 'делать'	15,972	ФП	[8, с. 626]	4	141,691
9	тўналаш 'начинать(ся)'	15,004	ФУ	[8, с. 523]	13	79,325
10	илаш 'жить'	14,924	У	[8, с. 73]	9	115,432
11	керташ 'мочь'	13,570	ФВ	[8, с. 652]	10	95,199
12	палаш 'знать'	12,898	ТЮ чув.	[10, с. 174]	12	80,894
13	колташ 'слать'	12,770	мар.	[13, с. 195]	17	73,07
14	шинчаш 'садиться'	12,504	ФУ	[8, с. 431]	21	66,434
15	ойлаш 'говорить'	12,467	ТЮ тат.	[12, с. 341; 10, с. 158]	15	77,758
16	ончаш 'смотреть'	12,369	ФП	[8, с. 607]	16	76,169
17	кодаш 'остаться', 'оставлять'	11,962	У	[8, с. 115]	14	78,052
18	шонаш 'думать'	11,601	ТЮ чув.	[10, с. 212]	18	71,166
19	пуаш 'дать', 'дуть'	11,400	мар., У	[14, с. 431; 8, с. 411]	11	85,926
20	пураш 'входить'	11,171	ФП/ФУ	[8, с. 408]	19	70,073
21	кўлаш 'быть нужным'	10,308	ФУ	[8, с. 145]	20	66,53
22	ужаш 'видеть'	10,031	ФВ	[8, с. 809]	23	58,313
23	ончалаш 'взглянуть'	8,861	ФП	<ончаш [8, с. 607]	30	45,348
24	каласаш 'сказать'	8,317	ТЮ чув.	[10, с. 140]	25	53,567
25	колаш 'слышать', 'умирать'	8,311	ФУ/У, У	[8, с. 197, 173]	31	45,102
26	мияш 'приходить'	7,921	У	[8, с. 272]	28	48,041
27	лукташ 'выносить'	7,903	мар.	[13, с. 295]	24	55,209
28	возаш 'ложиться', 'писать'	7,508	ФП	[8, с. 808]	22	62,643
29	кошташ 'ходить'	7,135	мар.	[13, с. 209]	27	49,859
30	йодаш 'спрашивать'	7,106	ФП	[8, с. 632]	36	41,298
31	шуаш 'доходить'	7,012	ФП/У	[8, с. 429]	35	42,6
32	шогалаш 'вставать'	6,523	ФУ	<шогаш [8, с. 431]	41	35,378
33	шогаш 'стоять'	6,489	ФУ	[8, с. 431]	26	51,018
34	кучаш 'держат'	5,861	ФВ	[8, с. 667]	37	38,918
35	шукташ 'успевать'	5,840	ФП	[8, с. 749]	32	44,861
36	эрташ 'проходить'	5,652	ТЮ тат.	[11, с. 26; 10, с. 126] ⁸	33	44,792

⁸ М. Räsänen относит мар. эрташ к заимствованиям из татарского (без указания тат. слова) [11, с. 26], а слово эртараш с той же основой (см. № 76 в табл. 4) – к чувашским заимствованиям [10, с. 103, 126]. М.Р. Федотов оба слова относит к заимствованиям из чувашского языка [19, с. 172], А.В. Савельева – к ранним чувашским заимствованиям предположительно из северо-западного диалекта чувашского языка [25, с. 102]. И.С. Галкин относит

R ^{lit}	Verb	Fr ^{lit} (token)	Et	Ref	R ^{all}	Fr ^{all}
37	умылаш 'понимать'	5,563	ТЮ чув.	[19, с. 84]	45	31,352
38	кояш 'виднеться'	5,554	ФВ	[8, с. 642]	50	28,7
39	вучаш 'ждать'	5,361	У	[8, с. 334]	46	30,572
40	шокташ 'слышаться', 'играть', 'просеивать'	5,201	?ФУ	[8, с. 482]	52	27,194
41	пелешташ 'произносить'	4,933	мар.	[14, с. 407]	64	20,655
42	муаш 'находить'	4,854	ФУ	[8, с. 284]	43	32,462
43	почаш 'открывать'	4,689	ФУ	[8, с. 352]	34	43,561
44	кондаш 'приносить'	4,623	У	[8, с. 124]	47	30,525
45	логалаш 'попадать'	4,448	мар.	[13, с. 282]	40	35,386
46	йөраташ 'любить'	4,353	ТЮ чув.	[10, с. 137]	49	29,156
47	шындаш 'сажать'	4,343	ФВ	[8, с. 759]	44	31,559
48	келшаш 'нравиться, соглашаться'	4,226	ТЮ тат.	[11, с. 36]	42	32,801
49	пышташ 'класть'	4,158	ФВ	Вторичное [8, с. 733]	48	30,179
50	куржаш 'бежать'	4,150	?ФВ	[8, с. 672]	67	20,233
51	шижаш 'чувствовать'	3,993	ТЮ тат. ⁹	[11, с. 64]	59	22,584
52	кочкаш 'есть'	3,902	ФП	[8, с. 641]	55	24,185
53	лұдаш 'бояться'	3,837	мар.	[13, с. 299]	70	19,062
54	шоналташ 'подумать'	3,830	ТЮ чув.	<шонаш [10, с. 212]	65	20,447
55	тарванаш 'трогаться с места'	3,726	ТЮ чув.	[10, с. 219]	73	18,409
56	савырнаш 'поворачивать(ся)'	3,698	ТЮ чув.	<савыраш [10, с. 186]	63	21,008
57	тунемаш 'учиться'	3,676	У	[8, с. 537]	29	45,88
58	чучаш 'казаться', 'попадать', 'ломит, стреляет (о боли)'	3,674	?ФП	[8, с. 617]	77	18,209
59	вараш 'мешать, смешивать'	3,605	ТЮ чув.	[22, с. 28]	58	22,724
60	полшаш 'помогать'	3,596	ТЮ чув.	[10, с. 180]	38	36,046
61	ўжаш 'звать'	3,507	мар.	[14, с. 581]	68	19,919
62	ончыкташ 'показывать'	3,455	ФП	<ончаш [8, с. 607]	39	35,477
63	мураш 'петь'	3,447	ФУ	[8, с. 287]	60	22,45
64	пörтылаш 'возвращаться'	3,388	?ФП	[8, с. 729]	72	18,645
65	öraш 'удивляться'	3,384	мар.	[14, с. 392]	98	15,17
66	пыташ 'кончатся'	3,378	ТЮ тат. ¹⁰	[11, с. 53]	66	20,248
67	кыналаш 'вставать'	3,270	мар.	[13, с. 255]	101	14,974
68	вашлияш 'встречать'	3,196	ФУ	<лияш [8, с. 243]	57	23,87
69	töçаш 'пытаться'	3,183	мар.	[14, с. 533]	104	14,774
70	малаш 'спать'	3,146	мар.	[13, с. 314]	83	17,62
71	мондаш 'забывать'	3,133	мар.	[13, с. 328]	71	18,786

эрташ к заимствованиям из болгарского [24, с. 55]. Вместе с тем версия М. Räsänen о татарском источнике марийского эрташ [11, с. 26] повторяется в словарях Н.И. Исанбаева [16, с. 197], А. Moisio & S. Saarinen [22, с. 139], В.И. Вершинина [14, с. 723].

⁹ По М.Р. Федотову, мар. *шижаш* <чув. [20, с. 52].

¹⁰ По М.Р. Федотову, мар. *пыташ* и производное *пытараш* (см. № 84 в таблице 3) <чув. [19, с. 426].

Окончание таблицы 3

R ^{lit}	Verb	Fr ^{lit} (token)	Et	Ref	R ^{all}	Fr ^{all}
72	пижаш 'прилипать'	3,127	ФВ	[8, с. 732]	86	17,425
73	йүаш 'пить'	3,109	ФУ	[8, с. 103]	84	17,516
74	велаш 'проливать'	3,090	мар.	[13, с. 71; 8, с. 812]	69	19,568
75	ошкылаш 'шагать'	3,084	У	[8, с. 19]	81	17,947
76	темаш 'наполнять(ся)'	3,079	ФУ	[8, с. 520]	54	24,361
77	кутыраш 'говорить'	3,042	мар.	[13, с. 235]	79	18,033
78	йомаш 'теряться'	2,990	У	[8, с. 89]	93	16,072
79	погаш 'собирать'	2,987	мар.	[14, с. 415]	53	26,523
80	волаш 'спускаться'	2,981	ФУ	[8, с. 554]	100	14,98
81	нангаяш 'уносить'	2,963	мар.	<налаш + каяш [8, с. 654–655; 319; 14, с. 349]	106	14,024
82	воштылаш 'смеяться'	2,915	мар.	[18, с. 49; 13, с. 89]	117	12,582
83	кияш 'лежать'	2,881	ФУ	[8, с. 197]	102	14,908
84	пытараш 'заканчивать'	2,799	ТЮ тат.	<пыташ [11, с. 53]	62	21,542
85	куанаш 'радоваться'	2,710	ТЮ тат.	[11, с. 42]	87	17,213
86	кычалаш 'искать'	2,700	ФУ	[8, с. 145]	91	16,574
87	чыташ 'терпеть'	2,614	ТЮ чув.	[20, с. 406]	107	13,519
88	нелаш 'глотать'	2,570	У	[8, с. 315]	89	17,114
89	колышташ 'слушать(ся)'	2,452	ФУ/У	<колаш [8, с. 197]	103	14,848
90	чарнаш 'прекращать(ся)'	2,444	ТЮ чув.	<чараш [10, с. 229]	108	13,511
91	үшанаш 'верить'	2,433	ТЮ тат.	[11 с. 83]	99	15,074
92	лудаш 'читать'	2,425	ФУ/У	[8, с. 253]	61	22,424
93	ситаш 'быть достаточным'	2,365	ТЮ чув.	[10, с. 193]	90	16,61
94	вашешташ 'отвечать'	2,362	мар.	[13, с. 68]	109	13,285
95	пурташ 'вводить'	2,360	ФП/ФУ	<пураш [8, с. 408]	80	17,959
96	кечаш 'висеть'	2,323	ФП	[8, с. 680]	92	16,218
97	ияш 'плыть'	2,317	У	[8, с. 542]	56	23,986
98	мошташ 'уметь'	2,315	ФВ/ФУ	[8, с. 265]	82	17,752
99	тыршаш 'стараться'	2,300	ТЮ тат.	[11, с. 69]	51	27,983
100	нөлталаш 'поднять'	2,287	мар.	[14, с. 359]	123	11,654
	total	701,761				

Таблица 4

Глагольные леммы Top-100, которые не входят в топ-100 (Top-100/top-100)

R ^{full}	Verb	Et	Ref	R ^{lit}	Fr ^{full}
74	шочаш 'родиться'	У	[8, с. 52]	126	18,398
75	ямдылаш 'готовить(ся)'	ТЮ чув.	<ямде [11, с. 130]	158	18,277
76	эрташ 'проводить'	ТЮ чув.	[10, с. 126]	157	18,211
78	модаш 'играть'	мар.	[13, с. 326]	101	18,138
85	туныкташ 'учить'	У	<тунемаш [8, с. 537]	125	17,433
88	кушкаш 'расти'	?ФВ/ФУ	[8, с. 129]	110	17,17
94	шотлаш 'считать'	рус. (через чув.)	[17, с. 95]	115	15,953
95	вашталташ 'менять'	ФП	[8, с. 811]	116	15,917
96	кушташ 'плясать', 'растить'	мар., ?ФВ/ФУ	[13, с. 237]	109	15,457
97	мутланаш 'разговаривать'	мар.	[13, с. 338]	122	15,376

В целом позиции (рейтинг) конкретных глагольных лемм в двух стословах не сильно отличаются (ср. цифры в первом и шестом столбцах табл. 3). Но у девяти слов рейтинг частотности в литературном подкорпусе заметно выше, чем в полном корпусе (разница в диапазоне от 20 до 35 пунктов): *пелешташ* ‘произносить’, *өраш* ‘удивляться’, *кынелааш* ‘вставать’, *тöчааш* ‘пытаться’, *волааш* ‘спускаться’, *нангаяш* ‘уносить’, *воштылааш* ‘смеяться’, *чытааш* ‘терпеть’, *нöлталааш* ‘поднять’. У девяти слов рейтинг частотности в литературном подкорпусе, напротив, заметно ниже, чем в полном (разница в диапазоне от 22 до 48 пунктов): *тунемааш* ‘учиться’, *полиаш* ‘помогать’, *ончыктааш* ‘показывать’, *темааш* ‘наполнять(ся)’, *погааш* ‘собирать’, *пытарааш* ‘заканчивать’, *лудааш* ‘читать’, *ияш* ‘плыть’, *тыршааш* ‘стараться’.

2. Соотношение слов финно-угорского происхождения и заимствований в стословах самых частотных глагольных лемм марийского языка

Рассмотрим количественное соотношение марийских глаголов финно-угорского происхождения и заимствований в топ-100. Оценка этих соотношений дана на трех уровнях: лемм, корней¹¹ и токенов (табл. 5–6).

Таблица 5

Этимология ста самых частотных глагольных лемм марийского языка, по литературным подкорпусам Корп (топ-100)

Показатель	Число лемм	Число корней	Число токенов
ФУ	57	51	484 206
мар.	21	20	108 987
ТЮ	22	20	108 568
всего	100	91	701 761

Таблица 6

Этимология ста самых частотных глагольных лемм марийского языка, по полному объему Корп (Топ-100)

Показатель	Число лемм	Число корней	Число токенов
ФУ	59	53	3 267,786 тыс.
мар.	18	18	660,523 тыс.
ТЮ	22	19	717,862 тыс.
Рус.	1	1	15,953 тыс.
всего	100	91	4 662,124

Те же сведения ниже приведены в виде диаграмм (рис. 1, 2) с указанием соотношения исконной финно-угорской и заимствованной лексики.

Как видим, соотношение исконной лексики и заимствований в двух составленных стословах принципиально не отличается. Самую большую долю в обоих списках (от 56–59%

¹¹ В топ-100 присутствуют однокоренные слова: *ончааш* ‘смотреть’, *ончыктааш* ‘показывать’ и *ончалааш* ‘взглянуть’ (ФП); *шогаш* ‘стоять’ и *шогалааш* ‘вставать’ (ФУ); *пураш* ‘входить’ и *пуртааш* ‘вводить’ (ФП); *пытааш* ‘кончатся’ и *пытарааш* ‘заканчивать’ (<тат.); *лияш* ‘быть’ и *вашлияш* ‘встречать’ (ФУ); *колаш* ‘слышать’ и *колыштааш* ‘слушать’ (ФУ); *шонаш* ‘думать’ и *шоналтааш* ‘подумать’ (<чув.), *нангаяш* ‘уносить’ < *налаш* ‘брать’ (мар.) + *каяш* ‘идти’ (мар.). Таким образом, на 100 глагольных лемм приходится 91 корень. В Топ-100 – те же однокоренные леммы, кроме слова *нангаяш* (мар.), пары *колаш* – *колыштааш* (ФУ), вместо которых пары *эртааш* ‘проходить’ – *эртарааш* ‘проводить’ (<ТЮ), *тунемааш* ‘учиться’ и *туныктааш* ‘учить’ (У) – всего тоже 91 корень.

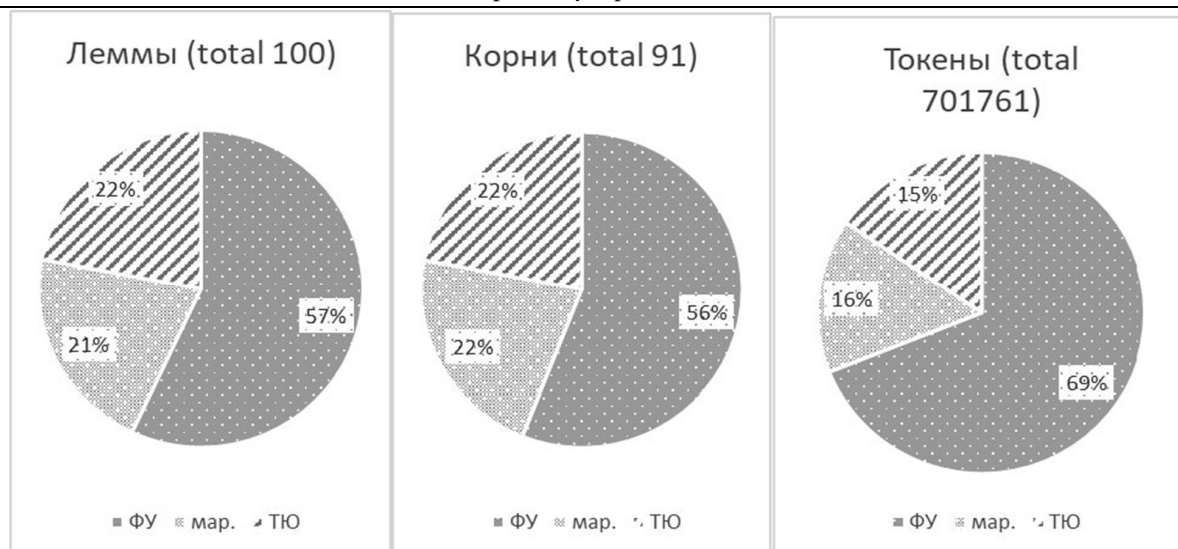

Рис. 1. Этимология ста самых частотных глагольных лемм марийского языка по литературным подкорпусам Корп (топ-100)

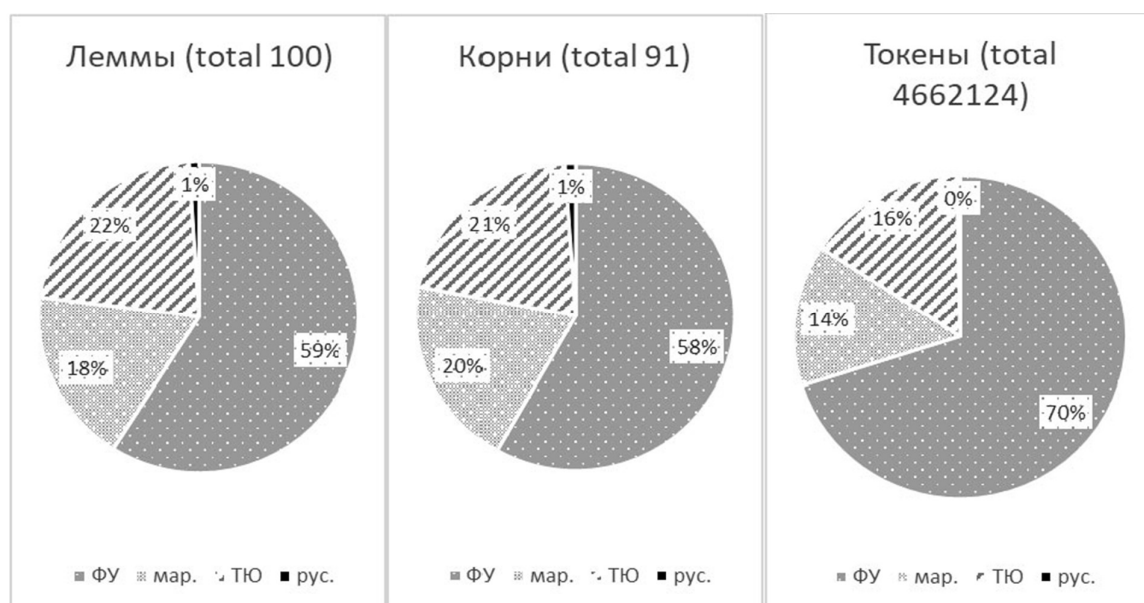

Рис. 2. Этимология ста самых частотных глагольных лемм марийского языка по полному объему Корп (Топ-100)

в корнях и леммах до 69–70% в токенах) составляют слова исконного финно-угорского происхождения. Обнаружилась также закономерность: доля исконной лексики ниже в корнях и выше в токенах, тогда как у заимствований – наоборот.

3. Соотношение чувашских и татарских заимствований. Семантика тюркизмов

В топ-100 отсутствуют заимствования из русского языка, а в Топ-100 к словам с русской основой относится лишь одно слово – *шотлаш* ‘считать’ (<*шот* ‘счет’ <рус. счет) [17, с. 95], хотя скорее всего оно попало в марийский через посредство чувашского языка, ср. чув. *шутла* ‘считать’. Тюркские заимствования составляют от 15–16% в токенах до 21–22% в леммах и корнях (см. рис. 1–2). Они делятся на чувашские и татарские, причем чувашские заимствования преобладают (табл. 7–8).

Таблица 7

Чувашские и татарские заимствования в топ-100

Заимствование	Число лемм	Число корней	Число токенов
чув.	13	12	68,610
тат.	9	8	39,958
Всего	22	20	108,568

Таблица 8

Чувашские и татарские заимствования в Топ-100

Заимствование	Число лемм	Число корней	Число токенов
чув.	14	12,5	515,625
тат.	8	6,5	202,237
Всего	22	19	717,862

Те же сведения в формате диаграмм (рис. 3–4).

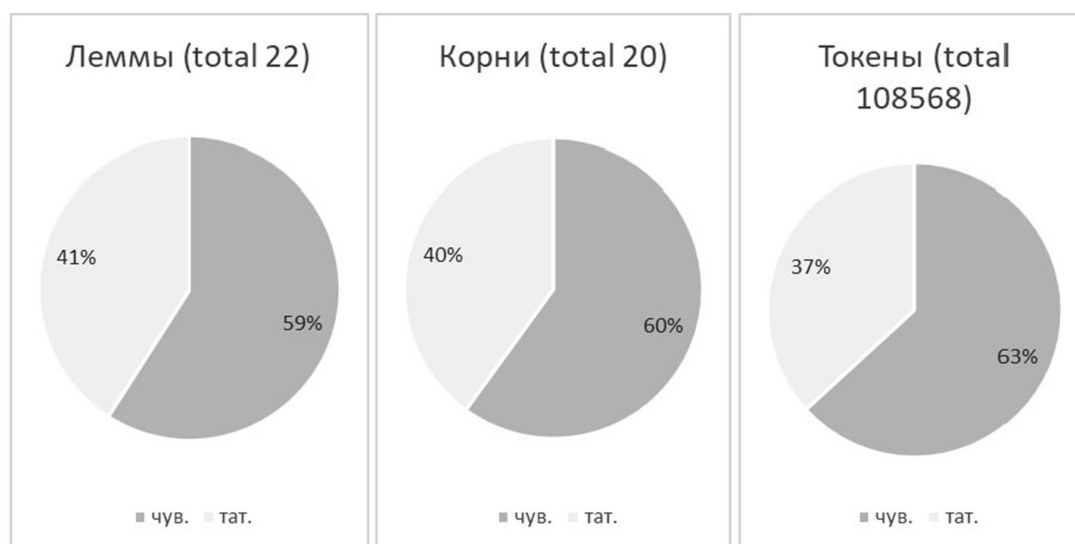

Рис. 3. Татарские и чувашские заимствования в топ-100

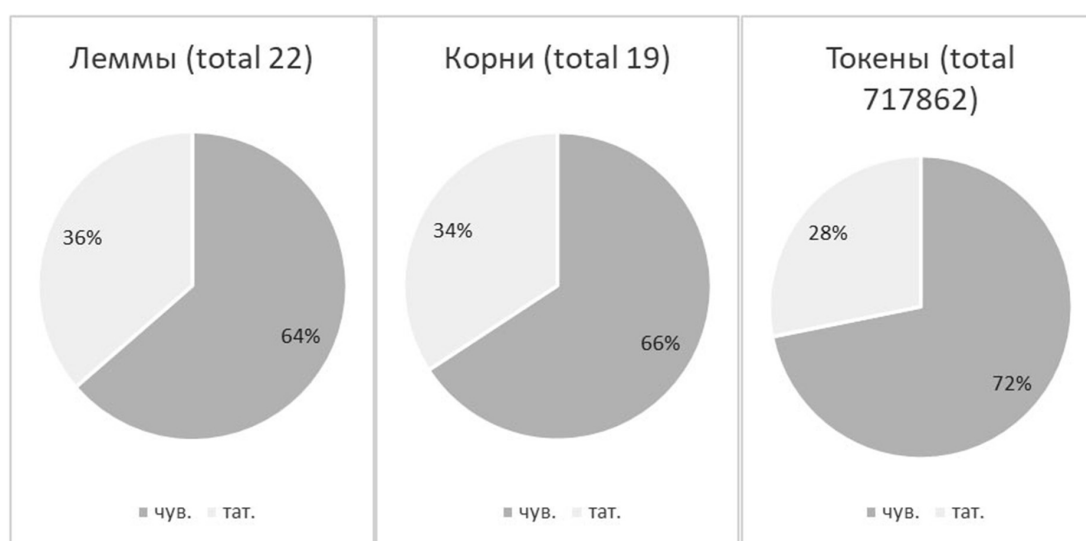

Рис. 4. Татарские и чувашские заимствования в Топ-100

Отметим, что доля чувашской лексики по отношению к татарской оценена здесь по минимуму, поскольку слова *пыташ*, *пытараш*, *шижааш*, *эрташ*, которые посчитаны нами как заимствования из татарского (по М. Räsänen и по А. Moisio & S. Saarinen), М.Р. Федотов и некоторые другие исследователи относят к чувашизмам в марийском языке (подробнее см. выше в сносках к табл. 3–4).

Интересна семантика заимствованной из тюркских языков глагольной лексики. Среди них больше всего глаголов, связанных с ментальностью, чувствами, отношениями, волевой сферой, интеллектуальной и эмоциональной рефлексией: *йöраташ* ‘любить’ (<чув.); *келшааш* ‘нравиться, соглашаться’ (<тат.); *куанааш* ‘радоваться’ (<тат.); *палааш* ‘знать’ (<чув.); *полишааш* ‘помогать’ (<чув.); *ситааш* ‘быть достаточным’ (<чув.); *тыршааш* ‘стараться’ (<тат.); *умылааш* ‘понимать’ (<чув.); *ушанааш* ‘верить’ (<тат.); *чытааш* ‘терпеть’ (<чув.); *шижааш* ‘чувствовать’ (<тат.); *шонааш* ‘думать’ и *шоналтааш* ‘подумать’ (<чув.).

Также среди тюркских заимствований присутствуют:

- глаголы речи: *каласааш* ‘сказать’ (<чув.), *ойлааш* ‘говорить, сказать, рассказывать’ (<чув.);
- глаголы, отражающие временные процессы и явления, фазы действий: *пытааш* ‘кончаться’ и *пытарааш* ‘заканчивать’ (<тат.), *чарнааш* ‘прекращать’ (<чув.), *эртарааш* ‘провести, прожить’ (<чув.), *ямдылааш* ‘готовить’ (<чув.);
- нетривиальные глаголы движения: *савырнааш* ‘поворачивать(ся)’ (<чув.), *тарванааш* ‘сдвинуться с места’ (<чув.), *эртааш* ‘проходить’ (<тат./чув.). Они означают не просто перемещение как таковое (для чего обычно служат другие очень частотные слова финно-угорского происхождения), а имеют некое сложное значение: ‘поворачивать’ = перемещение + смена направления на ходу; ‘трогаться с места’ = движение + указание на его начальную фазу; ‘проходить’ = перемещение + объект, мимо которого идет перемещение (но чаще последний глагол – *эртааш* ‘проходить’ – используется не как пространственный, а как временной – по отношению к протекающим во времени процессам, явлениям).

Изолированное в плане семантики значение глагола *варааш* ‘мешать, смешивать’ в рассматриваемой группе тюркизмов усиливает сомнения в его чувашском происхождении¹².

Семантика заимствованных глаголов говорит о значительности гуманитарного (культурного, интеллектуального, психоэмоционально развивающего) влияния тюркского мира на финно-угорский (марийский).

Заключение

В статье апробировано использование онлайн-корпусов марийского языка для количественных исследований, таких как выявление наиболее частотных слов в языке. Составлены два варианта стослова наиболее частотных глагольных лемм марийского языка – на полном объеме Корп и на материале его литературных подкорпусов (художественная литература и публицистика). Между собой они совпали на 90%. Полученный список самых частотных марийских глаголов может найти практическое применение в научных исследованиях, а также при преподавании и изучении марийского языка. Выяснилось, что приходящийся на стослов самых частотных глагольных лемм объем токенов составляет порядка 60% от всех глагольных токенов в корпусе. Анализ этимологии частотных глаголов показал существенное преобладание в них исконной лексики финно-угорского и уральского происхождения (от 56–59% в корнях и леммах до 69–70% в токенах). Это подтверждает известный тезис о том, что глаголы в языке более консервативны и устойчивы к заимствованиям, чем имена [29, с. 61]. Доля татарских и чувашских заимствований составила в стослове самой частотной глагольной лексики ма-

¹² Марийское *варааш* отнесено к заимствованиям из чувашского в словаре А. Moisio и S. Saarinen [22, с. 28], что соответствует ранней идее М. Р. Федотова [23, с.76; 15, с. 46], от которой он позднее отказался [19, с. 101].

рийского языка от 15–16% в токенах до 21–22% в корнях и леммах. Чувашских заимствований примерно в 2–2,5 раза больше, чем татарских (в токенах), а в корнях и леммах соотношение чувашизмов и татаризмов составляет порядка 3 : 2. Русские заимствования отсутствуют в словосочетаниях самых частотных глагольных лемм по литературным подкорпусам Корп, а в словосочетании, составленном на полном объеме Корп, представлен единственный глагол с основой русского происхождения – *шотлаш* ‘считать’ (ср. чув. *шутла* ‘считать’, которое скорее всего является источником марийского слова). Семантика заимствованной лексики говорит о значительности культурно-гуманитарного влияния тюркского мира на финно-угорский (марийский).

Список сокращений:

all – данные по полному объему Корп; Et – этимология; Fr – частотность; lit – данные по двум литературным подкорпусам Корп (художественной литературы и публицистики); ref – ссылка на источник; R – рейтинг (номер в списке); total – всего; verb – глагол; знач. – значение; мар. – марийский; рус. – русский; спр. – спряжение; ТЮ – тюркские; тат. – татарский; У – прауральский; ФУ – прафинно-угорский; ФВ – прафинно-волжский; ФП – прафинно-пермский; чув. – чувашский.

Список источников:

1. Частотный словарь горномарийского и луговомарийского языков. Часть 1 / З.Г. Зорина, А.А. Митрофанов, Т.В. Сидорова; отв. ред. З.Г. Зорина. Йошкар-Ола: МарГУ, 2005. 636 с.
2. Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marii.ru> (дата обращения: 01.08.2024).
3. Ключева М. А. Корпусное исследование глагольной лексики в марийских народных играх: частотность, ключевость // Финно-угроведение. 2024. № 65 (1). С. 21–51. DOI: 10.51254/2312-0312-2024-65(1)-21-51
4. Webcorpora – Корпуса лугового марийского языка. URL: <https://meadow-mari.web-corpora.net> (дата обращения: 1.08.2024).
5. Korp – Meadow Mari texts. URL: https://gtweb.uit.no/u_korp/?mode=mhr#?lang=en (дата обращения 01.08.2024).
6. Bradley J. Mari converb constructions: productivity and regional variance: doctoral thesis. Vienna: Universität Wien, 2016. 316 p.
7. Corpus Demo (1 December 2021). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4VerOZ9suXM&t=2898s> (дата обращения: 30.07.24).
8. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. xlviii + 905 s.
9. Bereczki G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. xxix + 332 p.
10. Räsänen M. Die tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen / Suomalais-ugrilainen Seura. Band XLVIII. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1920. xvi + 276 s.
11. Räsänen M. Die Tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen von Marti Räsänen / Suomalais-ugrilainen Seura. Band L. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1923. 98 s.
12. Ахметьянов Р.Г. Татар теленең этимологиясы = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. 2. Казань: Магариф – Вақыт, 2015. 576 с.
13. Вершинин В.И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь): в 2 т. Т. 1. Йошкар-Ола: Стринг, 2017. 346 с.
14. Вершинин В.И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь): в 2 т. Т. 2. Йошкар-Ола: Стринг, 2018. С. 347–741.
15. Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1983. 287 с.
16. Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. 208 с.
17. Исанбаев Н.И. Русские лексические заимствования дореволюционного периода в марийском языке: словарь-справочник. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 97 с.
18. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1999. 430 с.
19. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 1. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 470 с.

20. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с.
21. Collinder B. Fenno-Ugric vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1955. xxii + 212 p.
22. Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Rasanen, T.E. Uotila und Erkki Itkonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. xix + 925 s.
23. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми: в 2 т. Т. 1. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1965. 160 с.
24. Галкин И.С. Марий исторический лексикологий. Тунемме книга (= Историческая лексикология марийского языка. Учебное пособие). Йошкар-Ола: Марий государственный университет, 1986. 72 с.
25. Савельев А.В. К уточнению сценария чувашско-марийских контактов // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Междунар. симпозиума / сост. и отв. ред. А.М. Иванова, Э.В. Фомин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 95–104.
26. Aikio A. On the reconstruction of Proto-Mari vocalism // Journal of Language Relationship. 2014. No. 11. Pp. 125–157.
27. Aikio A. Studies in Uralic etymology III: Mari etymologies. Linguistica Uralica. 2014. Vol. L, no. 2. Pp. 81–93.
28. Словарь марийского языка: в 10 т. / гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990–2005.
29. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook, edited by Martin Haspelmath & Uri Tadmor. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. 1081 p.

Ключева Мария Аркадьевна.

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник.

Марийский научно-исследовательский институт им. В.М. Васильева.

Ул. Красноармейская, 44, Йошкар-Ола, 424036.

Институт системного программирования им. В.П. Иванникова.

Ул. А. Солженицына, 25, Москва, 109004.

E-mail: keymachine@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26 августа 2024 г.

Mariya A. Klyucheva

NATIVE WORDS OF FINNO-UGRIC ORIGIN VS. BORROWINGS IN THE TOP 100 MOST FREQUENT VERBS IN THE MARI LANGUAGE

This article deals with the etymology of the most common verbs in the Mari (meadow) language. Since there are no ready-made lists of this kind in scientific and pedagogical sources, it was necessary to compile one. This task was accomplished with the help of corpora data. The list of the 100 most frequent verb stems in Mari was compiled based on the most extensive online corpus of the standard Mari language – “Mari Meadow Texts” on the Korp platform in two versions: 1) the full corpus (57.38 million tokens) and 2) its two sub-corpora – fiction and non-fiction (7.1 million tokens). These lists are 90% similar. The etymologies of Mari verbs were compiled according to the best etymological dictionaries by K. Rédei, G. Bereczki, and M. Räsänen.

For the 100 most frequent verbs, the ratio of indigenous Finno-Ugric vocabulary to loanwords from Chuvash, Tatar, and Russian was determined. The vocabulary of Uralic and Finno-Ugric origin make up the largest share – from 56–59% (for roots and stems) to 69–70% (for tokens). Original Mari words and words with unclear etymology – 14–22%, loanwords from Turkic languages – 15–22%. There are more Chuvash borrowings than Tatar. Among the loanwords from Turkic, mental verbs predominate, indicating the Turkic world’s significant cultural and humanitarian influence on the Finno-Ugrics (Mari). Among the 100 most frequent verbs in the Mari language, there is only one verb of Russian origin - *šotlaš* ‘to count.’ However, it is possible that this word entered the Mari language via Chuvash, as Chuvash has *šutla* ‘to count.’ This study’s results confirm that verbs in a language are more resistant to borrowing than nouns. The compiled top 100 most frequent Mari verbs can be used for linguistic research and teaching and learning the Mari language.

Keywords: *verbs, frequency, frequency dictionary, corpora studies, Mari language, Finno-Ugric languages, Turkic languages, loanwords, semantics of borrowings, etymology, Ural-Volga region*

References:

1. Zorina Z.G., Mitrofanov A.A., Sidorova T.V. *Chastotniy slovar' gornomariyskogo i lugovomariyskogo yazykov* [Frequency dictionary of the Mountain Mari and Meadow Mari languages]. Part. 1. Yoshkar-Ola: MaRGU Publ., 2005. 636 p. (in Russian).
2. *Korpus mariyskogo yazyka* [Mari corpus]. URL: <https://corp.marnii.ru> (accessed: 1.08.2024).
3. Klyucheva M.A. Korpusnoye issledovaniye glagol'noy leksiki v mariyskikh narodnykh igrakh: chastotnost', klyuchevost' [A corpus-based analysis of verbs in mari folk games: frequency, keyness]. *Finno-ugrovedeniye – Finno-Ugric studies*, 2024, no. 65 (1), pp. 21–51 (in Russian).
4. *Webcorpora – Korpusa lugovogo mariyskogo yazyka* [Meadow Mari corpora]. URL: <https://meadow-mari.web-corpora.net> (accessed: 1.08.2024).
5. *Korp – Meadow Mari texts*. URL: https://gtweb.uit.no/u_korp/?mode=mhr#?lang=en (accessed: 01.08.2024).
6. Bradley J. *Mari converb constructions: productivity and regional variance: doctoral thesis*. Vienna: Universität Wien Publ., 2016. 316 p.
7. *Corpus Demo* (1 December 2021). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4VerOZ9suXM&t=2898s> (accessed: 30.07.24).
8. Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Budapest: Académiai Kiadó Publ., 1988. xlviii + 905 s.
9. Bereczki G. *Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari)*. *Der einheimische Wortschatz*. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. xxix + 332 p.
10. Räsänen M. Die tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. In: *Suomalais-ugrilainen Seura*. Band XLVIII. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö Publ., 1920. xvi + 276 s.
11. Räsänen M. Die Tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen von Marti Räsänen. In: *Suomalais-ugrilainen Seura*. Band L. Helsinki: Société Finno-Ougrienne Publ., 1923. 98 s.
12. Akhmet'yanov R.G. *Tatar telener etimologik Syzlege = Etimologicheskij slovar' tatarskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tatar language]. Vol. 2. Kazan: Magarif – Vakyt, 2015. 576 p. (in Tatar).
13. Vershinin V.I. *Mariy mut-vlakyn kushech liymysht (etimologiy muter) = Proiskhozhdeniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskij slovar')* [The origins of words in the Mari language (etymological dictionary)]. Vol. 1. Yoshkar-Ola, String Publ., 2017. 346 p. (in Russian).
14. Vershinin V.I. *Mariy mut-vlakyn kushech liymysht (etimologiy muter) = Proiskhozhdeniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskij slovar')* [The origins of words in the Mari language (etymological dictionary)]. Vol. 2. Yoshkar-Ola, String, 2018. Pp. 347–741. (in Russian).
15. Gordeyev F.I. *Etimologicheskij slovar' mariyskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Mari language]. Vol. 2. Yoshkar-Ola, Mariyskoye kn. izd-vo, 1983. 287 p. (in Russian).
16. Isanbayev N.I. *Mariysko-tyurkskiye yazykovye kontakty. Ch. 2. Slovar' tatarskikh i bashkirskikh zaimstvovaniy* [Mari-Turkic language contacts. Part 2. Dictionary of Tatar and Bashkir borrowings]. Yoshkar-Ola, MaRNII Publ., 1994. 208 p. (in Russian).
17. Isanbayev N.I. *Russkiye leksicheskiye zaimstvovaniya dorevolutsionnogo perioda v mariyskom yazyke* [Russian lexical borrowings of the pre-revolutionary period in the Mari language]. Yoshkar-Ola, MSU Publ., 2014. 97 p. (in Russian).
18. Lytkin V.I., Gulyayev Ye.S. *Kratkiy etimologicheskij slovar' komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. M., Nauka Publ., 1999. 430 p. (in Russian).
19. Fedotov M.R. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Vol. 1. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 1996. 470 p. (in Russian).
20. Fedotov M.R. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Vol. 2. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk Publ., 1996. 509 p. (in Russian).
21. Collinder B. *Finno-Ugric vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell Publ., 1955. XXII + 212 p.
22. Moisio A., Saarinen S. *Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T.E. Uotila und Erkki Itkonen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. xix + 925 s.
23. Fedotov M.R. *Istoricheskiye svyazi chuvashskogo yazyka s yazykami ugro-finnov Povolzh'ya i Permi* [Historical connections of the Chuvash language with the Finno-Ugric languages of the Volga region and Perm]. Vol. 1. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1965. 160 p. (in Russian).
24. Galkin I.S. *Mariy istoricheskiy leksikologiy. Tunemme kniga* [Historical lexicology of the Mari language. Study guide]. Yoshkar-Ola, MSU Publ., 1986. 72 p. (in Mari).
25. Savel'yev A.V. *K utochneniyu stseneriya chuvashsko-mariyskikh kontaktov* [To clarify the scenario of Chuvash-Mari contacts]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala: sb. st. XI Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Language contacts of the peoples of the Volga and Urals. Collection of Proceedings of the XI International Symposium]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2018. Pp. 95–104 (in Russian).
26. Aikio A. On the reconstruction of Proto-Mari vocalism. *Journal of Language Relationship*, 2014, no. 11, pp. 125–157.

27. Aikio A. Studies in Uralic etymology III: Mari etymologies. *Linguistica Uralica*, 2014, vol. 50, no. 2, pp. 81–93.
28. Galkin I.S. (ed.) *Slovar' mariyskogo yazyka* [Dictionary of the Mari language]. Yoshkar-Ola, Mariyskoye kn. izd-vo, 1990–2005 (in Russian).
29. Haspelmath M., Tadmor U. (eds) *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin, De Gruyter Mouton Publ., 2009. 1081 p.

Klyucheva Maria Arkadyevna.

Candidate in theory and history of art, senior researcher fellow.

Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History.

Krasnoarmeyskaya str., 44, Yoshkar-Ola, Russia, 424036.

Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences.

A. Solzhenitsyn str., 25, Moscow, Russia, 109004.

E-mail: keymachine@yandex.ru

М.В. Куцаева

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МАРИЙСКИХ ИДИОМОВ В СТАРЫХ ДΙΑСПОРАХ БАШКОРТОСТАНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ 2024 Г.)¹**

Статья посвящена актуальному использованию мари́йских идиомов в старых диаспорах Башкортостана. Мари́йское население обосновалось в регионе в конце XVI – середине XVIII в. В настоящее время мари́йцы проживают компактными группами в нескольких районах Башкортостана и образуют в своей совокупности наиболее мощную диаспорную группу за пределами Республики Мари́й Эл. Цель исследования заключается в выявлении функционирования мари́йских идиомов в Башкортостане. Научная новизна работы состоит в том, что бытование мари́йского в Башкортостане ранее не выступало предметом комплексного социолингвистического обследования. Актуальность материалов определяется тем, что сохранность мари́йских идиомов в старых диаспорах в целом вызывает обеспокоенность и они нуждаются в срочном социолингвистическом обследовании. Данные получены в ходе полевой работы в 2024 г. в трех районах Башкортостана с компактным проживанием мари́йского населения: Мишкинском, Калтасинском, Шаранском. В исследовании использовалась апробированная автором методика, включающая комплекс следующих методов: наблюдение, анкетирование (опрос), проведение глубинных и полуструктурированных интервью, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных. Полевые экспедиции проводились в деревнях, селах и райцентрах. Обследование охватило представителей разных возрастных групп, выборка составила более 200 человек. В результате получены важные сведения относительно бытования мари́йских идиомов в Башкортостане: сфер использования данных идиомов, языковой лояльности носителей, сохранности идиомов по возрастным когортам и этнолокальным группам (*мишкинские, калтасинские, шаранские* мари́йцы в выборке), межпоколенческой передачи языка и др. Настоящая работа является первой в серии статей, выполненных на материале мари́йских идиомов Башкортостана. В статье рассматривается функционирование мари́йского во внутрисемейном общении, в системе школьного образования, в локальных средствах массовой информации. Исследуется влияние языка воспитания в дошкольных образовательных учреждениях на языковые практики носителей мари́йских идиомов. Кроме того, затронут вопрос бытования мари́йских идиомов в культурно-досуговой сфере и религиозных практиках.

Ключевые слова: *мари́йские идиомы, этнический язык, старая диаспора, языковая ситуация в Башкортостане, социолингвистическое обследование, функционирование языка, семейная языковая политика, язык в образовательной сфере, межпоколенческая передача языка, речевые практики*

Введение

Мари́йская диаспора сформировалась на территории Башкортостана в XVI–XVIII вв. Массовые миграции мари́йцев из Среднего Поволжья в Прикамье и Приуралье были обусловлены социальным и религиозным угнетением. На новых землях мари́йцы вошли в контакт с соседями – башкирами и татарами, что оказало существенное влияние на быт, культуру и язык переселенцев и привело к образованию новой этнографической группы – *эрвел мари́й* (восточных мари́йцев) [1, с. 12–17] (об особенностях идиомов восточных мари́йцев см. [2]).

В настоящее время мари́йская диаспора Башкортостана является наиболее многочисленной и организованной [3, с. 140] (табл. 1).

В заглавие работы вынесены, однако, «старые диаспоры». Члены мари́йского сообщества Башкортостана, согласно полученным данным, идентифицируют себя в качестве *мишкинских, калтасинских, шаранских мари* в зависимости от района проживания и, напротив, позиционируют себя как *эрвел мари* (восточные, башкирские мари́йцы), находясь за пределами Башкортостана. Это обстоятельство и определило наш выбор, поскольку мы занимались изучением мари́йского языкового сообщества изнутри.

Социолингвистическое обследование проводилось в трех районах Башкортостана (Мишкинском, Шаранском, Калтасинском) в 2024 г. и стало частью большого проекта, нацеленного на комплексное изучение функционирования мари́йских идиомов в старых диаспорах (Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская области). В фокусе исследования находятся

¹ Исследование выполнено в рамках проекта № 24-28-00157, поддержанного Российским научным фондом.

Таблица 1

Динамика численности марийцев по итогам переписей населения по регионам [4, 5]

Численность марийцев	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Всего (РСФСР, РФ)	428 001	476 382	498 066	581 082	599 637	643 698	604 298	547 605	423 803
Республика Марий Эл (Марийская АССР)	247 979	273 332	279 450	299 179	306 627	324 349	312 178	290 863	246 560
Республика Башкортостан (Башкирская АССР)	79 298	90 163	93 902	109 638	106 793	105 768	105 829	103 658	84 988

сферы использования идиомов, их функции, языковая лояльность носителей, сохранность идиомов по возрастным когортам и этнолокальным группам, межпоколенческая передача языка, речевые практики и языковые идеологии носителей идиомов, этническая культура и религиозные практики в контексте витальности языка. В ходе обследования использовалась методика, разработанная и примененная в новых диаспорах [6, 7]. Методика включает комплекс следующих методов: наблюдение, анкетирование (опрос), проведение глубинных и полуструктурированных интервью, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных. Анкета состоит из четырех крупных блоков: паспортный, первый лингвистический (языковые биографии), второй лингвистический (актуальное использование языка) и культурный (бытование языка в культуре и религиозных практиках). Интервью длительностью от 40 до 60 минут проводились индивидуально с каждым респондентом. Кроме того, в ходе полевой работы активно использовался метод наблюдения. Экспедиции совпали по времени с проведением значимых для региона в целом и марийских сообществ в частности праздников Сабантуй и Семьк (летнее поминовение усопших), таким образом, участники научного проекта получили возможность изучить групповое поведение в разнообразных ситуациях внутригруппового общения (об этом см. [8, с. 210–215]).

Было совершено две экспедиции: одна – в Мишкинский район, другая – в Шаранский и Калтасинский. Работа велась в деревнях, селах и райцентрах. Обследованием были охвачены представители разных возрастных групп; общая выборка составила 203 человека (табл. 2).

Таблица 2

Общие сведения о половозрастной структуре выборки

Когорта	Мужчины			Женщины		
	М	Ш	К	М	Ш	К
12–20 лет	11	–	4	14	2	8
21–30 лет	1	1	–	3	1	1
31–40 лет	1	–	1	9	1	6
41–50 лет	1	1	2	8	4	9
51–60 лет	3	2	2	13	8	14
61–70 лет	5	2	4	24	7	10
71+ лет	2	–	4	7	3	4
Итого	24	6	17	78	26	52

Примечание. М – Мишкинский, Ш – Шаранский, К – Калтасинский.

Отметим, что в традиционно «марийских» районах Башкортостана (Мишкинском и Калтасинском) экспедиции длились дольше, чем в Шаранском (район считается «татарским» с некоторым количеством марийских деревень), что неизбежно отразилось на количестве полученных анкет. В Мишкинском районе было опрошено 102 человека, Калтасинском – 69 человек, Шаранском – 32 человека.

Функционирование марийских идиомов в некоторых районах Башкортостана

В настоящем разделе рассматривается функционирование марийских идиомов в различных сферах: внутрисемейное общение, образование, СМИ, культура и религия. Выделяются речевые практики, характерные для представителей изучаемых языковых сообществ.

Сфера внутрисемейного и дружеского общения. Для представителей старших когорт в выборке этнический язык всегда выступал в качестве функционально первого, материнского. Общение респондентов со старшими членами семьи, с сиблингами и друзьями в детстве было на марийском. Приобщение к русскому языку начиналось, как правило, в школе или, в незначительном объеме, – летом, когда приезжали в деревню городские русскоязычные дети, а также через просмотр фильмов в кинопрокате и радио. В настоящее время респонденты в основном используют марийский язык.

Языковые биографии представителей средних когорт – в отличие биографий более пожилых участников опроса – не являются монолитной структурой. Выделим несколько основных категорий. Во-первых, это те, кто не покидал место жительства до окончания школы и, следовательно, везде использовал марийский – в семье и в ближайшем окружении. Во-вторых, это лица, которые в разном возрасте – в младенчестве, дошкольном или младшем школьном – мигрировали с родителями в Казахстан (освоение целины) или Сибирь (места разработки месторождений и добычи полезных ископаемых) (о характере миграционных процессов в советское время см. [9, с. 159–165]). Те, кто возвращался на малую родину спустя несколько лет, быстро, по их воспоминаниям, восстанавливали марийский язык. Вернувшиеся спустя годы не считают себя в полной мере членами языкового сообщества, ощущают неприятие со стороны некоторых традиционных носителей. Более того, они неохотно соглашались принять участие в опросе на том основании, что «не знают марийский язык достаточно хорошо, не изучали его в школе» (о новых носителях марийского см. [10]). Дело в том, что в условиях миграции дети были окружены русским (межнациональным) языком общения: не во всех семьях на регулярной основе практиковался марийский язык. Отдельная, незначительная группа лиц в выборке – уроженцы райцентров, с детства окруженные русским языком (их соседями были татары, русские и др.), не изучавшие марийский в школе, однако проводившие значительное время в *марийской* деревне, расположенной в нескольких километрах от райцентра, где «всё было по-марийски». Родители марийский язык детям не передавали. В основе полного перехода родителей на *большой* язык лежала ориентация на экономический и социальный успех детей в будущем и желание, чтобы дети не получили травмирующего опыта социализации вследствие незнания или слабого владения русским языком. Родители руководствовались стремлением исключить ситуации, с которыми им самим когда-то пришлось столкнуться (фактически этот опыт носит универсальный характер, и практика его избегания при воспитании собственных детей наблюдается в сообществах по всему миру, см., например, [11, с. 64–66]). Каналами русского языка для тех, кто с детства был погружен исключительно в марийский, выступали контакты с городскими детьми, школа, посещение пионерских лагерей и, в отличие от членов самых старших когорт, – телевидение, которое прочно вошло в их жизнь с самого детства.

В младших когортах представлены преимущественно лица от 12 до 20 лет. Представителей когорты 21–30 лет в выборке крайне мало: в основном молодежь находится на учебе в городе,

молодые мужчины уезжают на заработки, участвуют в СВО и пр. По свидетельству опрошенных более старших когорт, их дети этой возрастной группы (21–30 лет) владеют марийским, поскольку внутрисемейное общение – на этническом языке. Респонденты когорты 21–30 лет в выборке также заявили о владении марийским и его использовании в повседневной жизни. Что касается подростков, в выборке также представлены две категории. Около половины подростков являются учащимися *марийских* классов (были опрошены ученики с шестого по одиннадцатый класс в разных школах и районах), они изучают марийский в качестве предмета в школе. Их общение с родителями также происходит на марийском языке. При этом с братьями и сестрами дошкольного или младшего школьного возраста эти же респонденты, по их словам, общаются в основном на русском языке. Они могут обращаться к младшим сиблингам на марийском, а те в свою очередь отвечают на русском. Другая половина когорты 12–20 лет представлена подростками, которые дома либо слышат марийскую речь в разговорах взрослых между собой, либо не слышат ее вовсе (родители состоят в межэтническом браке). Некоторые понимают марийский, однако предпочитают не отвечать по-марийски в силу недостаточного владения языком.

Респонденты средних когорт, деревенские жители, отметили, что испытывают беспокойство в отношении младших детей: тогда как старшие дети «знают, понимают и говорят по-марийски», младшие – «понимают, но не говорят». Подобная ситуация довольно типична для райцентров с этнически смешанным составом населения и наблюдается последние 20–30 лет, однако эта тенденция стремительно экстраполируется и в более мелкие населенные пункты. Так, работники школьной столовой в д. Баймурзино (марийская деревня в Мишкинском районе) указали, что, обслуживая старших школьников, они обращаются к ним по-марийски, с учащимися начальных классов, напротив, им приходится переходить на русский язык. Деревенские дети, по общему утверждению, заметно чаще говорят по-русски. Ситуация, когда малыши говорят по-марийски, кажется, считается теперь своего рода уникальной: в крупном *марийском* селе Чураево Мишкинского района приходилось слышать о том, что «у той женщины все дети говорят по-марийски, даже дошкольник».

Женщины в старших когортах сетуют, что соседские малыши не говорят по-марийски, и они, случается, делают замечания им и их родителям. На вопрос о том, говорят ли их собственные внуки дошкольного возраста по-марийски, респондентки сообщали, что внуки живут в городе или в другом регионе, родились в смешанном браке и приезжают в деревню раз в год или по праздникам. Бабушки и дедушки с *городскими* (к ним относят теперь и приехавших из райцентра) внуками говорят по-русски: «иначе они ничего не понимают». На русский язык переходят и те женщины и мужчины, которые в обычное время со своими *деревенскими* внуками говорят по-марийски, но в приезд *городских* переходят на «более понятный для всех русский». Соответственно, когда за большим семейным столом собираются представители разных поколений, самые старшие родственники говорят по-марийски со своими детьми (если супруг или супруга этих взрослых *детей* также знает марийский) и по-русски обращаются к внукам. Внуки со взрослыми и между собой разговаривают по-русски. Изредка *городских* обучают марийскому, когда те проявляют интерес: рассказывают, например, как будет «кошка» по-марийски, учат детей навыкам счета, здороваться по-марийски, понимать обращенные к ним фразы на марийском (часто в форме императивных конструкций: «иди поешь», «идем пить чай», «принеси ведро», «иди спать»). Схожие данные были получены нами в обследовании *московских марийцев* (ср. их ожидания относительно трансмиссии языка детям в этнической деревне [12]).

Одной из причин стремительного перехода марийского населения младшего возраста в сельской местности на русский является, по мнению участников опроса, массовое потребление интернет-контента исключительно на русском языке приблизительно с 2015–2016 гг. Несмотря на усилия по продвижению языков народов РФ, в том числе и марийского, в новых тех-

нологиях, ведущие позиции занимает русский язык. Другой причиной перехода считается язык воспитания в детском саду (см. след. раздел).

Важнейшим звеном в межпоколенческой передаче материнского языка является семья (дом, соседи, окружение) [13, с. 467]. Языковой репертуар индивида зависит от языков, с которыми ему приходится сталкиваться. Репертуар младенца формируют значимые взрослые (родители и др.), в дальнейшем влияние оказывают сверстники, включая старших сиблингов и друзей во дворе, позже – учителя. Расширение репертуара происходит в результате этих воздействий, а также влияния аттитудов, или отношений, к языковым вариантам и их носителям. Более того, на языковой репертуар влияют управленческие усилия (решения) властей, например учителей или работодателей [14, с. 12]. Таким образом, семейная языковая политика формируется комбинацией внутренних и внешних факторов [14, с. 18–23]. Среди внутренних факторов существенными являются, например, экзогамные браки, среди внешних – миграция и урбанизация. Тяжелое экономическое положение на селе приводит к оттоку трудоспособного населения в город и, как следствие, переходу на большой язык; естественная передача этнического языка от родителей к детям в условиях города, как правило, нарушается (об этом см. [15]).

Тем не менее, несмотря на прочие факторы влияния, языковая политика семьи, внутрисемейное общение формируют прочную основу лингвистического репертуара индивида [14, с. 24]. Молодые респонденты в выборке, слабо или вовсе не владеющие марийским, вполне осознают роль, которую может сыграть семья в их языковой биографии. «Нужно мне марийский развивать, общаться с родителями», «Надо бы попросить у бабушки выучить». Самый младший респондент в выборке, уроженец марийской деревни, для которого русский является функционально первым языком, отметил в конце интервью следующее: «А марийский выучить – это просто идешь рядом с мамой, когда она разговаривает на марийском с родственниками или подругами, и слушаешь».

Сфера дошкольного и школьного образования. Представители старших и средних когорт, выросшие в сельской среде в регионе, не посещали в детстве детский сад; как правило, они оставались дома на попечении бабушки и мамы, языком общения был марийский (об этом см. [16, с. 244–245]). Лица младших когорт ходили в детстве в детсад, однако это обстоятельство, кажется, не оказало влияния на речевые практики дома – воспитатели наряду с русским также использовали марийский в общении с воспитанниками, языком в семье оставался марийский.

Сегодняшние воспитанники детсадов едва ли общаются друг с другом на марийском. В детсад дети поступают с разным уровнем владения этническим языком; случается, что дети не говорят по-марийски вовсе. Воспитатели используют и на развивающих занятиях, и в бытовых ситуациях скорее русский язык. В детсадах, расположенных в райцентрах, в группах с этнически смешанным составом всегда употреблялся русский язык. Однако теперь эта тенденция распространяется и в *марийских* деревнях. Опрошенные выразили единодушное мнение, что директива говорить с детьми по-русски «спускается работникам детского сада свыше».

Программа дошкольного образования «реализуется на государственном языке Российской Федерации», однако «может предусматривать возможность реализации на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русском языке как родном языке на основании заявлений родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся». При этом программа «не должна осуществляться в ущерб получению образования на государственном языке Российской Федерации [17, п. 1.9]. Примерная основная образовательная программа дошкольного образования, подробно описывающая механизм реализации ФГОС, не прописывает механизм реализации программы на родном языке и, более того, даже не упоминает о такой возможности [18, с. 20]. Отсутствие четких формулировок (сколько выделяется часов, в каком возрастном диапазоне должно осуществляться обучение на государ-

ственным и родных языках и пр., что конкретно означает «не в ущерб») «подталкивает надзорные органы к проявлению изобретательности в организации проверок и разным толкованиям требований к нормативным актам, регулирующим процесс выбора языка обучения» [18, с. 21]. Полученные нами данные (от респондентов, чьи дети посещают ДООУ) позволяют сделать вывод о том, что марийскому языку в дошкольных учреждениях в настоящее время места нет: очевидно, что «стандарт понижает роль получения дошкольного образования на родном языке» [18, с. 21].

Респонденты старших когорт и часть опрошенных в средних, проживающие в марийских деревнях в регионе, в начальной школе обучались на марийском языке; при переходе в среднюю школу языком обучения становился русский. Марийский изучался в рамках дисциплин «Марийский язык» и «Марийская литература». Опрошенные в когортах 30–40, 41–50 лет, уроженцы райцентров, например с. Мишкино, в выборке никогда не изучали марийский язык в школе (ср. с данными в [7, с. 60]).

Младшие участники опроса, как было указано в предыдущем разделе, в одних случаях изучают марийский язык в качестве предмета в школе; другие, напротив, являются учащимися образовательных учреждений, в которых не предлагается обучение родному языку. Кроме того, в школах, где ведется родной марийский язык, есть категория марийских учащихся, которые *выбирают*² родной русский. Выбор совершают родители (законные представители)³ учащихся, тогда как сами дети, по наблюдению педагогов родного языка, интересуются марийским. Так, в одной из обследуемых нами школ класс марийцев, разделенных *выбором* (изучать марийский родной или русский родной) на две подгруппы, находится на уроке в одном кабинете. Учитель попеременно занимается с учащимися. Школьники, работающие в русской подгруппе, бывает, по собственной инициативе вызываются выполнять задания в марийской подгруппе, особенно те, кто хорошо владеет марийским. К сожалению, такие подростки не приняли участие в обследовании, однако свидетельства их одноклассников и учителей позволяют получить представление о существующей в марийском сообществе категории лиц, знающих марийский в качестве функционально первого языка, но изучающие русский родной.

В настоящее время марийский язык является предметом изучения в ряде школ Башкортостана. Согласно полученным в ходе экспедиции данным, в Мишкинском районе марийский изучается в 31 школе, включая Полилингвальную многопрофильную школу, расположенную в райцентре – в с. Мишкино. Общий охват учащихся, изучающих марийский язык как предмет, составляет в районе 2 500 человек. В Шаранском районе марийский изучается в четырех школах, расположенных в деревнях Акбарисово, Енахметово, Мещерево, Старотумбагушево. В первых двух из этих школ охват учащихся полный (в каждой школе он составил 100 человек на 2023/24 учебный год), в двух других охват неполный, поскольку «не все школьники изучают марийский, родители не захотели». В Калтасинском районе функционируют пять школ, где преподаются предметы «Марийский язык» и «Марийская литература». В большинстве случаев охват учащихся неполный. В качестве примера неполного охвата приводим некоторые данные в табл. 3.

² Ситуация, аналогичная реализации ФГОС дошкольного образования, сложилась и в системе организации начального и основного общего образования [18, с. 21]. Существенное влияние на ситуацию в целом оказали поправки в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (№ 317-ФЗ), регламентирующие свободный выбор языка образования в качестве родного как из числа языков народов РФ, так и русского по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних [19].

³ Последние изменения в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» парадоксальным образом привели к тому, что ответственность за сохранение языков малых народов перенесена на плечи родителей, тогда как это является задачей государства [20, с. 227–228]. В сложившейся ситуации судьба языков народов РФ во многом зависит от отношения к своему языку самих народов [21, с. 41].

Таблица 3

Данные об изучении марийского родного в 2023/24 учебном году (ПМА, Калтасинский район)

Класс	Всего учащихся	Из них изучают родной марийский	Из них изучают родной русский
1	11	3	8
2	5	1	4
3	9	4	5
4	10	3	7
5	7	0	7
6	19	5	14
7	10	5	5
8	22	7	15
9	22	1	21
10	11	2	9

Обратим внимание на данные по 1–4-му классам: в выборке школьники младших классов являются марийцами, однако не все они *выбрали* марийский в качестве родного. В пятом классе никто не изучает марийский родной, хотя в классе учатся марийцы: выбор в пользу русского родного был совершен родителями при поступлении учащихся в школу. Ситуация в старших классах более нюансированная: в среднем звене обучения класс расширяется за счет включения детей из соседних деревень, в том числе и не марийцев. Соответственно, обучение марийскому, к примеру, в девятом классе (на уроке в одном кабинете) представляется проблематичным (ср.: 1 человек (марийский родной) и 21 человек (русский родной)). Тем не менее школьники из марийской подгруппы участвуют в олимпиадах, некоторые сдавали ОГЭ по марийскому языку, несмотря на скудные демонстрационные материалы, которыми они располагали.

Количество *марийских* школ с 1970-х гг. уменьшается, о чем свидетельствуют архивные данные из Национального архива Республики Башкортостан (полную версию приводим в [7, с. 63]).

Таблица 4

Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения в Калтасинском районе Башкирской АССР

Учебный год	Район	Язык обучения	Общее количество школ по списку	В них учащихся			
				в подготовительных и 1–3-х классах	в 4–8-х классах	в 9–10-х классах	Итого
1970/71	Калтасинский	Марийский луговой	44	2 293	3 374	–	5 667
1976/77	Калтасинский	Марийский луговой	18	956	888	–	1 844
1980/81	Калтасинский	Марийский луговой	Нет сведений	684	–	–	684
1984/85	Калтасинский	Марийский луговой	Нет сведений	636	–	–	636
1988/89	Калтасинский	Марийский луговой	16	257	172	–	429

В настоящее время в Калтасинском районе всего пять школ, где есть возможность изучать марийский в качестве родного языка⁴. Школы закрываются, в том числе ввиду так называемой оптимизации образования (о ее губительном влиянии на ситуацию с преподаванием языков народов РФ см. [21]): оптимизация коснулась прежде всего сельских школ, поскольку по причине малочисленности учащихся такие школы закрывались и продолжают закрываться в первую очередь, а дети, как это часто случается, распределяются в школы с русским языком обучения [21, с. 27]. Участники экспедиции побывали в двух деревнях (Кояново и Емметово), где до недавнего времени функционировали *марийские* школы; учащиеся одной из этих школ были переведены в школу в соседней деревне, где марийский язык не преподается.

Использование марийского в сфере образования в регионе неуклонно уменьшается. Этому соответствует и текущее положение с подготовкой кадров для марийских школ в Башкортостане. С 1956/57 учебного года специалистов для начальных классов марийских школ региона выпускало марийское отделение Благовещенского педагогического колледжа. Практически все наши респонденты – учителя марийского являются его выпускниками и с большой теплотой вспоминают годы студенчества и своего педагога-наставника Н.И. Бушкову, с 1962 г. посвятившую 45 лет своей профессиональной деятельности марийскому отделению. С 2015 г. это отделение прекратило свою работу. Единственным учебным заведением в Башкортостане, где сейчас представлено изучение марийского языка, является Бирский филиал Уфимского университета науки и технологии (ранее – Бирский педагогический институт): в 1993 г. на базе филологического факультета было открыто марийское отделение. В настоящее время учебное заведение располагает кафедрой башкирской, татарской и марийской филологии [7, с. 62–63].

Сфера СМИ. В двух из трех исследуемых районов – Мишкинском и Калтасинском – издаются районные газеты. В г. Нефтекамске с 1993 г. издается республиканская общественно-политическая газета «Чолман» («Кама») тиражом 1 028 экз. (периодичность – один раз в неделю).

Проблемы, связанные с функционированием средств массовой информации на марийском языке в регионе, рассмотрим на примере работы районных газет. «Келшымыш» («Дружба», прежнее название – «Комун корно» («Путь к коммуне») издается в с. Мишкино с 1930 г., выходит один раз в неделю, тираж в декабре 2023 г. составил 446 экз., в июле 2024 г. – 370 экз. (ср.: в 2003 г. газета выходила два раза в неделю тиражом около 1 500 экземпляров). В Калтасинском районе с 1932 г. издается «Калтаса ўжара» («Калтасинская заря», ранее – «Ленин корно» («Ленинский путь»)), годом позже появился «Ленинский путь» на русском). Газета выходит по пятницам тиражом 266 экз. (ср.: в 2003 г. – дважды в неделю, тираж 1 290 экз.). Основные причины снижения показателей, по сообщению сотрудников изданий, заключаются в том, что «в основном марийскую газету выписывают пенсионеры, но они не долговечны», «молодежь газеты не читает». Кроме того, большое влияние оказало закрытие марийских школ и снижение доли лиц, владеющих навыками письма и чтения на марийском, а также тот факт, что «родители всё больше общаются с детьми на русском». Наконец, «во многих деревнях почта не работает вообще. Зачем выписывать газеты, если их все равно не раздают», «у нас в райцентре один почтальон остался». Газеты имеют сайты, однако ввиду отсутствия финансирования они поддерживаются и обновляются в минимальном объеме: «проще разместить что-то марийское в социальных сетях и в марийских группах, так люди быстрее видят».

Важным событием в с. Мишкино в феврале 2023 г. стало открытие «Радио Эрвел». Радиостанция передает марийские песни, однако, судя по обсуждению в марийских пабликах,

⁴ На изучение марийского языка и литературы в среднем отводится по одному часу в неделю (даже в гимназии с углубленным изучением марийского языка в с. Чураево Мишкинского района). В старших классах школ, как правило, по 0,5 часа: обучение строится таким образом, что урок марийского языка чередуется с уроком литературы и проводится раз в две недели. Ср: «Я работала учителем марийского языка и литературы с 1992 по 2016 год. Сначала нормально было у нас, в каждом классе было четыре, даже где-то пять часов в неделю. Три языка, например, два – литературы» (Мишкинский район).

вещание на марийском реализуется не в полном объеме («русских песен больше»). Вместе с тем «Радио Эрвел», ставшее первым *марийским* радио в Башкортостане и за пределами Республики Марий Эл, пользуется большой популярностью среди марийского населения района.

Сфера культуры. Сохранению и развитию этнической культуры марийцев Башкортостана способствует работа марийских художественных коллективов: по нашим полевым данным, таких коллективов в настоящее время насчитывается в Мишкинском районе около 60 (треть из них – детские), в Шаранском – 2, в Калтасинском – 11 (из них два детских танцевальных). Практически все наши респонденты принимали (или принимают – в младших когортах) участие в творческой самодеятельности в школе. Членами творческих коллективов в выборке преимущественно являются женщины средних и старших когорт и мужчины старшего возраста. Участники детских вокальных и хореографических ансамблей, как правило, также активно владеют марийским. В случае слабого владения этническим языком возможно следующее: «У меня был марийский сперва ансамбль. Кечыйол. Но потом стало очень тяжело, потому что дети с рождения начинают на русском языке. А в то время как-то еще был марийский язык, в школе преподавали, они как-то еще изучали – те, кто марийцы. А потом всё это пропало: всё – марийского нет, с детьми невозможно. Я сама решила, раз коллектив есть, я просто переименовала. Перевела – «Солнечные лучики». На русском языке теперь дети поют» (ПМА, с. Калтасы) (о крепкой связи языка и культуры см. [13, с. 20–24]).

В обследовании приняли участие также сотрудники местных библиотек и библиотечно-информационных центров – сведения, предоставленные нашими респондентами, дают обзорную, однако исчерпывающую картину функционирования библиотек в местах компактного проживания марийцев в регионе. В 2023 г. в Мишкинском районе марийское население обслуживали 23 библиотеки, в Калтасинском – 17, в Шаранском – шесть. С 2019 г. количество таких библиотек в регионе сохранилось, однако их работа в целом за последние десятилетия подверглась существенным изменениям. Одно из направлений библиотеки в качестве современного информационного центра, как пояснил сотрудник сельской библиотеки, заключается в оказании помощи обучающему процессу, другое – в предоставлении досугового чтения. Фокус-группой в первом случае (именно в аспекте марийского языка) традиционно выступали учащиеся школ и студенты марийских филологических отделений, однако вследствие сужения функционирования марийского языка в сфере образования и распространения современных информационных технологий количество таких пользователей стремительно сокращается. Вторая фокус-группа представлена лицами старше 50 лет, в основном женщинами. Именно пожилые участники опроса (все они в прошлом – учащиеся *марийских* школ) чаще других обращаются в библиотеку за художественной литературой и периодическими изданиями. Вместе с тем комплектование библиотечных фондов произведениями марийских авторов является скудным и осуществляется через Национальную библиотеку им. А.З. Валиди, а по большей части принимается в дар из рук самих авторов и меценатов. Ввиду сложившейся ситуации списанные и ветхие издания не спешат исключать из книгооборота. Что касается периодики, частично выделяются средства из местного бюджета для оформления подписки на некоторые периодические издания, которые выходят в Йошкар-Оле (газета «Кугарня» и журнал «Ончыко»). Подписку на местные марийские газеты сотрудники библиотеки вынуждены иногда оформлять самостоятельно: периодика пользуется неизменным успехом у читателей: «бабушки приходят, спрашивают газеты, любят читать, но получать на дом не все могут себе позволить» (ПМА).

Сотрудники библиотек совместно с педагогами и методистами сельских клубов проводят общественную и культурно-досуговую работу среди марийского населения. Языком общения и выступлений на таких мероприятиях является марийский, особенно среди взрослого населения, частично – русский (в зависимости от тематики и состава участников). В с. Мишкино на *марийских* мероприятиях для школьников используются два языка: марийский

и русский, марийский текст «как бы с переводом идет» (ПМА), что обусловлено спецификой языковой ситуации в поселке и преобладающими позициями русского языка даже среди марийского населения.

Большой вклад в сплочение марийцев Башкортостана вносит деятельность представителей региональной марийской национально-культурной автономии «Эрвел марий» (РМНКА). Кроме того, с 2004 г. в с. Мишкино ведет работу марийский историко-культурный центр, он стал местом притяжения и гордости местного марийского населения (об этом см. [3, с. 141]).

Сфера религии. Как было указано в вводной части работы, одной из причин миграций марийцев на башкирские земли являлось стремление сохранить веру предков в период насаждавшегося христианства (о религиозных верованиях марийцев см. [3, с. 287–295]). В дальнейшем, несмотря на борьбу советской власти с религией, марийцам удалось сохранить традиционные верования: «Неважно какой строй на улице, дома никто не помешает» (ПМА). В подавляющем большинстве случаев опрошенные в выборке считают себя язычниками, некрещеными, чимарий («истинными мари»).

С 1990-х гг. наблюдается активизация деятельности представителей марийского *язычества*: проводятся съезды марийских служителей культа, возрождаются места проведения общественных молений *кумалтыш*, зарегистрирована централизованная религиозная организация Марийской традиционной религии Республики Башкортостан [22, с. 178]. Марийские идиомы активно используются в сфере религии и религиозной обрядности.

Часть респондентов принимает участие в коллективных молениях, посещает *кумалтыш* в священных рощах *күсото*. Моления проводятся на марийском – большое значение придается чтению молитвенных текстов (*кумалтыш мут*) [3, с. 294]). Подавляющее большинство респондентов придерживается соблюдения традиционных ритуалов и обрядов. На вопрос о том, какие праздники неукоснительно соблюдаются в семье, респонденты называли два «самых главных»: *Кугече* (Пасха) и *Семык* (*Троица*). Знания о том, как проводится обрядовая часть праздников (в их основе заложен культ предков), передаются от старших младшим, в большей мере – женщинами. Как отмечалось в [23, с. 92], функционирование религиозных обрядов и ритуалов «играло большую роль в сохранении веры восточных марийцев»; проведение совместных молений усиливало чувство родства и сопричастности, как следствие, традиционная религия стала фактором укрепления этнической идентичности.

В свою очередь подчеркнем необходимость владения марийским для полноценного его использования в качестве языка религии. Процессом «объяснения» элементов институциональной традиции является легитимация, всегда включающая «знание». Легитимация сообщает не только о том, почему индивид *должен* совершать то или иное действие, но почему действия *являются* такими, каковы они есть, иначе говоря, «знания» предшествуют «ценностям». Фундаментальные «объяснения» легитимации встроены в словарный запас; объяснительные схемы, непосредственно связанные с конкретными действиями, содержатся в пословицах, моральных максимах, народной мудрости, сказках и легендах [24, с. 153–155]. Например, в марийском сообществе Башкортостана сильна система *ойөрө* (табу) (о запретах в системе воззрений марийцев см. [25]). Кроме того, этнический язык используется в священных обрядах в религиозных контекстах и содержит информацию о богах, космологии, служит для общения с духами [26, с. 16–17]. В настоящее время в связи с утратой этнического языка младшим поколением в семье пожилые респонденты выразили тревогу: «Если внуки разговаривать-то по-марийски не умеют, кто нас потом будет поминать на *Кугече* и *Семык*?»

Заключение

В работе, посвященной функционированию марийских идиомов в старых диаспорах Башкортостана (на материале обследования в нескольких районах с компактным проживанием ма-

рийского населения), был проведен анализ актуального использования марийского во внутрисемейном общении, в сфере образования и дошкольного воспитания, СМИ, культуры и религии.

Марийский широко используется в сфере семейного и дружеского общения лицами среднего и старшего возраста, однако в младших когортах ситуация выглядит тревожной, особенно в семьях, проживающих в поселках городского типа. По замечанию респондентов, дошкольники в марийских деревнях также преимущественно общаются на русском, в том числе во внутрисемейном общении. В сфере дошкольного образования марийский едва ли употребляется. В школах использование марийского неуклонно уменьшается, кроме того, закрываются марийские школы – заметное негативное влияние на положение марийского языка в образовательной сфере оказали изменения в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [19]. В исследуемых районах издаются две районные газеты, выходит и республиканская. Однако тиражи стремительно падают, одной из причин является увеличение числа людей, не владеющих навыками письменной речи, поскольку они не изучали марийский в школе. Марийское население обслуживают 46 библиотек, однако сотрудники библиотечно-информационных центров, несмотря на ведение активной общественной работы, сталкиваются с трудностями, что обусловлено нехваткой новинок марийской литературы для активных пользователей (старших групп населения), перебоями с доставкой марийских периодических изданий и, кроме того, отсутствием спроса на марийские книги и периодику у младших групп населения, которые преимущественно не изучают в школе марийский. Развитие марийской культуры, сохранение традиционной религии благодаря деятельности представителей марийских общественных и религиозных организаций по-прежнему является важным фактором поддержания этнической идентичности местного марийского населения.

Результаты обследования освещают текущее состояние марийских идиомов и дают предварительную оценку степени их сохранности в старых диаспорах Башкортостана. Позиции марийских идиомов в Башкортостане довольно крепкие по сравнению с их положением в других этнолокальных группах. Тем не менее недостаточное владение детьми и подростками в регионе этническим языком кажется тревожным. Слабая передача языка младшему поколению приводит к значительным изменениям в жизнеспособности языка [26, с. 41]. Когда в языковом сообществе наблюдается ощутимый сдвиг в сторону другого языка, уменьшается доля межпоколенческой передачи языка, сужается база говорящих ввиду отсутствия ее естественного воспроизводства, сферы использования языка становятся более ограниченными, а языки более широкой коммуникации начинают вытеснять язык из семьи – такой язык считается *исчезающим* [27, с. 18].

Лингвисты часто играют важную роль, вдохновляя членов сообществ начать процесс ревитализации своих языков [28, с. 307]. Выражаем надежду, что сотрудничество участников научного проекта и членов марийского языкового сообщества Башкортостана окажется в этом смысле плодотворным.

Список источников:

1. Сепеев Г.А. Восточные марийцы: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1975. 248 с.
2. Коведяева Е. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (марийский язык). М.: Наука, 1987. 160 с.
3. Марийцы. Историко-этнографические очерки. 2-е изд., дополненное. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 482 с.
4. Всероссийская перепись населения 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx. (дата обращения: 25.07.2024).
5. Демоскоп weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 25.07.2024).
6. Куцаева М.В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре Московского региона. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 312 с.

7. Куцаева М.В. Из старой диаспоры в новую: к вопросу о сохранности языка и культуры башкирских марийцев (на материале социолингвистического обследования в марийской диаспоре Московского региона) // Урал-алтайские исследования. 2023. № 4 (51). С. 54–79.
8. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 337 с.
9. Сепеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 200 с.
10. Куцаева М. В. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021. № 2. С. 5–34.
11. Dauenhauer N.M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. L. A. Grenoble & L. J. Whaley (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 57–98.
12. Куцаева М.В. На деревню надейся, а сам не плошай: к вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. Вып. 2 (40). С. 65–78.
13. Fishman J.A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 1991. 431 p.
14. Spolsky B. *Rethinking Language Policy*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2021. 272 p.
15. Куцаева М.В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры // Финно-угроведение. 2022. № 63. С. 30–44.
16. Куцаева М.В. Хранительница нематериального культурного наследия: о роли бабушки в передаче этнического языка и культуры (на материале социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах Московского региона) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 240–253.
17. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013. № 1155. URL: <https://ntf-iro.ru/wp-content/uploads/2023/04/FGOS-DO-na-17.02.2023.pdf> (дата обращения: 08.07.2024).
18. Исаев Ю.Н. Состояние и перспективы развития системы образования Чувашской Республики // *Образование: теория, методология, опыт* / Ж.В. Мурзина (гл. ред.). Чебоксары: ЧРИО. 2019. С. 5–29.
19. Федеральный закон от 03.08.18 № 317 «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/?ysclid=iz5ayb6nbq763610118 (дата обращения: 28.07.2024).
20. Исаев Ю.Н. Обеспечение условий для изучения и использования языков Российской Федерации в образовательных организациях Чувашской Республики // *Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур: сб. материалов Международной научно-практической конференции* (г. Чебоксары, 2019). Чебоксары: Среда, 2020. С. 227–229.
21. Долгова А.П. Об изменениях в ситуации с родными языками в школах Чувашии: взгляд из региона // *Родной язык*. 2020. № 1. С. 25–48.
22. Садиков Р.Р. Конфессиональные процессы среди марийцев Башкирии (история и современность) // *Финно-угроведение*. 2020. № 61. С. 177–183.
23. Молотова Т.Л. Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 81–92.
24. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
25. Абукаева Л.А. Запреты в системе воззрений мари. Йошкар-Ола: МарГУ, 2018. 204 с.
26. Grenoble L.A. Why Revitalize? // *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide* / J. Olko, J. Sallabank (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 9–22.
27. Grenoble L.A., Whaley L.J. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.
28. Hinton L. Revitalization of endangered languages // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages* / P.K. Austin, J. Sallabank (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 291–311.

Куцаева Марина Васильевна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, 1, стр. 1, Москва, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 9 августа 2024 г.

THE FUNCTION OF MARI IDIOMS IN THE OLD DIASPORA OF BASHKORTOSTAN (BASED ON THE FIELD LINGUISTIC DATA FROM THE YEAR 2024)

The article deals with the actual use of Mari idioms in the old diasporas of Bashkortostan. The Mari population settled in the region at the end of the XVI – middle of the XVIII century. Today, the Mari live in compact groups in several districts of Bashkortostan and form the strongest diaspora group outside the Republic of Mari El. Research focuses on the functioning of Mari idioms in Bashkortostan. The Mari idioms in Bashkortostan have not yet been the subject of a comprehensive sociolinguistic study which determines scientific significance of the research. The situation of these idioms is particularly worrying and urgently requires a sociolinguistic study.

The data come from field research conducted in 2024 in three districts of Bashkortostan, where the compact Mari population lives: *Mishkino, Kaltasy, and Sharan*. The methodology used in the present and previous research included a number of the following methods: observation, questionnaire (survey), in-depth and semi-structured interviews, interview documentation, and statistical data analysis. The field research was conducted in small and large villages and the regional administrative centers of cities. Representatives of different age groups participated in the survey, and the sample comprised more than 200 respondents.

In this way, meaningful information about the functioning of Mari idioms in Bashkortostan was obtained: areas of use, language loyalty of speakers, preservation of idioms by age cohorts and ethnolocal groups (*Mishkino, Kaltasy, Sharan Maris* in the sample), intergenerational language transmission, etc. This paper is the first in a series of articles dedicated to the Mari idioms of Bashkortostan. The article examines the function of Mari idioms in intra-family communication, the education system, and the local mass media. The influence of the language used in preschool educational institutions on language practice in the Mari community is also examined. The article also looks at the function of Mari idioms in Mari traditional cultural and religious practices in the region.

Keywords: *Mari idioms, ethnic language, old diaspora, language situation in Bashkortostan, sociolinguistic study, function of language, family language policy, language in education, intergenerational language transmission, speech practices*

References:

1. Sepeev G.A. *Vostochnye mariytsy: istoriko-yetnograficheskoe issledovanie material'noy kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Eastern Maris: historical-ethnographic study of material culture (middle of XIX – beginning of XX centuries)]. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 248 p. (in Russian).
2. Kovedyaeva E.I. *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (mariyskiy yazyk)* [Areal studies on eastern Finno-Ugric languages (Mari language)]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 160 p. (in Russian).
3. *Mariytsy. Istoriiko-yetnograficheskie ocherki* [Maris. Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola, MarNIIALI Publ., 2013. 482 p. (in Russian).
4. *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020* [The All-Russian Census of 2020]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx. (accessed: 25.07.2024) (in Russian).
5. Demoskop weekly [Demoscope weekly]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6. (accessed: 25.07.2024) (in Russian).
6. Kutsaeva M.V. *Funktsionirovanie yetnicheskogo yazyka v chuvashskoy diaspore moskovskogo regiona* [Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020. 312 p. (in Russian).
7. Kutsaeva M.V. *Iz staroy diaspori v novuyu: k voprosu o sokhrannosti yazyka i kul'tury bashkirskikh mariytsev (na materiale sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v mariyskoy diaspore moskovskogo regiona)* [From the old diaspora to the new one: On Bashkir Maris' language and culture maintenance (results of a sociolinguistic survey in the Moscow region Mari diaspora)]. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaic Studies*, 2023, no. 4 (51), pp. 54–79 (In Russian).
8. Belikov V.I., Krysin L.P. *Sociolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury* [Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree]. Moscow: Jurayt Publ., 2016. 337 p. (In Russian).
9. Sepeev G.A. *Istoriya rasseleniya mariytsev* [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola, MarNIIJaLI Publ., 2006. 200 p. (in Russian).
10. Kutsaeva M.V. *Novye nositeli mariyskogo kak faktor vital'nosti yetnicheskogo yazyka v diaspore* [New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality]. *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskiy zhurnal – Native Language. Linguistic Journal*, 2021, no. 2, pp. 5–34 (in Russian).
11. Dauenhauer N.M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. In: Grenoble L.A., Whaley L.J. (eds.) *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. pp. 57–98.

12. Kutsaeva M.V. Na derevnyu nadeysya, a sam ne ploshay: k voprosu o yazykovykh praktikakh i ideologiyakh v chuvashskoy i mariyskoy diasporakh Moskovskogo regiona [The village helps those who help themselves: on the question of language practices and ideologies in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2023, vol. 2 (40), pp. 65–78 (in Russian).
13. Fishman J.A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon, UK, Multilingual Matters. 1991. 431 p.
14. Spolsky B. *Rethinking Language Policy*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2021. 272 p.
15. Kutsaeva M.V. Mariyskiy v Moskve: k voprosu o sokhrannosti yetnicheskogo yazyka v usloviyakh vnutrenney diaspory [The Mari language in Moscow: the problem of ethnic language preservation in the conditions of internal diaspora]. *Finno-ugrovedenie – Finno-Ugric Studies*, 2022, no. 63, pp. 30–44 (in Russian).
16. Kutsaeva M.V. Khranitel'nitsa nematerial'nogo kul'turnogo naslediya: o roli babushki v peredache yetnicheskogo yazyka i kul'tury (na materiale sotsiolingvisticheskikh obsledovaniy v chuvashskoy i mariyskoy diasporakh Moskovskogo regiona) [Keeper of intangible cultural heritage: the role of grandmothers in the transmission of ethnic language and culture (a case study of sociolinguistic surveys in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2024, no. 2, pp. 240–253 (in Russian).
17. Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya: Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.10.2013. №1155 [On the establishment of federal state educational standard of preschool education: decree of the Ministry of science and higher education dated 17.10.2013. №1155]. URL: <https://ntf-iro.ru/wp-content/uploads/2023/04/FGOS-DO-na-17.02.2023.pdf> (accessed: 08.07.2024).
18. Isaev Yu.N. Sostoyanie i perspektivy razvitiya sistemy obrazovaniya Chuvashskoy Respubliki [The state and perspectives of the development of the system of education in the Chuvash Republic]. *Obrazovanie: teoriya, metodologiya, opyt* [Education: theory, methodology, experience]. Cheboksary, ChRIO Publ., 2019, pp. 5–29 (in Russian).
19. Federal'nyi zakon ot 03.08.18 № 317 «O vnesenii izmeneniy v stat'i 11 i 14 Federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» [Federal law dated 03.08.18 № 317 «On Amendments to Articles 11 and 14 of the Federal Law «On the education in the Russian Federation»]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/?ysclid=iz5ayb6nbq763610118 (accessed: 28.07.2024).
20. Isaev Yu.N. Obespechenie usloviy dlya izucheniya i ispol'zovaniya yazykov Rossiyskoy Federatsii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh Chuvashskoy Respubliki [Providing conditions for the study and use of the languages of the Russian Federation in educational institutions of the Chuvash Republic]. *Aktual'nye voprosy issledovaniya i prepodavaniya rodnykh yazykov i literatur. Sb. materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Cheboksary, 2019)* [Topical issues of research and teaching of native languages and literatures. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, held in Cheboksary in 2019]. Cheboksary, Sreda Publ., 2020, pp. 227–229 (in Russian).
21. Dolgova A.P. Ob izmeneniyakh v situatsii s rodnymi yazykami v shkolakh Chuvashii: vzglyad iz regiona [The changing situation with native languages in the schools of Chuvashia]. *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskiy zhurnal – Native Language. Linguistic Journal*, 2020, no. 1, pp. 25–48 (in Russian).
22. Sadikov R.R. Konfessional'nye protsessy sredi mariytsev Bashkirii (istoriya i sovremennost') [Confessional processes among the Mari people of Bashkiria (history and modernity)]. *Finno-ugrovedenie – Finno-Ugric Studies*, 2020, no. 61, pp. 177–183 (in Russian).
23. Molotova T.L. Religiozniy faktor v sokhranении identichnosti vostochnykh mariytsev [Religious factor in the preservation of identity of eastern Maris]. *Yetnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*, 2010, no. 6, pp. 81–92 (in Russian).
24. Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow, Moscow philos. Fund Publ., 1995, 322 p. (in Russian).
25. Abukaeva L.A. Zaprety v sisteme vozzreniy mari [Prohibitions in the system of views of the Mari people]. Yoshkar-Ola, MarGU Publ., 2018, 204 p. (in Russian).
26. Grenoble L.A. Why Revitalize? In: Olko J., Sallabank J. (eds.) *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Cambridge, Cambridge University Press, 2021. Pp. 9–22.
27. Grenoble L.A., Whaley L.J. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge, Cambridge University Press. 2006. 231 p.
28. Hinton L. Revitalization of endangered languages. In: Austin P.K., Sallabank J. (eds.) *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. pp. 291–311.

Kutsaeva Marina Vasilievna.

Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow.

Institute of Linguistics RAS.

Bolshoy Kislovskiy lane, 1, str.1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Б.Ч. Ооржак, Н.М. Монгуш

ТУВИНСКИЕ НАЗВАНИЯ ПЫТОК МАНЬЧЖУРО-КИТАЙСКОГО ПЕРИОДА
В СОПОСТАВЛЕНИИ С МОНГОЛЬСКИМИ¹

В статье проводится лексический анализ тувинских названий пыток, которые известны в истории Тувы как *тос эриш* ‘букв. девять пыток’. *Тос эриш* относится к периоду маньчжуро-китайского господства, времени Циньской династии в Туве и Монголии (XVIII в. – до начала XX в.). Однако их правление Тувой осуществлялась через местных правителей, которые подчинялись в свою очередь монгольским. Исторические данные свидетельствуют о том, что китайская администрация управляла Монголией и Тувой по специально созданному документу «Уложение Китайской Палаты внешних сношений». И согласно его нормам были разработаны около 40 видов пыток для проведения следственных действий. Из них в Туве и Монголии применяли девять. Отсюда и происходят тувинские и монгольские названия пыток – тув. *тос эриш/эрээ* и монг. *есөн эрүү* ‘букв. девять пыток’. В статье впервые выявляются структурные и семантические особенности семантики названий «девяти пыток» в тувинском языке в сопоставлении с монгольскими. Тувинские и монгольские источники показывают наличие определенных расхождений в перечне видов пыток в разных работах. Анализ материала позволил установить семь соответствий в названиях «девяти пыток». В трех описываемых случаях имеются полные структурные и семантические соответствия в названиях: 1) тув. *шаагайттаары/монг. шаахайдах* ‘бить шаагаем по лицу’, 2) тув. *маңзылаары/монг. банздах* или *чавчирга* ‘бить по бедрам ног доской’, 3) тув. *кулузуннар кадаары/монг. хулсан хадаас* ‘вбивание острой тонкой щепки под ногти’. В этих случаях мы имеем дело с прямыми заимствованиями из монгольского языка. Остальные четыре параллели – это семантические соответствия, при которых один и тот же вид пыток называется в тувинском и монгольском языках разными лексическими средствами: в тувинском языке преимущественно описательно – словосочетаниями, в монгольском – специальными лексемами (тув. *ооргага хаг кыпсыры* ‘зажигание трута на спине’/монг. *төөнүүр* ‘подпаливание спины’, тув. *хаак-биле кагар/монг. туйван* ‘бить тонкими ветками ивы или другого дерева’, тув. *ийи холунуң улуг-эргээнден азар/монг. дүүжин* ‘подвешивание за большие пальцы рук’, тув. *саактаары/монг. хавчуур* ‘сжимание тисками голеней мужчин и рук женщин’). Проведенное лингвистическое исследование названий «девяти пыток» показало явное монгольское влияние. Тувинская лексика этой группы сформировалась в результате прямых заимствований из монгольского языка, а также описательной передачи значений монгольских лексем. Последнее может указывать на сравнительно меньшую распространенность (или частотность применения) видов пыток. В исследовании применялись сравнительно-сопоставительный метод, метод компонентного анализа и описание. Материалом исследования послужили данные тувинских и монгольских словарей, научных работ по тувинской истории, этнографии и истории права, а также работ монгольских исследователей, рассматривавших монг. *есөн эрүү* ‘букв. девять пыток’ с исторической точки зрения. Иллюстративный материал был извлечен из произведений тувинской художественной литературы и этнографических описаний.

Ключевые слова: тувинский язык, монгольский язык, *тос эриш/эрээ*, *есөн эрүү* ‘букв. девять пыток’, заимствование, структурные и семантические признаки

Введение

В период с XVIII до начала XX в. Тува находилась в составе Циньской империи. Свое правление в Туве китайская администрация осуществляла через местных правителей, которые подчинялись в свою очередь монгольским. Так, управление тувинцами и монголами было учреждено в 1768 г. в ставке наместника императора в Северной Монголии – Уласутае, а также в Кобдо.

В монгольских и тувинских землях с XIX в. действовало «Уложение Китайской Палаты внешних сношений», относящееся к 1828 г., – специально созданный документ для управления окраинными народами [1, с. 191]. Согласно нормам уложения при проведении следственных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта Института лингвистических исследований РАН на тему «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (№ 23-18-00659).

действий применяли около 40 видов пыток [2]. Из них в Туве действовали девять. Это так называемые *тос эрии/эрээ* ‘девять пыток’ [3–5].

Тос эрии ‘букв. девять пыток’ – термин, обозначающий систему экзекуции, жесточайших пыток в феодальной Туве [6, с. 618]. Вопрос о том, какие именно виды «девяти пыток» существовали в Туве, остается до сих пор открытым. В имеющихся работах называются различные списки девяти пыток даже у одного автора. М.Б. Кенин-Лопсан в одной своей работе дает следующие названия пыток: 1) *шаагайтаары* (то же что и *шаагайлаары*) – бьют по обеим щекам по пять раз предметом, называемым *шаагай*, изготовленным из двойной простроченной кожи с песком между слоями; 2) *маңзылаары* – бьют по икрам ног 60 раз доской длиной в маховую сажень, называемой *манзы*; 3) *сайга олуртуру* – сядят связанного по рукам человека на острые камни; 4) *саспылгалаары* – сжимание пальцев рук при помощи предмета с названием *саспылга*, изготовленным из палочек, соединенных затягивающимися кожаными шнурками; 5) *кымчылаары* – бьют плетеным кнутом до 100 раз; 6) *саактаары* – сжимание голеней тисками (*саак*), изготовленными из тонких бревен; 7) *шивегейлиг кулузуннар кагары* – вбивание острой тонкой щепки под ногти; 8) *каракче хыл урары* – измельченные конские волосы с гривы всыпали в глаза; 9) *ооргага хаг кыпсыры* – зажигание трута на спине [3, с. 96–97].

В другой своей работе М.Б. Кенин-Лопсан дает сведения, полученные от информанта С.Х. Ооржак, в которых представлен несколько другой список. Так, кроме упомянутых выше *шаагайтаар* (то же что и *шаагайлаар*), *манзылаар*, *кулузунну дыргак аразынче киир кагар*, *хол кызары* (то же, что и *саспылгалаары*), *ооргазын дөспээр* (то же, что и *ооргага хаг кыпсыры*), он приводит другие виды: *хаак-биле кагар* ‘бить розгами’, *далгыг* ‘мялка – приспособление для выделки кожи’, *баиш дүгүн дедир сүвүрер* ‘букв. скоблить в обратном направлении волосы на голове’, *думчук үдүнче база таалай уунче чүве суккаш*, *аай-дедир хирээдээр* ‘просунув шнур через ноздри и рот, двигают им взад-вперед’ [4, с. 279].

Согласно исследованиям Ж. Болдбаатара, в Монголии *есөн эрүү* ‘девять пыток’ включала следующие виды: 1) *туйван* (бить тонкими ветками ивы или другого дерева); 2) *чавчирга/цавчирга* (бить по бедрам куском доски); 3) *шаахайдах* (бить *шаахаем*, бить по щекам кожаной подошвой обуви); 4) *хулсан хадаас* (втыкание острого предмета под ногти); 5) *сараалж* (посадить коленями на острые камни); 6) *дүүжин* (обвиняемого сажают на 7–9 шестов, подвешивают к дереву на веревках за большие пальцы обеих рук и подвергают пыткам, выдерживая нижние шесты один за другим); 7) *хөшүүр* (связать или запереть четыре конечности, чтобы человек не мог ни сесть, ни лежать и ходить; оставляли в таком положении на ночь); 8) *төөнүүр* (подпаливание мясистой части спины или бедер); 9) *хавчуур* (клещи, тиски или зажим; сжимание тисками ног мужчин и рук женщин) [7, с. 154]. Однако описание девяти видов пыток у другого монгольского ученого, Б. Будрагчаа [8, с. 79], несколько отличается от сведений Ж. Болдбаатара.

В таблице мы приводим описания и названия пыток в тувинском и монгольском языках, извлеченные из вышеназванных работ. Тувинский и монгольский материалы показывают семь соответствий: 1) тув. *шаагайтаары*/монг. *шаахайдах* ‘бить шаагаем по лицу’, 2) тув. *маңзылаары*/монг. *чавчирга* ‘бить по бедрам ног доской’, 3) тув. *кулузуннар кадаары*/монг. *хулсан хадаас* ‘вбивание острой тонкой щепки под ногти’, 4) тув. *ооргага хаг кыпсыры* ‘зажигание трута на спине’/монг. *төөнүүр* ‘подпаливание спины’, 5) тув. *хаак-биле кагар*/монг. *туйван* ‘бить тонкими ветками ивы или другого дерева’, 6) тув. *ийи холуңуң улуг-эргээнден азар*/монг. *дүүжин* ‘подвешивание за большие пальцы рук’, 7) тув. *саактаары*/монг. *хавчуур* ‘сжимание тисками голеней мужчин (и рук женщин)’.

Объектом исследования являются тувинские и монгольские лексемы и словосочетания, называющие соответствующие в обоих языках виды пыток. Целью данной статьи является проведение лексического анализа и выявление структурных и семантических особенностей названий «девяти пыток» в тувинском языке в сопоставлении с их параллелями в монгольском языке. Подобный лексический анализ, касающийся «девяти пыток» в тувинском языке в срав-

Описания и названия пыток в тувинском и монгольском языках

Описание	Кенин-Лопсан, 1994	Кенин-Лопсан, 2000 (информант С.Х. Ооржак)	Минаев, Серен- Чимит, 2015	Болдбаатар, 1997	Будрагчаа, 2020
Предметом, называемым шаагай, били по обеим щекам (5–100 раз)	шаагайтаары	шаагайтаары	+	шаахайдах	+
Били по бедрам доской (5–60 раз)	маңзылаары	манзылаары	+	чавчирга/чавчирга	–
Садили связанного по рукам человека на острые камни	сайга олуртуру	–	+	–	+
Зажимали пальцы рук специальным предметом	сасылгалаары	хол кызары	+	–	–
Били плетеным кнутом	кымчылаары	–	+	–	–
Вбивали острую тонкую щепку под ногти	шивегейлиг кулузуннар кагары	кулузунну дыргак аразынче кишр кагары	+	хулсан хадаас	–
Всыпали в глаза измельченные конские волосы с грив	каракче хыл улары	–	–	–	–
Подпаливали спину (или бедра)	ооргага хаг кыпсыры	ооргазын дөспээр	+	төөнүүр	+
Били тонкими ветками ивы или другого дерева	–	хаак-биле кагар	–	туйван	–
Мяли мялкой, приспособлением для выделки кожи	–	далгыг	–	–	–
Скоблили в обратном направлении волосы на голове	–	баш дүгүн дедир сүвүрер	–	–	–
Просунув шнур через ноздри и рот, двигали им взад-вперед	–	думчук үдүнче база таалай уунче чүве суккаш, аай-дедир хирээдээр	–	–	–
Блокировали руки и ноги в одном куске доски так, чтобы допрашиваемый не мог ни стоять, ни лежать; оставляли в таком положении на ночь	–	–	–	хөшүүр буюу хонгор азарга	+

Окончание таблицы

Описание	Кенин-Лопсан, 1994	Кенин-Лопсан, 2000 (информант С.Х. Ооржак)	Минаев, Серен- Чимит, 2015	Болдбаатар, 1997	Будрагчаа, 2020
Сжимали тискаами голени мужчин и рук женщин	саактаары	–	–	хавчуур	+
Пытали дымом (угаром)	–	–	+	–	–
Подвешивали за большие пальцы рук	–	–	+	дүүжин	+
Связывали руки пропитанной веревкой в течение двух часов	–	–	–	–	+
Били короткой доской по спине (1–50 ударов)	–	–	–	–	+
Били длинным куском доски по спине (1–60 ударов)	–	–	–	–	+
Посадив на корточки, клали поперек на икры длинную палку, на которую с двух сторон давили ногами два человека	–	–	–	сараалж	–

Примечание: знаком «+» обозначены виды пыток, описание которых приводится без их названий в работах [5, 8]; знаком «–» обозначается отсутствие такого вида пыток в приведенных работах.

нении с монгольскими параллелями проводится впервые. При исследовании были применены: сравнительно-сопоставительный метод, компонентный анализ и описание. В качестве материала для сопоставления использовались работы монгольских исследователей, рассматривавших монг. *есөн эрүү* ‘букв. девять пыток’ с исторической точки зрения. Использовались материалы исследований по тувинской истории, этнографии и истории права, а также словарные статьи. Иллюстративный материал был извлечен из произведений тувинской художественной литературы и этнографических описаний.

Лексический анализ названий «девяти пыток» в тувинском и монгольском языках

Термины тув. *тос эрии* (эрээ) и монг. *есөн эрүү* являются структурно и семантически параллельными: первыми компонентами данных сочетаний выступают числительные *тос* и *ес(өн)*, которые в обоих языках обозначают число *девять*; тувинская лексема *эрии* (эрээ) является заимствованием из монгольского языка. Монгольская лексема *эрүү* в современном монгольском языке передает значения: 1) пытка; 2) уголовное преступление; 3) грех. Последнее значение, как указано в словаре, является устаревшим [9, с. 431]. Рассмотрим названия некоторых из девяти пыток, имеющих параллели в тувинском и монгольском языках.

1. Тув. *шаагай*, *шаагайлаар*, *шаагайтаар* – монг. *шаахай*, *шаахайдах*. Лексема *шаагай* в тувинском языке обозначает: 1) толстая простроченная кожа (одно из орудий телесного наказания и пытки в дореволюционной Туве); 2) наказание (пытка) с помощью толстой простроченной кожи [6, с. 561]. В тувинский язык лексема *шаагай* вошла из монгольского языка. В монгольском языке лексема *шаахай* изначально обозначала вид обуви, затем подошву, которая начала применяться как орудие пыток: *шаахай* 1) тапочки; сандалии; босоножки; туфли; ботинки; башмаки; 2) *шахай*, кожаная подошва (орудие пытки в виде подметки, которым бьют по щекам) [9, с. 326].

- (1) *Шаагай деп аразынга элезин уруп тургаи, чоржайты көржеп каан шири-биле ийи чаакче кагар* [10, с. 23].

<i>шаагай</i>	<i>деп</i>	<i>аразы=н=га</i>	<i>элезин</i>	{ур=уп
шаагай	CONJ	между=INFIX=DAT	песок	{сыпать=CV
<i>тур=гаи</i>	<i>чоржайт=ы</i>	{көржеп=п	<i>ка=ан</i>	
AUX=CV}	образоваться=CV	{обвивать=CV	AUX=PAST/3}	
<i>шири=биле</i>		<i>ийи чаак=че</i>	<i>каг=ар</i>	
плотная сыромятная кожа=INSTR	два	щека=LAT	ударять=PF	
‘Бьют по щекам плотной сыромятной кожей (имеющей слои) под названием шаагай, с насыпанным между ними песком’.				

В тувинском языке употребляются две глагольные основы *шаагайла* и *шаагайта*, образованные от именной основы *шаагай*. По правилам фонетики тувинского языка после основ, оканчивающихся на сонорный звук [й], могут прибавляться аффиксы, начинающиеся с сонорного звука [л] (ср. *шайла*= ‘пить чай’ < *шай* ‘чай’ + =ла; *чугайла*= ‘белить известью’ < *чугай* ‘известь’ + =ла и т. д.). Отсюда глагол *шаагайла*= < *шаагай*= + =ла, образован по всем фонетическим правилам при помощи словообразовательного аффикса =ла.

Что касается глагольной основы *шаагайта*, то она имеет другую структуру, а именно образована от основы монг. *шаахайд*= прибавлением глаголообразующего аффикса =а (ср. *чурта*= ‘жить’ < *чурт* ‘земля’ + =а; *дуза*= ‘солить’ < *дус* ‘соль’ + =а), который используется в современном тувинском языке реже, чем аффикс =ла. А оглушение, переход конечного согласного звука [д] > [т] и озвончение [х] > [г] в основе *шаахайд*= > *шаагайт*= закономерно. Рассмотрим пример:

- (2) *Өршээңер, авыраңар, хайыраатым! Бажым тениди шаагайтап кааннар-дыр* [11, с. 40].
 өршээ=ңер авыра=ңар хайырааты=м
 пожалуйста=IMP/2PL пощадить=IMP/2PL господин=POSS/1
 баж=ы=м тени=ди {шаагайта=п
 голова=NOM=POSS/1 ка=ан=нар=дыр}
 {бить.по.щекам.толстой.простроченной кожей=CV AUX=PP=2PL=MOD}
 ‘Помилуйте, мой господин! Они избili меня шаагаем до помутнения разума’.
- (3) *Шагда болза чеденден чүс бирге чедир шаагайтаптар чинзе болгай* [12, с. 108].
 шаг=да бол=за чеден=ден чүс бир=ге
 время=LOC AUX:быть=COND семьдесят=ABL сто один=DAT
 чедир шаагайта=пт=ар чинзе болгай
 до бить.по.щекам.толстой.простроченной кожей=PrP чинзе PTCL
 ‘В былые времена этот чинзе (чиновник) бил шаагаем от семидесяти до ста одного раза’.

2. Тув. манзылаары – монг. банздах. В работе Ж. Болдбаатара приводится вид пытки *чавчирга/цавчирга*, которому автор приводит объяснение: «Хонго гуяны хэсэгт банздах» [7, с. 154], которое переводится как ‘бить банзой по задней части бедра’. Монгольская лексема *банз(ан)* означает 1) доска, 2) орудие пытки и наказания [13, с. 226]. А пытка, по которой бьют подозреваемого при помощи *банз(ан)* называется *банздах* [13, с. 226], что соответствует тувинскому *манзылаар* (*манзалаар*). Тув. *манзы* (*манза*) и монг. *банз(ан)* восходят к кит. *баньцы* ‘колотушка’ [14, с. 63].

Согласно литературному источнику, описание тув. *манзы* и пытки *манзылаар* таково:

- (4) – *Манзы дээр дөрт кырлыг ыяш-биле ийи балдырже согар* [10, с. 23].
 манзы дэ=эр дөрт кыр=лыг ыяш=биле
 манзы называть=PrP четыре доска=POSSV дерево=INSTR
 ийи балдыр=же сог=ар
 два бедро=LAT бить=PrP
 ‘Бьют по двум бедрам четырехгранной доской, которую называют «манзы»’.

Таким образом, поскольку лексема *чавчирга* обозначает «розга, батог, палка», соответственно, *чавчиргадах* обозначает ‘бить розгами’ [9, с. 298], то *чавчирга/цавчирга* следует рассматривать как другой вид пыток, отдельный от *банздах*.

3. Тув. *кулузун кадаар* – монг. *хулсан хадаас*. Название пытки *кулузун кадаар* (*кулузунну дыргак аразынче киир кагар*) ‘букв. вбить тростник (бамбук, камыш) под ноготь’ соответствует монг. *хулсан хадаас* ‘букв. вбивание тростника’. Этот вид пытки представляет собой наказание путем вбивания острой щепки под ногти подозреваемого. Рассмотрим пример из художественной литературы:

- (5) *Дыргак алдынче кулузун кагар. Шил дег, кадыг кулузунну шала калбак тевене дег кылдыр чазап алгаи, дыргактарының дал ортузунче эрттир хап кииргилентер* [10, с. 23].
 дыргак алды=н=че кулузун каг=ар шил дег
 ноготь внизу=INFIX=LAT тростник бить=PrP стекло как
 кадыг кулузун=ну шала калбак тевене дег
 твердый тростник=ACC слегка широкий игла как
 кылдыр {чаза=п ал=гаи} дыргак=тар=ы=ның дал
 как {строгать=CV AUX=CV} ноготь=PL=3POSS=GEN=NOM самый

орту=зу=н=че эрттир {ха=n киир=гиле=nm=ep}
 середина=POSS/3=INFIX=LAT сквозь {бить=CV вбивать=ITER=PFV=PrP}
 ‘Под ноготь вбивают щепку (букв. тростник). Изготовив из твердого, как стекло, тростника тонкий, немного шире большой иглы, предмет, вбивают его прямо в середину ногтя’.

Лексема *кулузун* относится к монголизмам в тюркских языках (алт. *кулузын* ‘тростник’, як. *кулуһун* ‘озерная осока, тростник, камыш’) [14, с. 288]. По данным словарей, лексема *кулузун* изначально обозначала в тувинском языке «тростник», «бамбук» или «камыш» [15, с. 227]. Но, как показывают наши наблюдения за современной тувинской речью, лексема *кулузун* приобрела также значение «щепка».

Вторая часть словосочетания – глагол тув. *кадаар* и имя действия монг. *хадаас* имеют общую основу *кад(а)=/хад(а)=*. Ее происхождение и изначальная языковая принадлежность вызывает расхождения во взглядах исследователей. Наиболее распространено мнение о том, что она попала в монгольские языки из древних тюркских языков, а позже была обратно переаимствована в тюркские языки [16, с. 181].

4. Тув. *ооргага хаг кысыры* – монг. *төөнүүр*. Вид пыток тув. *ооргага хаг кысыры* ‘букв. зажигание трута на спине’ описывается так: «на голую спину подозреваемого (заранее привязав его) накладывали жгут и поджигали его, огонь медленно тлел по телу и подпаливал кожу» [5, с. 2]. В тувинской художественной литературе эту пытку также называют эвфемизмом *ооргага от салдырар* ‘букв. дать разводить костер на спине’. Например:

- (8) *Артында-ла бажыңда бөргүң чок баглаашче маңнап канчаарың ол? Чоокта ооргага от салдырбаан кижси сен бе? Эх, сени, сени-и!..* [17, с. 6].

артында=ла баж=ың=да бөргү=ң чок баглааш=че
 даже=PRTCL голова=POSS/2=LOC шапка=POSS/2 NEG коновязь=LAT
 маңна=n канчаар=ың ол чоок=та оорга=ң=га
 бегать=CV поступать=POSS/2 Q ближайшее.время=LOC спина=POSS/2=DAT
 от=Ø салдыр=ба=ан кижси сен бе эх сен=и
 огонь=NOM разжигать=NEG=PP человек 2Sg Q эх ты=ACC
 сен=и=и
 ты=ACC

‘Почему без головного убора бежишь к коновязи [и встречаешь чиновника]? Что, давно тебя не пытали зажиганием огня на спине? Эх, ты!’

Художественная литература на тувинском языке также дает примеры, которые показывают, что подпаливание производилось не только спины, но и ягодиц и задней части бедер. Примеры:

- (9) *Дөрт эр ... ужага от одаарын бодап, суг-дер төктү берген кылайтып олурар* [17, с. 14].

дөрт эр ужа=га от ода=ар=ын
 четыре мужчина ягодицы=DAT огонь топить=PrP=ACC
 бода=n суг=дер {төк=t=ү бер=ген} {кылайты=n олур=ар}
 думать=CV вода=пот {лить=RFL=CV AUX=PP} {лететь=CV AUX=PrP}
 ‘Четверо мужчин, думая, что могут подвергнуться пыткам подпаливания ягодиц, лете-
 ли, что пот лился ручьем’.

- (10) *Чүгле өске үш эжиң-биле силер дөрттүң балдырыңарга от одап, чамдык чаппаа дүжүметтер холунуң кижиирин хандырар эвес...* [17, с. 14].

чүгле өске үш эж=иң=биле силер дөрт=түң
 только другой три друг=POSS/2=INSTR вы четыре=GEN

балдыр=ың=ар=га	от	ода=n	чамдык
бедро=NOM=POSS/2PL=DAT	огонь	разжигать.огонь=CV	некоторый
чашинаа дүжүмет=тер	хол=y=нуң	кижи=ур=ин	
льстивый чиновник=PL	рука=POSS/3=GEN	чесать=PrP=ACC	
хандыр=ар	эвес		
удовлетворять=PrP	NEG		

‘Некоторые льстивые чиновники не удовлетворяют свои чешущиеся руки, пытая подпаливанием бедер только вас четверых – тебя с твоими тремя товарищами...’.

Монг. *төөнүүр* означает подпаливание мясистой части спины или бедер подозреваемого горячим куском железа [8, с. 79]. В современном монгольском языке *төөнүүр* обозначает ‘прижигание (в лечебных целях)’ [17, с. 244].

5. Тув. *хаак-биле кагар* – монг. *туйван*. Тувинский материал и работа М. Б. Кенин-Лопсана [4] указывают на наличие такого вида пыток, как *хаак-биле кагары*, который может передаваться как ‘бить розгами’. *Хаак* обозначает здесь «розга из ивы». В словаре дается: *хаак* 1) мелкий тальник; 2) [ивовый] прут; 3) розга [6, с. 458]. Рассмотрим пример употребления этой лексемы:

- (11) *Хелиң өл хаак кезип алгаиш, оолду хөрек шавыштыр ийи кагарга-ла, моорап калган* [12, с. 203].

хелиң	өл	хаак	{кез=ип	ал=гаиш}
гелунг	влажный	прут	{резать=CV	AUX=CV}
оол=ду	хөрек	шавыштыр	ийи	каг=ар=га=ла
парень=ACC	грудь	крест-накрест	два	ударять=PF=DAT=PTCL
{моора=n		кал=ган}		
{падать.в.обморок=CV		AUX=PAST/3}		

‘Когда гелунг, срезав свежий ивовый прут, парня всего два раза крест-накрест хлестнул по груди, тот упал в обморок’.

В монгольской системе пыток есть вид *туйван* ‘розги’. Словарь указывает, что в современном монгольском языке имеются две лексемы: *туйван* I, которая обозначает название растения *лапчатник зубчатый*; *туйван*, II обозначает: 1) палка, розга (как наказание); 2) стержень; 3) гантель [18, с. 250]. Отсюда, возможно, следует, что первоначально основа *туйван* обозначала растение, затем уже – вещь (розгу), изготовленную из этого растения. Поэтому глагол *туйвандах*, образованный от основы *туйван*, обозначает ‘бить палкой, розгой, хлестать лапчатником’ [18, с. 250]. И отсюда следует, что розги изготавливались из ивовой ветки (тув. *хаак*) и из веток лапчатника (монг. *туйван*).

6. Тув. *ийи холунуң улуг-эргээнден азар* – монг. *дүүжин*. Монгольская лексема *дүүжин* имеет значение «что-либо качающееся, подвешенное» [19, с. 94]. *Дүүжин*, судя по монгольским материалам, соответствует виду пытки тув. *ийи холунуң улуг-эргээнден азар* ‘вешать за большие пальцы обеих рук’. Эта пытка описывается так: обвиняемого сажают на 7–9 шестов, подвешивают к дереву на веревках за большие пальцы обеих рук, чтобы ноги не касались земли, и подвергают пыткам, выдергивая нижние шесты один за другим [8, с. 79]. Примеры в тувинской художественной и научной литературе на этот вид пыток нам не встретились.

7. Тув. *саактаары* – монг. *хавчуур*. *Саактаар* обозначает сжимание голеней мужчин и рук женщин тисками, орудием пытки *саак*, изготовленным из тонких бревен. Б.И. Татаринцев связывает лексему *саак* с основой *саг*= ‘доить’, которая в «некоторых единичных источниках имеет значение «жать, давить» [20, с. 26].

- (10) *Саак дээрге кижиниң ийи чодазының чиңгези сыңа бээр эш-эш кылдыр керттип чоруй барган* [21, с. 211].

саак дэ=эр=ге кижиниң ийи чода=зы=ның
тиски называть=PrP=DAT человек=GEN два голень=POSS/3=GEN
чиңге=зи {сың=a бэ=эр} эш=эш кылдыр
тонкий=POSS/3 {помещаться=CV AUX=PrP} пара так
{кертти=n чору=й бар=ган}
{зарубать=CV AUX=CV AUX=PP}
‘Саак – это два бревна, сделанные и соединенные парами так, чтобы поместились туда ноги человека’.

В современном тувинском языке имя существительное *саак* ‘тиски’ и глагол *саактаар* ‘сжимание тисками’ относятся к историзмам и не принадлежат к активной лексике.

Лексема *хавчуур* в монгольском языке обозначает: 1) клещи; тиски (инструмент), зажим; 2) скрепа, канцелярские скрепки; 3) обойма; 4) *ист.* зависимость, нахождение под чьим-то влиянием [6, с. 9].

8. В тувинском материале имеется название вида пытки *хол кызар* ‘букв. сжимать руку’. Другое название этой пытки – *саспылгалаар* – связано с названием непосредственно орудия пытки – *саспылга/саспылга/саспылга*, которое, по мнению Б.И. Татаринцева, относится к монголизмам [20, с. 66, 74]. *Саспылга* изготавливалось из палочек, которые соединялись затягивающимися кожаными шнурками, оно описывается в литературе так:

- (11) *Хол кызар. Шак бо даңза уну дег кадыг кадырган ыргай, сөөскен ышкаш ыяштарны уштарын үттеп туруп баг-биле дизип алыр. Оон дөрт салаа аразынга тулдур суккаш демги баглар-биле ийи ужундан чоорту-ла сөөктер чарылгыже кызар* [10, с. 23].

хол кыз=ар шак бо даңза ун=у дег
рука сжимать=PF вот это курительная.трубка стебель=POSS/3 как
кадыг кадыр=ган ыргай сөөскен ышкаш ыяш=тар=ны
твердый засушивать=PP ирга таволга как дерево=PL=ACC
уш=тар=ын {үтте=n тур=ун} баг=биле {диз=ип
стебель=PL=ACC {пробивать=CV AUX=CV} веревка=INSTR {нанизывать=CV
ал=ыр} оон дөрт салаа аразы=н=га тулдур сук=каш
AUX=PrP} потом четыре палец между=INFIX=DAT плотно класть=CV
демги баг=лар=биле ийи уж=у=н=дан
тот веревка=PL=INSTR два конец=POSS/3=INFIX=ABL
чоорту=ла сөөк=тер чар=ыл=гыже кыз=ар
постепенно=PTCL кости=PL расщепляться=PFL=CV жать=PrP

‘Сжимать руки. Прodelав дырочки в этих твердых, как ирга и таволга, палочках (толщиной) с мундштук курительной трубки, нанизывают их на кожаные шнуры. Затем, продев их между пальцами, постепенно крепко затягивают с двух сторон до лопания костей’.

Рассматриваемые монгольские работы не содержат упоминаний о виде пыток при помощи *савслага*. В словаре монгольского языка лексема *савслага* передает несколько иное значение, а именно ‘тиски, пресс, *уст.* тиски для пытки’ [18, с. 66], как и собственно *хавчуур*. Также этимологический словарь монгольских языков указывает, что основа *Sabsalyan* [sabsalyan] (халх. *савслага(н)*, калм. *савслһн*) обозначает: 1) тиски, клещи; 2) зажим для кастрации самцов домашних животных [22, с. 81]. В своем последнем значении она получила распространение и в других тюркских языках, например в киргизском [22, с. 81]. Монгольское орудие

пыток *савслага*, судя по описанию в словарях, обозначает: 1) тиски, клещи; 2) зажим для кастрации самцов домашних животных), отличается от тувинского орудия *сасылга*. Монг. *савслага* по описанию похож на монг. *хавчуур*. Поэтому, вероятно, лексемами тув. *сасылга* и монг. *савслага* обозначали разные орудия пыток.

Выводы

Рассмотрение исторических и этнографических работ по «девяти пыткам», применявшихся при проведении следственных действий в цинский период в истории Тувы и Монголии, показало определенную их общность. Проведенный лексический анализ названий их видов в тувинском языке явно свидетельствует о монгольском влиянии.

Результаты сопоставления имеющегося материала на тувинском языке выявили семь параллелей с монгольскими видами пыток. Три из них – это названия, заимствованные из монгольского языка, которые образуют полные структурные и семантические соответствия с монгольскими: тув. *шаагайлаар* – монг. *шаахайдах*, тув. *манзылаар* – монг. *банздах*, тув. *кулузунну дыргак аразынче киир кагар* – монг. *хулсан хадаас*. Эти три вида пыток имеются во всех рассмотренных источниках по истории и этнографии Тувы и Монголии; имеют сравнительно частотное употребление в текстах тувинской художественной литературы. И можно предположить, что они использовались и в Монголии, и в Туве чаще, чем другие.

Остальные четыре параллели – это семантические соответствия, при которых один и тот же вид пыток называется в тувинском и монгольском языках разными лексическими средствами: в тувинском языке преимущественно описательно – словосочетаниями, в монгольском – специальными лексемами. Это может указывать на сравнительно меньшую распространенность (или частотность применения) данных видов пыток.

Таким образом, тувинская лексика этой группы формировалась в результате прямых заимствований из монгольского языка, а также описательной передачи значений монгольских лексем.

При проведении исследования обнаружено, что списки видов «девяти пыток» различаются по разным источникам. Отличия имеются в разных работах даже у одного автора. Поэтому дальнейшее исследование этого вопроса с исторической точки зрения является открытым. С лингвистической стороны названия других видов пыток и наказаний, применявшихся в рассматриваемый исторический период, ожидают своего дальнейшего исследования, и данный вопрос является все еще актуальным для тувинского языкознания.

Список источников:

1. Дамдынчап В.М. Система наказаний по китайскому Уложению в Цинский период // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Кызыл, 20–23 сентября 2018 г.). Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2018. 349 с.
2. Ховалыг Р.Б. Тос эрии. URL: <https://tuva-library.ru/novosti/2323-tos-erii.html> (дата обращения 15.07.2024).
3. Кенин-Лопсан М.Б. Тыва чоннуң бурунгу ужурлары. Кызыл: Новости Тувы, 1994. 192 с.
4. Кенин-Лопсан М.Б. Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары. Кызыл: Новости Тувы, 2000. 352 с.
5. Минаев А.В., Серен-Чимит К.К. Историко-правовое значение исполнения уголовного наказания в Туве в конце XIX и в начале XX века // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 181–185. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85037.htm> (дата обращения 15.07.2024).
6. Тувинско-русский словарь / ред. Э.Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
7. Болдбаатар Ж. Монгол Улсын төр, эрх зүйн түүхэн уламжлал. 1997. <https://galuut.com/?p=3589> (дата обращения 15.07.2024).
8. Бударгаа Б. История монгольского права // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2020. Вып. 4. С. 43–84.
9. Большой академический монгольско-русский словарь. Т. IV / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA, 2002. 501 с.

10. Сарыг-оол С.А. Хүннүң ыраажылары. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1977. 457 с.
11. Кок-оол В.Ш. Самбажык: шиилер ному. Кызыл, 1966. 111 с.
12. Кудажы К.К. Уйгу чок Улуг-Хем. Кара том. Кызыл, 1996. 368 с.
13. Большой академический монгольско-русский словарь. Т. I / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA, 2001. 485 с.
14. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. III. Новосибирск: Наука, 2004. 440 с.
15. Толковый словарь тувинского языка. Т. II / отв. ред. Д.А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2011. 798 с.
16. Этимологический словарь тюркских языков / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М.: Языки рус. культуры : Кошелев, 1997. Вып. 1. 363 с.
17. Сарыг-оол С.А. Алдан дургун. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1987. 208 с.
18. Большой академический монгольско-русский словарь. Т. III / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA, 2001. 437 с.
19. Большой академический монгольско-русский словарь. Т. II / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA, 2001. 501 с.
20. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. V. Новосибирск: Наука, 2018. 180 с.
21. Сарыг-оол С.А. Аңгыр-оолдуң тоожузу: 2 номнуг роман. Кызыл, 2008. 440 с.
22. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / отв. ред. Г.Д. Санжеев, ред.-сост. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Т. III. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.

Ооржак Байлак Чаш-ооловна.

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.

Институт лингвистических исследований РАН.

Пер. Тучков, 9, Санкт-Петербург, 199053.

E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

Монгуш Начын Михайлович.

Младший научный сотрудник.

Институт лингвистических исследований РАН.

Пер. Тучков, 9, Санкт-Петербург, 199053.

E-mail: mongusnachyn@mail.ru

Материал поступил в редакцию 1 августа 2024 г.

Baylak Ch. Oorzhak, Nachyn M. Mongush

TUVAN TORTURE NAMES FROM THE MANCHURIAN-CHINESE PERIOD COMPARED TO MONGOLIAN TORTURE NAMES²

The article offers a lexical analysis of the Tuvan names of tortures known in Tuvan history as *тос эрүү* 'nine tortures.' *Тос эрүү* refers to the period of Manchu Chinese rule, the time of the Qing dynasty in Tuva and Mongolia (XVIII to early XX century). However, their rule in Tuva was exercised by local rulers, who, in turn, were subordinate to the Mongols.

Historical data indicate that the Chinese administration ruled Mongolia and Tuva according to a specially created document, "The Code of the Chinese Chamber of Foreign Relations." According to the norms contained in it, about 40 types of torture were developed for investigative measures. Of these, nine were applied in Tuva and Mongolia. Hence, the Tuvan and Mongolian names for torture – tuv. *тос эрүү* / *эрээ* and mong. *есөн эрүү* 'nine tortures'.

The article shows for the first time the structural and semantic features of the semantics of the names of the 'nine tortures' in the Tuvan language compared with the Mongolian language. The Tuvan and Mongolian sources show that there are certain discrepancies in listing the types of torture in different works. The analysis of the material allowed us to identify seven matches in the names of the 'nine tortures.' In the three cases described, there are complete structural and semantic correspondences in the names – tuv. *шаагайтаары* / mong. *шаахайдах* 'to strike the *Shaagai* in the face,' 2) tuv. *маңзылаары* / mong. *банздах* or *чавчирга* 'to hit the hips with a board,' 3) tuv. *кулузуннар кадаары* / mong. *хулсан хадаас* 'to drive a sharp thin splinter under the nails.' In these cases, we are dealing with direct borrowings from the Mongolian language. The other four parallels are semantic equivalents in which the same type of torture is denoted in Tuvan and Mongolian with different lexical means:

² The research was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences within the framework of the project of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences on the topic "The Turkic-Mongolian world of Central Asia: linguistic, historical, ethnocultural processes in diachrony and synchrony" (No. 23-18-00659).

in Tuvan, mainly with descriptive phrases, in Mongolian with special lexemes (tuv. *ооргага хаг кытсыры* 'to light tinder on the back' / mong. *төөнүүр* 'to light the tinder on the back,' tuv. *хаак-биле кагар* / mong. *туйван* 'to beat with thin branches of a willow or other tree,' tuv. *ийи холунуң улуг-эргээнден азар* / mong. *дүүжин* 'to hang by the thumbs,' tuv. *саактаары* / mong. *хавчуур* 'squeeze the shins of men and the hands of women with a vice').

A linguistic study of the 'nine tortures' names has shown a clear Mongolian influence. This group's Tuvan vocabulary arose through direct borrowings from the Mongolian language and through the descriptive transfer of the meanings of Mongolian lexemes. The latter could indicate a relatively lower prevalence (or frequency of use) of types of torture.

The comparative method, the component analysis method, and the descriptive method were used in the study. Data from Tuvan and Mongolian dictionaries, scholarly works on Tuvan history, ethnography, and legal history, as well as works by Mongolian researchers who have studied the Mongolian *есөн эрүү* 'nine tortures' from a historical perspective, were used as research material. The illustrative material was taken from works of Tuvan fiction and ethnographic descriptions

Keywords: *Tuvan language, Mongolian language, тос эрүү / эрээ –есөн эрүү 'nine tortures,' borrowing, structural and semantic features*

References:

1. Damdy'nchap V.M. *Sistema nakazaniy po kitayskomu Ulozheniyu v Cinskiy period* [The system of punishments according to the Chinese Code in the Qing period]. IV Central'noaziatskie istoricheskie chteniya. Prostranstvo kul'tur: cherez prizmu edinstva i mnogoobraziya. Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kyzyl, 20–23 sentyabrya 2018 g.). Kyzyl, TuvGU Publ., 2018. Pp. 191–193 (in Russian).
2. Khovalyg R.B. *Tos erii* [Nine tortures] <https://tuva-library.ru/novosti/2323-tos-erii.html> (in Tuvan) (accessed: 15.07.2024).
3. Kenin-Lopsan M.B. *Ty'va chonnuң burungu uzhurlary* [Ancient traditions of the Tuvan people]. Kyzyl, «Novosti Tuvy» Publ., 1994. 192 p. (in Tuvan).
4. Kenin-Lopsan M.B. *Ty'va chaңchy'l. Ty'va chonnuң y'dy'kty'g chaңchy'ldary* [Tuvan traditions. Sacred traditions of the Tuvan people]. Kyzyl, «Novosti Tuvy» Publ., 2000. 352 p. (in Tuvan).
5. Minaev A.V., Seren-Chimit K.K. Istoriko-pravovoe znachenie ispolneniya ugovnogo nakazaniya v Tuve v kontse XIX i v nachale XX veka [Historical and legal significance of the execution of criminal punishment in Tuva in the late XIX and early XX centuries]. *Nauchno-metodicheskiy elektronniy zhurnal «Koncept» – Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 2015, vol. 13, pp. 181–185. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85037.htm> (in Russian) (accessed: 15.07.2024).
6. Tenishev E.R. (ed) *Tuvinsko-russkiy slovar* [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1968. 646 p. (in Russian).
7. Boldbaatar Zh. *Mongol Ulsy'n ter, e'rx zyjn ty'yx'e'n ulamzhlal* [Historical and legal traditions of Mongolia], 1997. URL: <https://galuut.com/?p=3589> (in Mongolian) (accessed: 15.07.2024).
8. Budragchaa B. Istoriya mongol'skogo prava [The history of Mongolian law]. *Vestnik BGU. Yurisprudenciya – BSU Bulletin. Jurisprudence*, 2020, vol. 4, pp. 43–84 (in Russian).
9. Pyurbeev G.Cz. (ed.) *Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar* [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. Vol. 4. Moscow, Academia, 2002. 501 p.
10. Sary'g-ool S.A. *Xynnyң y'raazhy'lary* [Singers of the Day]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. 457 p. (in Tuvan).
11. Kok-ool V. Sh. *Sambazhy'k: shiiler nomu* [Sambazhyk: a collection of plays], Kyzyl, 1966. 111 p. (In Tuvan).
12. Kudazhy' K.K. *Ujgu chok Ulug-Xem. Kara tom* [Ulug-Hem is restless. Black Volume]. Kyzyl, 1996. 368 p. (in Tuvan).
13. Pyurbeev G.Cz. (ed.) *Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar* [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. Vol. 1. Moscow, Academia Publ., 2001. 485 p. (in Russian).
14. Tatarincev B.I. *Yetimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Vol. 3. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004. 440 p. (in Russian).
15. Mongush D.A. (ed.) *Tolkovyi slovar' tuvinskogo yazy'ka* [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka, 2011. 798 p. (in Russian).
16. *Yetimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurk. i mezhtyurk. leksich. osnovy na bukvy "K", "K"* [Etymological dictionary of Turkic languages : General Turkic and inter-turkic lexical bases with the letter "K", "K"]. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow, Languages. Culture: Koshelev Publ., 1997. Vol. I. 363 p. (in Russian).
17. Sary'g-ool S.A. *Aldan durgun* [Sixty fugitives]. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. 208 p. (in Tuvan).
18. Pyurbeev G.Cz. (ed.) *Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar* [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. Vol. 3. Moscow, Academia, 2001. 437 p. (in Russian).
19. Pyurbeev G.Cz. (ed.) *Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar* [Large academic Mongolian-Russian dictionary] Vol. 2. Moscow, Academia, 2001. 501 p. (in Russian).

20. Tatarincev B.I. *Yetimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Vol. 5. Novosibirsk, Nauka, 2018. 180 p. (in Russian).
21. Sary'g-ool S.A. *Аңгы'г-oolдуң тоозхузу: 2 номнуг роман* [The story of a bright boy. A novel in two volumes]. Kyzyl, 2008. 440 p. (in Tuvan).
22. Sanzheev G.D. (ed.) *E'timologicheskiy slovar' mongol'skikh yazy'kov: v 3 t.* [Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2018. 240 p. (in Russian).

Oorzhak Baylak Chash-oolovna.

Doctor of Philological Sciences, Chief Scientific Officer.

Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences.

Tuchkov lane, 9, St. Petersburg, Russia, 199053.

E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

Mongush Nachyn Mikhaylovich.

Junior Research Assistant.

Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences.

Tuchkov lane, 9, St. Petersburg, Russia, 199053.

E-mail: mongusnachyn@mail.ru

Описания и названия пыток в тувинском и монгольском языках

Описание	Кенин-Лопсан, 1994	Кенин-Лопсан, 2000 (информант С.Х. Ооржак)	Минаев, Серен- Чимит, 2015	Болдбаатар, 1997	Будрагчаа, 2020
Предметом, называемым шаагай, били по обеим щекам (5–100 раз)	<i>шаагайтаары</i>	<i>шаагайтаары</i>	+	<i>шаахайдах</i>	+
Били по бедрам доской (5–60 раз)	<i>маңзылаары</i>	<i>манзылаары</i>	+	<i>чавчирга/цавчирга</i>	—
Садилы связанного по рукам человека на острые камни	<i>сайга олуртуру</i>	—	+	—	+
Зажимали пальцы рук специальным предметом	<i>саспылгалаары</i>	<i>хол кызары</i>	+	—	—
Били плетеным кнутом	<i>кымчылаары</i>	—	+	—	—
Вбивали острую тонкую щепку под ногти	<i>шивегейлиг кулузуннар кагары</i>	<i>кулузунну дыргак аразынче киир кагары</i>	+	<i>хулсан хадаас</i>	—
Всыпали в глаза измельченные конские волосы с грив	<i>каракче хыл урары</i>	—	—	—	—
Подпаливали спину (или бедра)	<i>ооргага хаг кыпсыры</i>	<i>ооргазын дөспээри</i>	+	<i>төөнүүр</i>	+
Били тонкими ветками ивы или другого дерева	—	<i>хаак-биле кагар</i>	—	<i>туйван</i>	—
Мяли мялкой, приспособлением для выделки кожи'	—	<i>далгыг</i>	—	—	—
Скоблили в обратном направлении волосы на голове	—	<i>баш дүгүн дедир сүвүрер</i>	—	—	—
Просунув шнур через ноздри и рот, двигали им взад-вперед	—	<i>думчук үдүнче база таалай уунче чүве суккаш, аай-дедир хирээдээр</i>	—	—	—
Блокировали руки и ноги в одном куске доски так, чтобы допрашиваемый не мог ни стоять, ни лежать; оставляли в таком положении на ночь	—	—	—	<i>хөшүүр буюу хонгор азарга</i>	+

Окончание таблицы

Описание	Кенин-Лопсан, 1994	Кенин-Лопсан, 2000 (информант С.Х. Ооржак)	Минаев, Серен- Чимит, 2015	Болдбаатар, 1997	Будрагчаа, 2020
Сжимали тисками голени мужчин и рук женщин	<i>саактаары</i>	—	—	<i>хавчуур</i>	+
Пытали дымом (угаром)	—	—	+	—	—
Подвешивали за большие пальцы рук	—	—	+	<i>дүүжин</i>	+
Связывали руки пропитанной веревкой в течение двух часов	—	—	—	—	+
Били короткой доской по спине (1–50 ударов)	—	—	—	—	+
Били длинным куском доски по спине (1–60 ударов)	—	—	—	—	+
Посадив на корточки, клали поперек на икры длинную палку, на которую с двух сторон давили ногами два человека	—	—	—	<i>сараалж</i>	—

Примечание: знаком «+» обозначены виды пыток, описание которых приводится без их названий в работах [5, 8]; знаком «—» обозначается отсутствие такого вида пыток в приведенных работах.

Е.В. Тюнтешева, О.Ю. Шагдурова, А.-Х.Т. Бадарчы

ПРИНЦИПЫ ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

Рассматриваются модели эвфемистической номинации диких животных в тюркских языках Южной Сибири (алтайском, хакасском, тувинском) с привлечением якутского материала. Лексемы, образующие эвфемизмы, подразделены на две группы: 1) лексемы, которые обозначают живых существ (людей и животных); 2) лексемы, которые этих существ характеризуют (со стороны внешнего вида, места обитания, способу передвижения, издаваемых звуков, запахов, повадок, производимого ими впечатления). Оба типа лексем могут употребляться как самостоятельно, так и в сочетании с лексемами другой группы. Выявлены некоторые закономерности такой сочетаемости, основные модели номинации, общие и специфичные черты формирования эвфемизмов диких животных в рассматриваемых языках. Модели эвфемистической номинации в рассматриваемых южносибирских языках, а также в якутском в основном общие. Имеются также параллели с монгольскими языками. Вместе с тем наблюдаются и некоторые различия, касающиеся моделей и их конкретного лексического наполнения. Из 277 эвфемизмов выявлено 32 параллели между рассматриваемыми южносибирскими языками и семь наименований, объединяющих их с якутским языком. Но этот факт требует дальнейшей проверки на большем количестве материала. Эвфемистические наименования содержат лингвокультурологическую информацию. Наибольшее количество эвфемизмов относится к медведю и волку. Их замещающие наименования представляют все выявленные модели. Имеются модели, характерные только для наименования этих животных. Так, в качестве эвфемизмов лишь для медведя и волка выступают термины родства, что отражает тотемистические представления тюрков Сибири. Замещающие наименования этих животных, а также некоторых других (змеи у алтайцев и орла у якутов) представляют их как людей старшего возраста, высокого социального статуса, принадлежащих к высшим силам, обладающих особой силой и способностями. Особое почтение при этом выражается медведю. В то же время признаки, характеризующие медведя и волка, описывают их как самых хищных, опасных и страшных зверей. В представлении тувинцев медведь может быть и милостивым, миролюбивым, так как он редко нападает первым. Практически все дикие животные, с которыми сталкивается человек, имеют эвфемистические наименования. Кроме волка и медведя в южносибирских языках по количеству замещающих наименований особо выделяются лиса (во всех языках), змея (алт., тув.), пушные звери (алт., хак.), лось (хак.) и другие копытные (тув.).

Ключевые слова: *тюркские языки Сибири, промысловая лексика, эвфемизмы, модели номинации, лингвокультура*

Введение

Эвфемизмы в тюркских языках Сибири издавна привлекали внимание исследователей. Так, эвфемистическая лексика, в том числе используемая в охотничьем промысле, вошла в словари В.И. Вербицкого [1] и Э.К. Пекарского [2]. Алтайским эвфемизмам посвящена монография Н.А. Яимовой [3], вторичным наименованиям в хакасской охотничьей лексике уделяется внимание в диссертации В.А. Боргоякова [4]. В их работах приводятся параллели с некоторыми тюркскими языками Сибири и древнетюркскими памятниками. Имеется ряд статей по эвфемизмам в речи охотников в тувинском и якутском языках [5–11].

В этих работах анализируются эвфемизмы, связанные с охотой и рыболовством, встречающиеся в разных диалектах алтайского, хакасского, тувинского, якутского языков. Они рассматриваются с точки зрения происхождения, признаков, лежащих в основе номинации. Однако еще не проводилось сравнительно-сопоставительное исследование эвфемизмов на материале нескольких тюркских языков Сибири, в результате которого были бы выявлены их общие и специфичные черты.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01738, <https://rscf.ru/project/24-28-01738>

Цель нашего исследования – определить принципы эвфемистической номинации диких животных в южносибирских тюркских языках (алтайском, хакасском, тувинском) с привлечением также якутского материала, выявить основные модели такой номинации и конкретные параллели эвфемизмов в рассматриваемых языках.

Лексемы, образующие эвфемизмы, мы условно разделили на две основные группы: 1) лексемы, которые обозначают живых существ; 2) лексемы, которые этих существ характеризуют (со стороны внешнего вида, поведения, места обитания и др.). Оба типа лексем могут употребляться как самостоятельно, так и в сочетании с лексемами другой группы.

1. Лексемы, которые обозначают живых существ

Лексемы, которые в своем первичном значении называют живых существ и используются как эвфемизмы, относятся к следующим подгруппам:

1.1. Лексемы, которые обозначают человека.

1.2. Лексемы, которые обозначают животное, называя его родовым термином или именем другого животного и др.

1.3. Лексемы, обозначающие часть тела животного.

1.1. Лексемы, которые обозначают человека, – это термины родства, половозрастные наименования человека, термины, указывающие на социальный статус. Они отражают тотемистические представления данных языковых коллективов, а также призваны задобрить животных: медведя, волка, а в якутском также и орла. Эти лексемы образуют в основном простые по структуре эвфемизмы. Но имеется некоторое количество наименований, представляющих собой сочетания названных лексем с определениями.

1.1.1. Термин, обозначающий старшего родственника (мужского/женского пола) ↔ животное ('медведь' – во всех рассматриваемых языках/'волк' – в алтайском).

В рассматриваемых языках отмечается неодинаковый набор терминов родства. Во всех южносибирских языках и в якутском как замещающие названия для медведя используются лексемы, обозначающие родственника старше отца:

алт. *таадак* 'дедушка по материнской линии' [3, с. 94]; *аба, ага* 'дед по отцу' [4, с. 118], тув. *ире* (т.-х.), *ирей* (тодж.)/*чааш ирей* (ов.), *кырган-ачай* 'дед' [7, с. 50]; як. *эчээкэ* 'дедуся' [11, с. 218].

В современном хакасском языке и в якутском бывшие эвфемизмы с первичным значением 'дед' (хак. *аба*, як. *эһэ*) стали основным названием медведя.

алт. *аба, абаай/абагай* 'дядя со стороны отца; старший брат'; хак. *абаа* (кач., кыз.) 'старший брат; дядя со стороны отца', *абай* 'старший брат; дядя' [4, с. 118], як. *абаҕа* 'дядя со стороны отца' [11, с. 218].

В хакасском отмечается также употребление терминов *улуҥ ага* 'прадедушка' и *ада* 'отец' [4, с. 118]. Слово *таай* 'дядя по материнской линии' в отношении медведя и волка используется только в алтайском языке.

Такие термины родства, как *таабай* 'дед' – 'медведь', *сагаан таабай* 'дед со стороны матери' и *нагаса* 'дядя со стороны матери' – 'волк' используются в бурятском языке [12, с. 202–203].

Лексемы, обозначающие родственников женского пола в отношении самки медведя, употребляются в рассматриваемых языках, но не в алтайском. Это термины со значением 'бабушка':

хак. *улуҥ иҕе, ууҕа* [4, с. 118]; тув. *эней, энейгин/энекей* (<эне) (каа.-х.), *кырган-авай* (юговост.) [7, с. 50]; як. *äbääh/äbäkä/äbäkkä* [13, с. 13].

В хакасском языке отмечается также эвфемизм *абыга* 'сестра, тетя' [4, с. 118], в алтайском же этот термин относится к родственнице по браку и употребляется в отношении волка: *абыгай* 'старшая сестра жены' (онгудайский говор) [3, с. 105]. Кроме того, в хакасском языке

слово *инес*, обозначающее ‘медведицу’, как считает В.А. Боргояков, скорее всего является эвфемизмом, восходящим к слову *ине* ‘мать; самка животных’ + уменьш.-ласк. афф. -с (*инес* ‘ма-тушка’) [4, с. 49–50].

Крайне редко употребление терминов, обозначающих младших родственников: алт. *карындаш* ‘младший брат’ – ‘медведь’ и як. *сиэн* ‘внук’ – ‘волк’. В составе якутских эвфемизмов волка используется также слово *уол* ‘сын’ (с указанием на происхождение, связь с высшими силами): *халлан уола*, *таңара уола* ‘сын неба’ [8, с. 179], *ойуур уола* ‘лесной сын’ [11, с. 219], что не встречается в языках Южной Сибири. Интересно в этом отношении использование слова *оолах* ‘мальчик’ как компонента замещающего наименования волка в хакасском языке: *чиги оолах* (саг.) ‘быстрый мальчик’ [4, с. 119].

В якутском языке, как отмечают исследователи, в качестве эвфемизмов используются и уменьшительно-ласкательные формы от терминов родства: як. *эчээкэ* ‘дедуся’ [11, с. 219], а также русские *баатыска*, *дьээдискэ* [9]. В рассматриваемых южносибирских языках нами выявлен только один эвфемизм с уменьшительно-ласкательным аффиксом в алтайском: *таадак* ‘дедушка’ (<*таада* + уменьш.-ласкат. афф. -к). Хакасское уменьшительно-ласкательное *абацах* ‘медведишка’, скорее всего, произошло уже от *аба* ‘медведь’ + афф. -цах, так как по отношению к дедушке такая форма не употребляется.

В хакасском зафиксирован эвфемизм медведя дядя *Ваня* из русского языка [4, с. 118]. В отличие от русского, для тюркских языков Сибири не характерно присвоение животным имен собственных (рус. *Михайло Иванович*, *Михаил Топтыгин* – медведь, *Тимофеевич* – волк, *Патрикеевна* – лиса [14, с. 64]) и использование их в качестве эвфемизмов.

1.1.2. Лексемы со значением ‘старик’/‘мужчина’ ↔ животное (‘медведь’ – во всех языках, тув. ‘волк’, алт. ‘змея’).

В основном такие наименования относятся к медведю:

‘медведь’ – алт. *өбөгөн/өбөөн* ‘мужчина’, *өрөкөн* ‘старик; почтенный’, *апиыйак* [3, с. 95] ~ хак. *апчак* [4, с. 118] – ‘старик’, як. *кырдыаҕас*, *оҕонньор* ‘старик’ [8, с. 179], ср. бур. *хүдөөгэй үбгэн* ‘лесной старик’ (с указанием на место проживания) [12];

‘волк’ – тув. *ашак*.

1.1.3. Лексемы, обозначающие принадлежность к высшим силам ↔ животное (‘медведь’).

В южносибирских языках по отношению к медведю используется слово алт. *кайракан* ~ хак. *хайрахан* ~ тув. *хайыракан/хайырган* 1) обращение к божеству; 2) господин. Оно является монгольским заимствованием.

Якутский язык выделяется эвфемизмами, называющими медведя, орла терминами, обозначающими высокий социальный статус.

1.1.4. Лексемы, обозначающие мужчину высокого социального статуса ↔ животное (‘медведь’, ‘орел’).

як. *тойон* ‘господин’ – ‘медведь’, ‘орел’, *мамыкаан* < *маамык* ‘староста или князец’ – ‘медведь’ [9].

В южносибирских языках такие эвфемизмы не выявлены.

1.1.5. Лексемы, которые обозначают человека, обладающего особой силой, способностями ↔ животное (‘медведь’).

Это замещающие наименования медведя:

алт. *кезер* ‘богатырь’, *күлүк* ‘силач, удалец’, як. *хардааччы* ‘удалец’ [11, с. 219].

Таким образом, эвфемизмы с лексемами, обозначающими человека, являются в тюркских языках Сибири замещающими названиями только для медведя и волка, в якутском также и для орла.

1.2. Лексемы, которые обозначают животное/некое существо, – это наименования:

1) животного вообще (обобщающее, родовое название): алт. *ан* ~ хак. *аң*, тув. *амытан*; тув. *куш* ‘птица’ – ‘орел’;

2) другого животного: хак. *мал* ‘скот’ – ‘зверь’, алт. *ийт* ~ тув. *ыт*, хак. *адай* ‘собака’ – ‘волк’; ср. бур. с указанием на происхождение – *тэнгэрийн нохой* ‘небесная собака’ [12, с. 203]; як. *анах* ‘корова’ – ‘лось’; як. *обус* ‘бык’ – ‘медведь’, ср. обозначение самца крупного зверя этим словом в южносибирских тюркских языках: шор. *өгүс* ‘самец крупного зверя’ – ‘медведь’, ‘бык’, ‘олень’, тел. *өгүс айу* ‘медведь-самец’, куманд. *өкүс айу* ‘медведь старше пятнадцати лет’ [4, с. 49];

3) детеныша животного: алт. *күчүк* ‘щенок’ (в сочетании *жердин күчүги* ‘щенок земли’), тув. (юго-вост.) *эник* ‘щенок’ [7, с. 50] – ‘волк’.

В качестве эвфемизмов употребляются и иноязычные слова, чтобы животные не поняли своего наименования на чужом языке. В языках Южной Сибири с этой целью используются монголизмы: тув. монг. *баавгай* ‘медведь’, тув. (юго-вост.) *шон* < монг. *шоно* ‘волк’ [7, с. 50] и др.

Кроме того, в языках Южной Сибири распространено замещающее наименование алт. *неме* ~ хак. *нине*, тув. *чүве* ‘вещь, нечто’, которое чаще всего выступает с определениями. Такие эвфемизмы называют медведя, волка, лису, змею, а в тувинском также орла.

1.3. Лексемы, обозначающие части тела и являющиеся, по мнению носителей языка, характерными именно для определенных животных (например, рога – для марала, хвост – для волка, лисы, клыки – для медведя, волка и др.). Они образуют эвфемизмы посредством присоединения аффикса обладания:

хак. *азылыг* ‘с клыками’ – ‘медведь’ [4, с. 118] ~ алт. *азулу* ~ як. *аһыылаах* ‘с клыками’ [11, с. 219] – ‘волк’; тув. *кудуруктуг* [3, с. 105] ~ як. *кутуруктаах* ‘с хвостом’, *тынгырахтаах* ‘когтистый’ [11, с. 219] – ‘волк’; алт. *туйгакту* ‘с копытами’ – косуля [3, с. 109]; як. *тумустаах* ‘с мордой’ – ‘песец’, ‘лиса’ [3, с. 105].

Они могут сочетаться с родовым названием животного (алт. *ан* ~ хак. *аң*):

хак. *тыргахтыг аң* ‘когтистый зверь’ – ‘рысь’, *харсахтыг аң* ‘зверь, имеющий когтистые лапки’ [4, с. 120]; тув. *мыйыстыг аңнар* ‘рогатые звери’ – ‘марал’, ‘лось’ [7, с. 50]; алт. *тырмакту кой* ‘с когтями овца’ – ‘сурок’ [3, с. 112]; як. *кынаттаах кыыл* ‘животное с крыльями’ – ‘орел’ [9].

Чаще всего они выступают в сочетании с характеристиками, которые обозначают преимущественно видимые признаки (например, окрас, величину). Части тела животного также могут быть подвергнуты эвфемизации: шкура – шуба, одеяло, лапы – обувь (тув.). В таких эвфемизмах внешние признаки животного подвергаются метафорическому переосмыслению:

‘медведь’ – алт. *антара тон* ‘вывернутая шуба’ [3, с. 104], хак. (кыз.) *түгдүр тон* ‘лохматая шуба’, *тир тон* ‘потная шуба’ [4, с. 118]; ‘лиса’ – хак. *идектиг тонныг* ‘в шубе с подолом’; як. *арбаҕастаах* ‘имеющий доху’, *хара сангыях* ‘черная доха’ [11, с. 219]; ср. бур. *дахатай* ‘в шубе’ [12];

‘медведь’ – тув. *чорганныг* ‘с одеялом’, *чымчак идик* (букв. ‘мягкая обувь’ – в значении ‘очень тихо ходит’) [7, с. 50]; ср. бур. *годон гуталтай* ‘в камусовой обуви’ [12].

2. Лексемы-характеристики

Лексемы-характеристики, которые служат определением к наименованиям живых существ, мы разделили на две подгруппы:

2.1. Реальные признаки, которые известны носителям рассматриваемых языков в результате наблюдения (внешние признаки, особенности поведения, передвижения, место обитания, издаваемые звуки, запахи).

2.2. Характеристики, которые в данном лингвокультурном сообществе приписываются животным в результате переосмысления особенностей их поведения, а также характеристика по производимому впечатлению (страшный, вызывающий брезгливость, красивый).

Лексемы-характеристики могут употребляться отдельно, но чаще они сочетаются с существительными первой группы.

2.1. Реальные признаки животного определяют прежде всего его внешний вид. Они выражены прилагательными и чаще всего сочетаются с существительными со значением ‘животное’, ‘скот’, ‘нечто’, с наименованиями других животных или с соматизмами (названиями частей тела животных).

2.1.1. Внешний вид животного

2.1.1.1. Окрас:

а) эвфемизмы, образованные одной лексемой и сочетанием с родовым наименованием. Последние составляют большинство примеров в выборке:

алт. *апагаш* ‘беленький’ – ‘заяц’, *кажаар* ‘белый’ – ‘заяц’, ‘горностай’ [3, с. 110–111]; алт. *жылтырууш* ‘блестящий’ – ‘змея’ [3, с. 115]; тув. *шокарбай* ‘пестренький’ – ‘змея’; як. *эри-эдэл* ‘пестрый’ – ‘рябчик’ [11, с. 221];

алт. *бараан ан* ‘зверь темного цвета’ [3, с. 103], тув. *кара чүве* (тодж.) ‘черное нечто’, *хурең инек* ‘бурая корова’ – ‘медведь’; тув. *куу амытан* ‘серое существо’ [7, с. 50] – ‘волк’; алт. *кызыл неме* ‘красное нечто’ – ‘лиса’; алт. *чокыр ан* [3, с. 108] ~ хак. *чохыр аң* [4, с. 120] ‘пестрый зверь’ – ‘рысь’; хак. *сарасхыр* ‘соловый жеребец’, хак. *хызыл асхыр* ‘красный жеребец’ – ‘колонок’ [4, с. 120];

б) эвфемизмы, образованные сочетанием прилагательного с соматизмом. В нашей выборке их немного:

алт. *көк көс* [3, с. 106], тув. *көк карак* (юго-вост.) [7, с. 50] ‘синие глаза’ – ‘волк’; тув. *кызыл-карак* ‘красные глаза’ – ‘волк’ (центр.) [7, с. 50]; алт. *кара куйрук* ‘черный хвост’ – ‘горностай’ [3, с. 110]; як. *хараңа түүлээх* ‘с темной шерстью’ – ‘медведь’ [8, с. 179].

В алтайском языке отмечается один случай сочетания признака «окрас» с термином родства: алт. *көк таай* ‘синий дядя’ – ‘волк’.

2.1.1.2. Величина:

а) алт. *јаан ан* ‘большой зверь’ – ‘медведь’; хак. *чуун аң* (саг.) ‘большой зверь’, *чоон мал* ‘большая скотина’ [4, с. 119], тув. *улуу кыыл* ‘огромное животное’ [11, с. 219] – ‘лось’; тув. *чиңге аңнар* ‘тонкие звери’ – ‘косуля’, ‘дикий козел’, ‘горный козел’ [7, с. 50]; алт. *узун курт* ‘длинный червяк’, тув. *узун чүве* ‘нечто длинное’ [7, с. 51] – ‘змея’;

б) тув. *улуз аспак* ‘большая лапа’ – ‘медведь’ [7, с. 50]; хак. *узун азах* ~ як. *уһун атах* ‘длинные ноги’, *уһун сото* ‘длинная голень’ [11, с. 219] – ‘лось’; хак. *чалбах табан* ‘широкая ступня’ – ‘медведь’ [4, с. 246]; алт. *јаан оос* ‘большой рот’ – ‘змея’ [3, с. 115] и др.

2.1.1.3. Форма и особенности строения тела, конечностей и других частей тела. Здесь встречаются наиболее разнообразные прилагательные, однако большее внимание обращается на конечности животных:

а) алт. *суйман* ‘вытянутый’ – ‘волк’ [3, с. 106]; алт. *койрык/койрок* ‘кривой’ – ‘змея’ [3, с. 115]; тув. *ыргак* ‘кривой’ – ‘росомаха’; хак. *матпах* ‘плоскостопый’ – ‘медведь’ [4, с. 118]; як. *мэппэр* ‘косопалый’ – ‘медведь’; алт. *терзейек* вывернутые ноги, раскоряченный [3, с. 114] – ‘серый крот’; алт. *чойчык, майчык* ‘колченогий’ – ‘заяц’ [3, с. 111];

б) хак. *талтах азах* ‘косопалый’ – ‘медведь’ [4, с. 118]; алт. *кылчыр көс* ‘косоглазый’ – ‘заяц’ [3, с. 111]; хак. *чїрік пурун* ‘рассеченный нос’ – ‘заяц’ [4, с. 120]; хак. *хатыг мойын* ‘твердая шея’ – ‘волк’ (с трудом поворачивает голову из-за толстой, крепкой шеи) [4, с. 119], *хатыг туйгах* ‘твердое копыто’ – ‘лось’ [4, с. 120] и др.

Встречаются и некоторые другие признаки, которые представляют собой единичные случаи, например:

алт. *бултук јаак* ‘надутая щека’ – ‘бурундук’ [3, с. 113], *кодыр ан* ‘паршивый зверь’ – ‘волк’ [3, с. 106]; тув. *чүгүрүк-даван* ‘быстроногий’ – ‘волк’, *чаглыг аң* ‘зверь с жиром’ – ‘медведь’ [7, с. 50] и др.

Иногда сочетаются два разных признака:

тув. *кушпугур куу* ‘худой серый’ – ‘волк’ [7, с. 50]; алт. *йыду сары* ‘вонючий желтый’ [3, с. 111] – ‘колонок’.

2.1.2. Место обитания

С лексемами, указывающими на место обитания, сочетаются лексемы, обозначающие людей и животных. Эвфемизмы данного типа представляют собой изафетные конструкции. Выделяются следующие модели номинации.

2.1.2.1. Сочетания с лексемами, обозначающими людей:

а) старший родственник с указанием на его место проживания ↔ животное (алт., хак. медведь, тув. волк).

Данные эвфемизмы указывают на принадлежность родственника иному месту – тайге, которое не является местом проживания людей:

алт. *тайганын абазы* [3, с. 94], хак. *тайга абазы*, *тайга адазы* [4, с. 118]; ср. бур. *хүдөөгэй таабай* ‘лесной дедушка’ [12, с. 202].

б) хозяин, которому подвластна определенная территория ↔ животное (медведь):

як. *тыя кинээһэ* ‘князь леса’, ср. бур. *ойн эзэн* ‘хозяин леса’ [12, с. 204].

В отличие от якутского, эвфемизмы алт. *алтайдын ээзи* ‘хозяин алтая (то есть местности)’, *жердин ээзи* ‘хозяин местности’ [3, с. 103], хак. *тайга ээзи* [4, с. 118] ~ тув. (тодж.) *тайга ээзи* [7, с. 50] ‘хозяин тайги’ можно рассматривать как указание на принадлежность зверя к высшим силам, так как лексема ээ ‘хозяин’ имеет также значение ‘дух-хозяин’ (ср., например, хак. *таг ээзи* ‘дух-хозяин горы’).

2.1.2.2. Сочетания с лексемами, обозначающими животных

Распространенная модель наименования в рассматриваемых языках, имеющаяся и в бурятском:

а) слово ‘вещь, нечто’ или родовое название животного: алт. *жердин немези* [3, с. 106], тув. *чер чүвези* ‘нечто земное’ [7, с. 51]; хак. *чазы нимези* ‘нечто степное’ – ‘волк’ [4, с. 119]; тув. *хая аңнары* ‘горные звери’ – ‘косуля’, ‘дикий козел’, ‘горный козел’ [7, с. 50];

б) наименование другого животного: тув. *чер ыьды* ‘земная собака’ [7, с. 50], *алтайның ыьды* ‘алтайская собака’ [3, с. 105] – ‘волк’; ср. бур. *хээрын нохой* ‘степная собака’ [12, с. 202]; хак. *чазы малы* ‘степная скотина’ – ‘лось’ [4, с. 120]; алт. *жер чычкан* ‘земляная мышь’ – ‘черный крот’ [3, с. 114]; як. *ойуур обуһа* ‘бык леса’ – ‘медведь’ [9].

В якутском языке имеются наименования медведя, образованные от именной основы путем прибавления общетюркского аффикса *-дагы*, обозначающего место обитания:

тыатаабы ‘лесной’ [8, с. 179]; *ойуурдаабы* ‘лесной’; *тыатаахый* ‘лесной’ [11, с. 219].

В языках Южной Сибири эвфемизмы такого типа нам не встретились.

2.1.3. Способ передвижения

Примеры образования эвфемизмов по способу передвижения встретились нам в алтайском и тувинском языках:

алт. *сеерткиш* ‘скачущий’ – ‘косуля’ [3, с. 109]; *йылаачы* ‘ползающий’ – ‘мышь’, ‘змея’ [3, с. 114–115].

В тувинском языке такие эвфемизмы образованы от причастий на *-ар*:

чылбыраар ‘ползающий’ – ‘змея’ [5, с. 43]; *чымчак базар* (тодж., юго-вост.) ‘мягко наступаящий’, то есть ходящий нешумно [7, с. 50].

2.1.4. Характерные звуки, издаваемые тем или иным животным

алт. *улуучы*, тув. *улдурук* ‘воющий’ – ‘волк’; алт. *јүргек* ‘лающий’ – ‘заяц’ [3, с. 111], *анкыйт/танкыйт* (звукоподражание) – ‘сурок’ [3, с. 112]; хак. *сиртейген* ‘щелкающий’ – ‘косуля’ [4, с. 120].

2.1.5. Характерный запах, издаваемый тем или иным животным

Признак ‘вонючий’, положенный в основу наименования, отмечается в алтайском и хакасском языках: алт. *јыду ас* ‘вонючий зверек’ – ‘суслик’ [3, с. 111], *јыду, коломзок* ‘вонючий’ – ‘колонок’ [3, с. 111]; хак. *сыстыг аң* (кыз.) – ‘росомаха’ [4, с. 44].

2.2. Приписываемые характеристики

Выделяется группа наименований, которые содержат характеристики, приписываемые животным в том или ином этноязыковом коллективе в результате переосмысления их повадок. Они также могут отражать впечатление, которое производят животные на человека.

2.2.1. Приписываемые черты характера

Лиса предстает хитрой во всех рассматриваемых лингвокультурах:

алт. *сүмелү* ~ хак. *сүмеліг* [4, с. 120] ‘хитрый’; тув. *кажар кызыл* (зап., центр.) ‘хитрый красный’ [6, с. 139]; алт. *аргачы* ‘ловкий, находчивый’ [3, с. 107].

Тувинские эвфемизмы изображают ее также как подхалимку и чванливую: *чылбың кызыл* ‘подхалим красный’ в значении ‘заискивает перед всеми, стараясь расположить к себе, чтобы добиться своего’, *ойтаң-каас* (центр.) *перен.* ‘чванливая, кичливая краса’ [6, с. 139].

В алтайском языке медведь представляется как *јердин кату аңы* ‘земли грозный зверь’, *казыр аң* ‘хищный, грозный зверь’ [3, с. 103]. В тувинском же он назван *хайыралыг аң* ‘милостивый зверь’ (скорее, в целях задабривания), выделяется его спокойствие, то, что он чаще не нападает на человека первым: *шөлээн амытан* ‘спокойное существо’ [7, с. 50].

2.2.2. Производимое впечатление

Чаще всего, это вызывающий страх облик животного (медведя, волка):

хак. *мохайах* ‘страшный’ – ‘медведь’, ‘волк’ [4, с. 118]; як. *сырбан, чыйыдаах* ‘страшный’ – ‘медведь’ [9]; хак. *чабал сырай* ‘злая морда’ [4, с. 120]; тув. *кокай ашак* ‘страшный старик’ – ‘медведь’, ‘волк’ [7, с. 50], *кончуг-чүве* ‘нечто страшное’ – ‘змея’ [7, с. 51]; алт. *јескинчек* ‘вызывающее брезгливость’ – ‘змея’, *јаражай* ‘красотка’ [3, с. 115], *эрмен* ‘красивый’ – ‘белка’ [3, с. 112].

3. Параллели эвфемизмов и некоторые особенности моделей номинации в тюркских языках Южной Сибири

Наш анализ принципов замещающей номинации диких животных, моделей номинации показал, что они в основном общие для южносибирских тюрков, для якутов. Имеются также и своеобразные черты. Так, Е. М. Куулар выделяет для тувинских эвфемизмов основу номинации – «действие, совершаемое в поисках еды». Такие эвфемизмы содержат причастия *-ар*:

кузуктаар (лит. *тооруктаар*) ‘собирающий орехи’, *чудук хоорар аң* ‘зверь, переворачивающий бревно’, *хымыскалаар аң* (лит. *кымыскааяктаар аң*) ‘зверь, ищущий муравейник’ – ‘медведь’ [7, с. 50].

Причастия в составе эвфемизмов характерны для этого языка, в отличие от алтайского и хакасского.

Несмотря на то что и принципы номинации, и модели эвфемизмов являются в основном общими, их конкретное наполнение в каждом языке отличается своеобразием. Так, прямых, абсолютных параллелей эвфемизмов между южносибирскими тюркскими языками в имею-

щемся на данный момент материале выявляется сравнительно немного: из 277 эвфемизмов около 20 параллелей между всеми рассматриваемыми южносибирскими языками. Кроме того, в нашей выборке имеется семь алтайско-хакасских параллелей и пять алтайско-тувинских. Семь эвфемизмов объединяют южносибирские языки с якутским. Они являются наиболее древними и в основном относятся к волку и медведю, например, названия волка:

алт. *узун куйрук* ~ хак. *узун хузурух* ~ тув. *узун кудурук* ~ як. *уһун кутурук* 'длинный хвост'; тув. *кудуруктуг* ~ як. *кутуруктаах* 'хвостатый'; алт. *јердинг ийди*, *чер ыды*, як. *сир кыыла* 'собака земли'.

Вероятно, также можно сопоставить эвфемизмы медведя: алт. *монус* 'сильный, великан' (с негативным оттенком) [3, с. 97–99] и як. *монус* 'обжора, ненасытный' [11, с. 219].

Заключение

В результате исследования были выявлены основные модели эвфемистической номинации, образуемые двумя типами лексем или их сочетанием. Установлено, что модели номинации в целом общие в рассматриваемых южносибирских языках, а также в якутском. Имеются параллели и с монгольскими языками (бурятским). Наблюдаются также некоторые особенности номинации в каждом языке. Однако наибольшее своеобразие в языках отмечается в конкретной реализации данных моделей, то есть на уровне самих эвфемизмов. На данный момент в нашей выборке имеется немного абсолютных и неабсолютных (различающихся одним компонентом) межъязыковых параллелей. Но этот факт требует дальнейшей проверки на большем количестве материала.

Во всех рассматриваемых языках наибольшее количество эвфемизмов относится к медведю и волку. Для их наименования характерны все выявленные модели эвфемистической номинации. Кроме того, для них выделяются свои, особые модели. Только по отношению к этим животным в качестве эвфемизмов употребляются термины родства, отражающие тотемистические представления тюрков Южной Сибири и якутов. Замещающие наименования этих животных, а также некоторых других (змеи в алтайском и орла в якутском) представляют их как людей старшего возраста, высокого социального статуса, принадлежащих к высшим силам, обладающих особой силой и способностями. Особое почтение выражается медведю. В то же время признаки, характеризующие медведя и волка, описывают их как самых хищных, опасных и страшных зверей. В представлении тувинцев медведь может быть и милостивым, миролюбивым, он редко нападает первым.

Эвфемизации подвергаются практически все дикие животные, с которыми сталкивается человек. Кроме волка и медведя, в южносибирских языках по количеству замещающих наименований особо выделяются лиса (во всех языках), змея (алт., тув.), пушные звери (алт., хак.), лось (хак.) и другие копытные (тув.).

Список условных сокращений

алт. – алтайский; **бур.** – бурятский; **зап.** – западный диалект тувинского языка; **каа.-х.** – каа-хемский говор тувинского языка; **кач.** – качинский диалект хакасского языка; **куманд.** – кумандинский язык; **кыз.** – кызыльский диалект хакасского языка; **лит.** – литературный язык; **монг.** – монгольский язык; **ов.** – Овюрский район Республики Тыва; **рус.** – русский язык; **саг.** – сагайский диалект хакасского языка; **тел.** – телеутский язык; **тув.** – тувинский язык; **т.-х.** – тере-хольский говор тувинского языка; **тодж.** – тоджинский диалект тувинского языка; **хак.** – хакасский язык; **шор.** – шорский язык; **центр.** – центральный диалект тувинского языка; **юго-вост.** – юго-восточный диалект тувинского языка; **як.** – якутский язык.

Список источников:

1. Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. 504 с.
2. Словарь якутского языка, составленный Э.К. Пекарским при ближайшем участии прот. Д.Д. Попова и В.М. Ионина. Вып. 1–13. Санкт-Петербург, 1907–1930.
3. Яимова Н.А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1990. 169 с.
4. Боргояков В.А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 251 с.
5. Сат Ш.Ч. Табу и эвфемизмы в тувинском языке // Советская тюркология, 1981. № 5. С. 42–45.
6. Сувандии Н.Д. Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). С. 138–141.
7. Куулар Е.М. Наименования диких копытных животных в тувинском и хакасском языках // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 447–449.
8. Скрыбина А.А. Эвфемизмы о тотемных животных в охотничьей лексике якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1–2 (67).
9. Багдарынов Дь.С. Табу и эвфемизмы в терминологии охоты (на материале якутского языка). URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1577195353> (дата обращения 30.05.2024).
10. Павлова И.П. Табу как универсальное явление в традиционных культурах народов (русские старожилы и якуты) // Русский мир Азии: сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках II форума «Университеты и развитие геополитических территорий», посвященной 10-летию кафедры РКИ филологического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова / сост. Е.В. Дишкант, М.С. Соловьева, Б.Р. Кривошапкина, Е.И. Тимофеева; отв. ред. С.М. Петрова. Якутск, 2022. С. 110–116.
11. Борисова Ю.М. Эвфемизмы в лексике охоты и рыболовства якутского языка // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых ученых. Томск, 2023. С. 216–222.
12. Цыдендамбаева О.С. К типологическому изучению эвфемизмов в разноструктурных языках (на материале бурятского, английского, немецкого языков) // Филология и человек. 2011. № 4. С. 201–207.
13. Hauenschild I. Lexikon jakutischer Tierbezeichnungen. Wiesbaden, 2008. 188 s.
14. Твердохлеб О.Г. Эвфемизмы – названия животного мира в сфере религиозного культа // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 13, № 2. С. 64–69.

Тюнтешева Елена Валерьевна.
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: tyunteshevae@mail.ru

Шагдурова Ольга Юрьевна.
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: kokoshnikova@mail.ru

Бадарчы Анай-Хаак Тимофеевна.
Младший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: badarchy2019@mail.ru

Материал поступил в редакцию 27 июня 2024 г.

Elena V. Tyuntesheva, Olga Yu. Shagdurova, Anay-Khaak T. Badarchy

BASICS OF EUPHEMISTIC NAMES WILD ANIMALS IN TURKIC LANGUAGES OF SOUTH SIBERIA²

The models of euphemistic nomination of wild animals in the Turkic languages of Southern Siberia (Altai, Khakass, Tuvan) are examined based on Yakut material. The lexemes that form euphemisms are divided into two

² Russian Science Foundation № 24-28-01738, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01738/>.

groups: 1) lexemes denoting living beings (humans and animals); 2) lexemes characterizing these living beings (in terms of appearance, habitat, type of movement, sounds, smell, habits, impression). Both types of tokens can be used either independently or in combination with tokens from another group. Some patterns of such compatibility, the main models of nomination, and common and specific features of forming euphemisms for wild animals in the studied languages are shown.

The models of euphemistic nomination in the studied South Siberian languages as well as in Yakut, are largely identical. There are also parallels to the Mongolian languages. However, there are also some differences in terms of the models and their specific lexical content. Of the 277 euphemisms, 32 parallels were found between the South Siberian languages studied, and seven terms linked them to the Yakut language. However, this fact still needs to be verified with more material.

Euphemistic names contain linguistic and cultural information. The largest number of euphemisms refers to the bear and the wolf. Their replacement names represent all identified models. Some models are specific only to the names of these animals. For example, the names of the kinships reflecting the totemic ideas of the Siberian Turks function only as euphemisms for the bear and the wolf. The alternative names of these and some other animals (snakes among the Altaians and eagles among the Yakuts) depict them as older people with high social status, belonging to higher powers, and having special powers and abilities. The bear is accorded special respect. At the same time, the signs that characterize the bear and the wolf describe them as the most predatory, dangerous, and fearsome animals. According to the Tuvans, a bear can also be merciful and peaceful, as it rarely attacks first.

Almost all wild animals encountered by humans have euphemistic names. In addition to the wolf and the bear, fox (in all languages), snake (Altai, Tuva), fur-bearing animals (Altai, Khakassia), moose (Khakassia), and other hoofed animals (Tuva) are also called by a variety of substitute names in the South Siberian languages.

Keywords: *Turkic languages of Siberia, trade vocabulary, euphemisms, nomination models, linguistic culture*

References:

1. Verbickiy V.I. Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Kazan', 1884. 504 p. (in Russian).
2. Slovar' yakutskogo yazyka, sostavlenniy Ye.K. Pekarskim pri blizhayshem uchastii prot. D.D. Popova i V.M. Ionova [Dictionary of the Yakut language, compiled by E.K. Pekarsky with the close participation of Prot. D.D. Popov and V.M. Ionov]. Vol. 1–13. SPb., 1907–1930 (in Russian).
3. Jaimova N.A. Tabuirovannaya leksika i yevfemizmy v altayskom yazyke [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altaysk, 1990. 169 p. (in Russian).
4. Borgojakov V.A. Leksika okhoty i rybolovstva v dialektakh khakasskogo yazyka [The vocabulary of hunting and fishing in the dialects of the Khakass language]. Diss. ... kand.filol.n. Moscow, 2001. 251 p. (in Russian).
5. Sat Sh.Ch. Tabu i yevfemizmy v tuvinskom yazyke [Taboos and euphemisms in the Tuvan language]. Sovetskaya tyurkologiya – Soviet Turkology, 1981, no. 5, pp. 42–45 (in Russian).
6. Suvandii N.D. Tabu i yevfemizmy v ohotnich'ey leksike tuvinskogo yazyka [Taboos and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Questions of theory and practice, 2016, no. 5 (59), pp. 138–141 (in Russian).
7. Kuular E.M. Naimenovaniya dikikh kopytnykh zhivotnykh v tuvinskom i khakasskom yazykakh [Names of wild ungulates in Tuvan and Khakass languages]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture, and education, 2018, no. 5 (72), pp. 447–449 (in Russian).
8. Skryabina A.A. Yevfemizmy o totemnykh zhivotnykh v okhotnichey leksike yakutskogo yazyka [Euphemisms about totemic animals in the hunting vocabulary of the Yakut language]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Questions of theory and practice, 2017, no. 1–2 (67) (in Russian).
9. Bagdarynov D'.S. Tabu i yevfemizmy v terminologii okhoty (na materiale yakutskogo yazyka) [Taboos and euphemisms in hunting terminology (based on the material of the Yakut language)]. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1577195353> (accessed: 30.05.2024) (in Russian).
10. Pavlova I.P. Tabu kak universal'noe yavlenie v traditsionnykh kul'turakh narodov (russkie starozhily i yakuty) [Taboo as a universal phenomenon in traditional cultures of peoples (Russian old-timers and Yakuts)]. Russkiy mir Azii. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh II Foruma "Universitety i razvitiye geopoliticheskikh territoriy", posvyashchennoy 10-letiyu kafedry RKI filologicheskogo fakul'teta SVFU im. M.K. Ammosova [The Russian world of Asia. Collection of materials of the international scientific and practical conference within the framework of the II Forum "Universities and the Development of Geopolitical Territories", dedicated to the 10th anniversary of the Department of the Russian Academy of Sciences of the Faculty of Philology of the M.K. Ammosov NEFU]. Yakutsk, 2022. Pp. 110–116 (in Russian).

11. Borisova Yu.M. Yevfemizmy v leksike okhoty i rybolovstva yakutskogo yazyka [Euphemisms in the vocabulary of hunting and fishing of the Yakut language]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya. Sbornik materialov X (XXIV) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh* [Actual problems of linguistics and literary criticism. Collection of materials of the X (XXIV) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. Tomsk, 2023. Pp. 216–222 (in Russian).
12. Cydendambaeva O.S. K tipologicheskomu izucheniyu yevfemizmov v raznostrukturnykh yazykakh (na materiale buryatskogo, angliyskogo nemetskogo yazykov) [Towards the typological study of euphemisms in different structural languages (based on the material of Buryat, English and German)]. *Filologiya i chelovek – Philology and Man*, 2011, no. 4, pp. 201–207 (in Russian).
13. Hauenschild I. *Lexikon jakutischer Tierbezeichnungen*. Wiesbaden, 2008. 188 p.
14. Tverdohleb O.G. Yevfemizmy – nazvaniya zhivotnogo mira v sfere religioznogo kul'ta [Euphemisms are names of the animal world in the sphere of religious worship]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2016, vol. 13, no. 2, pp. 64–69 (in Russian).

Tyuntешева Елена Валер'евна.

Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: tyunteshvae@mail.ru

Shagdурова Ольга Юрьевна.

Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: kokoshnikova@mail.ru

Badarchi Anai-Khaak Timofeevna.

Senior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: badarchy2019@mail.ru

Г.Ч. Файзуллина, Э.Ф. Садыкова, А.Ф. Юсупов

ФИТОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СИБИРСКИХ ТАТАР В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье анализируются фитонимическая лексика сибирских татар конца XVIII – начала XIX в. и функционирование ее в современном татарском литературном языке и диалектах сибирских татар. Фактологическим материалом исследования послужили «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище преподавателем татарского языка Иосифом Гигановым» (1804), а также полевые записи, сделанные во время экспедиционных выездов в населенные пункты с компактным проживанием сибирских татар в 2022 г. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения диалектальной фитонимической лексики в функционально-семантическом аспекте. Научная новизна заключается в раскрытии функционального потенциала рассматриваемой категории диалектальной лексики татарского языка. Фитонимическая лексика анализируется с точки зрения ее состава и происхождения, взаимоотношения диалектальной и литературной лексики в тесном переплетении синхронных и диахронных методов, особенности функционирования отдельных лексических единиц в диалектах и говорах сибирских татар. С целью комплексного исследования особенностей функционирования фитонимической лексики в статье были применены следующие лингвистические методы: основным методом стал описательно-аналитический метод, располагающий рядом приемов лингвистического наблюдения, систематизации, обобщения, интерпретации и типологизации. Используются также сравнительно-исторический, сопоставительный методы; элементы этимологического анализа, позволяющего установить происхождение слова и исключить возможность неверной интерпретации. Систематизация лексических единиц в работе основывается на биологической классификации растительного мира. Прослеживается деление растений по жизненным формам на деревья, кустарники, травянистые растения. Отдельно выделяются фитонимы, обозначающие съедобные растения, огородные и садовые культуры, злаки: овощи, бахчевые культуры, грибы. В статье выявляется происхождение фитонимов; при анализе лексических единиц были использованы различные типы словарей, позволяющие установить происхождение и верную интерпретацию лексем: «Этимологический словарь татарского языка» (2015), «Словарь диалектов сибирских татар» (1992), «Арабско-русский словарь» (1989), «Арабско-татарско-русский словарь заимствований» (1993), «Татарско-русско-латинский словарь названий растений» (2002), «Татарско-русский толковый словарь фитонимов» (2020). Теоретической базой исследования послужили труды языковедов, посвященные изучению языковых особенностей сибирских татар, а также фитонимической лексики в татарском языке. В ходе анализа рассматриваются синонимия и вариативность в пределах отдельной лексико-тематической группы с позиции современного деления на литературные и диалектные единицы; выявляются особенности функционирования фитонимической лексики в современном татарском языке и его диалектах, в частности в говорах сибирских татар, и применение растений в материальной и духовной культуре сибирских татар. В результате исследования утверждается, что состав диалектальной фитонимической лексики отличается своеобразием и имеет свою специфику, и в процессе эволюции она подвергалась трансформации и претерпевала семантические изменения. Выявлено, что фитонимическая лексика сибирских татар в генетическом плане весьма неоднородна: можно выделить два основных лексических пласта – исконно тюрко-татарская (тюркская) лексика и заимствования (в основном арабо-персидского происхождения). Установлено, что в составе фитонимической лексики преобладают названия лиственных деревьев, а в количественном плане самыми малочисленными являются фитонимы, обозначающие таксон «грибы».

Ключевые слова: *сибирские татары, лексика, фитоним, лексикография, диалект, говор, синонимия, вариативность*

Введение

Учитывая современные тенденции, связанные с все возрастающей скоростью урбанизации, можно констатировать, что этот процесс может привести к утере народных знаний наших предков о растительном мире и его роли в жизни человека. Как отмечает Г.К. Ткаченко, «в настоящее время всё быстрее забывается и активно стирается память о народном традиционном использовании местных видов растений в разных отраслях повседневной жизни человека... Поэтому так важно успеть собрать и сохранить, обобщить и проанализировать эти

уходящие истинно народные знания» [1, с. 172]. Как утверждает Н.И. Панасенко, названия, предоставленные растениям человеком в процессе его исторического развития, ярко иллюстрируют все процессы человеческой деятельности и речевого поведения [2, с. 31].

Научная значимость исследования видится в сохранении, актуализации и изучении письменного наследия сибирских татар рубежа XVIII–XIX вв.

Предметом нашего исследования являются названия растений. Выявлены некоторые основные представители растительного мира, используемые сибирскими татарами, установлены их народные названия и способы применения.

Духовное и культурное развитие человека отражается в названиях предметов, окружающих его в реальности. Нами рассмотрены представления сибирских татар об окружающем их растительном мире с позиции этнолингвистического подхода. Происхождение того или иного названия растения заключается в рассмотрении фитонимической диалектной лексики, отраженной в фитонимах [3, с. 319]. Фитоним – это греческое слово *phyto* – растение + *онума* – имя и -ика – относящийся и имеет лексическое значение «относящийся к названию растений». Это лексемы с предметно-вещественным значением, к таковым относятся многочисленные наименования мира флоры.

Нами собраны и сгруппированы по их жизненным формам фитонимы 44 представителей, относящихся к растительному миру, и выделены некоторые особенности применения данных растений в материальной и духовной культуре сибирских татар.

В статье анализируются фитонимы сибирских татар (44 единицы), отобранные методом сплошной выборки из «Словаря российско-татарского, собранного в Тобольском главном народном училище преподавателем татарского языка Иосифом Гигановым» [4], и их функционирование в современном татарском литературном языке и диалектах. Материал словаря составляют лексические единицы, функционировавшие на рубеже конца XVIII – начала XIX в.

Современным языковым материалом выступают полевые записи, сделанные во время экспедиционных выездов в населенных пунктах Сеиты Тобольского района и Матмасы (тат. Кугалы) – микрорайона г. Тюмени Тюменской области в июле – августе 2022 г. Также были использованы данные лексикографических источников.

При установлении этимологии лексических единиц использовались различные словари: «Этимологический словарь татарского языка» Р.Г. Ахметьянова в 2 т. [5], «Словарь диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой [6], «Арабо-русский словарь» Х.К. Баранова [7], «Арабско-татарско-русский словарь заимствований» в 2 т. (М.И. Махмутов, К.З. Хамзин, Г.Ш. Сайфуллин) [8], «Татарско-русско-латинский словарь названий растений» Г.Г. Саберовой [9], «Татарско-русский толковый словарь фитонимов» (И.И. Сабитова, Г.Г. Саберова) [10], а также фрагментарно труды Д.Г. Тумашевой «Язык западносибирских татар: грамматический очерк и словарь» [11] и Т.Х. Хайрутдиновой «Народные названия растений в татарском языке» [12], «Концепт природа: растительный мир» [13].

Значение «растение» в языке сибирских татар передавалось при помощи вариативных лексем «*үсемлек*» – растение; «*агац*» – дерево; «*куак*» – куст, кустарник; «*улян*» – трава.

Прослеживается деление растений по жизненным формам на деревья, кустарники, травянистые растения. Отдельно выделяются фитонимы, обозначающие съедобные растения, огородные и садовые культуры, злаки: *овощи*, *бахчевые культуры*, *грибы*.

Тематическая классификация фитонимической лексики

Систематизация лексических единиц основывается на биологической классификации растительного мира. Среди огромного разнообразия высших растений выделяются основные категории: споровые и семенные растения. Семенные растения в свою очередь делятся на голосеменные (*Gymnosperma*) и покрытосеменные (*Magnoliophyta*). Как известно, в ботанике

принята стандартная классификация растительности, исходя из их жизненной формы: *деревья, кустарники, кустарнички, травы*. Деревья по виду листьев делятся на *хвойные* и *лиственные*.

Жизненная форма деревянистых растений объективируется при помощи лексем:

– *агац* ‘дерево’ (> от общетюркского *агач*; от сиб. тат. диалекта *агац*; древнетюркского и уйгурского *jıḡač*). Эквиваленты: *агац* (д. Сеиты, д. Матмасы);

– «*улян*» ‘трава’ (> от общетюркского *өлән/өлән*; от сиб. тат. диалекта *улян/үлән*; древнетюркского и чагатайского *ölän*). Эквиваленты: *үлән* (Тюменский р-н, Тюменская обл.) [6, с. 228]; в говорах сибирских татар также зафиксированы следующие варианты: *үләң* (тобольский, тарский), *иләң*, *үләң* (заболотный), *өйлән*, *өйләң* (барабинский д.) [13, с. 17];

– «*куак*» ‘куст’, ‘кустарник’ (> от общетюркского *кувак*; от сиб. тат. диалекта *кувақ*; древнетюркского и чагатайского *куақ*, *кувақ*). Следует отметить, что понятие «куст» в татарском языке передается лексемой *куақ* (варианты *кувақ*, *кувак*). По своей семантике данное слово в говорах несколько отличается от литературного языка. Например, в языке сибирских татар (в тюменском говоре тоболо-иртышского диалекта) лексема *кувақ* употребляется в значении ‘урема (заросли) на болотистых, глинистых землях’ [13, с. 30]. Общетюркское *кувак* в других тюркских языках имеет и иную семантику. Ср.: тув. *хаак*, чув. *хава* «ива», «куст», тур. *кавак* «тополь» и др. Понятие «кустарник» передается словами *куаклык*, в дрожжановском говоре отмечена лексема *сайгак* [13, с. 11];

– *ягытагац* ‘валежник’ (> от турецкого *yakit* – «ягулык»). Эквиваленты: *егым агац* (д. Матмасы);

– *цубугач* ‘веточка’ (> от марийского *цывык*, чувашского *çăпăк*). Эквиваленты: *цыбык*, *ботакцык* (д. Сеиты), *цывык*, *цыпык* (д. Матмасы).

1. В анализируемом источнике зафиксированы следующие названия лиственных деревьев:

– *каин* ‘береза’, *каинлык* ‘березы, где растут’ (> от древнетюркского *qadîḡ*, *qadîḡ*, *qajîḡ*; общекыпчакское *айын*; от туркменского *гаайын*, азербайджанского *гайын*). Эквиваленты: *кайын агац* (д. Сеиты, д. Матмасы);

– *цауллык* ‘чаща’ (> от сиб. тат. диалекта *цауыл* «молодой березняк» ~ башкирского *сауа*). Эквиваленты: *чытырманлык* (д. Сеиты), *йышлык* (д. Матмасы);

– *юкяагац* ‘липа’ (> от марийского диал. *йкă* «липа»; чувашского *çăка*; ~ нугайского *йёке*). Эквиваленты: *йүкә агац* (д. Сеиты), *йүгә агац* (д. Матмасы);

– *имян* ‘дуб’ (> от уйгурского *эмән*; казахского, к.-калпакского, кыргызского *эмен* [эмэн]). Эквиваленты: *имән агац* (д. Сеиты), *тирәк агац* (д. Матмасы);

– *цаганагац* ‘клен’, *цаганцык* ‘кленовый лес’ (< от монгольского *цагаан* < от марийского *чаган*; от башкирского *саган*). Эквиваленты: *эсир агац* (д. Сеиты). Как известно, в татарском языке *клен* имеет два названия – *өрәңге*, *чаган*. Оба названия функционируют как в литературном языке, так и в его говорах. Название *чаган* «клен» характерно в основном для татарских говоров Приуральского региона. Например, *чаган* активно употребляется в татарских говорах в современной Башкирии, в говорах татар Оренбургской, Пермской областей. Отмечено оно и в камышлинском говоре (Самарская область) [13, с. 36–37];

– *амруд* ‘груша’, *амруд агаце* ‘груша дерево’ (*армут*, диал. *армыт* «груша» < от персидского *امروود* *амруд*; > от древнетюркского *artmut* («груша»), от ногайского, туркменского *армыт*; азербайджанского *армуд*; турецкого *armut*; к.-калпакского *алмурут*; казахского *алмурт*). Эквиваленты: *груша агацы* (д. Сеиты, д. Матмасы);

– *кюнлюкагацы* ‘ладанное дерево’ (*күнлек* ~ турецкое *гүнлук*; старотатарское *кун*, *кен*; < древнетюркское *kün jīrar* ~ *jīrar kün* «күнлек» ~ алтайское, древнекыпчакское *киин*, *кин*). Эквиваленты: *ладан агац* (д. Сеиты, д. Матмасы). В говорах сибирских татар также зафиксирован вариант *күнлук* [6, с. 109];

– *зайтүн агац* ‘олива’, *зайтүн* ‘оливки’ (< от арабского *زيتون* *зайтүн* «зэйтүн»). Эквиваленты: *сэйтүн агац* (д. Сеиты, д. Матмасы);

– *индзир* ‘винная ягода’, *инжир* ‘инжир, фиговое дерево, смоковница’ (< от арабского شراب *шәрәб* «шәраб, напиток, сироп, вино»). Эквиваленты: *шәрәп йемеш* (д. Матмасы).

– *джавиз*, *яннак* ‘греческий орех’ [жәвѣз] (< от турецкого *ceviz*; < от арабского جوزة *жәүвзә* «чиклэвек»). Эквиваленты: *косок*, *косык* (д. Сеиты, д. Матмасы);

– *лиман* ‘лимон’ (< русское *лимон*; < немецкое, французское *lemon*; итальянское *limone*; < персидско-турецкое *лимун*; < арабское ليمون *лймун*, *ләмун*). Эквиваленты: *лимон* (д. Сеиты), *лимун* (д. Матмасы);

– *кирясагац* ‘вишня дерево’ (~ крымско-татарского *karaz*, *qiras*, *kāraz*; от турецкого *kiraz* «татлы чия»; куманского *kiräs*; < латинского *cerasi num*; < от греческого *kerasijon*). Эквиваленты: *вишня агац* (д. Сеиты, д. Матмасы);

– *дяфнягацы* ‘лавровое дерево’ (*дәфнә* < от персидского دفنه *дәфнә*). Эквиваленты: *лавр агацы* (д. Сеиты), *дәфнә агац* (д. Матмасы).

– *зәйтүн агац* ‘маслина дерево’ (< от арабского زيتونة *зәйтүнә* «зәйтүн»). Эквиваленты: *сәйтүн агац* (д. Сеиты, д. Матмасы).

2. Названия хвойных деревьев:

– *урман агац*, *шамагац* ‘ель’ (< общекрыпчакское, уйгурское *орман*; < древнетюркское *ортан* «урман»; чувашское *вӑрман*). Эквиваленты: *урман агац*, *чырышы* (д. Сеиты), *керчек агац*, *тергә агац* (д. Матмасы);

– *күзүк агац* ‘кедр’, *күзүк* ‘кедровые орешки’ [кӧзӧк] «орех» (< от сиб. тат. диалекта *кузык*, *кӧзӧк*, *кӧзык*, *кӧсӧк*; от старотатарского *кӧзүк*; < алтайский *узу*, «кедр чиклэвеге»). Эквиваленты: *косок*, *косык* (д. Сеиты, д. Матмасы);

– *артыш агац* ‘можжевельник’ (*артыш* > марийское, русское *артыш*, чувашское *ортӑш* > *уртӑш*, *урттӑш*, *орӑш* ~ алтайский, тувинское *артыш* < уйгурское, чагтайское *артуч*, *ардуч*, огузское *ардыч*, *ардыж* < от древнетюркского *artuĉ*, *artiz*).

3. Названия кустарников:

– *мерсиагац* ‘миртовое дерево, смирна’, *мирсинемыши* ‘миртовые плоды’ (*мәрсин агацы* «мирт» < от арабского مرسين *märsin* «мирт»). Эквиваленты: *мирт агац* (д. Сеиты, д. Матмасы);

– *тиряк* ‘ива’ (> от чувашского *тирек*; марийского диал. *тирӓк*; ~ хакасского *тирек*; общекрыпчакского, алтайского, тувинского *терек*; караимского *теряк*, *тэрах*, *тэрэх*, *дирэк*, *дэрэк* < от персидского درخت *дәрәхт*, *дирехт* «агач»). Эквиваленты: *тал агацы* (д. Сеиты, д. Матмасы);

– *тильбадан* ‘калина’ (диал. *тилбәрән*, *тилебәрән* ~ от башкирского *тилбегән*, *тилмерән*, *тилмерлән*, *тилбизән* (p>з!); > алтайский *бэлэ*, *пэлэ* «балан; тилберән»). Эквиваленты: *балан* (д. Сеиты), *палан* (д. Матмасы);

– *астыхан* ‘малина’ (> от монгольского окончание -ган: *астаган*). Эквиваленты: *малина*, *кура йеләк* (д. Сеиты), *астыган* (д. Матмасы);

– *тяк*, *дикик* ‘виноград’ *текәк* (Гиганов) «виноград (как растение)» (< от турецкого *dikek* «подъемное устройство виноградного стебля»; < **жирләк* ~ от венгерского *szöllő* «виноград»). Эквиваленты: *йосем*, *жсиләк* (д. Сеиты, д. Матмасы);

– *емыш арак* ‘виноградное вино’ (~ башкирское *йеләк*; каракалпакское, карачаево-балкарское, киргизское *желек*; каракалпакское *жидек*; от турецкого *çilek*, *çiğlek*; < **жирләк* ~ венгерское *szöllő* «виноград»). Эквиваленты: *кысыл арак* (д. Сеиты, д. Матмасы).

4. Названия кустарничков:

– *карагайця*, ‘брусника’ (< общекрыпчакское *арагай*, *араай*; < монгольское *арагай* (-гай - монгольское окончание); < алтайское *карай*, *кай*; якутское *харыйа* «нарат»; удмуртское *чия*; чувашское, марийское *чие*; < общекрыпчакское *чийа*, *чийэ*; киргизское *чие*; узбекское *чийә*. Эквиваленты: *нарат чия*, *кысыл чия*, *крагай чия* (д. Сеиты), *кыр чия* (д. Матмасы);

– *наратд жиляге* ‘брусника’ (> чувашское *нарат*; ~ карачаево-балкарское, кумыкское *нарат*; < монгольское *нарад* «наратлар» *нара* (нара-сун); ~ башкирское *йеләк*, каракалпакское,

карачаево-балкарское, киргизское *жселек*; каракалпакское *жидек*; турецкое *çilek*, *çiğlek*, туркменское *чигелек*, азербайджанское *жсийәләк*, алтайского диал. *йиглэк*, *йигләк*). Эквиваленты: *нарат ция*, *кысыл ция*, *крагай ция* (д. Сеиты), *кыр ция* (д. Матмасы);

– *түрнакюзьция* ‘клюква’ «болотная ягода» [*торнакуз жция*] (~ марийское *турна*, *турня*, *тыртня*; чувашское *търна*, *търне*, *търнья*; < общекрыпчакское, алтайское, уйгурское и т. д. *көз*, огузское *гөз*; удмуртское *чия*; чувашское, марийское *чие*; < общекрыпчакское, каракалпакское *чийа*, *чийә*; киргизское *чие*; узбекское *чийә*). Эквиваленты: *саз ция* (д. Сеиты), *мөк ция* (д. Матмасы);

– *карация* ‘черника’ (*кара жсилэк* < *кара* «черная» + *жсилэк* «ягода»). В татарском языке *черника* имеет несколько названий: в литературном языке употребляется словосочетание *кара жсилэк*, а в отдельных говорах татарского языка имеются фонетические варианты данного словосочетания: *карэлэк* (мишарский д.), *карайлэк* (нукратский), *кара йелэк* (златоустовский). Кроме того, синонимом *кара жсилэк* в говорах является *күкйелэк* (златоустовский), *күк жсилэк* (пермский), *күгелэк* (темниковский) < *күк* «голубая, синяя» + *жсилэк* «ягода» [13, с. 72]. В некоторых говорах сибирских татар (тарский, тевризский говоры тоболо-иртышского диалекта) *чернику* называют также *күгел*, *күк цийә* (Тарский р-н и Тевризский р-н Омской обл.) [11, с. 138; 6, с. 106]. Например, *Сесне күгелгә-йемешкә килгән пулырлар тигәнем* ‘я бы сказал, что вы пришли за черникой’;

– *күкция* ‘голубика’ (*күк жсилэк* < *күк* «синяя» + *жсилэк* «ягода»). Следует отметить, что в диалектах сибирских татар (в частности, в тюменском говоре тоболо-иртышского диалекта) в данном значении зафиксированы словосочетания *күк йелэк*, *күк цийә* (Тюменский р-н Тюменской обл.) [11, с. 138; 6, с. 238]. Как было отмечено выше, в некоторых говорах татарского языка словосочетания *күк йелэк* и *күк жсилэк* употребляются для обозначения *черники*.

5. Названия травянистых растений:

– *үлян сабы* ‘былинка’ (< общекрыпчакское *өлән*, *өлэ*; киргизское, алтайское, якутское *өлө* «үлән; сазламык үләне (аеруча)» < древнетюркское *ölän* «чирәмлек»; > тувинское *өле* «күрән», монгольское *öleŋ*, *ölen* «йомшак кие үләнлек»). Эквиваленты: *үлән сабы* (д. Сеиты), *чирәм*, *цирәм* (д. Матмасы);

– *кавдан* ‘прошлогодняя трава’ на сиб. татарском диалекте *қаудақ* (> марийское, удмуртское *каудан*, чувашское *хавтан*, монгольское *хагда*; бурятское *агда*; калмыкское *хагд* «коры үлән», *халха*). Эквиваленты: *каулак* («осот» д. Матмасы), *цун үлән*, *коры үлән*, *пылтыргы үлән* (д. Сеиты);

– *каулак* ‘ветошь, прошлогодняя трава’ (~ башкирское *ауган*; чувашское *хавхал*, *халхав*; < монгольское *оогал*, *хоогал*). Эквиваленты: *каулак* («осот» д. Матмасы), *цун үлән*, *коры үлән*, *пылтыргы үлән* (д. Сеиты);

– *кыцйткан* ‘крапива’ (< общекрыпчакское *ычитан* (кумыкское *гычитган*, нугайское *ышытан*); башкирское *кесерткән*, караимское *кичиткән*, *кециткянь*). Эквиваленты: *кыцйткан*, *кыцйткан* (д. Сеиты), *кырцйткан*, *кыцйткан* (д. Матмасы);

– *ельяк* ‘земляника’ (~ башкирское *йелэк*, каракалпакское, карачаево-балкарское, киргизское *жселекал*, диалектное *йиглэк*, *йигләк*). Эквиваленты: *жсилэк*, *йелэк* (д. Сеиты), *йелэк* (д. Матмасы).

6. Отдельной группой фитонимов можно выделить лексемы, обозначающие овощи. В данную тематическую группу входят слова, связанные с диалектными названиями овощей. Например: *бакцаут* ‘овощ’ (> башкирское *баса*, чувашское *паҫа*; < персидское *باغچه* *багча*, *вагиче* «кечкенә баг»; крымско-татарского, турецкого *bahçe*; нугайского казахского *баша*; на кавказских языках *бакча*, *багча*; марийского *пакча*, *бакча*, удмуртского *бакча*). Эквиваленты: *йәшелцә* (д. Сеиты, д. Матмасы).

Сюда относятся части травянистых растений, используемых в качестве пищевых продуктов. В зависимости от используемых в питании частей растения делятся:

а) на плодовые:

– *сюйрюшалган* ‘брюква’. Эквиваленты: *шалган* (д. Сеиты, д. Матмасы) (< общекипчакское, казахское, киргизское *шалкан*);

– *ляхяна* ‘капуста’ (~ азербайджанское *ләбләби*; узбекское *лаблаби*, *лавлаги*; персидское *ләби*, *ләби* «варенные овощи»). Эквиваленты: *кәбестә* (д. Сеиты), *кабыста*, *кавыста* (д. Матмасы);

– *зяртак*, *кишер* ‘морковь’ (> башкирское *кишер*, марийское, удмуртское *кешыр*, *кэшыр*, *кэчыр*, *кишыр*, *кешер*; < общекипчакское *кэшир*, чагатайское *кәшир*, туркменское, уйгурское *кәшир*; > узбекское *кашир*; от сиб. тат. диалекта *сәртәк/сәрдәк* < персидское *زرتک* *зәрдәк* «алтын тамыр»). Эквиваленты: *кишер* (д. Сеиты), *сәртәк* (д. Матмасы);

– *хыяр*, *кыяр* ‘огурец’ (> чувашское *хйяр*, удмуртское, марийское *кыяр*, *кияр*, *хыяр*, *куйар*; мордовское *куйар*; < общекипчакское *ыйяр*, кумыкское *хыйяр*, османское *хийяр*, казахское *кияр*, кумыкское, караимское, туркменское, *хыйяр*, турецкое *kiyar* «огурец» < арабское, персидское *خیار* *хийәр*; < индийское *xīra*). Эквиваленты: *кыяр* (д. Сеиты), *үгерци* (д. Матмасы). Исследователи отмечают, что понятие «огурец» в отдельных говорах сибирских диалектов (например, в тюменском, тобольском, тарском говорах) выражается словом *қауын* [11, с. 150], которое в литературном языке обозначает дыню;

– *тарбүс*, *карбүс* ‘арбуз’ (*карбыз* > от общекипчакского *қарбыз*, казахское, ногайское *карбыз*, туркменское *гарпыс*, балкарское *харбыз*, караимское *карбуз*, турецкое *karpuz*, от чувашского *харпәс*; *гарбуз* < от староперсидского *خاربزاق* *harbuzak* «ишәк кыяры – карбыз»). Эквиваленты: *арбус*, *арбыс* (д. Сеиты, д. Матмасы);

б) луковичные: *суган*, *пйаз* ‘лук’ (> чувашское *сухан*; удмуртское *сугон*, марийское *шоган*, башкирское *уган*; < от персидского *пийәз*). Эквиваленты: *суган* (д. Сеиты), *пыйас* (д. Матмасы);

в) бобовые:

– *любйа борцак* ‘боб’ (~ азербайджанское *ләбләби*, узбекское *лаблаби*, *лавлаги*; турецкое *leb lebi* «борчак төре»). Эквиваленты: *шәр порцак*, *ногот порцак* (д. Матмасы);

– *бүрцак* ‘горох’, *юмрүчка* ‘дикий горох’ (< общекипчакское *бурча*; > нугайское, казахское, каракалпакское *бурша*; турецкое *birçak*, древнетюркское *birçaq* «борчак», уйгурское *пурча*; ~ общетюркское, финно-угорское, славянское и т. д. *богур* «йомры-түгәрәк нәрсә»; от корня слова, удмуртское *бугор*; чувашское *пәхәр* «йомгак»). Эквиваленты: *порцак* (д. Сеиты, д. Матмасы).

7. Встречаются также фитонимы, обозначающие таксон «грибы», сочетающий в себе некоторые признаки как растений, так и животных. Например, *мяшка* ‘гриб’ (> марийское, удмуртское *мәшкә*, *мәшкәк*; ~ алтайское *мешке*, на алтайском диалекте *пешке*). Эквиваленты: *мәшкә* (д. Матмасы), *гомбә* (д. Сеиты).

Заключение

Анализ фитонимической лексики сибирских татар продемонстрировал следующее:

1. Фитонимы раскрывают картину мира народа, его представления об окружающем мире, его образ жизни и связь с природой. Состав фитонимической лексики сибирских татар отличается своеобразием и имеет свою специфику, в процессе эволюции она подвергалась трансформации и претерпевала семантические изменения. Таким образом, в ходе изучения его эволюции необходимо учитывать как лингвистические факторы, так и экстралингвистические, которые находят свое отражение в лексике, во взаимодействии лексических единиц.

2. Анализ фитонимической лексики показывает, что названия растений носят общезыковой и локальный характер: сфера функционирования и распространения исследуемых лексических единиц не всегда одинакова. Значительная часть названий растений характерна и для большинства говоров татарского языка, хотя претерпевали фонетические изменения. Остальная часть зафиксирована лишь в диалектах сибирских татар: *астыхан* ~ *малина*, *кура*

йеләк (д. Сеиты) ~ астыган (д. Матмасы) ~ кура жыләге ‘малина’ (лит. тат.); күзүк агац ~ косок, косык (д. Сеиты, д. Матмасы) ~ эрбет агачы ‘кедр’ (лит. тат.) и т. д.

В говорах сибирских татар наряду с местным названием может употребляться и литературное название растения: бурцак ~ порцак (д. Сеиты, д. Матмасы) ~ борчак ‘горох’ (лит. тат.); суган ~ суган (д. Сеиты) ~ суган ‘лук’ (лит. тат.); кыцыткан ~ кычыткан, кыцыткан (д. Сеиты) ~ кырцыткан, кыцыткан (д. Матмасы) ~ кычыткан ‘крапива’ (лит. тат.); лиман ~ лимон (д. Сеиты) ~ лимун (д. Матмасы) ~ лимон ‘лимон’ (лит. тат.); каин ~ кайын агац (д. Сеиты, д. Матмасы) ~ каен ‘береза’ (лит. тат.) и т.д. Как показывают вышеприведенные примеры, народным названиям растений присуща простота и большая вариативность.

3. Фитонимическая лексика сибирских татар в генетическом плане весьма неоднородна: она включает в свой состав лексемы разного происхождения. С генетической точки зрения можно выделить два основных лексических пласта – исконно тюрко-татарская (тюркская) лексика и заимствования (в основном арабо-персидского происхождения). Фитонимы, представленные в словаре И. Гиганова [4], имеют параллели в современном татарском литературном языке и в его диалектах, а также в ряде тюркских языков и в языке письменных памятников.

4. В результате исследования выделены названия растений, среди которых преобладают названия лиственных деревьев, а в количественном плане самыми малочисленными являются фитонимы, обозначающие таксон «грибы».

Список источников:

1. Ткаченко К.Г., Лебедев Т.П. Этноботаника в современном мире. Обзор // Вестник ВГУ. Серия: Химия. Биология. Фармация. 2018. № 2. С. 172–179.
2. Панасенко Н.И. Народная медицина и удивительный мир растений глазами филолога, или Диссертация на тему... Киев: Генеза, 2005. 231 с.
3. Гресь Р.А. Этноботаника: отечественная и зарубежная парадигмы, направления и перспективы развития // Научный альманах. 2017. № 1-3 (27). С. 317–327.
4. Гиганов И. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище. СПб.: Императорская Академия Наук, 1804. 680 с.
5. Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Казань: Магариф – Вакыт, 2015. 567 с.
6. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар сүзлек. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 256 с.
7. Баранов Х.К. Арабо-русский словарь: около 42 000 слов. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1989. 928 с.
8. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлегә (татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре): 2 т. / М.И. Мөхмүтов, К.З. Хәмзин, Г.Ш. Сайфуллин. Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. 854 б.
9. Саберова Г.Г. Татарча-русча-латинча үсемлек атамалары сүзлегә = Татарско-русско-латинский словарь названий растений. Казань: Фикер, 2002. 96 б.
10. Сабитова И.И., Саберова Г.Г. Үсемлек атамаларының татарча-русча аңлатмалы сүзлегә. Казан: ТӘҺСИ, 2020. 216 б.
11. Тумашева Д.Г. Көнбатыш себер татарлары теле: грамматик очерк һәм сүзлек. Казан: Казан унты нәшр., 1961. 240 с.
12. Хайрутдинова Т.Х. Народные названия растений в татарском языке. Казань: Фикер, 2004. 224 с.
13. Хәйретдинова Т.Х. Табигать концепты: үсемлекләр дөньясы. Казан: ТӘҺСИ, 2017. 384 б.

Файзуллина Гузель Чахваровна.

Доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН.

Ул. Академика Осипова, 15, Тобольск, 626152.

E-mail: utgus@mail.ru

Садыкова Эльза Фаилевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.

Тюменский государственный университет.

Ул. Знаменского, 58, Тобольск, 626150.

E-mail: e.f.sadykova@utmn.ru

Юсупов Айрат Фаикович.
Доктор филологических наук, доцент.
Казанский федеральный университет.
Ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008.
E-mail: faikovich@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12 марта 2024 г.

Guzel' Ch. Faizullina, El'za F. Sadykova, Ayrat F. Yusupov

PHYTONYMIC LEXICON OF THE SIBERIAN TATARS IN A COMPARATIVE-HISTORICAL ASPECT

The relevance of this study arises from the need to examine dialectal phytonymic vocabulary from a functional-semantic point of view. The scientific novelty demonstrates the functional potential of the investigated category of the dialectal vocabulary of the Tatar language. The phytonymic vocabulary was analyzed with regard to its composition and origin, the relationship between dialectal and literary vocabulary with a close interweaving of synchronic and diachronic methods, and the functioning of the individual lexical units in the dialects and the spoken language of the Siberian Tatars.

To comprehensively analyze the functioning of phytonymic vocabulary in the article, the following linguistic methods were used: The main method was the descriptive-analytical method, which includes a number of linguistic observations, systematization, generalization, interpretation, and typologization techniques. In addition, comparative-historical and comparative methods are applied. Elements of etymological analysis are also used to determine the origin of the word and rule out the possibility of misinterpretation.

The systematization of the lexical units in the work is based on the biological classification of the plant world. The classification of plants according to life forms into trees, shrubs, and herbaceous plants is traced. Phytonyms denoting edible plants, garden and fruit crops, cereals, vegetables, cucurbits, and fungi are emphasized separately.

The origin of phytonyms is identified in the article. When analyzing the lexical units, different types of dictionaries were used, which make it possible to determine the origin and the correct interpretation of the lexemes: "Etymological Dictionary of Tatar Language" (2015), "Dictionary of Siberian-Tatar Dialects" (1992), "Arabic-Russian Dictionary" (1989), "Arabic-Tatar-Russian Dictionary of Borrowings" (1993), "Tatar-Russian-Latin Dictionary of Plant Names" (2002), "Tatar-Russian Explanatory Dictionary of Phytonyms" (2020). The study's theoretical basis is the work of linguists who deal with the linguistic peculiarities of the Siberian Tatars and the phytonymic vocabulary of the Tatar language.

The analysis considers synonymy and variability within a separate lexical-thematic group from the perspective of modern division into literary and dialectal units; the features of the functioning of phytonymic vocabulary in the modern Tatar language and its dialects, especially in the dialects of the Siberian Tatars, and the use of plants in the material and spiritual culture of the Siberian Tatars are identified.

As a result of the study, it is found that the composition of the dialectal phytonymic lexicon differs in its uniqueness and has its own peculiarity, which undergoes transformation and semantic changes in the course of evolution. It has been established that the phytonymic lexicon of Siberian Tatars is genetically heterogeneous: two main layers can be distinguished – the Indigenous Turkic-Tatar lexicon and borrowings (mostly of Arabic-Persian origin). It was found that the names of deciduous trees predominate in the phytonymic lexicon and that the phytonymic names denoting the taxon 'fungi' are the least represented among the quantitative names.

Keywords: *Siberian Tatars, vocabulary, phytonym, lexicography, dialect, synonymy, variability*

References:

1. Tkachenko K.G., Lebedev T.P. Yetnobotanika v sovremennom mire. Obzor. [Ethnobotany in the modern world. Review]. *Vestnik VGU. Seriya Khimiya. Biologiya. Farmatsiya – VSU Bulletin. Chemistry series. Biology. Pharmacy*, 2018, no. 2, pp. 172–179 (in Russian).
2. Panasenکو N.I. *Narodnaya meditsina i udivitel'nyy mir rasteniy glazami filologa, ili dissertatsiya na temu...* [Folk medicine and the wonderful world of plants through the eyes of a philologist, or a dissertation on the topic...] Kiev, Geneza Publ., 2005. 231 p. (in Russian).
3. Gres' R.A. Yetnobotanika: otechestvennaya i zarubezhnaya paradigmy, napravleniya i perspektivy razvitiya [Ethnobotany: domestic and foreign paradigms, directions and prospects of development]. *Nauchniy al'manakh – Scientific almanac*, 2017, no. 1-3(27), pp. 317–327 (in Russian).

4. Giganov I. *Slovar' rossiysko-tatarskiy, sobranniy v Tobol'skom glavnom narodnom uchilishche* [The dictionary of Russian-Tatar, collected in the Tobolsk Main National School.]. SPb., Imperatorskaya Akademiya Nauk Publ., 1804. 680 p. (in Russian).
5. Ahmet'yanov R.G. *Etimologicheskiy slovar' tatarskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tatar language]. In 2 vols. Kazan, Magarif – Vakyt Publ., 2015. 567 p. (in Russian).
6. Tumasheva D.G. *Slovar' dialektov sibirskikh tatar syzlek* [Dictionary of dialects of Siberian Tatars]. Kazan, Kazan University Publ., 1992. 256 p. (in Russian).
7. Baranov Kh.K. *Arabo-russkiy slovar': okolo 42000 slov* [Arabic-Russian dictionary: about 42,000 words]. 7th ed. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989. 928 p. (in Russian).
8. Məhmytov M.I., Həmzin K.Z., Sajfullin G.Sh. (eds) *Garəpçə-tatarcha-ruscha alynmalar syzlege* [Arabic-Tatar-Russian dictionary of borrowings] (tatar ədəbiyatında kullanylgan garəp həm farsy syzlərə). In 2 vols. Kazan, Tat. kit. nəshr. Publ., 1993. 854 p.
9. Saberova G.G. *Tatarcha-ruscha-latincha ysemlek atamalary syzlege = Tatarsko-russko-latinskiy slovar' nazvaniy rasteniy* [Tatar-Russian-Latin dictionary of plant names]. Kazan: Fiker Publ., 2002. 96 p.
10. Sabitova I.I., Saberova G.G. (eds) *Ysemlek atamalarynyñ tatarcha-ruscha aqlatmaly syzlege* [Tatar-Russian explanatory dictionary of plant names]. Kazan, TƏhSI Publ., 2020. 216 p.
11. Tumasheva D.G. *Kənbatysh seber tatarlary tele: grammatik ocherk həm syzlek* [West Siberian Tatar language: a grammatical essay and dictionary]. Kazan, Kazan unty nəshr. Publ., 1961. 240 p. (in Tatar).
12. Hayrutdinova T.Kh. *Narodnye nazvaniya rasteniy v tatarskom yazyke* [Folk names of plants in the Tatar language]. Kazan: Fiker Publ., 2004. 224 p. (in Russian).
13. Həyretdinova T.Kh. *Tabigat' kontsepty: ysemleklər dən'yasy* [The concept of nature: the plant world]. Kazan: TƏhSI Publ., 2017. 384 p. (in Tatar).

Fayzullina Guzel Chakhvarovna.

Doctor of Philology, Associate Professor, Senior Researcher.

Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch RAS.

Academician Osipova str., 15, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: utgus@mail.ru

Sadykova Elza Failevna.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Tyumen State University.

Znamensky str., 58, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: e.f.sadykova@utmn.ru

Yusupov Ayrat Faikovich.

Doctor of Philology, Associate Professor.

Kazan Federal University.

Kremlevskaya str., 18, Kazan, Russia, 420008.

E-mail: faikovich@mail.ru

А.Н. Чугунекова

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются оценочные полипредикативные конструкции, ориентированные на оценку события или действия в хакасском языке. Многие вопросы, касающиеся описания полипредикативных конструкций в рассматриваемом языке, в настоящее время еще не получили должного освещения, чем и определяется актуальность данного исследования. Целью статьи является выявление и описание структуры и семантики оценочных полипредикативных конструкций в хакасском языке. Материалом исследования послужила сплошная выборка примеров из произведений художественной литературы и публицистической литературы на хакасском языке. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в хакасском языке, как и в других тюркских языках, в оценочных полипредикативных конструкциях связь между зависимой и главной предикативной единицей осуществляется синтетически (морфологическими показателями). Сказуемое зависимой части стоит в причастной форме, а именно в форме настоящего времени на =чатхан/=четкен (отрицательная форма – =бинчатхан/=бинчеткен), =иган/=иген (имеет только положительный аспект), прошедшего времени на =ган/=ген, =хан/=кен, =ан/=ен (отрицательная форма – =баган/=беген) и будущего времени на =ар/=ер (отрицательная форма – =бас/=бес) с обязательным оформлением лично-притяжательными аффиксами (чаще 3-е лицо ед. ч.). Сказуемое главной предикативной единицы представлено предикатами универсальной (чахсы ‘хорошо’/хомай ‘плохо’), дедуктивной (иле ‘понятно, ясно’), достоверной (сын ‘правда’, тайма ‘ложь’), эмоциональной (öriñistiğ ‘радостно’, хайхастыг ‘удивительно’), этической (уйадыстыг ‘стыдно’), физической (сидик ‘трудно’, оой ‘легко’), психологической (оой ‘легко’, оой нимес ‘нелегко’), нормативной (орта ‘правильно’, саба ‘неправильно’), утилитарной (туза ‘польза’), экспрессивной (хоргыстыг ‘страшно’), количественной (ас ‘мало’, көп ‘много’) и модальной (чахсы кирек ‘хорошее дело’) оценки. В роли главного сказуемого также выступают другие слова и сочетания слов: устойчивые сочетания (пу чир нимес ‘очень сильный, большой и т. п.’), свободные сочетания слов (оңныг ла нимес ‘очень сильно’). Субъект зависимой предикативной единицы выражается лексически, имея форму именительного и родительного падежей, а также может выражаться только личными показателями.

Ключевые слова: хакасский язык, синтаксис, полипредикативная конструкция, оценка, оценочная конструкция, зависимая предикативная единица, главная предикативная единица

Введение

Синтаксис сложного предложения хакасского языка изучен недостаточно. Небольшой раздел, посвященный этому вопросу, находим в академической грамматике хакасского языка [1, с. 393–409], а также в работах, посвященных разным типам полипредикативных конструкций (ППК) в хакасском языке [2–10].

Что касается оценочных ППК, то в хакасском они специально не исследовались. Некоторые сведения о них находим в статье А.Н. Чугунековой, посвященной анализу моделей изъяснительных ППК [7, с. 108–123].

На материале других языков оценочные ППК исследованы более подробно. Так, на материале алтайского языка предложения с именным конечным сказуемым, заключающим «в себе субъективное оценочное суждение говорящего, выражающее его положительное или отрицательное отношение к содержанию пропозиции» [11, с. 76], рассмотрены в работах М.И. Черемисиной [11, 12]. Благодаря работам С.Н. Абдуллаева [13] и С.Н. Абдуллаева, Д.Т. Эстебесовой можно ознакомиться с ППК оценки уйгурского языка [14]. Многие вопросы изучения ППК якутского языка, включая ППК оценки, представлены в работах Н.Н. Ефремова [15]. Тувинские оценочные ППК нашли отражение в работе Л.А. Шаминой [16]. На материале шорского языка при исследовании ППК актантного типа также уделено внимание оценочным конструкциям [17]. Монгольский (бурятский) материал о ППК оценки подробно представлен в работах Е.К. Скрибник [18] и Е.К. Скрибник, Н.Б. Даржаевой [19]. Кроме того, оценочные ППК были исследованы в сравнительно-типологическом плане. Так, на материале алтайского, уйгурского и калмыцкого языков проанализирована структура и семантика оценочных ППК.

Авторы данного исследования обнаружили «общность фундаментального механизма зависимой предикации на базе предикативного склонения, которое видно на примере ППК синтетического типа, являющихся исконными для языков тюркско-монгольской языковой общности» [20, с. 21].

Существуют разные определения языковой оценки. Известный ученый Е.М. Вольф считает, что «оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как „А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой“» [21, с. 5]. Н.Д. Арутюнова определяет оценку как «отношение действительности к ее идеализированной модели мира» [22, с. 59] и делит их на «общеоценочные (положительные и отрицательные) и частнооценочные значения» [22, с. 75–76]. «Общеоценочные значения реализуются через прилагательные *«хороший и плохой»*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*прекрасный, превосходный, великолепный, отличный* и др.), а частнооценочные делятся на несколько типов: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки (*приятный – неприятный, вкусный – невкусный* и др.); 2) психологические (*интересный, увлекательный – неинтересный, неувлекательный; радостный – печальный*); 3) эстетические (*красивый – некрасивый, прекрасный – безобразный*); 4) этические (*моральный – аморальный, нравственный – безнравственный* и др.); 5) утилитарные (*полезный – вредный*); 6) нормативные оценки (*правильный – неправильный*); 7) телеологические оценки (*эффективный – неэффективный*)» [22, с. 75–76].

Как правило, структура оценки состоит из «субъекта оценки, объекта оценки и оценочного предиката (или основания оценки)» [23, с. 48]. В оценочных конструкциях не все компоненты могут получить свое выражение.

Субъектом выступает «лицо, часть социума или социум в целом, с точки зрения которого производится оценка» [21, с. 68]. К объекту оценки относят лицо, предмет, событие или действие. А оценочным предикатом (или основанием оценки) выступает «компонент высказывания, который выражает суть оценки и является реальной основой оценочной конструкции» [23, с. 48].

В данной статье мы будем рассматривать оценочные конструкции со значением события или действия в хакасском языке. Объектом оценки станет зависимая предикативная единица (ЗПЕ).

Как отмечает Е.А. Вольф, «оценка может присутствовать в самых разных языковых выражениях, может быть ограничена элементами меньшими, чем слово, а может характеризовать и группу слов, и целое высказывание» [21, с. 6]. По мнению З.К. Темиргазиной, «наиболее полно оценочная семантика реализуется лишь в высказываниях» [24].

Материалом исследования послужили примеры, собранные путем сплошной выборки из художественной и публицистической литературы на хакасском языке.

1. Структурная организация оценочных полипредикативных конструкций

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, выделяются три типа средств связи частей ППК «1) синтетический; 1) аналитико-синтетический; 3) аналитический», основным из которых является синтетический тип связи, предполагающий «использование морфологических показателей, которые принимает зависимое сказуемое» [25, с. 4]. Аналитико-синтетический тип связи сопровождается послелогом и служебными именами, а аналитический – союзами.

Как показывает собранный материал, в хакасском языке в оценочных ППК используется синтетический тип связи.

В оценочных конструкциях зависимая предикативная единица выступает предикативным подлежащим, а главная предикативная единица (ГПЕ) представлена «только составом сказуемого, связанного предикативными отношениями с «предикативным подлежащим – подлежащей ЗПЕ»» [11, с. 76]. Как отмечает Е.И. Убрятова, «аффикс принадлежности при

сказуемом зависимого предложения и форма 3-го лица ед. числа сказуемого главного предложения» являются основными признаками синтетических подлежащих конструкций [26, с. 163].

В хакасском языке в оценочных конструкциях сказуемое ЗПЕ выражается «причастием настоящего времени на =чатхан/=бинчатхан и =иган/=иген¹, прошедшего времени на =ган/=баан и будущего времени на =ар/=бас» [1, с. 231–237] с лично-притяжательными аффиксами (чаще 3-е лицо ед. ч.).

- (1) *Сатыр апсахтың киртінминчеткені іле* [27, с. 195].
 Сатыр=Ø апсах=тың киртін=мин=четкен=і іле
 Сатыр=NOM старик=GEN верить=NEG=PrP=POSS.3SG ясно
 ‘То, что старик Сатыр не верит, ясно’.
- (2) *Аның позында хайдаг-да сағыс төрің парғаны іле* [28, с. 40].
 а=ның позы=нда хайдаг-да сағыс=Ø төрі=п
 он=GEN сам=LOC какой-то мысль=NOM рождаться=CV
 пар=ган=ы іле
 идти=PP=POSS.3SG очевидно
 ‘То, что у него самого родилась какая-то мысль, понятно’.
- (3) *Киректің үзі-түбіне тўс париғаның хомай нимес* [29, с. 123].
 кирек=тің үзі-түб=і=не тўс
 дело=GEN суть=POSS.3SG=DAT спускаться
 пар=иган=ың хомай нимес
 идти=PrP=POSS.2SG плохо не
 ‘Неплохо, что ты доходишь до самой сути дела’.

Субъект ЗПЕ выражается формами именительного (пример 4) и родительного (пример 5) падежей. Более типичной является форма родительного падежа:

- (4) *Чуртас сайбалчатханы хомай* [29, с. 115].
 чуртас=Ø сайбал=чатхан=ы хомай
 жизнь=NOM нарушаться=PrP=POSS.3SG плохо
 ‘То, что жизнь рушится, плохо’.
- (5) *Октябрь революциязының орденін холга киргені угаа тың танытхылығ* [29, с. 79].
 октябрь=Ø революция=зы=ның орден=і=н
 октябрь=NOM революция=POSS.3SG=GEN орден=POSS.1SG=ACC
 хол=га кир=ген=і угаа
 рука=DAT вводить=PP=POSS.3SG очень
 тың танытхы=лығ
 сильно опознание=POSSV
 ‘То, что наградили орденом Октябрьской Революции, очень значимо’.

Нередко субъект ЗПЕ может выражаться только личным показателем:

- (6) *Улуғ кізіні хыйыхтааны хомай* [30, с. 140].
 улуғ кізі=ні хыйыхта=ан=ы хомай
 старший человек=ACC унижать=PP=POSS.3SG плохо
 ‘Обижать старших плохо’.

¹ Форма на =иган/=иген в отличие от формы на =чатхан/=четкен имеет только положительный аспект и подчеркивает очевидность совершающегося действия. Образовывается данная форма от глаголов пар ‘идти (туда)’ и кил ‘идти (сюда)’: париған поезд ‘идуший (в присутствии говорящего) поезд’ [1, с. 232].

(7) Чон поэзиязын хайралли тиліткені іле [28, с. 112]

чон=Ø	поэзия=зы=н	хайралли
народ=NOM	поэзия=POSS.3SG=ACC	бережно
тиліт=кен=і	іле	
развивать=PP=POSS.3SG	ясно	

‘Ясно, что (он) бережно развивал устное народное творчество (поэзию) народа’.

2. Семантические типы оценочных предикатов

ППК оценочной семантики формируют оценочные предикаты. Основанием для их выделения послужили исследования М.И. Черемисиной [11], Л.А. Шаминой [16], С.Н. Абдуллаева, В.Н. Мушаева, А.А. Озоновой [20].

Согласно нашему материалу, в хакасском языке наиболее широко используются *универсальные, эмотивные, дедуктивные и экспрессивные* предикаты. В хакасском языке оценочные слова в составе сказуемого обычно выступают в сочетании с глаголом-связкой *пол* ‘быть’: «*ас полган* ‘было мало’, *көп полтыр* ‘было много’ и др.» [7, с. 110].

Некоторые предикаты могут входить в разные лексико-семантические группы слов. К таковым можно отнести слова *сидік* ‘трудно, сложно’, *аар* ‘тяжело’ и др. Они относятся к группе слов как физического, эмоционального, так и психологического значения.

2.1. Универсально-оценочные предикаты

Универсальная оценка выражается словами со значением *чахсы* ‘хорошо’, *хандыра* ‘хорошо, очень хорошо, здорово’, *хомай нимес* ‘неплохо’ (положительная оценка) и *хомай* ‘плохо’, *чахсы нимес* ‘плохо’ (отрицательная оценка). Следует сказать, что положительная оценка разных жизненных ситуаций в хакасских текстах встречается намного чаще, чем отрицательных.

(8) *Сапхынаң от сапханы, уламнар тастааны чахсы* [29, с. 90].

сапхы=наң	от=Ø	сап=хан=ы	улам=нар
коса=INSTR	трава=NOM	косить=PP=POSS.3SG	стог=PL
таста=ан=ы	чахсы		
кидать=PP=POSS.3SG	хорошо		

‘То, что косой сено косят, стог ставят, хорошо’.

(9) *Тіллері пасха кізілер ынархаста чуртап полчатханы хандыра* [28, с. 109].

тіл=лер=і	пасха	кізі=лер	ынархас=та
язык=PL=POSS.3PL	другой	человек=PL	дружба=LOC
чурта=п	пол=чатхан=ы	хандыра	
жить=CV	быть=PrP=POSS.3SG	хорошо	

‘То, что разноязычные люди живут дружно, очень хорошо’.

(10) *Ипчі кізі ир тогызына айлан парганы чахсы нимес* [30, с. 107].

ипчі=Ø	кізі=Ø	ир=Ø	тогыз=ы=на
женщина=NOM	человек=NOM	мужчина=NOM	работа=POSS.3SG=DAT
айлан	пар=ган=ы	чахсы	нимес
возвращаться	идти=PP=POSS.3SG	хорошо	не

‘Плохо, что женщина стала выполнять мужскую работу’.

2.2. Достоверно-оценочные предикаты

К достоверно-оценочным предикатам относятся слова, которые «подтверждают или опровергают какое-то мнение о событии» [11, с. 79] или заставляют сомневаться: *сын* ‘верно, правда, правильно’, *сын нимес* ‘неправда’, *тайма* ‘неправда, ложь’, *ікінчілестіг* ‘сомнительно’ и др.:

- (11) *Аның неер пастагызын килгені сын* [27, с. 189].
а=ның неер пастагызын кил=ген=і
 он=GEN сюда первый раз приходит=PAST=POSS.3SG
сын
 правда
 ‘То, что он сюда приехал, правда’.
- (12) *Аның килері ікінчілестіг* [31, с. 143].
а=ның кил=ер=і ікінчілестіг
 он=GEN приходит=FUT=POSS.3SG сомнительно
 ‘Сомнительно, что он придет’.

2.3. Эмотивно-оценочные предикаты

Эмотивная оценка выносится «на основании эмоционального впечатления от данного события или высказывания о событии» [11, с. 81]. Предикатами выступают следующие слова: *өріністіг* ‘радостно’, *ачырғастыг* ‘обидно, досадно’, *хомзыныстыг* ‘обидно, досадно’, *таңнастыг* ‘удивительно’, *хайхастыг* ‘удивительно, поразительно’, *хыныг* ‘интересно’, *чапсых* ‘удивительно’ и др.:

- (13) *Иди пол париганы таңнастыг* [32, с. 12].
іди пол пар=иган=ы таңнастыг
 так быть идти=PrP=POSS.3SG удивительно
 ‘Удивительно, что (с ним) такое (зазнайство) происходит’.
- (14) *Хакас чоогы жанрында тогынчатхан паза пір автор хозылганы өріністіг* [33, с. 89].
хакас=Ø чоог=ы жанр=ы=нда
 хакас=NOM рассказ=POSS.3SG жанр=POSS.3SG=LOC
тогын=чатхан паза пір=Ø автор=Ø
 работать=PrP и один=NOM автор=NOM
хозыл=ган=ы өріністіг
 добавляться=PP=POSS.3SG радостно
 ‘Радостно, что появился еще один автор, работающий в жанре рассказа’.
- (15) *Обекелернің көгні сөснең хоостап пілгеннері аринча хайхастыг* [28, с. 111].
өбеке=лер=нің көг=ні сөс=нең хооста=п
 предок=PL=GEN мелодия=ACC слово=INSTR рисовать=CV
піл=ген=нер=і аринча хайхастыг
 знать=PP=PL=POSS.3SG очень удивительно
 ‘То, что предки умели передать мелодию словами, очень удивительно’.
- (16) *Орыс кізі хакастардаңар іди сағыссырапчатханы чапсых таа* [33, с. 26].
орыс=Ø кізі=Ø хакас=тар=даңар іди
 русский=NOM человек=NOM хакас=PL=DEL так
сағыссыра=п=чатхан=ы чапсых таа
 беспокоиться=CV=PrP=POSS.3SG удивительно PTCL
 ‘Даже удивительно, что русский человек так беспокоится о хакасах’.

2.3. Дедуктивно-оценочные предикаты

Дедуктивно-оценочное значение выражается «с точки зрения ясности, понятности, сущности произошедшего и выводов, которые из этого следуют» [11, с. 80]. Предикатами выступают слова *іле* ‘понятно, ясно, отчетливо’, *пілдістіг* ‘понятно, ясно’.

- (17) Пуларның көйленіс четкеннері *іле* [27, с. 166].
 пу=лар=ның көйленіс=четкен=нер=*i* *іле*
 это=PL=GEN влюбляться=PrP=PL=POSS.3SG ясно
 ‘Ясно, что они влюблены’.
- (18) Хончыхтарыбыстың иледе изірібіскені *іле* [27, с. 38].
 хончых=тар=ыбыс=тың иледе изірі=ібіс=кен=*i* *іле*
 сосед=PL=POSS.1PL=GEN достаточно пьянеть=PFV=PP=POSS.3PL ясно
 ‘Понятно, что наши соседи очень сильно опьянели’.
- (19) Митюханың худы чарылғаны *іле* [27, с. 45]
 Митюха=ның худ=ы чарыл=ған=ы *іле*
 Митюха=GEN душа=POSS.3SG разбиваться=PP=POSS.3SG ясно
 ‘Ясно, что Митюха сильно испугался’.
- (20) Пу ніскечек, сылағай хызыцахтың араға істинчеткені *іле* [28, с. 39].
 пу=Ø ніскечек сылағай хызыцах=тың араға=Ø
 эта=NOM худой стройный девочка=GEN вино=NOM
 іс=пин=четкен=*i* *іле*
 пить=NEG=PrP=POSS.3SG ясно
 ‘Ясно, что эта худенькая, стройная девочка не пьет вино’.

2.4. Физическо-оценочные предикаты

Оценки физических, трудовых, интеллектуальных усилий рассматриваются «с точки зрения трудности или легкости для человека» [11, с. 80]. Они выражаются предикатами *сидік* ‘трудно’, *сидік нимес* ‘нетрудно’, *аар* ‘тяжело’, *оой* ‘легко’ и др.:

- (21) Кілістіре көзідімнер таап алары тың на *сидік нимес* [30, с. 100]
 кілістіре көзідім=нер таап ал=ар=ы
 подходящее пример=PL находит. CV брать=FUT=POSS.3SG
 тың на сидік нимес
 очень PTCL трудно не
 ‘Не так сложно подобрать подходящие примеры’.

2.5. Психолого-оценочные предикаты

Ситуацию психологической оценки передают предикаты *хынығ* ‘интересно’, *оой* ‘легко’, *оой нимес* ‘нелегко’, *сидік* ‘трудно, тяжело’.

- (22) Наа тоғыс пастиры *оой* ла *нимес* [28, с. 17].
 наа тоғыс=Ø пастир=ы *оой*
 новый работа=NOM начинать=FUT=POSS.3SG легко
 ла *нимес*
 PTCL не
 ‘Не очень-то и легко начать новую работу’.

2.6. Этически-оценочные предикаты

Этическая оценка «связана с удовлетворением нравственного чувства» [22, с. 76]. Для передачи этической оценки используются предикаты *уйат* ‘стыд’, *уйадыстығ* ‘стыдно’, *арысытығ* ‘постыдно, неприлично’.

- (23) *Андаг нимені сагысха киргені арыстыг* [34, с. 73].
 андаг ниме=ні сагыс=ха кир=ген=і арыстыг
 такой дело=ACC ум=DAT вводить=PP=POSS.3SG стыдно
 ‘Стыдно вспоминать такое’.

2.7. Нормативно-оценочные предикаты

В нормативных высказываниях оценка дается относительно нормы поведения человека. Нормативно-оценочную ситуацию передают предикаты *орта* ‘правильно’, *саба* ‘неправильно’, *алчаас* ‘ошибка’.

- (24) *Халасты тикке пиргені саба* [35, с. 89].
 халас=ты тикке пир=ген=і саба
 хлеб=ACC попусту давать=PP=POSS.3SG неправильно
 ‘Неправильно, что хлеб дают бесплатно’.
- (25) *Иренчілер дее аразында алаахтырыс полча. Саңай киртінері – саба* [32, с. 86].
 иренчі=лер дее аразы=нда алаахтырыс=Ø
 супруги=PL PTCL середина=LOC обман=NOM
 пол=ча саңай киртін=ер=і саба
 быть=PRES совсем верить=FUT=POSS.3SG неправильно
 ‘И между супругами бывает обман. Совсем другу верить – неправильно’.

2.8. Утилитарно-оценочные предикаты

Утилитарная оценка в языке представляется в рамках системы бинарных оппозиций: «полезный – вредный», «благоприятный – неблагоприятный», «полезный – бесполезный» и др. Предикатами выступают слова *туза* ‘польза’, *хыйал* ‘беда’, *чидіг* ‘успех’, *чидіг* ‘потеря’ и др.

- (26) *Пістің асхынах чонда, көбізі туған-чагыннары алай таныс кізілер тикке чох иттіргені – улуг хыйал* [35, с. 83].
 піс=тің асхынах чон=да көбізі туған=Ø
 мы=GEN мало народ=LOC большинство родственник=NOM
 чагын=нар=ы алай таныс=Ø кізі=лер
 близкий=PL=POSS.3SG или знакомый=NOM человек=PL
 тикке чох ит=тір=ген=і улуг хыйал=Ø
 зря нет делать=CAUS=PP=POSS.3SG большая беда=NOM
 ‘То, что у нашего малочисленного народа были репрессированы родственники, знакомые, большая беда’.

2.10. Предикаты оценки знания

Оценка ситуации знания передается через предикаты *нілдістіг* ‘понятно, ясно’, *нілдізі чоғыл* ‘непонятно’.

- (27) *Наа килген пастыхтың кўлімзірепчеткені нилдістіг* [28, с. 65].
 наа кил=ген пастых=тың кўлімзіре=п=четкен=і
 новый приходит=PP начальник=GEN улыбаться=CV=PrP=POSS.3SG
 нилдістіг
 понятно
 ‘Понятно, почему улыбается новый начальник’.
- (28) *Наа килген пастыхтың чоннаң тогын полбинчатханы нилдізі чоғыл* [28, с. 65].
 наа кил=ген пастых=тың чон=наң тогын
 новый приходит=PP начальник=GEN народ=INSTR работать

пол=бин=чатхан=ы

nildizi chogyl

быть=NEG=PrP=POSS.3SG

непонятно

‘Непонятно, почему новый начальник не может сработаться с людьми’.

2.11. Экспрессивно-оценочные предикаты

Экспрессивная оценка выносится «в зависимости от силы впечатления, которое испытал человек, выносящий оценку» [17, с. 17]. Как отмечает М.И. Черемисина, «эти оценки близки к эмоциональным, но существенно отличаются от них, поскольку здесь не выражается качество впечатления, характер, но только сила испытанной эмоции» [11, с. 82].

Предикатами таких предложений выступают следующие слова: *хоргыстыг* ‘страшно, опасно’, *сүрдестіг* ‘тревожно, страшно’; *хайхастыг* ‘удивительно’, *айастыг* ‘жалко’ и др.:

- (29) *Ахча оох-теекке тудыныл парганы айастыг* [33, с. 40].

ахча=Ø

оох-теек=ке

тудыныл

пар=ган=ы

деньги=NOM

мелочь=DAT

израсходоваться

идти=PP=POSS.3SG

айастыг

жалко

‘Жалко, что деньги потрачены на всякую мелочь’.

В хакасском языке в качестве экспрессивного оценочного предиката могут употребляться устойчивые сочетания, например, *пу чир нимес* ‘необыкновенно (сильно) (букв. не на этой земле)’:

- (30) *Телбектенчеткеннері пу чир нимес* [29, с. 87].

телбектен=четкен=нер=i

пу=Ø

чир=Ø

нимес

плясать=PrP=PL=POSS.1PL

это=NOM

земля=NOM

не

‘Люди очень сильно (букв. не на этой земле) плясали’.

- (31) *Кізілернің хысхырысханы, сегіріскені пу чир нимес* [29, с. 87].

кізі=лер=нің

хысхыр=ыс=хан=ы

человек=PL=GEN

кричать=RECIP=PrP=POSS.3PL

сегірі=іс=кен=i

пу=Ø

чир=Ø

нимес

прыгать=RECIP=PP=POSS.3PL

это=NOM

земля=NOM

не

‘Люди очень сильно (букв. не на этой земле) кричали, прыгали’.

Экспрессивную оценку в хакасском языке могут передавать также сочетания слов, типа *оңныг ла² нимес³* ‘очень сильно’:

- (32) *Өйі пабазының тарынчатханы оңныг ла нимес* [30, с. 97].

өйі

паба=зы=ның

тарын=чатхан=ы

оңныг ла

неродной

отец=POSS.3SG=GEN

злиться=PrP=POSS.3SG

дельно PTCL

нимес

не

‘Как же сильно злится отчим’.

2.12. Количественно-оценочные предикаты

Количественную оценку представляют предикаты *ас/асхынах* ‘мало’, *көп* ‘много’. Предложения с этими предикатами оценивают «достаточность или недостаточность наблюдаемого или предполагаемого действия с точки зрения результативности» [11, с. 83].

² Ограничительная частица *ла* в данном случае употребляется в усилительном значении.

³ Отрицательная частица *нимес* ‘не’ также вносит в данное сочетание значение усиления, подтверждения.

- (33) *Алыптыг ныхмахтарның пічікке сыгарылганнары асхынах* [30, с. 113].

алып=тыг ныхмах=тар=ның пічік=ке
герой=POSSV сказка=PL=GEN письмо=DAT
сыг=ар=ыл=ган=нар=ы асхынах
выходить=FUT=PASS=PP=PL=POSS.3PL мало
'Изданных героических сказаний мало'.

- (34) *Пістің азыбыс пасхлатханнары ас полча* [32, с. 13].

піс=тің аз=ыбыс пасхлат=хан=нар=ы ас
мы=GEN зерно=POSS.1SG топтать=PP=PL=POSS.3SG мало
пол=ча
быть=PRES
'То, что натоптали наше поле, им этого мало'.

2.13. Модально-оценочные предикаты

Модальную оценку передает имя классифицирующей семантики типа *кирек* 'дело', 'поступок', но «без сопроводителей классифицирующее имя эту роль выполнять не может – при нем обязательна позиция определения, либо оценочного ('хорошее дело'), либо субъектного ('мое дело') [19, с. 85].

- (35) *Хайхастыг кирек – сарын төреені* [33, с. 89].

хайхастыг кирек=Ø сарын=Ø төре=ен=і
удивительный дело=NOM песня=NOM родиться=PP=POSS.3SG
'Появление (рождение) песни – это удивительное дело'.

- (36) *Музейде тогынары – нандырыглыг кирек* [36, с. 6].

музей=де тогын=ар=ы нандырыглыг кирек
музей=LOC работать=FUT=POSS.3SG ответственный дело
'Работать в музее – это ответственное дело'.

Заключение

Наше исследование показало, что в хакасском языке оценочные ППК, ориентированные на оценку события или действия, представлены синтетическими ППК. Субъект ЗПЕ выражается как лексически в форме именительного и родительного падежей, также только показателями лица. Зависимое сказуемое употребляется в форме настоящего, прошедшего и будущего времени причастия с обязательным оформлением лично-притяжательными аффиксами. Чаще всего употребляется причастие в форме настоящего на =чатхан/=четкен и прошедшего на =ган/=ген.

Основной пласт предикатов, формирующих оценочные ППК, составляют слова универсальной (*чахсы* 'хорошо'/*хомай* 'плохо'), дедуктивной (*іле* 'понятно, ясно'), достоверной (*сын* 'правда'/*тайма* 'ложь'), эмотивной (*өріністіг* 'радостно'), этической (*чапсыстыг* 'удивительно'), физической (*сидік* 'трудно', *оой* 'легко'), психологической (*оой* 'легко', *сидік* 'сложно'), нормативной (*орта* 'правильно'/*саба* 'неправильно'), утилитарной (*туза* 'польза'), экспрессивной (*хоргыстыг* 'страшно'), количественной (*ас* 'мало', *көн* 'много') и модальной (*чахсы кирек* 'хорошее дело') оценки, а также слова и сочетания слов типа *оңныг ла нимес* 'очень сильно', и нередко встречается фразеологизм *пу чир нимес* 'очень сильный, большой и т. п'.

Эти конструкции фиксируют результаты оценки над действиями и событиями окружающей действительности.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

= – граница между морфемами; Ø – нулевая морфема; [] – границы ГПЕ; () – границы ЗПЕ; **1, 2, 3** – 1-е, 2-е, 3-е лицо; **ABL** – аффикс исходного падежа; **ACC** – винительный падеж; **CAUS** – понудительный залог; **CV** – деепричастная форма; **LOC** – местный падеж; **DAT** – дательный падеж; **DEL** – причинно-следственный падеж; **FUT** – будущее время на =ap; **GEN** – родительный падеж; **INSTR** – орудный падеж; **LOC** – местный падеж; **N** – имя; **NOM** – неопределенный падеж; **NEG** – отрицание; **PART** – причастие; **PrP** – причастие настоящего времени; **PP** – причастие прошедшего времени; **SG** – единственное число; **PL** – множественное число; **POSS** – аффикс принадлежности; **POSSV** – аффикс обладания; **PRES** – аффикс настоящего времени; **POSS** – аффикс принадлежности; **PL** – множественное число; **PTCL** – частица; **PFV** – совершенный вид; **RECIP** – совместно-взаимный залог; **Tv** – основа глагола.

Список источников:

1. Грамматика хакасского языка / под ред. Н.А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 417 с.
2. Боргоякова Т.Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями. М.: Изд-во РУДН, 2002. 174 с.
3. Абумова О.Д. Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке. Абакан: Сервисный пункт, 2013. 186 с.
4. Султрекова Э.В. Сравнительные конструкции хакасского языка. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 2017. 325 с.
5. Чугунецова А.Н. Бипредикативные конструкции с зависимой предикативной единицей места в хакасском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 66–74.
6. Чугунецова А.Н. Модус-диктумные полипредикативные конструкции в хакасском языке (на материале романа Н.Г. Доможакова «Ыраххы аалда») // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2022. № 4 (41). С. 85–99.
7. Чугунецова А.Н. Модели изъяснительных полипредикативных конструкций в хакасском языке // Тюркские языки и литературы в исторической перспективе / отв. ред. Е.А. Оганова. М., 2022. С. 108–123.
8. Чугунецова А.Н. Уступительные конструкции в хакасском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2, вып. 44. С. 123–133.
9. Чугунецова А.Н. Условные бипредикативные конструкции в хакасском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 1 (39). С. 86–101.
10. Чугунецова А.Н. Определительные полипредикативные конструкции в хакасском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1, вып. 49. С. 24–41.
11. Черемисина М.И. Структурно-семантические типы изъяснительных предложений с ЗПЕ в функции подлежащего // Теоретические вопросы алтайской грамматики: сборник научных трудов / под ред. Л. Н. Тыбыковой. Горно-Алтайск, 2002. С. 75–88.
12. Предикативное склонение причастий в алтайских языках / М.И. Черемисина, Л.М. Бродская, Л.М. Горелова и др. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.
13. Абдуллаев С.Н. Полипредикативные предложения с подлежащей зависимой частью в уйгурском языке // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 103–113.
14. Абдуллаев С.Н., Эстебесова Д.Т. Полипредикативные конструкции с подлежащей зависимой частью в тюркских языках // Кыргыз тили жана адабияты. Бишкек, 2011. № 20. С. 41–43.
15. Ефремов Н.Н. Подлежащие сложноподчиненные предложения // Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. Новосибирск: Наука, 1995. С. 222–224.
16. Шамина Л.А. Модели изъяснительных ППК с именными сказуемыми в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 5. Новосибирск, 1999. С. 70–84.
17. Зыкин А.В. Полипредикативные конструкции актантного типа в шорском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 27 с.
18. Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука, 1988. 198 с.
19. Скрибник Е.К., Даржаева Н.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Т. I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 316 с.
20. Абдуллаев С.Н., Мушаев В.Н., Озонова А.А. Структура и семантика оценочных полипредикативных конструкций в тюркских и монгольских языках // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках / под ред. В.Н. Мушаева, А.В. Дыбо, С.Н. Абдуллаева, М.А. Лиджиева. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. С. 6–23.

21. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Либроком, 2020. 278 с.
22. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
23. Дормидонтова О.А. Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3 ч. Ч. I. С. 47–49.
24. Темиргазина З.К. Лингвистическая аксиология: оценочные высказывания в русском языке. М.: Флинта, 2015. 248 с.
25. Черемисина М.И., Озонова А.А. Аналитические средства связи частей сложного предложения в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Аналитические структуры в простом и сложном предложении / отв. ред. Н.Н. Широбокова, А.А. Мальцева. Новосибирск, 2006. С. 3–20.
26. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. 2. Сложное предложение. Книга вторая. Новосибирск: Наука, 1976. 379 с.
27. Татарова В.К. Крик турпана. Повести на хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд., 1991. 232 с.
28. Ах тасхыл. Литературно-художественный альманах. № 36. Хакас. отд. Красноярск. книжн. изд-ва, 1988. 144 с.
29. Митхас Туран. Тигір хурлыг чирим (Радужная земля моя): чоохтар чыындызы (сборник рассказов) / Туран Митхас. Сост. Л.В. Челтыгмашева. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2019. 166 с.
30. Ах тасхыл. Литературно-художественный альманах. № 37. Хакас. отд. Красноярск. книжн. изд-ва, 1988. 144 с.
31. Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
32. Кильчичаков М.Е., Шулбаева В.Г., Митхас Туран, Котожеков Г.Г. Пьесалар. «Всходы». Сборник пьес. Абакан: Хак. издат., 1991. 264 с.
33. Инесай. Литературно-художественный и общественно-политический журнал писателей Хакасии. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 2014. № 14. 108 с.
34. Султреков А.Е. Күнүр ағас (Дуплистое дерево). Повесть (на хакасском языке). Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 1996. 96 с.
35. Боргояков П.А. Тирең кичигде. Сакый – моя деревня. На хакасском и русском языках. Абакан, 2021. 192 с.
36. Хакас чирі. Республиканская газета. 2024. № 39. С. 6.

Чугунекова Алена Николаевна.

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

Ул. Ленина, 92, Абакан, 655017.

E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25 июня 2024 г.

Alena N. Chugunekova

EVALUATIVE POLYPREDICATIVE CONSTRUCTIONS IN THE KHAKASS LANGUAGE

This article deals with evaluative polypredicative constructions that focus on the evaluation of an event or action in the Khakass language. Many issues related to the description of polypredicative constructions in the language under consideration have not yet been adequately addressed, which determines the relevance of this study. The article aims to identify and describe the structure and semantics of evaluative polypredicative constructions in the Khakass language. A solid selection of examples from works of fiction and folklore texts in the Khakass language served as research material. As a result of the research carried out, the author concludes that in Khakass, as in other Turkic languages, the relationship between the dependent and the predicative head unit in evaluative polypredicative constructions is synthetic (morphological indicators). The predicate of the dependent part is in the participial form, namely in the form of the present tense on =chatkhan/=chetken (the negative form is =binchathan/=binchetken), =igan/=igen (has only a positive aspect) and the past tense on =gan/=gen, =khan/=ken, =an/=en (negative form – =bagan /=begen) with obligatory registration with possessive affixes (more frequently the third person singular). The predicate of the main predicative unit is represented by the predicates universal (chakhshy ‘good’/ homai ‘bad’), deductive (ile ‘clear, distinct’), reliable (son ‘truth’, half ‘lie’), emotive (örinistig ‘joyful’, hayhastyg ‘amazing’), ethical (uyadystyg ‘ashamed’), physical (sidik ‘difficult’, ooi ‘easy’), psychological (ooi ‘easy’, ooi nimes ‘not easy’), normative (orta ‘right’, saba ‘wrong’), utilitarian (ace ‘benefit’), expressive (khorgystyg ‘frightening’), quantitative (as ‘little’, köp ‘much’) and modal (chakhshy kirek ‘good deed’) ratings. Other words and combinations also function as main predicates: combinations of words (ony la nimes ‘very strong’), stable combinations (pu chir nimes ‘very strong, big etc.’). The subject of a dependent predicative unit is

expressed lexically and has the nominative and the genitive form and can also be expressed only by personal indicators.

Keywords: *Khakass language, syntax, polypredicative construction, evaluation, evaluative construction, dependent predicative unit, main predicative unit*

References:

1. Baskakov N.A. (ed.) *Grammatika khakasskogo yazyka* [Khakass grammar]. M.: Nauka Publ., 1975. 417 p. (in Russian).
2. Borgoyakova T.N. *Sposoby vyrazheniya vremennykh otnosheniy mezhdu dvumya sobytiyami* [Ways to express the temporal relationship between two events]. Moscow, RUDN Publ., 2002. 174 p. (in Russian).
3. Abumova O.D. *Strukturnaya tipologiya tyurkskikh prichinno-sledstvennykh konstruktsey i ee semanticheskaya realizatsiya v khakasskom yazyke* [Structural typology of Turkic causal constructions and its semantic implementation in the Khakas language]. Abakan, Servisniy punkt Publ., 2013. 186 p. (in Russian).
4. Sultrekova E.V. *Sravnitelnye konstruktsey khakasskogo yazyka* [Comparative constructions of the Khakass language]. Abakan, Khakas. knizhn. izd-vo, 2017. 325 p. (in Russian).
5. Chugunekova A. N. Bipredikativnye konstruktsey s zavisimoy predikativnoy edinicey mesta v khakasskom yazyke [Bipredicative constructions with dependent predicative units denoting location in the Khakas language]. *Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri – Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia*, 2021, no. 2 (42), pp. 66–74 (in Russian).
6. Chugunekova A.N. Modus-diktumnye polipredikativnye konstruktsey v khakasskom yazyke (na materiale romana N.G. Domozhakova «Yraxxy aalda») [Mmodus-dictum polypredicative constructions in the khakass language (on the novel by N.G. Domozhakov «Yrakhkhi aalda»)]. *Severo-vostochniy gumanitarniy vestnik – North-Eastern Humanitarian Herald*, 2022, no. 4 (41), pp. 85–99 (in Russian).
7. Chugunekova A.N. Modeli izyasnitelnykh polipredikativnykh konstruktsey v khakasskom yazyke [Models of explanatory polypredicative constructions in the khakass language]. Oganova E.A. (ed.) *Tyurkskie yazyki i literatury v istoricheskoy perspektive. Kollektivnaya monografiya* [Turkic Languages and Literatures in Historical Perspective. Collective Monograph]. Pp. 108–123 (in Russian).
8. Chugunekova A.N. Ustupitelnye konstruktsey v khakasskom yazyke [Concessive constructions in the Khakass language]. *Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri – Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia*, 2022, no. 2 (44), pp. 123–133 (in Russian).
9. Chugunekova A.N. Uslovnye bipredikativnye konstruktsey v khakasskom yazyke [Conditional bipredicative constructions in the khakass language]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal Linguistics and Anthropology*, 2023, no. 1 (39), pp. 86–101 (in Russian).
10. Chugunekova A.N. Opredelitelnye polipredikativnye konstruktsey v khakasskom yazyke [Opredelitel'nye polipredikativnye konstruktsey v khakasskom yazyke]. *Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri – Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia*, 2024, no. 1 (49), pp. 24–41 (in Russian).
11. Cheremisina M.I. Strukturno-semanticheskie tipy izyasnitelnykh predlozheniy s ZPE v funktsii podlezhashhego [Structural and semantic types of explanatory sentences with a PO in the function of the subject]. In: Tybykova L.N. (ed.) *Teoreticheskie voprosy altayskoy grammatiki (sbornik nauchnykh trudov)* [Theoretical issues of Altaic grammar (collection of scientific papers)]. Gorno-Altaysk, 2002. Pp. 75–88 (in Russian).
12. Cheremisina M.I., Brodskaya L.M., Gorelova L.M. i dr. *Predikativnoe sklonenie prichastiy v altayskikh yazykakh* [Predicative declension of participles in the Altaic languages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 192 p. (in Russian).
13. Abdullaev S.N. Polipredikativnye predlozheniya s podlezhashhnoy zavisimoy chastyu v uygurskom yazyke [Polypredicative sentences with a subject dependent part in the Uighur language]. In: *Issledovaniya po uygurskomu yazyku* [Research on the Uyghur language]. Alma-Ata, Nauka, 1988. Pp. 103–113 (in Russian).
14. Abdullaev S.N., Estebesova D.T. Polipredikativnye konstruktsey s podlezhashhnoy zavisimoy chastyu v tyurkskikh yazykakh [Polypredicative constructions with a subject dependent part in the Turkic languages]. In: *Kyrgyz tili zhana adabiyaty*. Bishkek, 2011, no. 20, pp. 41–43 (in Russian).
15. Efremov N. N. Podlezhashhnye slozhnopodchinennye predlozheniya [Subject complex sentences]. In: *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Yakut literary language]. Vol. 2. Novosibirsk, Nauka, 1995. Pp. 222–224 (in Russian).
16. Shamina L. A. Modeli izyasnitelnykh PPK s imennymi skazuemymi v tuvinskom yazyke [Models of explanatory phrases with nominal predicates in the Tuvan language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk, 1999. Pp. 70–84 (in Russian).

17. Zykin A.V. *Polipredikativnye konstruksii aktantnogo tipa v shorskom yazyke* [Polypredicative constructions of the actant type in the Shor language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008. 27 p. (in Russian).
18. Skribnik E.K. *Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buryatskom yazyke* [Polypredicative synthetic sentences in the Buryat language]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988. 198 p. (in Russian).
19. Skribnik E.K., Darzhaeva N.B. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo (polipredikativnogo) predlozheniya* [Grammar of the Buryat language. The syntax of a complex (polypredicative) sentence]. Vol. I. Ulan-Ude: BNCz SO RAN Publ., 2016. 316 p. (in Russian).
20. Abdullaev S.N., Mushaev V.N., Ozonova A.A. *Struktura i semantika otsenochnykh polipredikativnykh konstruksiy v tyurkskikh i mongolskikh yazykakh* [The structure and semantics of evaluative polypredicative constructions in the Turkic and Mongolian languages]. In: Mushaev V.N., Dybo A.V., Abdullaev S.N., Lidzhev M.A. (eds) *Modalno-otsenochnye konstruksii v mongolskikh i tyurkskikh yazykakh: kollektivnaya monografiya* [Modal-evaluative constructions in Mongolian and Turkic languages: collective monograph]. Elista, Kalmyk University Publ., 2021. Pp. 6–23 (in Russian).
21. Volf E.M. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Librokom Publ., 2020. 278 p. (in Russian).
22. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znachenij. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language values. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 338 p. (in Russian).
23. Dormidontova O.A. *Kategoriya otsenki i otsenochnaya kategorizatsiya s pozitsiy sovremennoy lingvistiki* [Evaluation category and evaluative categorization from the perspective of modern linguistics]. In: *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. Tambov: Gramota Publ., 2009. No. 2 (21). Ch. I. Pp. 47–49 (in Russian).
24. Temirgazina Z.K. *Lingvisticheskaya aksiologiya: otsenochnye vyskazyvaniya v russkom yazyke* [Linguistic Axiology: Evaluative Statements in the Russian Language]. M.: Flinta Publ., 2015. 248 p. (in Russian).
25. Cheremisina M.I., Ozonova A.A. *Analiticheskie sredstva svyazi chastei slozhnogo predlozheniya v altayskom yazyke* [Analytical means of communication of parts of a complex sentence in the Altai language]. In: Shirobokova N.N., Maltseva A.A. (eds) *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Vol. 18. Novosibirsk, 2006. Pp. 3–20 (in Russian).
26. Ubryatova E.I. *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. Tom 2. Slozhnoe predlozhenie. Kniga vtoraya* [Research on the syntax of the Yakut language. Vol. 2. A complex sentence. Book two]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976. 379 p. (in Russian).
27. Tatarova V.K. *Krik turpana. Povesti na khakasskom yazyke*. [The cry of the turpan. Stories in Khakass]. Abakan, Khakasskoe otделение Krasnoyarskogo kn. izd., 1991. 232 p. (in Khakass).
28. *Ax tasxyl. Literaturno-khudozhestvenniy almanakh* [Literary and artistic almanac]. Vol. 36. Khakas. otd-nie Krasnoyarsk. knizhn. izd-va, 1988. 144 p. (in Russian).
29. Mitxas Turan. *Tigir xurlyr chirim (Raduzhnaya zemlya moya): chookhtar chyyndyzy (sbornik rasskazov)* [The rainbow land is mine: a storybook]. Abakan, Dom literatorov Khakasii Publ., 2019. 166 p. (in Khakass).
30. *Ax tasxyl. Literaturno-khudozhestvenniy almanakh* [Literary and artistic almanac]. Vol. 37. Khakas. otd-nie Krasnoyarsk. knizhn. izd-va, 1988. 144 p. (in Khakass and Russian).
31. *Khakassko-russkiy slovar* [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2006. 1114 p. (in Russian).
32. Kilchichakov M.E., Shulbaeva V.G., Mitxas Turan, Kotozhekov G.G. Pesalar. «Vsxody». *Sbornik pes* [“Sprouts.” A collection of plays]. Abakan, Khak. izdat., 1991. 264 p. (in Khakass and Russian).
33. *Inesay. № 14: Literaturno-khudozhestvenniy i obshchestvenno-politicheskiy zhurnal pisateley Khakasii* [Inesay. Literary and fiction and socio-political magazine of writers of Khakassia]. Abakan: Khakas. knizhn. izd-vo, 2014. Vol. 14. 108 p. (in Russian).
34. Sultrekov A.E. *Күһүр арас (Duplistoe derevo). Povest (na khakasskom yazyke)* [A hollow tree. the story (in Khakass)]. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izd-vo, 1996. 96 p. (in Khakass).
35. Borgoyakov P.A. *Tirəҥ kichigde. Sakiy – moya derevnya* [Sakiy is my village]. Abakan, 2021. 192 p. (in Khakass and Russian).
36. *Khakas chiri. Respublikanskaya gazeta* [The land of Khakass. Republican Newspaper]. 2024, no. 39, pp. 6 (in Khakass).

Chugunekova Alena Nikolaevna.

Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher.

Institute of Humanities Research and Sayano-Altay Turkology, Katanov Khakas State University.

Lenina str., 94, Abakan, Russia, 655017.

E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 392.51(=511.1)

В.П. Миронова, Л.И. Иванова

ОБРЯД ЖЕНИХОВОЙ БАНИ В КОНТЕКСТЕ КАРЕЛЬСКОЙ СВАДЕБНОЙ ТРАДИЦИИ¹

В настоящем исследовании на основе этнографических данных и фольклорных источников предпринята попытка реконструкции «жениховой бани» в контексте карельской свадебной традиции. Актуальность выбранной темы определяется малоизученностью обозначенной проблемы, а также постоянным интересом в обществе к народной культуре. Некоторые элементы свадебного обряда, получив переосмысление, повсеместно включаются в современные церемонии. Целью статьи является анализ акциональных и вербальных элементов обряда жениховой бани с учетом темпорально-локальных характеристик, его реконструкция и представление обрядовых функций. Новизна работы состоит в том, что полученные результаты дадут возможность выявить дополнительные сведения о комплексе свадебной обрядности карелов. Практическая значимость определяется использованием материалов данного исследования в образовательной и культурной деятельности Карелии. Методология исследования при реконструкции обряда жениховой бани опирается на системный подход, который основывается на сравнительно-историческом и структурно-семиотическом методах и целостном анализе текста. Теоретическую основу исследования составили труды как зарубежных, так и отечественных ученых, среди которых следует отметить фундаментальные работы Ю.Ю. Сурхаско, Н.А. Криничной, А.С. Степановой, Л.И. Ивановой. Материалом для проведенного анализа послужили этнографические описания, а также фольклорные источники, среди которых основное место принадлежит свадебным песням, записанным от различных локальных групп карелов. Наиболее ранние тексты относятся к концу XIX в., поздние варианты были зафиксированы карельскими учеными в первой половине XX в. Указанные источники были опубликованы в ряде зарубежных и отечественных сборников. В ходе анализа удалось выяснить, что «женихова баня» в обряде выполняла апотропеическую и посвятельную функции и являлась локусом, обеспечивающим трансформацию социального статуса одного из основных участников ритуала.

Ключевые слова: карелы, свадебный обряд, баенные руны, баня для жениха, фольклор

Введение

Рассмотрение музыкально-фольклорных жанров свадьбы, несмотря на повсеместную утрату традиционного обряда у многих народов России, продолжает являться одной из важных задач отечественной фольклористики. Начиная со второй половины XX в. карельские исследователи народной поэзии уделяли большое внимание изучению как собственно ритуала, так и анализу основных элементов вербального кода, в первую очередь причитаний. Тексты плачей, зафиксированные от карелов и вепсов, стали основой изысканий, касающихся приуроченности их к обрядовым действиям [1], раскрытию семантики мотивов и образов [2, 3], изучению напевов [4] и т. д. Однако, помимо причитаний, вербально-музыкальный код карельской свадьбы включает в себя свадебные руны, или свадебные песни рунического типа, ёйги², лирические песни на карельском, финском или русском языках.

Как известно, свадебные причитания сопровождают обряды, направленные на невесту, тогда как свадебные руны могли оформлять ритуальные действия, проводимые как с невестой, так и женихом. В целом в отечественной науке большее внимание традиционно уделялось рассмотрению обрядов, связанных с «невестиной свадьбой». Образ жениха и его участие в свадебных ритуалах описывались зачастую лишь попутно. В связи с этим остается актуальным осу-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

² Музыкально-импровизационный жанр народной лирики, часто сатирического характера; распространен на севере Карелии.

ществование исследований, связанных с изучением основного мужского персонажа свадьбы – жениха, в контексте акционального кода с привлечением целого комплекса текстов.

Баня в обрядах жизненного цикла являлась одним из центральных локусов, характеристика которого на материалах отдельных этнических групп представлена в работах целого ряда карельских ученых. К примеру, Р.Ф. Никольская, Ю.Ю. Сурхаско и И.Ю. Винокурова рассмотрели баню в контексте семейных обрядов карелов и вепсов [5, 6]. К.К. Логинов проанализировал историю появления банной традиции в Карелии [7]. Н.А. Криничная на основе фольклорных текстов исследовала образ баенника в русском фольклоре северо-запада России [8]. А.С. Степанова, занимаясь анализом карельских причитаний, уделила внимание изучению приуроченных к этому локусу текстов в контексте с ритуальными действиями [9]. Монография Л.И. Ивановой «Карельская баня» является комплексным фольклорно-этнографическим исследованием магических банных ритуалов и обрядов жизненного цикла, верований и мифологических рассказов, связанных с духами-хозяевами данного локуса и народной медициной [10]. Настоящее исследование, посвященное реконструкции церемонии жениховой бани, проведено преимущественно на материале свадебных рун и эпических песен о сватовстве.

В работе использованы различные фольклорно-этнографические источники. Особое место в ней занимают данные, зафиксированные финляндскими исследователями в конце XIX – начале XX в. и опубликованные в многотомнике «Древние руны финского народа»³, а также устно-поэтические тексты и описания свадебного ритуала, записанные карельскими собирателями в первой половине XX в.

Предпринятая реконструкция «жениховой бани», позволяющая определить ее функции, место и символику в контексте свадебного обряда, основана на сравнительно-историческом, структурно-семиотическом и методе целостного анализа текста.

В настоящем исследовании термины «ритуал», «обряд» и «церемония» традиционно используются в качестве синонимического ряда.

Результаты и обсуждение

Согласно выводам ученых, баня в прибалтийско-финской традиции являлась семейным святилищем, местом обитания семейных духов-покровителей. Обряды жизненного цикла совершались именно в этом ритуальном локусе [9, с. 67; 10, с. 49; 6, с. 57–67]. В свадебной традиции баня становилась одним из ключевых пространств, в котором и жених, и невеста переживали инициацию. Помимо чисто утилитарной очистительной функции [11], посещение ее выдаваемой замуж воспринималось как ритуал отторжения от своего рода, символическое прощание с девичеством и переход в новый социальный статус [1, с. 177]. Выявленные в свадебной причетной традиции устойчивые мотивы прощания невесты с волей в бане дали основание Е.Г. Кагарову предположить, что девушка здесь теряет целомудрие, дух бани взамен девственности наделяет ее способностью к деторождению [12, с. 171–173]. По мнению Н.А. Криничной, «невеста должна оставить свою душу в семейно-родовом святилище, в качестве которого выступает баня» [13, с. 175].

В карельской свадебной традиции ритуальный локус как для невесты, так и для жениха был общепринятым и носил чаще посвященный характер [1, с. 164–172]. Равно как в девичьей бане невеста, прощаясь с «белой волюшкой», со своими прародителями и родом, так и жених, посещая ее в статусе холостого парня, переживал преобразование своего возрастного и социального статуса. «Невестина баня» имела широкое бытование у прибалтийско-финских народов вплоть до середины XX в., в то время как обычай устраивать «женихову баню» был сравнительно слабо распространен уже в середине XIX в. Отдельные сведения в указанный

³ В дальнейшем при цитировании Suomen Kansan vanhat runot (SKVR) указывается номер текста.

период были зафиксированы у русских Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Костромской, Ярославской, Тверской и Псковской губерний [14, с. 309]. Среди прибалтийско-финских народов анализируемый обряд был известен вепсам [6, с. 63], води и ижорам [14, с. 318].

Несмотря на небольшое количество дошедших до нас этнографических источников, есть основания полагать, что баня для жениха была хорошо знакома также всем этнолокальным группам карелов. Доказательствами для подобных выводов могут служить дошедшие до нас фольклорные материалы, приуроченные к этому действию. В севернокарельской традиции в группе свадебных песен баенная руна на протяжении долгого времени бытовала в качестве самостоятельного текста. В севернокарельской и южнокарельской традициях мотив подготовки и посещения бани являлся постоянным элементом сюжета эпической песни о сватовстве. Указанные тексты коррелируют с определенным элементом обряда – отправкой жениха за невестой.

Финляндский исследователь И. Вахрос высказал мнение о том, что ритуал жениховой бани мог восходить к девичьей бане и представлял собой более позднее явление [14, с. 309]. Однако, апеллируя к фольклорным источникам, можно предположить, что обряд посещения бани готовящимся к браку юношей мог быть более архаичным. Изучив карельские эпические сюжеты о добывании жены, исследователи выявили ряд устоявшихся поэтических формул, характеризующих акцию сватовства: жених «по три года сватал» невесту, за нее «сотни марок заплатил», ее за «тысячу марок выкупил» [15, с. 91, 135]. Кроме того, в композиции рассматриваемых текстов константными являлись мотивы испытаний жениха родственниками невесты [16, с. 72; 17, с. 104–124]. Отмеченные аспекты могут указывать на существование древних форм матрилокального брака у прибалтийско-финских народов в прошлом. Вероятно, «женихова баня» могла быть обязательным элементом свадебного обряда в тот период, тогда сватающийся оставался проживать в роду жены. При смене типа брачного поселения большую значимость приобрели предсвадебные ритуалы, совершаемые с невестой. В связи с этим и персонаж жениха, и его подготовка к женитьбе в контексте общего свадебного обряда стали занимать периферийную зону, уступили свои господствующие позиции. Этим обосновывается и меньшее количество зафиксированных уже в XIX в. этнографических описаний и собственно вариантов песен, относящихся к анализируемому действию.

В группу карельских свадебных произведений, оформлявших подготовку жениха к сватовству, входили баенные песни, именуемые по-карельски *kylyvirzi*, а также песни на сюжет о сватовстве. Их исполнение всегда было приурочено к проведению специальной ритуальной церемонии. Сохранились лишь единичные описания подобных акций. К примеру, финляндский исследователь У. Харва-Холмберг отмечал, что жених перед поездкой за невестой ходит в баню, где ему за дверью исполняют специальную баенную песню [18, с. 120]. В некоторых случаях ритуальные произведения могли петь перед походом в баню или во дворе дома на улице перед поездкой за невестой. Песни исполнялись юношами, пока жених один или со свадебным колдуном-патьяшкой находился в бане. Патьяшка был одной из главных фигур свадебного ритуала, являлся церемониймейстером, но в первую очередь, будучи носителем комплекса специальных магических знаний, выполнял охранительную функцию по отношению ко всем участникам процесса [19, с. 67–71].

Исследователь карельской свадебной обрядности Ю.Ю. Сурхаско, рассматривая «женихову баню», указывал на два основных назначения данного обряда [19, с. 101–102]. Посещение бани выполняло апотропеическую функцию: оберегало жениха от порчи перед поездкой за невестой в чужой род. Именно поэтому в Северной Карелии в баню с женихом ходил специально приглашенный свадебный колдун-патьяшка, который и совершал ряд регламентированных действий.

Наряду с этим баня носила посвяtitельный характер, обряд отображал смену социального статуса. На вербальном уровне указанная функция реализуется в ритуальных об-

ращения к жениху. В текстах свадебных песен встречаются призывы «бросить глупость на дерюги, ребячество на краю полка, младенчество на прутьях веника» [20, № 461], в вариантах – «скинуть ребячество на лавку, бесшабашность под покрывало, младенчество на край скамьи» [20, № 467].

Прямым свидетельством того, что локус ритуальной «жениховой бани» являлся неким разделительным пространством, границей между мирами, а проводимые действия отождествлялись с инициальными обрядами, является используемая в тексте формула *Tämä on kyly ensimmäinen*, // *Tämä on kyly jälkimäinen* – Эта баня первая, // Эта баня последняя [20, № 463].

В целом сюжетная коллизия баенной руны дает возможность воссоздать картину проведения данного ритуала. Немаловажная роль в подготовке бани была отведена матери жениха (в вариантах – сестре), что еще раз указывает на важную функцию женщины, или материнского рода. Во избежание порчи, негативного влияния потусторонних сил обрядовые действия должны были быть «тайными», равно как и схожие акции, маркирующие обряды перехода. Например, женщина до самого последнего момента скрывала сроки своих родов, поэтому и баню для роженицы повитуха готовила втайне от всех [10, с. 55]. Касалось это и тайной бани, в которой проводили магический ритуал поднятия лемби-славутности с целью привлечения женихов для девушки, которой грозила участь остаться в старых девах [10, с. 136]. Основное предназначение такой бани заключалось не в омовении, а в проведении почитательных актов, в которых колдун становился одним из основных участников церемонии. Следует обратить внимание и на другие особенности «жениховой бани», она представлялась невидимой для окружающих, «без стен и потолков». Подобное аморфное состояние объекта позволяло духам-хозяевам иного мира беспрепятственно прийти на помощь патьвашке для проведения апотропеических обрядов.

«Женихова баня» в текстах характеризуется целым рядом устойчивых эпитетов: *utuinen* – букв. туманная, воздушная, хрупкая, *simainen* – медовая, [21, № 1554, 1555]. Подобные описания ритуального локуса, возможно, опосредованно способствовали предопределению жениха к легкой «медовой» жизни после свадьбы. В то же время туманность и «воздушность» бани может являться отсылкой к ее иномирности, так как именно в таком пространстве происходит инициация.

Наряду с этим «женихова баня» представляется как *kynäinen* – огненная (искристая), «огненная, горячая, вгоняющая в пот» [20, № 96а]. Отмеченные определения являются отражением перерождения юноши, символического уничтожения (отделения <...>) прежнего и изготовление нового человека» [22, с. 74].

В некоторых случаях «женихова баня», равно как и «невестина», называется «слезной», жених обращается с просьбой истопить для него слезную баню: «*lämmitä kyynelkyly*» [20, № 460]. Подобная характеристика локуса усиливает драматичность происходящего действия, в ней усматривается некая связь с погребальным культом (жених прощается с холостяцкой жизнью, с жизнью в родительском доме, с прародителями, умирает в одном статусе и рождается уже в новом).

Примечательно, что в ряде вариантов баня представляется как небольшое пространство, топят ее мелкими щепками, маленькими дровишками [21, № 1560]. Воду носят маленьким котелком, «в который вмещается лишь два пальца, // Заходит лишь один большой палец!». Жених же в свою очередь изображается как зяблик, птенчик [15, с. 135]. Использование приема преуменьшения придает локусу бани и готовящемуся к омовению юноше специфические черты, выделяет это действие в особый обряд, отличный от простого посещения бани. Данное описание свидетельствует о том, что жених находится в иномирном невидимом пространстве и при этом сам становится невидимым для мира человеческого, чтобы приобрести в процессе магических ритуалов особую защиту и новый статус для поездки за невестой в чужой род.

Все этапы подготовки «жениховой бани» имели специфические черты, топить ее необходимо было необычными дровами. Предпочтение отдавалось ольховым поленьям. В финно-

угорской мифологии ольха считалась особым деревом, а ольшаники – «чужой землей», потусторонним миром. Из ольховой чурки в одном из карельских сказочных сюжетов делали ребенка, у южных карелов бытовала поговорка: «Жену выстрогаю только из ольхи» [23, с. 150–151]. Но в отличие от «девичьей бани» могли использовать также осиновые, дубовые и березовые поленья. Береза считалась покровительницей материнского рода, что наиболее ярко представлено в карельских сказочных сюжетах: убитая мать превращается в березу, помогающую невинно гонимой дочери; из березовых лучин делали короб для новорожденного, колыбель висела на березовом очепе [23, с. 52–53]. Дуб в эпических песнях – прообраз мирового древа, он, стоветвистый и тысячелистный, растет на реке Иордан [20, № 161]. В этиологических легендах его называют священным деревом – *ryhä rihi* [24, с. 57]. Под запретом оказывались хвойные смолистые деревья, сохранившие, по народным представлениям, связь с миром мертвых [25, с. 113–121].

В описываемом обряде значение имел не только вид дров, но и процесс их заготовки. В карельской традиции известен обычай, согласно которому дрова для предсвадебной бани невесты ломали руками, поскольку использование железа могло принести несчастье [1, с. 172]. То же самое можно сказать о лемби-венике в бане поднятия девичей славы: ветки для него было запрещено рубить топором или срезать ножом, их ломали и срывали только руками [10, с. 139–140]. Подобные верования объясняют появление как в причитаниях, так и в свадебных песнях постоянного мотива о деревьях, пригнанных водой и разбитых молнией.

Однако некоторые тексты иллюстрируют совершенно противоположную картину: дрова для «жениховой бани» готовил брат, причем делал он это необычным способом, раскалывая их топором на скале. Но при этом подчеркивается, что он не может касаться топором самого камня, чтобы не затупить его, не повредить остроту орудия:

Iivana, villo veljyeni,
Pilkko halgo pikkuseksi
Paljahalla kallivolla
Kirvehe kiveen koskematta,
Kasahiebran kallivoh koskematta! [20, № 463]

Иван, братец родной,
Наколи дрова мелко
На голой скале,
Чтобы топор камня не коснулся,
До скалы не дотронулся!
(Перевод наш. – В.М., Л.И.)

Можно предположить, перед нами описание магических действий, в которых посредством топора (=острого железного предмета) отгоняют потусторонние силы. Напомним попутно, что топор в карельском свадебном обряде повсеместно использовался как апотропей: им очерчивали окружность вокруг отправляющегося на сватовство жениха. С такой же целью его использовали в мантических святочных обрядах. В качестве средства защиты от действия злых, разрушительных потусторонних сил топор выступает во многих культурах, например в якутской [26, с. 16–25].

Особое место в ритуале жениховой бани отводилось омовению, для проведения которого необходимо было подготовить специальную воду. Проточная, принесенная из «сверкающего», незамерзающего родника матерью или сестрой, она обладала необычными свойствами. На вербальном уровне данный мотив реализуется в рассматриваемых текстах в подробном описании:

Kanna vettä läiköttele
Hyissä helmoin, jäässä polvin,
Herasista heittimistä,
Läikkyvistä lähtimistä,
Ku talvet sulana seiso,
Herasena herhotteli [21, № 1554]

Принеси воду, добуди,
Замочив подол, коленями во льду,
Из журчащих ключей,
Сверкающих источников,
Которые зимами не замерзают,
Водами весело журчат.
(Перевод наш. – В.М., Л.И.)

Известно, что многие природные свойства (прозрачность, свежесть, быстрота течения и т. д.) наделяют воду очистительной, апотропейной и продуцирующей семантикой, которая раскрывается в многочисленных обрядовых формах, в том числе обмывании [27, с. 128–136].

Наряду с перечисленными верованиями в карельских свадебных рунах имеется прямое указание на оберегательную функцию принесенной для жениховой бани воды: она должна защитить от возможной опасности:

Kanna vettä läiköttele
<...> Kolmin koivusin korennoin,
Notkui vaarat noustessasi,
Mätji vaarat männessäsi! [21, № 1554]

Принеси воду, добудь
<...> Тремя березовыми коромыслами,
Чтобы горы не поднялись,
Чтобы опасность миновала!
(Перевод наш. – В.М., Л.И.)

В репрезентации невестиной свадьбы присутствуют акции обмывания девушки и парения ее веником [1, с. 167], но имеющийся в нашем распоряжении этнографический материал не раскрывает описаний процесса омовения жениха. Однако фольклорные тексты очень выразительно изображают этот ритуал. Жених, следуя за советами матери, должен был тщательно провести все очистительные действия:

Kylbe, poiga, kylläžesti,
Vala vette valdaižesti,
Peže piähyd pelvaz-pivoks,
Silmäižed-ku siiru kabuks,
Kaglaine-ku kanan munaks,
Muitši rungu lumi tukuks. [20, № 96a]

Парься, сын, вдосталь,
Воды лей вдоволь,
Вымой головушку до цвета льняной кудели,
Глазки – как куски синего камня,
Шейку – как куриное яйцо,
Остальное тело – как снежный сугроб.
(Перевод наш. – В.М., Л.И.)

Подробно представленный в текстах мотив омовения, вероятно, на определенном этапе испытал влияние сказочной традиции, о чем свидетельствуют встречающиеся в поэтических текстах особые гиперболизированные формулы: Pesen piän kuin pellavaspivot // Läpi länän läikettäisse, // Läpi pilven pilkettäisse // Läpi kuun kuumottäisse! [28, № 2155]) – Вымою голову, как льняную кудель, // Чтобы до запада блистала, // Через тучи поблескивала, // Лунный свет затмевала!

Подобные описания являются свидетельством очистительной функции «жениховой бани», а также идеализируют, выделяют позитивные черты в образе жениха.

Кульминацией «жениховой бани» было облачение сватающегося в специально подготовленную для этого ритуала одежду. Согласно этнографическим материалам, сыновья зачастую были на своей свадьбе в свадебной (венчальной) одежде отца, а дочери – матери. Это в первую очередь относится к красиво вышитой мужской рубашке и женской сорочке, а также к шапке и венчальному кольцу. Все эти предметы одежды традиционно передавались из поколения в поколение [21, № 1556].

Вербальная реализация подобных представлений находит отражение в мотивах одевания жениха. Внимание уделялось нательному белью, которое должно было быть льняным, белоснежно отбеленным «в разной пене» и таким тонким, чтобы рубаху можно было продеть сквозь кольцо. Особое условие – жених надевал сотканное и сшитое матерью в девичестве белье [29, с. 63]. Наряду с этим верхняя одежда должна была быть обязательно дорогой, добротной, «за тысячи рублей тулупчик, за сотни рублей воротничок <...> за сто рублей шапочки!» [15, с. 123, 155], а также «отцом в женихах ношеной». Таким образом, костюм жениха отличался не только богатством, он был родовым, принадлежащим не одному поколению и несущим обережную функцию покровительства рода, духов и предков.

Некоторые варианты свадебных рун описывают ряд необычных элементов костюма жениха, акцентирующих его магическое и апотропейное значение. К подобным сакральным

атрибутам относятся золотой пояс, мохнатая шапка, пестрые рукавицы. Все эти предметы одежды или изготовлены детьми лапландцев, или привезены из этих далеких земель [21, № 1554]. Примечательно, что карелы считали лапландцев одними из самых сильных колдунов, всё созданное их руками изначально приобретало чудодейственные качества. Кроме того, пояс, шапка и рукавицы были постоянными оберегающими элементами участников свадебного обряда.

Жених просит также принести себе необычные «сапоги из коровьей кожи на каблуках» – «kengäd kandakaižed, lehmän nahkaz leikotud», а также шубу, на которой «тысяча пуговиц, сотни петель» – «tuhäl nybläl nyblitety, sadal lapal lapotetun» [21, № 1554, 1555]. Параллели подобных нарядов можно обнаружить в карельской мифологической прозе: дух-хозяин иномирного «лесного царства» зачастую представлялся в длинной шинели с большим количеством блестящих или золотистых пуговиц, которые подчеркивают богатство потустороннего мира [23, с. 198].

Помимо надеваемого женихом на свадьбу костюма, состоящего из описываемых предметов одежды, сватающийся получал атрибуты, имеющие магическую функцию. В вепсской традиции, к примеру, после омовения голое тело жениха опоясывали рыболовной сетью с замотанной в нее щучьей головой [30, с. 161]. Аналогичные действия встречаются в карельских родильных и свадебных обрядах. К примеру, роженица в первой бане поверх рубашки обматывала себя частой сетью и не снимала ее в течение сакрального шестинедельного временного промежутка. Как «секретный пояс» она использовалась и молодоженами. Многочисленные узелки-петельки делали сеть магическим обережным предметом для людей, которые находились в наиболее опасном лиминальном состоянии [10, с. 61]. Их обилие на одежде и поясах также считалось оберегом.

Заключение

Таким образом, в процессе проведенного исследования удалось реконструировать «женихову баню» как самостоятельный акт, входящий в сценарий карельского свадебного действия. Анализируемый обряд выполнял апотропеическую и инициационную функции. Вербально он оформлялся специальными свадебными баенными рунами или песнями на сюжет о сватовстве, характеристика которых дает возможность воссоздать комплекс ритуальных акций. Действующими лицами обряда был сам жених, его друзья, исполнявшие песни за дверью или в сенях бани, а также во дворе. Сопровождал все обрядовые действия колдун-патьяшка, проделявающий ритуалы, связанные с обереганием любовной силы жениха, его лемби, способности достойно продолжить свой род. Основные мотивы песен отражают специфику проводимого ритуала, включающего в себя необычный процесс приготовления бани, ритуальное омовение, облачение в сакральную одежду. «Женихова баня», несомненно, была актом инициации: после проведения обрядовых действий, как и в случае с «невестиной баней», порог отцовского дома становился выше, а временное расставание с отцовским домом было наполнено грустью и для жениха [21, № 1559].

Незначительные сведения о ритуальной бане жениха, возможно, определяются трансформацией типа брачного поселения. Со временем утрачивалась необходимость расставания с прародителями, сватающийся (временно покидавший свой дом, род) не лишался их покровительства. Баня оставалась локусом проведения комплекса инициационных и магических действий.

Список источников:

1. Конкка У.С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 296 с.
2. Степанова А.С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.
3. Жукова О.Ю. Вепсские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 156 с.

4. Швецова В.А. Ритмическая организация напевов севернокарельских свадебных причитаний в контексте структурно-типологического исследования // *Музыковедение*. 2019. № 5. С. 32–47.
5. Никольская Р.Ф., Сурхаско Ю.Ю. Баня в семейном быту карел // *Обряды и верования народов Карелии*. Петрозаводск: Карельский научный центр, 1992. С. 68–85.
6. Винокурова И.Ю. Банные обряды жизненного цикла человека в вепском культурном ландшафте // *Труды Карельского научного центра РАН*. 2012. № 4. С. 57–67.
7. Логинов К.К. Из истории бани в Карелии // *Традиционная культура*. 2015. № 1. С. 133–141.
8. Криничная Н.А. Баенник как прообраз домашних духов // *Русская мифология: мир образов фольклора*. М.: Академический проект, 2004. С. 26–94.
9. Степанова А.С. Свадебные причитания и ритуальная баня // *Карельские плачи: специфика жанра*. Петрозаводск: Периодика, 2003. С. 49–69.
10. Иванова Л.И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 391 с.
11. Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. 217 с.
12. Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Л., 1929. Т. 8. С. 152–195.
13. Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизм образов: в 2 т. Т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб.: Наука, 2001. 580 с.
14. Vahros I. Gesghichte und Folklore der grossrussischen Sauna. FFC. N 197. Helsinki, 1966. 360 s.
15. Карельские эпические песни / предисл., подгот. текстов, коммент. В.Я. Евсеев. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 526 с.
16. Киуру Э.С. Тема добывания жены в эпических рунах: к семантике поэтических образов. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1993. 132 с.
17. Миронова В.П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтоле в контексте карельской эпической традиции. Петрозаводск: Периодика, 2016. 224 с.
18. Harva-Holmberg U. Kauko-Karjalan häärinot. Turku: Turun yliopiston julkaisu, 1929. 290 s.
19. Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 237 с.
20. Suomen Kansan vanhat runot (SKVR) II: Anuksen, Tverin ja Novgorodin- Karjalan runot / Julkaissut A.R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino OY, 1927. 740 s.
21. Suomen Kansan vanhat runot (SKVR) I3: Vienen läänin runot. Toisinnot. Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, iva-, leikkim. runot / Julkaissut A.R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino OY, 1919. 392 s.
22. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских образов. СПб.: Наука, 2003. 238 с.
23. Иванова Л.И. Персонажи карельской мифологической прозы. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 558 с.
24. Synnyt / Toim. M. Paasio. Forssa: Forssan Kirjapaino Oy, SKS, 1976. 249 s.
25. Конкка А.П. Ель с золотой вершиной, или Дерево предков (материалы по карельской мифологии и обрядности) // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2018. № 7 (176). С. 113–121.
26. Бравина Р.И. «Сюгэ-балта тыл»: символ топора в традиционной культуре якутов. Эпосоведение, 2023. № 2 (30). С. 16–25.
27. Добровольская В.Е. Вода в русской волшебной сказке // *Символика воды в русской словесности и мировой культуре* / отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2022. С. 128–136.
28. Suomen Kansan vanhat runot (SKVR) I4: Vienen läänin runot. Loitsut. Lisiä / Julkaissut A.R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino OY, 1919, 1921. 922 p.
29. Фольклорные традиции Ведлозерья / предисл., подгот. текстов, коммент. В.П. Миронова. Петрозаводск: Verso, 2013. 414 с.
30. Горб Д.А. Материальные компоненты вепского свадебного обряда в конце XIX – XX в. (по материалам ГМЭ) // *Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре*. СПб., 1992. С. 154–169.

Миронова Валентина Петровна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра.

Ул. Пушкинская, 13, Петрозаводск, 185910.

E-mail: tutkija@mail.ru

Иванова Людмила Ивановна.

Научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра.

Ул. Пушкинская, 13, Петрозаводск, 185910.

E-mail: ljuchiki@mail.ru

Материал поступил в редакцию 8 мая 2024 г.

THE BRIDEGROOM'S BANYA RITUAL IN THE CONTEXT OF THE KARELIAN WEDDING TRADITION

This study used ethnographic data and folklore sources to reconstruct the bridegroom's banya (bathhouse) in the context of the Karelian wedding tradition. The study is necessitated by the lack of knowledge on the subject and the public's constant interest in folk culture. Some elements of the wedding ritual are often used and redefined in modern ceremonies. The article aims to analyze the actional and verbal aspects of the bridegroom's banya ritual in the temporal and spatial context, reconstruct the ritual, and present its functions. The study's novelty lies in the fact that its results will contribute to uncovering new information about the wedding rituals of the Karelians. The study is of practical importance as its results can be used for educational and cultural work in Karelia. Methodologically, the reconstruction of the groom's banya ritual is based on the systems approach, supported by the comparative historical method, the structural semiotic method, and holistic text analysis. The theoretical background for the study was provided by the works of international and Russian scholars, particularly the fundamental works of J. Surhasko, N. Krinichnaya, A. Stepanova, and L. Ivanova. The material for the analysis was ethnographic descriptions and folklore sources, especially wedding songs recorded by various local groups of Karelians. The earliest texts date from the late 19th century, while Karelian scholars recorded later versions in the first half of the 20th century. These sources have been published in a number of foreign and domestic anthologies.

The analysis revealed that the bridegroom's banya fulfilled the apotropaic and initiatory functions within the ritual and served as a place for the social status change of one of the most important participants of the ritual.

Keywords: Karelians, wedding ritual, bathhouse runo songs, bridegroom's banya, folklore

References:

1. Konkka U.S. *Poeziya pechali. Karelskie obryadovye plachi* [Poetry of sadness. Karelian ritual laments]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center RAS Publ., 1992. 296 p. (in Russian).
2. Stepanova A.S. *Tolkoviy slovar' yazyka karel'skikh prichitaniy* [Explanatory dictionary of the language of Karelian lamentations]. Petrozavodsk, Periodika, 2004. 304 p. (in Karelian and Russian).
3. Zhukova O.Yu. *Vepsskie obryadovye prichitaniya: ot poetiki zhanra k poetike slova* [Vepsian ritual lamentations: from the poetics of the genre to the poetics of the word]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center RAS Publ., 2015. 156 p. (in Russian).
4. Shveczova V.A. Ritmicheskaya organizatsiya napevov severnokarelskikh svadebnykh prichitaniy v kontekste strukturalno-tipologicheskogo issledovaniya [The rhythmic organization of the northern Karelians wedding laments in the context of structural-typological research]. *Muzykovedenie – Musicology*, 2019, no 5, pp. 32–47 (in Russian).
5. Nikolskaya R.F., Surhasko Yu.Yu. Banya v semeynom bytu karel [The Bath in the Family Everyday Life of the Karelians]. In: *Obryady i verovaniya narodov Karelii* [Ceremonies and Beliefs of the Karelia's Peoples]. Petrozavodsk, Karelian Science Center Publ., 1992. Pp. 68–86 (in Russian).
6. Vinokurova I.Yu. Bannye obryady zhiznennogo tsikla cheloveka v vepsskom kulturnom landshafte [Bathhouse rites of the human life cycle in the vepsian cultural landscape]. *Trudy Karelskogo nauchnogo centra RAN – Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no 4, pp. 57–67 (in Russian).
7. Loginov K.K. Iz istorii bani v Karelii [From the history of baths in Karelia]. *Traditsionnaya kultura – Traditional culture*, 2015, no 1, pp. 133–141 (in Russian).
8. Krinichnaya N.A. Baennik kak proobraz domashnikh dukhov [Baennik as a prototype of household perfume]. In: *Russkaya mifologiya: mir obrazov folklor* [Russian mythology: the world of folklore images]. Moscow, Academic project Publ., 2004. Pp. 26–94 (in Russian).
9. Stepanova A.S. Svadebnye prichitaniya i ritualnaya banya [Wedding lamentations and ritual bath]. In: *Karel'skie plachi: spetsifika zhanra* [Karelian lamentations: the specifics of the genre]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2003. 216 p. (in Russian).
10. Ivanova L.I. *Karelskaya banya: obryady, verovaniya, narodnaya medicina i dukhi-khozyaeva* [Karelian bathhouse: rituals, beliefs, traditional medicine and host spirits]. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2016. 391p. (in Russian).
11. Sumczov N.F. *O svadebnykh obryadakh, preimushhestvenno russkikh* [About wedding ceremonies, mainly Russian]. Kharkiv, 1881. 217 p. (in Russian).
12. Kagarov E.G. Sostav i proiskhozhdenie svadebnoy obryadnosti [Composition and origin of wedding rituals]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, 1929. Vol. 8. Pp. 152–195 (in Russian).
13. Krinichnaya N.A. *Russkaya narodnaya mifologicheskaya proza: istoki i polisemantizm obrazov* [Russian folk mythological prose. The origins and polysemantic character of the images]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001. Vol. 1. 580 p. (in Russian).

14. Vahros I. *Gesghihte und Folklore der grossrussischen Sauna*. FFC. No 197. Helsinki. 1966. 360 p. (in Finnish).
15. *Karelskie epicheskie pesni* [Karelian epic songs]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 526 p. (In Karelian, Russian).
16. Kiuru E.S. *Tema dobyvaniya zheny v epicheskikh runakh: k semantike poeticheskikh obrazov* [The theme of getting a wife in epic runes: on the semantics of poetic images]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center RAS Publ., 1993. 132 p. (in Russian).
17. Mironova V.P. *Syuzhet o svatovstve v mificheskoy strane Khiytole v kontekste karelskoy epicheskoy traditsii* [A plot about matchmaking in the mythical country of Khiitole in the context of the Karelian epic tradition]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2016. 224 p. (in Russian).
18. Harva-Holmberg U. *Kauko-Karjalan häärunot*. Turku: Turun yliopiston julkaisuja Publ., 1929. 290 p. (in Finnish).
19. Surkhasko Yu.Yu. *Karelskaya svadebnaya obryadnost' (konets XIX – nachalo XX v.)* [Karelian wedding ceremony (end of the XIX – early XX centuries)]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 237 p. (in Russian).
20. Niemi A.R. (ed.) *Suomen Kansan vanhat runot (SKVR) II: Anuksen, Tverin ja Novgorodin-Karjalan runot*. Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino OY Publ., 1927. 740 p. (in Karelian).
21. Niemi A.R. (ed.) *Suomen Kansan vanhat runot (SKVR) I3: Vienan läännin runot Toisinnot*. Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, iva-, leikki- y.m. runot. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino OY Publ., 1919. 392 p. (in Karelian).
22. Bayburin A.K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993. 237 p. (in Russian).
23. Ivanova L.I. *Personazhi karelskoy mifologicheskoy prozy* [Characters of Karelian mythological prose]. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2012. 391 p. (in Russian).
24. Synnyt / Toim. M. Paasio. Forssa, Forssan Kirjapaino Oy, SKS Publ., 1976. 249 p. (in Finnish).
25. Konkka A.P. El s zolotoy vershinoy, ili derevo predkov (materialy po karelskoy mifologii i obryadnosti) [Spruce with golden top or tree of ancestors (materials on Karelian mythology and ceremonial rites)]. *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 2018, no. 7 (176), pp. 113–121 (in Russian).
26. Bravina R.I. «Syuge-balta tyl»: simvol topora v traditsionnoy kulture yakutov ["Syuge-balta tyl": axe symbol in traditional Yakut culture]. *Eposovedenie – Epic studies*, 2023, no. 2 (30), pp. 16–25 (in Russian).
27. Dobrovolskaya V.E. Voda v russkoy volshebnoy skazke [Water in a Russian fairy tale]. In: *Simvolika vody v russkoy slovesnosti i mirovoy kulture: Kollektivnaya monografiya* [The Symbolism of Water in Russian Literature and World Culture: Collective Monograph]. Moscow, Knigodel; MCU Publ., 2022. Pp. 128–136 (in Russian).
28. Niemi A.R. (ed.) *Suomen Kansan vanhat runot (SKVR) I4: Vienan läännin runot. Loitsut. Lisiä*. Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino OY Publ., 1919, 1921. 922 p. (in Karelian).
29. *Folklornye traditsii Vedlozerya* [Folklore traditions of Vedlozerye]. Petrozavodsk, Verso Publ., 2013. 414 p. (in Karelian, Russian).
30. Gorb D.A. *Materialnye komponenty vepsskogo svadebnogo obryada v kontse XIX–XX v. (po materialam GME)* [Material components of the Vepsian wedding ceremony at the end of the 19th–20th centuries. (based on GME materials)]. Saint Petersburg, 1992. Pp. 154–169 (in Russian).

Mironova Valentina Petrovna.

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher.

Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC RAS.

Pushkinskaya str., 11, Petrozavodsk, Russia, 185910.

E-mail: tutkija@mail.ru

Ivanova Lydmila Ivanovna.

Researcher.

Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC RAS.

Pushkinskaya str., 11, Petrozavodsk, Russia, 185910.

E-mail: ljuchiki@mail.ru

Е.В. Русланов, А.В. Кисагулов**ЖИВОТНОВОДСТВО И ОХОТА У НАСЕЛЕНИЯ ЧИЯЛИКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА**

В предлагаемой статье приводятся обобщающие результаты исследования остеологических материалов с селищ чияликской культуры эпохи Золотой Орды. Изучение позднесредневековых селищ позволит установить видовое разнообразие фауны данного региона, а также правильно оценить роль земледелия, скотоводства и охоты в хозяйстве средневекового населения. На данный момент изучение фаунистических остатков с памятников XIII–XVIII вв. является одним из перспективных направлений в археозоологии. Одной из наиболее частых находок на селищах являются кости животных, однако обязательный развернутый археозоологический анализ костных остатков проводится только в последнее время, что уже позволило получить первичную, но важную и разнообразную информацию, дополняющую общие представления о хозяйственной деятельности золотоордынского населения Волго-Камья. В предлагаемой работе обобщаются и используются материалы 10 селищ чияликской культуры: Горново, Ябалаклы-1, 2 и 3, Подымалово-1, Новые Ябалаклы-1 и 2, Нижнехозятово-2, 3 и 5, Меллятамак VI. Памятники находятся в лесостепной зоне Южного Урала, в бассейне р. Белой и ее крупных притоков Дема, Ик и др. В статье дается характеристика костных остатков животных, анализ соотношения возрастных групп внутри домашних видов, особенности разделки туш. Показано, что в стаде населения чияликской культуры преобладают костные остатки домашних видов, среди которых доминируют крупный рогатый скот и лошадь. Соотношение возрастных групп домашних копытных свидетельствует о мясомолочном направлении использования крупного рогатого скота и лошади. Мелкий рогатый скот содержали ради мяса и шерсти. Отмечена находка верблюда с селища Ябалаклы-1, которая может свидетельствовать о караванной торговле. Нахождение в материалах селища Ябалаклы-1 остатков домашней курицы может свидетельствовать о довольно плотной оседлости населения чияликских культурных традиций, ставя под вопрос тезис об их полукочевом образе жизни. Роль дичи и рыбы в рационе населения селища была незначительна.

Ключевые слова: Южный Урал, позднее Средневековье, чияликская культура, Золотая Орда, селище, археозоология, структура стада

Южный Урал является территорией, отличающейся богатством экологических ниш разной таксономической градации. Эта особенность с древнейших времен играла определяющую роль в освоении региона племенами с различным хозяйственным укладом. Яркой иллюстрацией освоения новых для себя экологических ниш выглядит продвижение в эпоху позднего Средневековья из Зауралья очередной волны угров, частично покинувших свой прежний ареал обитания (*маркированный памятниками макушинского типа*) и прочно закрепившихся в лесостепном Предуралье. Е.П. Казаковым на основании оставленных этим населением памятников выделена чияликская культура, которая по современному административно-территориальному делению занимает территорию современной Республики Башкортостан, восточную часть Республики Татарстан, юго-восточную часть Удмуртии, юг Пермского края (Кунгурская лесостепь), а также север Челябинской, южную часть Свердловской и западную часть Курганской областей Российской Федерации.

Всего на данный момент известно о более чем 100 чияликских памятниках, целенаправленные раскопки проведены на 10 из них (Горновском, Игимском I, Чияликском, Подымаловском I, Карповском, Тукмак-Карановском, Казакларовском, Меллятамакском VI, Ябалаклинском I селищах и на Старо-Нагаевской II стоянке), частично опубликованы лишь материалы о шести памятниках (Горновского, Игимского I, Ябалаклинского I, Чияликского, Подымаловского I, Меллятамакского VI селищ) [1–4].

Анализ и осмысление различных сторон жизни древних и средневековых обществ по данным археологии сегодня реализуется в рамках системного, естественно-научного и междисциплинарного подходов [5] с привлечением такого научного источника, как остеологические материалы из археологических памятников [6]. Одним из приемлемых инструментов познания различных параметров древних обществ является реконструкция системы жизнеобес-

печения. В эпоху позднего Средневековья (XIII–XIV вв.) у носителей чияликской культуры на территории лесостепного Предуралья существенной отраслью хозяйства выступало скотоводство. По мнению П.А. Косинцева, для общей характеристики животноводства того или иного периода и его динамики во времени и пространстве можно использовать первичные данные, полученные при изучении археозоологических коллекций по домашним животным из поселений: это видовой состав костных остатков, соотношение остатков разных видов и возрастной состав забитых животных [7].

Изучение позднесредневековых селищ позволит установить видовое разнообразие фауны данного региона, а также правильно оценить роль земледелия, скотоводства и охоты в хозяйстве, что само по себе крайне важно для характеристики палеоэкономики средневекового населения. Одной из наиболее частых находок на селищах являются кости животных, однако анализ этого материала проводится далеко не всегда [2, 3, 8–11]. Несмотря на то что памятники чияликской культуры спорадически изучаются с конца 60-х гг. XX в., обязательный развернутый археозоологический анализ костных остатков проводится только в последнее время, что уже позволило получить первичную, но важную и разнообразную информацию, дополняющую общие представления о хозяйственной деятельности золотоордынского населения Волго-Камья [12–17]. На данный момент изучение фаунистических остатков с памятников XIII–XVIII вв. является одним из перспективных направлений в археозоологии. В предлагаемой работе обобщаются и используются материалы 11 селищ чияликской культуры: Горново, Ябалаклы-1, 2 и 3, Подымалово-1, Нижнехозятово-2, 3 и 5, Меллятамак VI, Мончазы и Чиялик (рисунок). Все памятники однослойные и по керамическому материалу относятся к чияликской культуре (XIII–XIV вв. н. э.). Костные остатки залежали в основном в культурном слое, для объектов на селище Ябалаклы-1 залегание костей выделено отдельно в ямах 1 и 2.

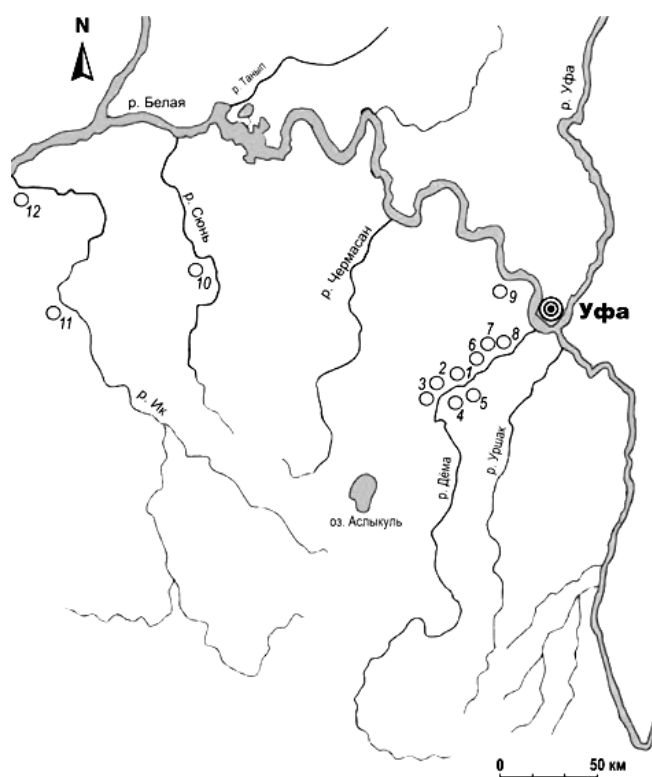

Рис. 1. Селища чияликской археологической культуры с определенными до вида костями животных: 1 – Ябалаклы-1; 2 – Ябалаклы-2; 3 – Ябалаклы-3; 4 – Новые Ябалаклы-1; 5 – Новые Ябалаклы-2; 6 – Нижнехозятово-2; 7 – Нижнехозятово-3; 8 – Горново; 9 – Подымалово-1; 10 – Чиялик; 11 – Меллятамак VI; 12 – Игимская стоянка

Методика

Видовая принадлежность костей определялась при помощи сравнения с эталонной коллекцией скелетов животных зоомузея ИЭРиЖ УрО РАН и с привлечением атласов по костям млекопитающих [18]. Индивидуальный возраст определялся по степени прорезания и стирания зубов [19, 20].

При анализе соотношения отделов скелета были выделены следующие группы. К костям головы отнесены череп и нижняя челюсть. Изолированные рога отмечались отдельно. Зубы вне челюстей также были вынесены в отдельную категорию. В туловищный отдел включены позвонки, ребра, грудина, лопатка и тазовые кости. К проксимальному отделу конечностей отнесены плечевая, лучевая с локтевой, бедренная и берцовые кости. К дистальному отделу конечностей отнесены метаподиальные кости (пять и плюсна), мелкие кости запястья и заплюсны, а также фаланги пальцев.

Для сравнения полученных результатов привлечены как опубликованные археозоологические данные по другим памятникам чиялыкской культуры [2–4, 21], так и архивные данные одного из авторов.

Остеологические материалы с селища Ябалаклы-1 представлены 7 601 экземпляром (табл. 1). Из них таксономическая принадлежность установлена для 1 296 костей (17%). Млекопитающим, не считая неопределимых до вида или рода, принадлежит 1 270 костей, птицам – 32 (из них до вида определены 7), рыбам – 79. Также отмечены единичные фрагменты раковин двустворчатых моллюсков (всего 11 фрагментов).

Костные остатки из селища Ябалаклы-2 малочисленны (табл. 1). Крупный рогатый скот (КРС), мелкий рогатый скот (МРС) и заяц-беляк представлены единичными костями, большая часть костных остатков неопределима в силу сильной фрагментации.

Аналогичная ситуация с материалами из селища Ябалаклы-3. В силу плохой сохранности костей до вида определены единичные остатки (табл. 1). Кроме двух домашних видов млекопитающих найден фрагмент раковины двустворчатого моллюска.

Степень раздробленности костей может характеризовать особенности разделки и обработки частей туш при приготовлении и употреблении пищи. Этот показатель косвенно отражает и методику сбора костных остатков в ходе раскопок. Во всех селищах Ябалаклы процент определимых костей крайне мал (12–18%). Столь низкая доля определимых костей связана с тем, что значительная часть костных остатков (приблизительно 80%) из слоя подвергалась воздействию высокой температуры. Вследствие чего кости прокалены до крайне хрупкого состояния, что вызывало раздробление материала в слое и/или в процессе раскопок. Но и без этого фактора нельзя не отметить высокую степень раздробленности костей.

Определено шесть таксонов млекопитающих (табл. 1). Во всех селищах найдены костные остатки крупного и мелкого рогатого скота. Костные остатки лошади и собаки отмечены только для Ябалаклы-1. Немаловажной находкой является кость из заплюсны верблюда (Ябалаклы-1). Мы предполагаем, что кость принадлежит особи, пришедшей с караванами, что может свидетельствовать об опосредованном включении «чиялыкского» населения в деятельность болгарских (или, шире, золотоордынских купцов) в рамках функционирования важнейших торговых артерий, объединяющих Поволжье, Южный Урал, Прикамье и Сибирь. Археологические свидетельства средневековой торговли на Южном Урале отражены в виде денежных и вещевых кладов, единичных находок монет, остатков разоренного торгового каравана (Брик-Алга) [22, 23], Торналинского городища на р. Ай, которое могло выступать в качестве контрольного пункта на «Северном» сибирском торговом пути [15].

Из диких видов млекопитающих отмечен только заяц-беляк (Ябалаклы-1 и 2) (табл. 1). Птицы отмечены в двух местонахождениях, рыбы – в четырех. Выборки с Ябалаклы-2 и 3 малы и нерепрезентативны, поэтому отсутствие костей птиц и рыб в них могут носить случайный

характер. То же самое касается отсутствия фрагментов раковин двустворчатых моллюсков в Ябалакы-2.

Таблица 1

Таксономический состав костных остатков, экз.

Таксон	Ябалакы-1	Ябалакы-2	Ябалакы-3	Подымалово-1*	Монказы	Нижнее Хозятово-2	Нижнее Хозятово-3	Нижнее Хозятово-5	Горново	Меллятамак VI**
Крупный рогатый скот	488	1	5	184	1	3	9	7	5	97
Лошадь	464	—	1	119	3	—	4	3	—	9
Мелкий рогатый скот	302	—	1	108	5	—	1	7	1	18
Свинья										9
Собака	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Заяц-беляк	2	1	—	5	—	—	—	—	—	—
Верблюд	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лось	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Млекопитающие неопределимые	6210	2	23	537	110	2	32	35	19	—
Птицы	32	—	—	33	—	—	—	—	—	—
Рыбы	78	—	—	21	—	—	—	1	—	1
Двустворчатый моллюск	11	—	2	11	—	—	—	1	—	—
Всего	7601	4	32	1018	119	5	46	54	25	135

Примечание. * – данные по Тузбекову [4]; ** – данные по Казакову и др. [2].

Видно, что в материалах Ябалакы-1 преобладают кости крупного рогатого скота (35% от всех определимых остатков), доля лошади несколько ниже (33 %), мелкий рогатый скот составляет 22%. Это соотношение сопоставимо с таковым из материалов селища Подымалово-1. В остальных местонахождениях малое число костных остатков не позволяет говорить о соотношении видов, однако в большей части местонахождений отмечены все три вида домашних копытных (табл. 1).

Видно, что высокая доля неопределимых костных остатков, а соответственно, сильная степень фрагментации костей характерна для всех памятников чияликской культуры (табл. 1). Кости собаки найдены только в Ябалакы-1. Однако в материалах из селищ Ябалакы-2 и Подымалово-1 отмечены кости со следами погрызов собак, что косвенно говорит о наличии этого вида.

Заяц-беляк отмечен для селищ Ябалакы-1 и 2, а также в материалах селища Подымалово-1, среди которых отмечена метаподиальная кость с искусственным отверстием [4].

Костные остатки птиц и рыб отмечены только для Ябалакы-1 и Подымалово-1. Среди птиц отмечены домашняя курица, гусь (домашний или серый), тетерев и мелкая утка. Рыба представлена следующими видами: щука, налим, сазан (там же). Видовой состав костей птиц и рыб из Подымалово-1 не приводится [4].

Остатки раковин двустворчатых моллюсков принадлежат роду беззубок (*Anodonta*) и представлены расколотыми фрагментами (табл. 1). Для неолита и бронзового века известны

изделия из раковин моллюсков, в том числе и для территории Башкортостана [24, 25]. Несмотря на то что данная традиция на территории Приуралья исчезает к концу бронзового века [1], нахождение фрагментов раковин в слое и мусорных ямах нескольких селищ (четырех из девяти рассматриваемых) свидетельствует о неслучайном попадании моллюсков в культурный слой памятников чияликской культуры.

Анализ соотношения отделов скелета домашних копытных показал сходство такового между Ябалаклы-1 и Подымалово-1 (табл. 2). Для КРС из материалов Ябалаклы-1 характерно преобладание мелких костей дистального отдела конечностей, тогда как среди костей КРС из Подымалово-1 преобладает туловищный отдел. Это может объясняться тем, что часть осколков костей туловищного отдела КРС из Ябалаклы-1 были отнесены к неопределимым в силу отсутствия на них диагностических признаков.

Таблица 2

Соотношение отделов скелета крупного рогатого скота, %

Отдел скелета	Ябалаклы-1	Ябалаклы-2	Ябалаклы-3	Нижнее Хозятово-2	Нижнее Хозятово-3	Нижнее Хозятово-5	Мончазы	Подымалово-1
Рог	<1	–	–	–	–	–	–	1
Голова	15	–	–	–	33	–	–	14
Зубы	13	100	20	67	–	–	–	7
Туловищный отдел	25	–	40	33	33	43	–	38
Проксимальный отдел конечностей	12	–	20	–	11	14	–	22
Дистальный отдел конечностей	35	–	20	–	22	43	100	18
Всего	476	1	5	3	9	7	1	184

Соотношение отделов скелета лошади между двумя селищами также схоже. В обоих случаях преобладают кости туловищного отдела и дистального отдела конечностей.

Таблица 3

Соотношение отделов скелета лошади, %

Отдел скелета	Ябалаклы-1	Ябалаклы-3	Нижнее Хозятово-3	Нижнее Хозятово-5	Мончазы	Подымалово-1
Голова	7	–	25	–	–	10
Зубы	10	100	–	67	–	11
Туловищный отдел	28	–	25	–	–	37
Проксимальный отдел конечностей	16	–	25	–	–	17
Дистальный отдел конечностей	40	–	25	33	100	25
Всего, экз.	391	1	4	3	3	119

Для мелкого рогатого скота из Ябалаклы-1 и Подымалово-1 наблюдается сходное соотношение отделов скелета (табл. 4). В целом можно сделать вывод о том, что население двух селищ разделяло туши животных схожим образом, при этом разделка проводилась непосредственно на селище (о чем говорит высокая доля мелких костей дистального отдела конечностей и изолированные зубы).

Таблица 4

Соотношение отделов скелета мелкого рогатого скота, %

Отдел скелета	Ябалаклы-1	Ябалаклы-3	Нижнее Хозятово-3	Нижнее Хозятово-5	Мончазы	Подымалово-1
Голова	9	–	–	29	–	12
Зубы	7	100	–	14	–	6
Туловищный отдел	36	–	–	29	–	34
Проксимальный отдел конечностей	22	–	–	29	80	29
Дистальный отдел конечностей	25	–	100	–	20	19
Всего, экз.	285	1	1	7	5	108

Малочисленные костные остатки из местонахождений Нижнее Хозятово-2, 3 и 5, Мончазы и Горново не позволяют дать подробную характеристику возрастного состава стада. Анализ возрастных групп проводился по состоянию зубной системы (табл. 5, 6). Для крупного рогатого скота отмечается значительное преобладание взрослых особей (старше 2 лет). Это может свидетельствовать о важной роли молочной продукции в рационе населения города. Были найдены единичные кости эмбрионов или новорожденных телят. Это может свидетельствовать о том, что крупный рогатый скот разводили на территории города или в окрестностях.

Таблица 5

Соотношение возрастных групп крупного рогатого скота, %

Возрастная группа	Ябалаклы-1	Подымалово-1*
Молодые	5	5
Полувзрослые	11	24
Взрослые	84	71
Всего, экз.	70	–

Примечание. * – по Тузбекову и др. [4] (авторы не приводят общее число костных остатков, использованных для анализа возрастных групп).

Мелкий рогатый скот. Три возрастные группы представлены в примерно равной доле (табл. 6). Население содержало взрослых особей мелкого рогатого скота для получения шерсти и воспроизводства стада, в то время как молодые особи (до 2 лет) использовались для получения мяса. Взрослые особи содержались для получения шерсти и восстановления стада.

Соотношение возрастных групп мелкого рогатого скота, %

Возрастная группа	Ябалаклы-1	Подымалово-1*
Молодые	28	6
Полувзрослые	31	23
Взрослые	41	71
Всего, экз.	32	—

Примечание. * – по Тузбекову и др. [4] (авторы не приводят общее число костных остатков, использованных для анализа возрастных групп).

Лошадь. На отдельных костях присутствуют следы отрубания или отрезания, что свидетельствует об употреблении лошадей в пищу. Часть костей погрызена собаками. Стоит отметить находку тазовой и большой берцовой кости с патологиями. Скорее всего, обе кости принадлежали одной старой больной особи (кости происходят с одной стороны тела). Отмечены разрастания надкостницы на краях вертлужной впадины таза и на дистальном суставе берцовой кости. По малочисленным костным остаткам нельзя охарактеризовать возрастную структуру лошадей. Были отмечены нижние челюсти от молодых особей (младше 2 лет).

Собака. Всего найдено 11 костей. Кости целые или представлены крупными фрагментами, без следов обработки. В материалах с квадрата БЗ (первый горизонт) найден клык собаки с заполированной поверхностью. Корень зуба был подрезан или сточен, вероятно, зуб обрабатывали в ходе изготовления подвески.

Верблюды. Найдена кость заплюсны верблюда. Трудно установить, какому именно виду и какой форме (дикий или домашней) принадлежит кость.

Заяц-беляк. Виду принадлежат 2 кости (лопатка и таранная кость).

Птицы. Всего найдено 30 костных остатков птиц. Отмечены единичные кости гуся (домашнего или серого), тетерева, домашней курицы и 1 кость мелкой утки. Нахождение остатков домашней курицы может свидетельствовать о довольно плотной оседлости населения чияликских культурных традиций, ставя под вопрос тезис об их полукочевом образе жизни.

Рыбы. Кости рыб относительно немногочисленные (48 экземпляров). До вида определены три таксона – щука, налим и сазан.

Моллюск. В трех селищах отмечены единичные фрагменты раковин двустворчатых моллюсков рода *Anodonta* (табл. 1). В материалах из Подымалово-1 также отмечены остатки двустворчатых моллюсков. Вероятно, население использовало раковины для изготовления украшений, что отмечено для более ранних культур Приуралья [24, 25].

Человек. Найден нижний предкоренной зуб человека с прижизненными повреждениями.

Видовой список млекопитающих из рассматриваемых селищ чияликской культуры сходен с ранее опубликованными данными по этой культуре [4]. Также схоже соотношение отделов скелета, что говорит о том, что туши животных разделялись непосредственно на селищах. Основная масса костных остатков является кухонными отбросами. Кости собак не несут на себе следов разделки или обработки и, скорее всего, принадлежат павшим особям. Значительная часть костей из селища Ябалаклы-1 была подвержена воздействию высокой температуры, единичные кости кальцинированы. Вероятно, кости использовались в металлургии для поддержания огня. Авторы фиксируют на памятнике следы металлургической деятельности в виде всплесков металла и крупных кусков шлака, а также наличие льячек среди артефактов.

Материалы Ябалаклы-1 характеризуются находкой кости верблюда. Трудно сказать, какому виду (двугорбому или одногорбому) принадлежит эта кость. Скорее всего, кость происходит от верблюда из состава караванов, что подтверждается археологическими находками из

разоренных караванов [22, 23]. Караван маркирует второстепенный торговый путь в Болгар и золотоордынское Поволжье [15].

Результаты археозоологического анализа материалов с селищ чияликской культуры показали, что в рационе древнего населения преобладала мясная пища, в основном говядина. В состав стада входило три вида – крупный и мелкий рогатый скот, лошадь [3, 4, 9]. Следует отметить отсутствие костных остатков свиньи, что может указывать на исповедание ислама чияликским населением Южного Урала в позднем средневековье [27]. Единичные находки костей диких видов млекопитающих и птиц свидетельствуют о незначительной роли охоты в жизни населения. Рыболовство также составляло незначительную роль в хозяйстве. В размерах костей рыбы нет какой-либо специфики или закономерности, встречаются как молодые, так и взрослые особи. Вероятно, рыбу добывали массовыми орудиями лова. Находки костей со следами обработки и заготовок костяных изделий подтверждают существование ремесленного косторезного производства на селищах [26].

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

Список источников:

1. Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Археологические исследования поселенческого памятника эпохи позднего Средневековья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа: Китап, 2007. С. 306–311.
2. Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. Меллятамакское VI селище чияликской культуры // Поволжская археология. 2016. Т. 2, № 46. С. 219–243.
3. Русланов Е.В. Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология евразийских степей. 2022. № 6. С. 253–267. DOI 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267
4. Тузбеков А.И., Григорьева И.М., Рослякова Н.В. Результаты археозоологического исследования остеологического материала из раскопок селища Подымалово-1 в башкирском Приуралье (2019 г.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. Т. 3, № 77. С. 37–50.
5. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
6. Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археологическим материалам). Серия: Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 144 с.
7. Косинцев П.А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2004. С. 157–174.
8. Булатов Н.М. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // Советская археология. 1968. Т. 4. С. 95–109.
9. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи Средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Т. 15. С. 181–198.
10. Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. Т. 2. С. 123–145.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
12. Асылгараева Г.Ш. Исследование остеологических материалов из археологических раскопок селищ Волжской Булгарии (к истории сельскохозяйственной деятельности средневекового населения Волго-Камья) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2. Казань, 2004. С. 158–174.
13. Аськеев И.В. Остеологические материалы из раскопок Остолоповского селища 2003 г. (птицы, рыбы и мелкие млекопитающие) // Материалы краеведческих чтений, посвящ. 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова. Казань, 2004. С. 73–77.
14. Галимова Д.Н., Аськеев И.В. Изучение скелетов *Felis catus* и *Canis familiaris* из средневековых археологических памятников с территории Республики Татарстан // Современная палеонтология классические и новейшие методы. 2011. С. 71–84.
15. Русланов Е.В. Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2023. Т. 22, № 5. С. 118–130.

16. Яворская Л.В. Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. Т. 1. С. 216–237.
17. Яворская Л.В. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: современные интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 5. / отв. ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Ин-т археологии РАН, 2021. С. 216–227.
18. Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып. 1. Определитель по крупным трубчатым костям. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 240 с.
19. Grant A. The use of tooth wear as a guide to the age of domestic ungulates. In: Wilson B., Grigson C., Payne S. (eds) Ageing And Sexing Animal Bones from Archaeological Sites. BAR British Series. BAR, Oxford, 1982. Pp. 91–108.
20. Levine M.A. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth. In: Wilson B., Grigson C., Payne S. (eds) Ageing and sexing animal bones from archaeological sites. Oxford : BAR British Series, 1982. Pp. 223–250.
21. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 130 с.
22. Гарустович Г.Н., Сунгатов Ф.А., Яминов А.Ф. Брик-Алгинские древности XIV в. на западе Башкортостана // Уфимский археологический вестник. 2004. № 5. С. 246–256.
23. Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкирском Приуралье. Уфа: Тат, 2005. 152 с.
24. Аксенов В.С. Пуговицы из раковины моллюсков у аланского населения салтово-маяцкой культуры (по материалам катакомбных могильников бассейна Северского Донца) // Хазарский альманах. 2015. Т. 13. С. 65.
25. Цимиданов В.В. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре // Теория и практика археологических исследований. 2009. № 5. С. 69–74.
26. Русланов Е.В., Ахметова Е.А., Кисагулов А.В. Использование фаланг лошади населением чияликской культуры по материалам селища Ябалаклы-1 (Южный Урал) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 149–163. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-149-163
27. Рослякова Н.В., Григорьева И.М., Бачура О.П., Тузбеков А.И. Археозоологические материалы селища золотоордынского времени Подымалово-1 // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 3. С. 587–606. DOI: 10.31833/uav/2024.24.3.039

Русланов Евгений Владимирович.

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.

E-mail: butleger@mail.ru

Кисагулов Антон Владимирович.

Младший научный сотрудник.

Институт экологии растений и животных УрО РАН.

Ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144.

E-mail: Akis9119@gmail.com

Материал поступил в редакцию 26 апреля 2024 г.

Evgeniy V. Ruslanov, Anton V. Kisagulov

ANIMAL HUSBANDRY AND HUNTING IN THE POPULATION OF THE CHIYALIK CULTURE OF SOUTHERN URAL

This article presents preliminary generalized results of a study of osteological material from the villages of the Chiyalik culture of the Golden Horde period. The study of late medieval settlements will make it possible to determine the biodiversity of this region's fauna and correctly assess the role of agriculture, animal husbandry, and hunting in the economy of the medieval population. The study of animal remains from monuments of the XIII–XVIII centuries is one of the most promising areas of archaeozoology. One of the most frequent finds in settlements is animal bones. However, the obligatory detailed archaeozoological analysis of bone remains has been carried out only recently, which has already made it possible to obtain initial but important and diverse information that complements the general understanding of the economic activities of the Golden Horde of the Volga-Kama population. The proposed work summarizes materials from 12 villages of the Chiyalik culture, which are used: Gornovo, Yabalakly-1, 2 and 3, Podymalovo-1, New Yabalakly 1 and 2, Nizhnekhozyatovo-2 and 3, Mellyatamak VI, Chiyalik, Iginskaya site. The monuments are located in the forest-steppe zone of the Southern Urals, in the river basin. Belaya and its large tributaries Demä, Ik, etc. The article contains features of animal bone remains, an analysis of the ratio of age groups within the domestic species, and features of the dismemberment of carcasses. It is shown that the herd of the Chiyalik culture population is dominated by bone remains of domestic

animals, among which cattle and horses predominate. The ratio of age groups of domestic ungulates indicates the use of cattle and horses for meat and milk production. Small cattle were kept for their meat and wool. A camel was found in the village of Yabalakly-1, which could indicate caravan trade. The presence of domestic chicken remains in the materials of the Yabalakly-1 settlement could indicate a fairly dense sedentarization of the population of the Chiyalik cultural traditions, which calls into question the thesis of their semi-nomadic way of life. The role of game and fish in the diet of the settlement's population was insignificant.

Keywords: Southern Urals, Late Middle Ages, Chiyalik culture, The Golden Horde, village, archaeozoology, herd structure

References:

1. Ivanov V.A., Obydenнова G.T., Shuteleva I.A., Shcherbakov N.B. Arkheologicheskie issledovaniya poselencheskogo pamyatnika epokhi pozdnego srednevekov'ya [Archaeological research of a settlement site from the late Middle Ages]. In: *Formirovaniye i vzaimodeystviye ural'skikh narodov v izmenyayushcheysya etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya* [Formation and interaction of the Uralic peoples in the changing ethnocultural environment of Eurasia: problems of study and historiography]. Ufa, Kitap Publ., 2007. Pp. 306–311 (in Russian).
2. Kazakov E.P., Chizhevskiy A.A., Lyganov A.V. Mellyatamakscoe VI selishche chiyaliskoy kul'tury [Mellya-tamak VI settlement of chiyalik culture]. *Povolzhskaya arheologiya – Volga River Region Archaeology*, 2016, vol. 2, no. 46, pp. 219–243 (in Russian).
3. Ruslanov E.V. Gornovskiy arheologicheskiy kompleks zolotoordynskogo vremeni v Predural'e: k 60-letiyu nauchnogo izucheniya [Gornovo archaeological complex of the golden horde time in the Cis-urals: to the 60th anniversary of scientific study] // *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archeology of the Eurasian steppes]. 2022. № 6. pp. 253–267. (in Russian) DOI: 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267
4. Tuzbekov A.I., Grigor'eva I.M., Roslyakova N.V. Rezul'taty arheozoologicheskogo issledovaniya osteologicheskogo materiala iz raskopok selishcha Podymalovo-1 v bashkirskom Priural'e (2019 g.) [The results of the arheozoological study of osteological material from 2019 excavations at the site of Podymalovo–1, the Bashkir Urals]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of history, philology, culture*, 2022, vol. 3, no. 77, pp. 37–50 (in Russian).
5. Kosarev M.F. Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: Chelovek i prirodnaya sreda [Ancient history of Western Siberia: Man and the natural environment]. M., Nauka Publ., 1991. 302 p. (in Russian).
6. Petrenko A.G. Stanovleniye i razvitiye osnov zhivotnovodcheskoy deyatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Predural'ya (po arheologicheskim materialam) [Formation and development of the foundations of livestock farming in the history of the peoples of the Middle Volga region and the Urals: (based on archaeozoological materials)]. Seriya «Arheologiya evraziyskikh stepey». Vol. 3. Kazan, Institut istorii AN RT Publ., 2007. 144 p. (in Russian).
7. Kosintsev P.A. Tipologiya arheozoologicheskikh kompleksov i modeli zhivotnovodstva u drevnego naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri [Typology of archaeozoological complexes and models of animal husbandry among the ancient population of the south of Western Siberia]. In: *Noveyshie arheozoologicheskie issledovaniya v Rossii: k stoletiyu so dnya rozhdeniya V.I. Kalkina* [The latest archaeozoological research in Russia: on the centenary of V.I. Kalkin's birth]. M., 2004 (in Russian).
8. Bulatov N.M. Klassifikatsiya polivnoy kashinnoy keramiki zolotoordynskikh gorodov [Classification of glazed cashin ceramics of the Golden Horde cities]. *Sovetskaya arheologiya – Soviet Archeology*, 1968, vol. 4, pp. 95–109 (in Russian).
9. Garustovich G.N. Chiyaliskaya arheologicheskaya kul'tura epokhi srednevekov'ya na Yuzhnom Urale [The chiyalik archaeological culture of the Middle ages in South Urals]. *Ufmskiy arkheologicheskiy vestnik – Ufa Archaeological Herald*, 2015, vol. 15, pp. 181–198 (in Russian).
10. Rudenko K.A. O nekotorykh itogakh issledovaniya Ostolopovskogo selishcha v Alekseevskom rayone respubliki Tatarstan [Some results of researches of the Ostolopovo settlement in area Alekseevskoe of the republic of Tatarstan]. *Povolzhskaya arkheologiya – Volga region archeology*, 2012, vol. 2, pp. 123–145 (in Russian).
11. Fedorov-Davydov G.A. Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. *Arheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans. Archaeological sites]. M., MSU Publ., 1966. 276 p. (in Russian).
12. Asylgaraeva G.Sh. Issledovaniye osteologicheskikh materialov iz arkheologicheskikh raskopok selishch Volzhskoy Bulgarii (k istorii sel'skohozyaystvennoy deyatel'nosti srednevekovogo naseleniya Volgo-Kam'ya) [Study of osteological materials from archaeological excavations of settlements of Volga Bulgaria (to the history of agricultural activities of the medieval population of Volga-Kama)]. In: *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana* [Archeology and natural sciences of Tatarstan]. 2004. Vol. 2 (in Russian).
13. As'keev I.V. Osteologicheskie materialy iz raskopok Ostolopovskogo selishcha 2003 g. (ptitsy, ryby i melkie mlekopitayushchie) [Osteological materials from the excavations of the Ostolopovsky settlement in 2003 (birds, fish and small mammals)]. *Materialy kraevedcheskikh chteniy, posvyashchennykh 135-letiyu Obshchestva estestvoispytateley pri KGU*,

- 110-letiyu so dnya rozhdeniya M.G. Khudyakova [Materials of local history readings dedicated to the 135th anniversary of the Society of Naturalists at KSU, the 110th anniversary of the birth of M.G. Khudyakova]. Kazan, 2004 (in Russian).
14. Galimova D.N., As'keev I.V. Izuchenie skeletov Felis Catus i Canis familiaris iz srednevekovykh arkheologicheskikh pamyatnikov s territorii Respubliki Tatarstan [Study of Felis catus and Canis familiaris skeletons from the Medieval archaeological sites of the Republic of Tatarstan]. In: *Sovremennaya paleontologiya klassicheskie i noveyshie metody* [Modern paleontology: classical and new methods]. 2011. Pp. 71–84 (in Russian).
15. Ruslanov E.V. Selishche Yabalakly-1: novye materialy po chiyaliskoy kul'ture Yuzhnogo Predural'ya [The Yabalakly-1 Settlement: New Materials on the Chiyalik Culture of the Southern Urals]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya – Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 2023, vol. 22, no. 5, pp. 118–130 (in Russian).
16. Yavorskaya L.V. Kostnye ostanki zhivotnykh iz raskopa CLXII goroda Bolgara: nekotorye novye metody obrabotki i otsenki arkheozoologicheskikh materialov [Animal bone remains from excavations CLXII of Bolgar city: some new methods of archaeological-zoological materials processing and appraisal]. *Povolzhskaya arheologiya – Volga region archeology*, 2012, vol. 1, pp. 216–237 (in Russian).
17. Yavorskaya L.V. Arkheozoologicheskie issledovaniya gorodov Zolotoy Ordyy: sovremennyye interpretatsii [Archaeozoological studies of the cities of the Golden Horde: modern interpretations]. In: Chernykh E.N., Zav'yalov V.I. (eds) *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical studies of laboratories of natural science methods]. M., In-t arheologii RAN Publ., 2021. Vol. 5. Pp. 216–227 (in Russian).
18. Gromova V.I. *Opredelitel' mlekopitayushchikh SSSR po kostyam skeleta. Vyp. 1. Opredelitel' po krupnym trubchatym kostyam* [Key to mammals of the USSR based on skeletal bones]. M.-L., AN SSSR Publ., 1950. Vol. 1. 240 p. (in Russian).
19. Grant A. The use of tooth wear as a guide to the age of domestic ungulates. In: Wilson B., Grigson C., Payne S. (eds) *Ageing And Sexing Animal Bones from Archaeological Sites*. BAR British Series. BAR, Oxford, 1982. Pp. 91–108.
20. Levine M.A. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth. In: Wilson B., Grigson C., Payne S. (eds) *Ageing and sexing animal bones from archaeological sites*. Oxford : BAR British Series, 1982. Pp. 223–250.
21. Kazakov E.P. Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh rayonakh Tatarii [Archaeological sites of the Bulgarian period in the eastern regions of Tartary]. M., Nauka Publ., 1978. 130 p. (in Russian).
22. Garustovich G.N., Sungatov F.A., Yaminov A.F. Brik-Alginskie drevnosti XIV veka na zapade Bashkortostana [Brik-Alga antiquities of the 14th century in the west of Bashkortostan]. *Ufimskiy arheologicheskii vestnik – Ufa Archaeological Bulletin*, 2004, no. 5, pp. 246–256 (in Russian).
23. Garustovich G.N., Ryazanov S.V., Yaminov A.F. *Brik-Alginskoe mestonahozhdenie XIV veka v Bashkirskom Priural'e* [Bric-Alga location of the XIV century in the Bashkirian Priuralye]. 2005. Ufa: Tau Publ., 2005. 152 p. (in Russian).
24. Aksenov V.S. Pugovitsy iz rakoviny mollyuskov u alanskogo naseleniya saltovo-mayackoy kul'tury (po materialam katakombnykh mogil'nikov basseyna Severskogo Donca) [Buttons of mollusk shells in Alani population of Saltovo-Mayaki culture (materials of the catacomb burial grounds of the Severskiy Donets basin)]. *Khazarskiy al'manakh – Khazar Almanac*, 2015, vol. 13, 65 p. (in Russian).
25. Tsimidanov V.V. Pogrebeniya s rakovinami mollyuskov v srubnoy kul'ture [Burials with mollusk shells in the Srubnaya culture]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and practice of archaeological research*, 2009, no. 5, pp. 69–74 (in Russian).
26. Ruslanov E.V., Ahmetova E.A., Kisagulov A.V. Ispolzovanie falang loshadi naseleniem chiyaliskoy kul'tury po materialam selishcha Yabalakly-1 (Yuzhnyy Ural) [Peculiarities of the use of tools made from horse phalanges in tanning by the population of the Chiyalik culture based on materials from the village of Yabalakly-1 (Southern Urals)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya – Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 2024, vol. 23, no. 5, pp. 149–163 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-5-149-163
27. Roslyakova N.V., Grigor'eva I.M., Bachura O.P., Tuzbekov A.I. Arheozoologicheskie materialy selishcha zolotoordynskogo vremeni Podymalovo–1 [Archeozoological materials of the settlement of the golden horde time Podymalovo–1]. *Ufimskiy arheologicheskii vestnik – Ufa Archaeological Herald*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 587–606 (in Russian). DOI: 10.31833/uav/2024.24.3.039

Ruslanov Evgeniy Vladimirovich.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher.

Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Center of the RAS.

October ave., 71, Ufa, Russia, 450054.

E-mail: butleger@mail.ru

Kisagulov Anton Vladimirovich.

Junior Researcher.

FSBI Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS.

March 8 str., 202, Ekaterinburg, Russia, 620144.

E-mail: Akis9119@gmail.com

М.М. Содномпилова

РОДНИК КАК ЭЛЕМЕНТ МАЛОЙ РОДИНЫ В ТРАДИЦИИ ПРЕДБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ: ОБРАЗ, СТАТУС, ФУНКЦИИ¹

В традиционной бурятской культуре фундаментальное значение имеет родовая территория – малая родина. Для бурят понятие «родина» не абстрактно, а наполнено конкретным содержанием, главными составляющими которого являются природные элементы родовой территории: родовая гора, речка или озеро, поля и луга, лес, отдельные рощи, деревья и камни. К числу таких объектов относятся и родники. Актуальность работы обусловлена слабой изученностью культа воды в традиции бурят в целом и минеральных источников в частности. Цель статьи – рассмотреть особенности бытования культа воды, места в нем минеральных источников в традиции предбайкальских бурят, живущих к северу от оз. Байкал. В задачи статьи вошло исследование образа водных источников, их статуса и функций в традиции предбайкальских бурят. Источниками исследования стали историко-этнографические, фольклорные материалы, а также материалы полевых исследований автора. В исследовании применялся сравнительно-исторический метод, способствующий выявлению общих черт в понимании и осмыслении явлений природы в культуре тюрко-монгольских народов. Исследование позволяет заключить, что у предбайкальских бурят сохранились представления о «живой» воде – с ней ассоциировались воды некоторых родников и озер. Однако культ целебных родников аршанов в традиции предбайкальских бурят не сложился вследствие разных причин: 1. Родовой статус водного источника, который определяет актуальность представлений о территориальных границах эффективности их лечебного воздействия. 2. Магические целебные свойства родниковая вода обретала в процессе ритуального преобразования при активном участии шамана. Такая вода могла исцелить любое заболевание. В связи с этим классификация минеральных источников по лечебным свойствам, возможно, была неактуальна. 3. Кроме того, в Забайкалье большую работу по популяризации аршанов, включая их открытие и определение лечебных свойств воды, проводила буддийская церковь, влияние которой в Предбайкалье не распространялось.

Ключевые слова: предбайкальские буряты, культ воды, целебные источники, бурятские шаманы, ритуальные практики

Введение

В традиционной бурятской культуре фундаментальное значение имеет родовая территория – малая родина, в отношении которой используется целый спектр разных обозначений: *нютаг*, *тоонто-нютаг*, *халуун нуга*, *нуури*. Для бурят понятие «родина» не абстрактно, а наполнено конкретным содержанием, главными составляющими которого являются природные элементы родовой территории: родовая гора, речка или озеро, поля и луга, лес, отдельные рощи, деревья и камни. Изучению образов, функций природных объектов родовых территорий бурят посвятили свои работы Б.Э. Петри [1], Т.М. Михайлов [2], Г.Р. Галданова [3], К.М. Герасимова [4], О.А. Шагланова [5] и др.

Прежде мы уже говорили об огромном сакральном значении в жизни локального бурятского общества родовых центров – гор, водоемов и других объектов природы [6].

Данная статья фокусируется на таком характерном для большинства природных зон этнической Бурятии объекте, как ключ, родник: *булаг*, *горхон*, исследовании его образа, статуса, функций в традиции предбайкальских бурят, проживающих к северу от оз. Байкал². Актуальность работы обусловлена слабой изученностью культа воды в традиции бурят в целом и минеральных источников в частности. Этот факт был отмечен Г.Р. Галдановой: «Данные о почитании рек, озер, ручейков и ключей довольно фрагментарны» [3, с. 32]. Цель статьи – рассмот-

¹ Благодарность: Публикация выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки России: проект № 121031000243-5 «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)».

² В предшествующих данной публикации работах мы уже рассматривали особенности бытования культа целебных родников у бурят Забайкалья, затрагивая и Монголию [7, 8].

реть особенности бытования культа воды, места в нем минеральных источников в традиции предбайкальских бурят. Источниками исследования стали историко-этнографические данные, опубликованные в работах исследователей – этнографов, историков, лингвистов, фольклорные материалы, данные языков и топонимики, а также материалы полевых исследований автора. В исследовании применялись этнографические методы исследования, сравнительно-исторический метод, способствующий выявлению общих черт в понимании и осмыслении явлений природы в культуре тюрко-монгольских народов.

Неотъемлемой частью родовой территории бурят являются родники. Лесные и горные территории изобилуют родниками, в то время как в сухих степных районах родников значительно меньше, и в связи с этим отношение людей к родникам складывается разное. С научным познанием природы заболеваний и эффективным решением проблемы многих болезней, которые ушли в небытие, утратилось значение и ряда сакральных мест, среди которых были не только родники, но и озера, пещеры. В настоящее время интерес населения сохраняется преимущественно по отношению к целебным источникам. Перечень заболеваний, исцеляемых источниками, также ограничен, поскольку эффективность лечебного воздействия вод источников в разных ситуациях не доказана. Значение и статус источников, ритуальное «оформление» лечебных практик существенно различаются в районах, «подведомственных» буддийской религии либо шаманской традиции.

В Бурятии многие целебные источники получили статус общественных сакральных мест, куда приезжает множество желающих исцелиться. Среди мест, известных своими источниками, – Тункинская долина, Баргузинская долина, Горячинские ключи на побережье Байкала. В Забайкальском крае хорошо известны целебные источники Алханая в окрестностях г. Нерчинска. Об этих минеральных источниках писал Г.С. Бильдзюкевич, служивший чиновником особых поручений при золотых промыслах и горнорудных заводах Нерчинского округа в 1857–1858 гг. Он подробно описал несколько минеральных источников, отмечая, что «эти воды имеют своих посетителей, преимущественно инородцев, которые оказывают им особенное уважение...» [9, с. 47]. Фраза «преимущественно» свидетельствует о том, что целебные источники посещались и русским населением. В прошлом многие лечебные места, по наблюдению исследователей, посещались в основном эвенками и бурятами в силу удаленности большинства источников от русских поселений. Н.С. Щукин отмечал также, что русские казаки и поселенцы не проявляли особого интереса к минеральным источникам («крестьянин-зверолов нелюбопытен, да и надобности нет им ехать в далекую тущобу»), и лишь в XIX в. некоторые известные источники, например источники современного курорта Горячинск, Баргузинской долины, Тунки, стали обустриваться купцами, миссионерами, чиновниками [10].

Рассматривая современную ситуацию, следует отметить, что большинство жителей сельской местности предпочитает посещать аршаны, расположенные поблизости от дома. Такие поездки не предполагают больших финансовых затрат. Но далеко не в каждом районе есть такие источники, и тогда больным приходится ориентироваться на другие места, известные своими аршанами. Популярные курорты также пользуются спросом у всех жителей Бурятии независимо от национальности. Посещают целебные источники и русские старожилы, и старообрядцы [11].

В Забайкалье большое количество минеральных источников включено в систему буддийских религиозных практик и находится преимущественно под опекой священнослужителей ближайших буддийских храмов. Широко распространены предания об открытии источников ламами, наделении источников целебными свойствами с помощью духовной силы буддийских священнослужителей. Многие источники стали аршанами после объявления об этом лам, которые сами проверяли свойства их воды³.

³ Например, Палпий аршан в местности Хоймор Тункинской долины был объявлен целебным в 1920 г. ламами Хандагайского дацана. Также хойморскими ламами был объявлен аршаном источник Хунхэйн аршан [12, с. 105].

Севернее озера Байкал, на территории проживания предбайкальских бурят, придерживающихся традиций и идеологии шаманизма, отношение к родникам, в том числе обладающих целебными свойствами, сложилось несколько иное. У предбайкальских бурят традиция лечения на целебных источниках исследователями не отмечается – воду родников, в том числе и для лечебных целей, обычно берут домой. Источники по лечебным свойствам не классифицированы. Привлекает внимание и тот факт, что к северу от Байкала не получило распространения буддийское название *аршан*, которым принято называть целебные источники в Забайкалье. Небольшие водные источники называют *булаг*, *горхон*.

У предбайкальских бурят существуют представления о живой воде – *мүнхэйн хара уһан*⁴, исцеляющей больных людей, дарующей долголетие тем, кто выпьет такой воды либо совершит омовение в источнике [13, с. 59]. Вода таких источников исцеляла якобы от всех болезней. Происхождение источников с живой водой описывается в бурятских эпических произведениях. Упоминаются они и в исторических преданиях предбайкальских бурят. Например, в предании о Тугалаке его дочь взобралась на гору Удагтай, нашла там родник с живой водой, вымылась в нем и ушла в Забайкалье, прожив там 300 лет. Искупавшись в роднике, она тем самым осквернила его – ручеек с живой водой/аршаном высох [14, с. 144; 12, с. 59].

Аналогичные представления о живой воде сохранились в мифах хакасов. Так же как и предбайкальские буряты, хакасы называли такую воду *мөни суг* – «вечная вода». Название «аршан» хакасам было неизвестно, в то время как их соседи-тувинцы целебные источники называли только *аржаан*, а понятие «вечная вода» ими не использовалось. Согласно воззрениям хакасов, такая вода раньше струилась в верховьях Уйбата под горой Онло, в горах Сахсары и в других местах. Известно хакасское предание о женщине, испившей вечной воды и прожившей много веков. В советское время она якобы все еще была жива, но утратила зрение, так как забыла умыться свое лицо вечной водой [15, с. 23].

Таким образом, интерес представляет и география распространения понятий «живая вода» и «аршан», и слабое проявление либо отсутствие культа целебных источников у предбайкальских бурят и их соседей – тюрков.

Духи-хозяева источников

Духи-хозяева источников приравнивались по статусу к *эжинам* (хозяевам) местной горы, озера, речки [2, с. 93]. Хозяевами родников, так же как и других мест – гор, рек, озер, могли быть божества, сошедшие с неба, – *буумал бурханы*, либо духи предков. Их образы и имена становились известны благодаря шаманам: «По указанию шамана или просто вещего буряты, которые на основании своих сновидений или чего-либо другого говорят, что такой-то ключ, гора, долина имеет хозяина, буряты приносят брызганье частным или общественным жертвоприношением» [16, с. 90]. М.Н. Хангалов, рассматривая обряд испрашивания воды для посвящения шамана, подробно останавливается на персоне духа-хозяина родника и полагает, «что таких эжинов, хозяев много, если не столько, сколько известных ключей, то по крайней мере по одному для нескольких ключей или по одному для каждого улуса или рода» [17, с. 374]. Поскольку эжинами разных природных объектов на родовой территории бурят, особенно возвышенностей, зачастую являются духи предков бурятских родов (основателей рода), то и хозяевами источников нередко выступают они же. Так, например, духами-хозяевами родника Хара-Мэрһани булаг, протекающего недалеко от с. Толодой Эхирит-Булагатского района Иркутской области, считаются два местных старца. Родник берет начало с территории, принадлежащей одной из патронимий бурятского рода, ведущего свое происхождение от одного из двух старцев [18, с. 112]. Родники, в том числе и целебные, находятся в пользовании преимущественно местных жителей.

⁴ Такое название целебные источники имели до распространения названия «аршан».

Традиция почитания водного источника

Традиция почитания водных источников отмечена в культуре многих тюрко-монгольских народов: тувинцев, алтайцев, якутов, бурят. В бурятской традиции хорошо известны обряды, посвященные всем водным источникам в целом. Буряты-шаманисты проводили большой общественный ритуал – тайлган Уһан-хатам. Описание этого обряда представлено М.Н. Хангаловым [17, с. 523]. В буддийском исполнении почитание вод производится в обряде, посвященном духам воды Лусад-тахил.

Кроме того, одним из важнейших календарных обрядов в традиции предбайкальских бурят выступает обряд угощения местного родника. У кудинских и верхоленских бурят этот обряд носит название «Булагтөө» («Роднику») [18, с. 110]. В прошлом в сельскохозяйственной деятельности местных бурят родниковая вода имела большое значение – ее использовали для полива лугов, пуская воду по каналам. Как отмечает Б.Э. Петри, «раньше, когда кругом было много лесов, каналы были короткие и брали свое начало в пределах территории одного рода где-нибудь на горе, в пади, среди леса и сооружались всем родом сообща» [1, с. 102]. Эти сведения указывают, что в прошлом родников и ключей на бурятских землях было очень много и каждый бурятский род мог иметь в своем распоряжении водный источник. Обряд почитания родника проводили всем родом весной после очистки каналов, перед пуском воды. В обряде участвовали только те семьи, которые пользовались водой источника. У вершины канала живет его дух-хозяин, к которому обращались с просьбой давать воду в изобилии, чтобы хорошо росли травы.

В Тункинской долине, знаменитой своими аршанами, несмотря на уже устоявшийся общественный характер почитания целебных источников, О.А. Шаглановой зафиксирована сохранившаяся связь ряда водных источников с определенными родами бурят. Так, например, буряты племени хонгодор почитают источник Сагаан уһан, буряты племени тэртэ-тоёо почитают два источника – Тоёоной таабай, Тоёо булаг [5, с. 45].

Обряды почитания родников и рек совершали тувинцы. Е.В. Айыжы подчеркивает, что «Обряды освящения родников, истоков рек проводились испокон веков. У некоторых тувинских родов освящение родниковой воды, ключа является семейным праздником и проводится с участием только членов родовой общности» [19, с. 100]. Обычно обряд проводится весной либо в начале лета (июне), в период, когда оживает природа. Кроме родника, тувинцы также освящали оросительные каналы и реки, а сам обряд носил массовый характер. В обряде принимали участие все, кто жил рядом с рекой. Тувинцы, так же как и буряты, избирали местом молебствий исток родника или реки, так как у истока жил хозяин воды. Обязательный элемент обряда – чалама (ленточки) вешали на веревку, растянутую по обеим берегам реки. Подобное же оформление ритуального места отмечается в якутском обряде, посвященном хозяевам воды.

Якуты в большей степени почитали озера – они были неотъемлемой частью якутских поселений. Озерная рыба имела огромное значение в рационе якутов. Существует множество описаний особых обрядов, предвещающих лов рыбы, которые проводились в холодное время года. Весной же якуты почитали духов воды, совершая обряды на берегу озер и рек. «Весной после таяния льда у самого озера протягивали на двух воткнутых березках пеструю веревку из конского волоса, увешанную лоскутками, белыми конскими волосами, клювами турпанов. Хозяина вод угощали сливками, дарили подарки в виде берестяной лодочки, изображения человека и пестрой веревки, увешанной лоскутками» [20, с. 275].

Еще один интересный обряд, который правомерно называть сакрализацией водных источников, имеющих статус родовых⁵, отмечен в традиции тункинских бурят. Обряд почитания воды дополняется освящением родового источника водой, взятой из озера Байкал, который считается священным [21, ПМА 2].

⁵ Источники, почитаемые определенным сообществом (патронимией, родом, этнотерриториальной группой), расположенные на территории проживания сообщества.

В тени молений о хорошем травостое, урожае на полях, о богатых уловах рыбы, адресованные духам-хозяевам вод, оказались иные мотивы обращений к воде, о которых редко говорят информаторы, – к водным источникам (роднику, реке) люди обращались с просьбой даровать души детей, уберечь от несчастья. Примечательно, что одной из целей тувинского обряда почитания воды была передача земле «жизненной силы» путем испрашивания ее у духа-хозяина животворящего источника [19, с. 100]. Такие обращения неслучайны – вода в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов рассматривалась как источник жизни – хранилище потенциальных жизненных форм, которые могут обрести рождение в земном мире. Такое восприятие воды отмечено в представлениях монголов, которые очень тщательно выбирают место для поселения, даже временного в условиях кочевого образа жизни [6, с. 124].

Практика использования родниковой воды

В среде предбайкальских бурят принято было посещать только те родники, которые находились на родовой территории. Если возникала необходимость посетить целебный родник в другой местности, первоначально следовало испросить разрешение у местных жителей. Также необходимо было принести небольшую жертву духу-хозяину родника (монеты, пищу).

В прошлом вода родников использовалась предбайкальскими бурятами в ритуальной практике, в том числе и с лечебными целями: в обряде очищения *тарим*, в обряде Ухан-будля, который совершался шаманом для ребенка, «чтобы он рос быстрее и не плакал» [17, с. 498]. Обряд очищения/омовения⁶ ключевой водой был важным сакральным действием в жизни бурят-шаманистов. К нему регулярно обращались шаманы, такой обряд совершался в отношении больного человека. Только ключевой водой совершают омовение и божества воды Ухан-хаты. На это указывает текст призывания, обращенный к божествам воды:

«Из трав, растущих на кочках
(из старых трав), сделавши бич,
Ключевой водой сделавши омовение...» [17, с. 430].

Наиболее подробно описан обряд очищения тарим («обряд теломытия» шамана), который проводили шаманы в разных ситуациях. Шаманы совершали такой обряд ежегодно или даже ежемесячно в новолуние, кроме того, он совершается каждый раз, когда шаман чувствует себя оскверненным чем-либо, например прикосновением к нечистым предметам [17, с. 375]. Водное омовение шамана обязательно предваряет обряд посвящения. Вода для омовения должна быть ключевая, в некоторых местах ее берут из трех ключей. В.А. Михайлов в своем описании очищения шамана отмечает, что вода для ритуального омовения была собрана из четырех ключей [16, с. 36]. И.А. Манжигеев пишет, что для первого обряда «сухого теломытия» шамана воду набирали из девяти местных ключей [13, с. 74], которые исследователь называет аршанами⁷.

Согласно сведениям Е.М. Цыденова, вода из трех источников обладает сакральной силой, поскольку этой водой в современном шаманском обряде почитания духов воды «оживляют» подношение духам, готовят целебный эликсир духов вод *лусадай аршан*, который якобы исцеляет от болезней, посланных духами вод [22, с. 244].

Вода из четырех источников символизирует четыре части пространства. В традиционном мировоззрении бурят число четыре содержит идею об упорядоченности пространства,

⁶ Здесь мы говорим об условном омовении, так как в подобных обрядах человек не погружается в воду, его обрызгивают водой с помощью специальных веничков, сделанных из травы и веток кустарников.

⁷ Назывались ли родники аршанами местными бурятами, неизвестно. Судя по материалам, предоставленным М.Н. Хангаловым, нет.

выступает символом целостности. Эта идея отражается и в образе полноценного человека, которого в бурятской традиции именуют *дурбэн тэгшэ хун* («полноценный со всех четырех сторон» – человек здоров, богат, уважаем в обществе, женат и имеет детей) [23, с. 43].

Воду из родника для обряда омовения набирали с соблюдением традиционных правил, касающихся времени подношений духу-хозяину воды: «За водой отправляются утром в день обряда; с собой берут тарасун, который приносят в жертву хозяину ключа Баракши-нойону, жене его Хэрмэши-хатун; богу, разумеется, достаются капли, а весь запас выпивают приехавшие за водой; хозяина ключа называют иногда иначе» [24, с. 374]. Ключевую воду набирают для обряда теломытия шамана унгинские и бильчирские буряты. «Те, кто приехал к ключу, брызгают тарасун и вино, а потом пьют. После этого в воду ключа бросают медные деньги, а на деревьях у ключа привязывают белые и черные миткалевые ленты, затем вычерпывают из ключа воду и едут домой» [24, с. 161]. Получить расположение духа-хозяина источника было очень важно в связи с тем, что именно по его воле вода получает свои лечебные и магические свойства.

Родниковая вода, даже собранная из нескольких источников, сама по себе все еще не обладает необходимой силой очищения. Дополняет магическую силу воды священное растение, например богородская трава или пихтовая кора. Кроме того, для усиления магических свойств в воду иногда клали камни, собранные с девяти гор [16, с. 36]. Привезенную воду доводили до кипения в котле на очаге. Особую силу это средство очищения обретает при добавлении в воду крови жертвенного животного – такая вода была способна смыть с шамана даже очень сильную скверну, которая могла поразить шамана⁸.

Подобным же образом освящали ключевую воду в обряде Уһан-будля, обязательного для каждого новорожденного ребенка. Воду для этого обряда, по сведениям М.Н. Хангалова, могли взять из реки или озера. Но А.И. Манжигеев пишет, что для этого обряда использовали ключевую воду [13, с. 75]. Прежде чем набрать воду, водному источнику приносят в дар медные деньги и кланяются. «Ребенка купают в освященной воде, шаман, совершая обряд над ребенком, молится, чтобы он рос быстрее и не плакал. Воду как чистую выливают на юрту» [17, с. 496, 498]. Приглашенный для совершения обряда шаман обращается с молитвами к заянам (божествам – создателям и покровителям людей) Уһан-хата.

У предбайкальских бурят для исцеления больных широко применялся магический обряд Уһан тарим. Для его проведения приглашали опытного шамана. Суть лечения заключалась в следующем: воду, набранную из девяти родников-аршанов, кипятили, добавляли в воду богородскую траву или вереск и специальным веничком, сделанным из трав, периодически опуская его в котел с кипящей водой, хлестали больного, читая заклинания. М.Н. Хангалов характеризует этот обряд как своеобразную шаманскую баню [17, с. 507–509].

Таким образом, ключевая вода, подготовленная по всем правилам для ритуального омовения, наделяется определенными магическими свойствами с точки зрения человека традиционной культуры. Прежде всего эта вода очищает человека от скверны и тем самым избавляет его от причин разных заболеваний. Соответственно, такая вода обретает универсальные лечебные свойства, независимо от ее химического состава. Вероятно, в связи с этим родники и ключи на территории проживания предбайкальских бурят не наделялись какими-либо специфическими лечебными свойствами, а наши информаторы полагают, что в их землях аршанов нет [25, ПМА 3].

В целом в Предбайкалье сложилась своеобразная ситуация, связанная с минеральными источниками. У предбайкальских бурят существуют представления об особых родниках, обладавших свойствами исцелять любые болезни и продлевать жизнь, которые они называли

⁸ Такое могло случиться, если он прикасался к нечистым предметам. Шаман также становился нечистым, если в его улусе кто-нибудь умирал.

не *аршан*, а *мунхэйн хара уһан*. Однако их существование связывалось с областью мифологии и преданий. В реальности минеральные источники рассматривались бурятами как обычная вода, которая могла стать лечебной по желанию духа-хозяина источника и в процессе ее ритуального преобразования.

Сведения о целебных родниках, пользующихся известностью у широких масс населения в Предбайкалье, – редкие исключения⁹. На территории проживания предбайкальских бурят больше известны целебные озера. Там и проводили лечебные сеансы – в воде купались, воду пили, использовали грязи озер. Почитание озер как целебных водоемов в традиции предбайкальских бурят обнаруживает сходство с ситуацией, сложившейся в соседней Якутии. На территории Якутии множество родников – об этом свидетельствует топонимика региона [27, с. 45]. Сохранились и описания некоторых минеральных источников в работах исследователей Якутии. Например, С.В. Обручевым описан минеральный источник Сытыган Сыылба. «Источник – на мореных холмах, вытекает из бугра ленивой струйкой. От воды сильный запах сероводорода, и на вкус она омерзительна. Население давно лечится этой водой от ревматизма и кожных болезней, приезжая сюда, чтобы на час-два опустить в источник руку или ногу. Лечат и скот, собирая глину у источника и прикладывая ее к больному месту» [28, с. 134]. Однако как лечебные места издавна были известны озера. По сообщению врача Н.Е. Олейникова, в летнее время якуты переселялись к таким озерам, «купались там и облаживались грязью, подолгу сидели при различных заболеваниях, особенно при ревматизме». Глина таких озер часто применялась и как жаропонижающее при заболеваниях с высокой температурой. В Вилуйском районе таким местом паломничества являлось озеро Кэмпендэй, в Олёкминском – речка близ Нерюктэйи, озеро Абалаах в Якутском округе и др.» [27, с. 71]. Внимание привлекает тот факт, что и воду источников якуты не пили, используя ее для омовения и применяя грязи, отложившиеся на берегах источника. При этом якуты, так же как и предбайкальские буряты, верили в существование «живой воды» – *ёлбёт мэнгэ уута* [28, с. 33]. В якутской мифологии источником неиссякаемой жизненной силы, энергии, здоровья и благодати является озеро, образованное живительной влагой священного родового дерева Аар Кудук Мас [29, с. 77].

Помимо озер были известны особые участки рек, на дне которых происходит выход минеральных вод. В Эхирит-Булагатском районе Иркутской области примером такого явления выступает река Тамара/Тамира, приток р. Мурин. Это явление тем не менее не стало для местных жителей основанием считать данный участок реки аршаном [30, ПМА 5]. На якутских реках проявления выхода минеральных вод по дну реки имеют свои особые топонимические обозначения. «Дюктэ – в переводе с эвенкийского – ключ, родник, источник, ручей. Якутия очень богата дюктэ, таких топонимов по всей Якутии несчетное количество. Дюктэли – выражает распространение данного явления на большом пространстве. Так, в бассейне реки Вилуй есть река, правый приток реки Мархи Улахан-Юктэли. По этой реке на большом пространстве бьют ключи» [27, с. 45].

Статус источника и его социальные функции

Выше уже отмечалось, что родники находились в распоряжении родовой общности, на территории которого он берет начало или протекает. Духами-хозяевами родников, как правило, выступают духи умерших предков. В.А. Михайлов называет таких духов «местными эжинами» и характеризует их следующим образом: «Местные эжины считаются существами добрыми, покровителями данного околотка и заступниками-охранителями местных жителей. Отправляясь в далекий путь, бурят считает своим долгом принести жертву тарасуном или вином

⁹ В Ольхонском районе, например, известностью пользуются минеральные источники Сурхайта, расположенные на побережье озера Байкал, Шэхунэ в местности Кучулга [26, ПМА 4].

и молоком местным эжинам, чтобы они охраняли его от каких-либо напастей и несчастий. С этой целью берут иногда камешек с мест с эжинами, и камешек этот служит как *haxюuhan* – охранитель» [16, с. 90]. О покровительстве локальных духов только местным жителям пишет Т.М. Михайлов. «Духи-хозяева целебных источников входили в состав улусно-общинных духов, которые покровительствовали только определенному улусу или группе близких маленьких улусов» [2, с. 93]. В якутской традиции почитание духа-хозяина воды также относилось к семейно-родовому культу духов-покровителей якутов. «Духа хозяина или хозяйку воды... относили, видимо, к числу божеств своих предков и просили отнестись как к родным...» [31, с. 63].

Таким образом, в культуре предбайкальских бурят, тувинцев, якутов почитание водных источников было связано с семейно-родовыми культурами. Духи-хозяева водных источников – родников, рек, озер выполняли функции покровителей определенных групп населения, на территории проживания которых они находились. У предбайкальских бурят «родовой» статус водного источника определяет проявление его лечебных функций только по отношению к «своим» людям, принадлежащим определенному сообществу – патронимии, роду, на территории проживания которой протекает или берет свое начало родник. Впоследствии, в процессе расселения бурят и смешивания различных сообществ, его покровительство и помощь стала распространяться на всех жителей данной местности. Следует отметить, что и поныне на большей части пространства расселения предбайкальских бурят актуальны границы так называемых родоплеменных территорий, формирование которых приходится на период с XVII по XIX в. О них хорошо осведомлено и пришлое бурятское население. В связи с этим размывания представлений о родовых территориях не происходит, а родники сохраняют статус локально-территориальных (=родовых) объектов.

Заключение

Исследование позволяет заключить, что у предбайкальских бурят сохранились представления о «живой воде» – с ней ассоциировались воды некоторых родников и озер. Однако культ целебных родников-аршанов в традиции предбайкальских бурят не сложился. Этому есть, на наш взгляд, несколько причин. Прежде всего это «родовой» статус водных источников, что определяет актуальность представлений о территориальных границах эффективности их лечебного воздействия. Подобные представления распространяются и на деятельность шаманов: «Актуальность границ родоплеменных территорий также показательна в ритуальной деятельности шаманов. Обычно шаманы бывают достаточно хорошо осведомлены о границах “своей” территории, за которыми они уже не имеют права делать обряды, обращаясь к духам-покровителям “чужой” территории» [6, с. 241]. Во-вторых, в Забайкалье большую работу по популяризации аршанов, включая их открытие и определение лечебных свойств воды, проводила буддийская церковь, влияние которой на Предбайкалье не распространялось.

Рассматривая особенности ритуального использования воды родников у предбайкальских бурят, можно предположить, что вода родника обретала свои целебные и другие магические свойства в процессе ритуального преобразования – в воду добавлялись священные растения (богородская трава, пихта), вода нагревалась на огне, а главным актором священнодействия выступал шаман. Нельзя забывать и том, что вода не является лечебной сама по себе – лечебными свойствами воду источника наделяет его дух-хозяин. От его воли зависит возможность исцеления человека от того или иного заболевания. Поэтому следовало правильно исполнить обряд почитания родника, чтобы его дух-хозяин отнесся благосклонно к просителям и наделил воду лечебной силой. Такая вода могла применяться при лечении любого заболевания. В связи с этим классификация минеральных источников по лечебным свойствам, возможно, была неактуальна.

Список источников:

1. Петри Б.Э. Элементы родовой связи у северных бурят // Сибирская живая старина. 1924. Вып. 2. С. 98–126.
2. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 287 с.
3. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 113 с.
4. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. / Г.Р. Галданова, К.М. Герасимова, Д.Б. Дашиев, Г.Ц. Митупов. Новосибирск: Наука, 1983. 233 с.
5. Шагланова О.А. Традиционные верования тункинских бурят (вторая половина XIX – XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 179 с.
6. Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
7. Содномпилова М.М. Между медициной и магией: практики народной медицины в культуре монгольских народов (XVII–XIX вв.). М.: Наука – Восточная литература, 2019. 205 с.
8. Содномпилова М.М. Сакральное пространство этнической Бурятии: культ целебных родников // Oriental Studies. 2024. Т. 17, № 2. С. 389–400.
9. Бильдзюкевич Г.С. Живописный альбом с приложением краткого описания замечательнейших видов и местностей на берегах р. Шилки, Амура и Восточного океана 1859 г. / сост., комм. Е.Н. Туманик. Новосибирск: ОИИФ СО РАН, 2005. 128 с.
10. Горячие воды Восточной Сибири. URL: http://irkipedia.ru/content/goryachie_vody_vostochnoy_sibiri (дата обращения: 14 июля 2024 г.)
11. Полевые материалы автора ПМА 1: 2024 г., с. Надеино Тарбагатайского района Республики Бурятия, С.В. Хомяков, 1990 г.р.
12. Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I / пер. и прим. Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995, 156 с.
13. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 125 с.
14. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 360 с.
15. Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2005. 196 с.
16. Михайлов В.А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 111 с.
17. Хангалов М.Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. I. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958. 550 с.
18. Хандагурова М.В. Обрядность кудинских и верхоленских бурят во 2-й половине XX в. (бассейнов верхнего и среднего течения рек Куды, Мурино и Каменка). Иркутск: Амтера, 2008. 228 с.
19. Айыжы Е.В. Обряды жизненного цикла тувинцев России, Монголии и Китая: традиции и инновации: дис. ... д-ра ист. наук. Кызыл, 2024. 344 с.
20. Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Л., 1949 // Сборник МАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. IX. С. 255–323.
21. Полевые материалы автора ПМА 2: 2005 г., с. Торы Тункинського району Республики Бурятия, Шагланова О.А. 1976 г.р.
22. Цыденов Э.М. К некоторым обрядам в современном бурятском шаманизме // Вестник Бурятского государственного университета. История. 2012. № 8. С. 242–247.
23. Содномпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск: Радиан, 2005. 218 с.
24. Хангалов М.Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. II. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. 443 с.
25. Полевые материалы автора ПМА 3: 2024 г., с. Олой Иркутской области, Болхосоев С.Б. 1971 г.р.
26. Полевые материалы автора ПМА 4: 2024 г., г. Улан-Удэ, Бильтрикова А.В. 1967 г.р.
27. Багдарыин Сүлбэ. Топонимика Якутии. Краткий научно-популярный очерк. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1985. 143 с.
28. Гоголев А.И. Историческая этнография якутов: учебное пособие. Якутск: изд-во ЯГУ, 1983. 103 с.
29. Винокуров В.В. Космологические представления в эпических произведениях долган, эвенков и якутов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2019. № 4 (16). С. 69–79.
30. Полевые материалы автора ПМА 5: 2023 г., с. Хатар-Хадай Иркутской области, Матошкина Н.И. 1952 г.р.
31. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975.

Содномпилова Марина Михайловна.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047.

E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16 августа 2024 г.

Marina M. Sodnompilova

SPRING AS AN ELEMENT OF A SMALL HOMELAND IN THE TRADITION OF THE CIS-BAIKAL BURYATS: IMAGE, STATUS, FUNCTIONS

For the Buryats, the concept of the motherland is not abstract but filled with concrete content, the main components of which are the natural elements of the ancestral territory: an ancestral mountain, a river or lake, fields and meadows, forests, individual groves, trees, and stones. These objects also include springs. The relevance of the work arises from the insufficient research into the cult of water in the Buryat tradition in general and mineral springs in particular. The aim of the article is to examine the features of the existence of the water cult and the place of mineral springs in the tradition of the Cis-Baikal Buryats living north of Lake Baikal. The study's objectives included examining the image of water sources, their status, and their functions in the tradition of the Cis-Baikal Buryats. The sources of the study were historical and ethnographic, folklore materials, and materials from the author's field research. A comparative historical method was used in the study, which helps identify commonalities in understanding and appreciating natural phenomena in the culture of the Turkic-Mongolian peoples.

The study suggests that the Cis-Baikal Buryats retained ideas about "living" water – the water of some springs and lakes was associated with it. However, the cult of healing springs, the Arshans, did not develop in the Cis-Baikal Buryat tradition for several reasons: 1. The generic status of a water source, which determines the relevance of ideas about the territorial boundaries of the effectiveness of its therapeutic effect. 2. Spring water acquired magical healing properties in the process of ritual transformation with the active participation of a shaman. Such water could cure any disease. In this regard, the classification of mineral springs according to their medicinal properties may not have been relevant. 3. Moreover, in Transbaikalia, much of the work on the popularization of arshans, including their discovery and the determination of the medicinal properties of water, was done by the Buddhist church, whose influence did not extend to Cis-Baikal

Keywords: *Pre-Baikal Buryats, water cult, healing springs, Buryat shamans, ritual practices*

References:

1. Petri B.E. Elementy rodovoy svyazi u severnykh buryat [Elements of clan ties among the northern Buryats] In: *Sibirs-kaya zhivaya starina* [Siberian living antiquity]. Irkutsk, 1924, vol. 2. Pp. 98–126 (in Russian).
2. Mikhaylov T.M. *Buryatskiy shamanizm: istoriya, struktura, sotsial'nyye funktsii* [Buryat shamanism: history, structure, social functions]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987. 287 p. (in Russian).
3. Galdanova G.R. *Dolamaistskie verovaniya buryat* [Pre-Lamaist beliefs of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987. 113 p. (in Russian).
4. Galdanova G.R., Gerasimova K.M., Dashiev D.B., Mitupov G.Ts. *Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala XX v.* [Lamaism in Buryatia in the 18th – early 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1983. 233 p. (in Russian).
5. Shaglanova O.A. *Traditsionnye verovaniya tunkinskikh buryat (vtoraya polovina XIX – XX v.)* [Traditional beliefs of the Tunka-Buryats (second half of the 19th – 20th centuries)]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2007. 179 p. (in Russian).
6. Sodnompilova M.M. *Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatel'nosti mongol'skikh narodov* [The World in the Traditional Worldview and Practical Activities of the Mongolian Peoples]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2009. 366 p. (in Russian).
7. Sodnompilova M.M. *Mezhdru meditsinoy i magiyey: praktiki narodnoy meditsiny v kul'ture mongol'skikh narodov (XVII-XIX vv.)* [Between medicine and magic: practices of traditional medicine in the culture of the Mongolian peoples (the 17th – 19th centuries)]. Moscow, Nauka – Vostochnaya literatura Publ., 2019. 205 p. (in Russian).
8. Sodnompilova M.M. *Sakral'noye prostranstvo etnicheskoy Buryatii: Kul't tselebnykh rodnikov* [Sacred space of ethnic Buryatia: The cult of healing springs]. *Oriental Studies*. 2024, vol. 17, no. 2, pp. 389–400 (in Russian).
9. Bildzyukevich G.S. *Zhivopisnyy al'bom s prilozheniyem kratkogo opisaniya zamechatel'neyshikh vidov i mestnostey na beregakh r. Shilki, Amura i Vostochnogo okeana 1859 g.* [Picturesque album with an appendix of a brief description of

- the most remarkable views and localities on the banks of the Shilka, Amur and Eastern Ocean rivers in 1859]. Novosibirsk, OIIF SO RAN Publ., 2005. 128 p. (in Russian).
10. *Goryachiye vody Vostochnoy Sibiri* [Hot waters of Eastern Siberia]. URL: http://irkipedia.ru/content/goryachie_vody_vostochnoy_sibiri (accessed: 2024.10.14) (in Russian).
 11. *Author's field materials*: 1. PMA 2024 n.p. Nadeino, Buryatia, Tarbagataiskii district, Khomiakov S.V., born in 1990.
 12. Natsov G.-D. *Materialy po istorii i kul'ture buryat* [Materials on the History and Culture of the Buryats]. Part. 1. Transl. & comment. by G.R. Galdanova. Ulan-Ude: BNC SO RAN Publ., 1995, 156 p. (in Russian).
 13. Manzhigeev I.A. *Buryatskiye shamanisticheskiye i doshamanisticheskiye terminy. Opyt ateisticheskoy interpretatsii* [Buryat Shamanistic and Pre-Shamanistic Terms. An Attempt at Atheistic Interpretation]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 125 p. (in Russian).
 14. Baldaev S.P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat. Chast' pervaya. Bulagaty i ekhirty* [Genealogical Traditions and Legends of the Buryats. Part One. Bulagats and Ekhirts]. Ulan-Ude, Republican Printing House, 2010. 360 p. (in Russian).
 15. Butanaev V.Ya., Mongush Ch.V. *Arkhaicheskiye obychai i obryady sayanskikh tyurkov* [Archaic customs and rituals of the Sayan Turkic peoples]. Abakan, Khakass. State University Press, 2005. 196 p. (in Russian).
 16. Mikhaylov V.A. *Religioznaya mifologiya* [Religious mythology]. Ulan-Ude, Soyol Publ., 1996. 111 p. (in Russian).
 17. Khangalov M.N. *Sobraniye sochineniy*. [Collected works]. Vol. 1. Ulan-Ude, Buryat. Book Publ., 1958. 550 p. (in Russian).
 18. Khandagurova M.V. *Obryadnost' kudinskikh i verkholskikh buryat vo 2 polovine XX v. (basseyinov verkhnego i srednego techeniya rek Kuda, Murino i Kamenka)* [Ritualism of the Kuda and Verkholsk Buryats in the 2nd half of the 20th century (upper and middle reaches of the Kuda, Murino and Kamenka rivers)]. Irkutsk, Amtera Publ., 2008. 228 p. (in Russian).
 19. Aiyzhy Ye.V. *Obryady zhiznennogo tsikla tuvintsev Rossii, Mongolii i Kitaya: traditsii i innovatsii* [Life cycle rituals of the Tuvans of Russia, Mongolia and China: traditions and innovations]: dissertation. Kyzyl, 2024. 344 p. (in Russian).
 20. Popov A.A. *Materialy po istorii religii yakutov byvshego Vilyuyskogo okruga* [Materials on the history of religion of the Yakuts of the former Vilui district]. In: *Sbornik MAE* [Collected works of Museum of anthropology and ethnography], M.; L.: AN SSSR Publ., 1949, vol. 9, pp. 255–323. (in Russian).
 21. *Author's field materials*: 2. PMA 2005 n.p. Tory, Buryatia, Tunkinski district, Shaglanova O.A., born in 1976.
 22. Tsydenov E.M. *K nekotorym obryadam v sovremennom buryatskom shamanizme* [On some rituals in modern Buryat shamanism]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of the Buryat State University. History*, 2012, no. 8, pp. 242–247 (in Russian).
 23. Sodnompilova M.M. *Semantika zhilishcha v traditsionnoy kul'tur eburyat* [Semantics of housing in traditional Buryat culture]. Irkutsk: Radian Publ., 2005. 218 p. (in Russian).
 24. Khangalov M.N. *Sobraniye sochineniy*. [Collected works]. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryat. Book Publ., 1959. 443 p. (in Russian).
 25. *Author's field materials*: 3. PMA 2024 n.p. Oloy Irkutsk region Bolhosoev S.B. Born 1971
 26. *Author's field materials*: 4. PMA 2024 n.p. Ulan-Ude Biltrikova A.V., born in 1967
 27. Bagdaryyn Siulbe. *Toponimika Yakutii. Kratkiy nauchno-populyarnyy ocherk* [Toponymy of Yakutia. A short popular science essay]. Yakutsk, Yakut. Book Publ., 1985. 143 p. (in Russian).
 28. Gogolev A.I. *Istoricheskaya etnografiya yakutov* [Historical ethnography of the Yakuts]. Yakutsk, Yakut State University Press, 1983. 103 p. (in Russian).
 29. Vinokurov V.V. *Kosmologicheskii epredstavleniya v epicheskikh proizvedeniyakh dolgan, evenkov i yakutov* [Cosmological ideas in the epic works of the Dolgans, Evenks and Yakuts]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya Eposovedeniye* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Epic Studies Series], 2019, no. 4(16), pp. 69–79 (in Russian).
 30. *Author's field materials*: 5, 2023 г., n.p. Khatar-Khadai, Irkutsk region, Matoshkina N.I., born in 1952.
 31. Alekseev N.A. *Traditsionnyye religioznyy verovaniya yakutov v XIX – nachale XX v.* [Traditional religious beliefs of the Yakuts in the 19th – early 20th centuries] Novosibirsk, Nauka Publ., 1975. 198 p. (in Russian).

Sodnompilova Marina Mikhailovna.

Doctor of History, leader researcher.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS.

Sakhyanova str., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: sodnompilova@yandex.ru

С.И. Федоров, А.Р. Федорова**ОХОТНИЧЬИ СЮЖЕТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
«ЯКОРЬ» В ТРАДИЦИОННОСТЬ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА¹**

В традиционной культуре якутов охота всегда занимала важное место в системе жизнеобеспечения, этот сложный процесс окружался рядом сакральных практик и представлений, которые в несколько видоизмененном виде сохранились в современной Якутии до сих пор. В настоящее время в Республике Саха (Якутия) охота все еще является весьма популярным сезонным занятием, которое практикуется даже в городских условиях. Она сегодня сопровождается использованием современных технических средств и методов, а также окутана рядом бюрократических процедур. Однако ритуал остается неизменным элементом этого процесса. Весь алгоритм охоты связан с рядом условностей, поверий и обрядов, которые выглядят анахроничными в условиях современной действительности, ритуал продолжает играть важную роль в охоте, являясь обязательным правилом и критерием ее успешности. В этом ключе интересным становится вопрос исследования сохранения традиций в современном обществе: каким образом и почему они уживаются в реалиях XXI в. и по какому принципу формируются такие устойчивые артефакты традиционности? Актуальность данной темы обусловлена стремительными модернизационными процессами, через которые прошли многие коренные этносы российского Севера. Они определили формирование некоторых механизмов сопротивления этим процессам, возникновением «зон», в которых этничность нагнеталась и концентрировалась. К примерам таких областей в якутской современной культуре мы относим и охоту. В настоящем исследовании с привлечением опубликованных и полевых этнографических материалов, а также материалов по современному устному фольклору рассмотрена охота с точки зрения антропологического дискурса, проанализирована ее функциональная роль в общественных процессах, связанных с глобализацией, традиционализацией, а также рассмотрен охотничий фольклор в качестве выразительного средства общественного послания. В заключение авторы приходят к суждению, по которому в высокотрадиционных обществах «якорями» этнической культуры выступают те зоны традиционной жизни, которые связаны с категориями «страх» и представлениями о мистическом. Согласно таким установкам охота рассматривается как социокультурный феномен, консервирующий традиции благодаря сохранению в этой области традиционных представлений о взаимодействии с природой, близости к иррациональному.

Ключевые слова: Якутия, современная охота, охотничий фольклор, современный фольклор, страшилки, традиционализм

Введение

С точки зрения изучения современной культуры интересным выступает вопрос исследования сохранения традиционных практик в условиях постиндустриального общества. Особенно актуальным этот вопрос представляется в контексте изучения северных сообществ как примера быстро модернизированных культур, традиционный образ жизни которых претерпевал резкие изменения при воздействии на него извне. Сегодня на примере якутов мы можем наблюдать тенденции повышения интереса к традиционному прошлому. Несмотря на переход бытовой жизни в современные условия (рыночная экономика, инфраструктурное развитие, урбанизация, информационная включенность), некоторые артефакты традиционной культуры демонстрируют устойчивость даже в условиях XXI в.

Сегодня в Якутии даже в условиях города одним из популярных сезонных досугов выступает охота. В отличие от традиционной в нынешних условиях она сопровождается современными техническими средствами и методами, бюрократически окутана рядом процедур, иными стали и методы современной охоты, но, несмотря на это, неизменным остается в этом поле ритуал. Весь этот процесс с рядом условностей, поверий и обрядов выглядит анахронично

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Главы Республики Саха (Якутия) молодым ученым, специалистам и студентам Республики Саха (Якутия).

в современной реальности, тем не менее ритуал все еще остается важной частью процесса охоты, обязательным правилом и критерием ее успешности. Отдельной темой для рассмотрения выступает распространенный в повседневной устной культуре мистический сюжет о встрече охотника с миром духов, который также эксплицирует сохранившиеся духовные представления в контексте охоты. Интересным в этом ключе является вопрос: «Почему эта сфера природопользования так хорошо консервирует традиции и каким образом эти представления коррелируются с современной действительностью?»

Якуты – коренной и самый многочисленный народ (469 348 человек) Республики Саха (Якутия) на 2020 г. [1]. При этом доля сельского населения в республике остается достаточно высокой: на 2023 г. сельское население составляло 32,8% населения [2, с. 55]. Традиционная форма хозяйства – скотоводство, коневодство, охота, рыболовство. На сегодняшний момент в республике зарегистрировано 94 465 владельцев гражданского оружия (на 164 733 единицы ружей) [3] при общем количестве совершеннолетних 703 066 человек, что составляет 13,5% вооруженного населения. Для сравнения: в среднем по России вооруженность населения составляет 2,6% [4].

Охота в Якутии всегда являлась важной частью системы жизнеобеспечения. Многие этнографы отмечали большое значение промыслового культа, который являлся одним из ключевых элементов обрядово-религиозной составляющей жизни якутов. Среди авторов, внесших наибольший вклад в изучение данной проблемы, следует отметить В.Л. Приклонского [5], В.Ф. Трощанского [6], С.В. Ястремского [7], В.М. ИONOва [8], Г.В. Ксенофонтова [9], А.Е. Кулаковского [10], Н.К. Антонова [11], С.И. Николаева [12, 13] и др. В своих работах авторы обсуждали тему происхождения духа охоты, их количество, описывали различные суеверия и обряды, связанные с охотой и промысловой деятельностью.

Методология и методы

Перед дискуссионной частью данной работы необходимо дать дефиниции некоторым понятиям, которые приводятся в статье. Так, под традиционностью предполагается приверженность традициям, обычаям и ценностям, которые передаются из поколения в поколение и формируют этническую культуру группы или общества. Особенность современной же этнической культуры заключается в ее способности адаптироваться к новым условиям и интегрироваться с другими культурами, сохраняя при этом свою уникальность. На примере якутского общества мы можем наблюдать сохранение некоторых эксклюзивных зон, в которых традиции сохраняются устойчивее, к таковым мы относим и охотничью деятельность. В отношении данного процесса авторами используется символическое понятие «якорь», которое в антропологическом измерении отождествляет стабильность, надежность и устойчивость культурных практик, ценностей, а также норм поведения в условиях быстро меняющегося мира, иными словами, он служит общественной опорой на некоторые традиционные аспекты культурной идентичности в условиях современной реальности.

Исследование духовных практик, сохранившихся в современной охоте, неразделимо с рассмотрением охотничьего фольклора, в частности якутских *тубэлтэ* (коротких страшных рассказов), в которых достаточно четко отражается нормативная регуляция общественного поведения в лесу и в процессе охоты. Объединяющим звеном как повседневного процесса охоты с ее ритуальной обрядностью, так и фольклора, окружающего эту деятельность, выступает страх. Охота сама по себе для современного человека выступает ситуацией дискомфорта, как физически, так и ментально. В таких условиях дискомфорта, близости к природе и смерти страх может становиться катализатором консервирования устоявшихся норм, ценностей и традиций. Изучение механизмов сохранения традиционных практик в современности и взаимосвязи между страхом и традиционализмом представляет интерес для понимания динамики социальных изменений и трансформации локальных этнических культур в условиях XXI в.

Вопрос обращения этнических сообществ к историческому прошлому является сегодня достаточно востребованным в научной дискуссии. Устойчивость этничности в любые времена отмечал А.В. Головнев: «В зависимости от состояния элитных групп и внешних контактов этничность может нагнетаться, унифицироваться, рассеиваться, дробиться. Однако, будучи сколь угодно изменчивой, она остается устойчивым свойством социальной материи, и этноинстинкт выявляется у людей всех эпох и культур» [14, с. 11–12]. Положения о стратегиях сохранения культуры в условиях модернизации приведены в исследовании Ч.Д. Ламажаа, согласно которым подобные течения можно разделить на понятия «архаизация», «традиционализм» и «неотрадиционализм» [15]. На наш взгляд, развитие разных стратегий репродуцирования может протекать параллельно даже в рамках одного этноса. Определение формы и механизма поддержания традиций позволяет установить мотивы обращения к традиционной культуре, агентов этого воспроизводства.

Проблема «локальных» культур заключается в резком модернизационном скачке, вызвавшем в дальнейшем поиск опоры на этническую культуру посредством концентрированных образов этничности. Образы эти воспроизводят традиции в разной степени каноничности: в некоторых случаях под современные реалии подстраивается вся их структура, а в других может видоизменяться форма, но сохраняться глубинное содержание. Как пример второго случая можно привести охоту, которая в современных реалиях выступает неким «якорем» традиционной жизни, консервируя традиционное мировоззрение в условиях современности. Интерес к современной охоте мы можем отнести к понятию традиционализма, поскольку как вид деятельности в регионе охота практиковалась непрерывно в любые времена и сохраняется до сих пор путем преемственности.

Изучение традиционного промыслового культа в духовной культуре якутов производится с использованием этнографических материалов XIX–XX вв. – это материалы первых ссыльных этнографов и исследователей дореволюционного периода, тексты фольклорных материалов, в которых отражен промысловый культ, исследования этнологов и фольклористов советского периода. Современная охота и ее духовное содержание рассмотрены с привлечением полевых материалов, собранных в нескольких районах Республики Саха (Якутия): с. Юнкюр Олекминского района, с. Тюнгиюлю Мегино-Кангаласского района, с. Черкех Таттинского района, ГО Якутск, а также в с. Сыдыбыл Вилуйского района с 2019 по 2024 г. [16–22].

Современные фольклорные материалы об охоте были почерпнуты из опубликованных источников – сборников страшных историй [23–30], содержащих мистические сюжеты. К ним были отнесены те экземпляры современного фольклора, в которых действие происходило непосредственно во время охоты, а фабулой истории выступало антиэтикетное поведение охотника в процессе. За методологическую основу анализа были взяты исследования иностранных и отечественных фольклористов и социальных антропологов: А. Дандеса [31, 32], А.С. Архиповой, А.А. Кирзюк [33], согласно которым фольклор выступает в роли неосознанного зашифрованного социального «послания». Таким образом, фольклорные тексты в данной статье рассматриваются через оптику функционального анализа, выступают средством выражения социального напряжения. Рассмотрение устной словесности как источника по изучению символического проявления социокультурного опыта этноса позволяет дополнить знания о современных духовных представлениях не только посредством прямой трактовки респондентов, но и проследить скрытые символы и образы с помощью общественной коммуникации.

Традиционная охота как часть жизнеобеспечения у якутов. В традиционной культуре у якутов охота занимала важнейшую роль, так, по воспоминаниям видного этнографа С.И. Николаева [12, с. 195–197] о собственном детстве, его отец, рядовой скотовод и ремесленник, обеспечивал постоянный запас свежего мяса для пропитания. Автор отмечает, что охотник занимался добычей, не отрываясь от основной своей деятельности – скотоводства, данную охоту исследователь классифицировал как «околодомовую». Как пишет автор, осенняя охота на зай-

цев за сезон приносила мяса равнозначного около одной туши якутской коровы (около 250–300 кг. – *Прим. авт.*). В зимний период так же стабильно для пропитания один охотник-скотовод добывал, помимо 4–5 зайцев в неделю, различную боровую дичь: тетеревов, рябчиков, изредка глухарей и куропаток, попавших то на петлю, то подстреленных во время осмотра заячьих снастей. В весенне-летний период основу добычи составляла водоплавающая дичь. Таким образом, традиционная охота являлась неотъемлемой частью жизнеобеспечения якута на протяжении всего годового цикла.

Тесную связь охоты с повседневной жизнью якутов представляют также исследования в области духовной культуры якутов. Так, в пантеоне якутских божеств определенное место занимал Байанай, который в якутской мифологии является духом-хозяином природы и покровителем охотников. Исследователи отмечают, что у духа было от 7 до 11 последователей, которые отвечали за те или иные действия во время охоты. У Байаная просили «ниспослания благодати» в виде добытой дичи и, в зависимости от животного, приносили различные дары при достижении своих поставленных целей. Наиболее тщательно изучил покровителя охоты и промысловой деятельности В.М. Ионов [8, с. 4–5]. Согласно его данным, «дух-хозяин леса имеет отношение только к тому промыслу, при котором применяются пасть, самострел, петля... к дичи, промышляемой при помощи лука, он никакого отношения не имеет». Также он указывает на то, что Байанай дарует сохатого, лисицу, зайца, горностая, кабаргу, горного барана, хорька, глухаря, тетерева и куропатку. Причастность Байаная к добыче медведя, росوماхи, рыси, бобра, выдры и соболя Ионов ставит под сомнение, сообщая о том, что к медведю отношение особенное. Остальные звери и птицы не находятся под протекцией Байаная. Охотники-промысловики также изготавливали идола и амулеты, изображающие духа охоты [34], из дерева, камня или с использованием фрагментов добытых зверей. После каждой успешной охоты промысловик должен был в обязательном порядке мазать предметы жиром и кровью, тем самым задабривая для следующей вылазки.

Как отметил Г.В. Ксенофонтов, большое значение охотничьего промысла также подтверждается особой системой наименования месяцев на севере Якутии и традицией «ннымат», согласно которой охотник, убивший дикого оленя, должен был передать большую часть добычи третьему лицу. Данное действие не предусматривало равноценного ответного подарка; он был безвозмездным, особенно потому, что его получателями обычно становились пожилые люди, лица с ограниченными возможностями здоровья, вдовы, сироты и случайные гости [9, с. 313–315].

Охота, как и любая деятельность, сопряженная с опасностью, имела различные ограничения и условности. Одним из наиболее распространенных ограничений и ритуальных практик являются запреты на определенные действия. Например, женщинам запрещалось вешать свою одежду поверх мужской, чтобы не осквернить ее. В таком случае мужчина не мог отправиться на промысел, пока не проведет специальный ритуал очищения оскверненной одежды с помощью огня и дыма, называемый «алаастыр». Те же убеждения требовали очищения любой одежды, сшитой женщиной для ношения. Также считалось нежелательным, чтобы женщина переступала через орудия промысла, поскольку эти инструменты становились непригодными к использованию. Их необходимо было снова очистить священным огнем. Во время беременности женщины суеверия, связанные с ней, приобретали еще большее значение и важность. Беременная женщина не могла проходить мимо настороженной ловушки, установленной для зверей. Когда наступал момент родов, мужчинам из семьи запрещалось охотиться или заниматься промыслом. Они должны были дожидаться новолуния и провести над собой обряд очищения [9, с. 319–320].

С момента присоединения территории Якутии к Российской империи государство имело большой интерес к пушнине как к важнейшему компоненту российского экспорта. В советский период данное направление было поставлено на поток, разработаны цели и задачи для достижения высоких результатов в пушной промышленности, в том числе были специальные

постановления [35, 36] для развития промысловой охоты и звероводства на территории Крайнего Севера, благодаря которым было положено начало развития охотничьего хозяйства как отдельного направления народного хозяйствования, утверждены колхозы, специализирующиеся именно на охотничьей деятельности. Информант из Среднеколымского района, охотник-промысловик, отмечает, что поддержка государства в то время была значительной, оплачивали затраты на деятельность, обеспечивали всем необходимым оборудованием, оружием, амуницией и т. д., кроме того, в 1980-е гг. С.М. получил путевку в санаторий как результативный охотник [21]. Таким образом, охотничий промысел стал более унифицированным, многие обрядности и обычаи были утеряны.

Информант С.П. из Олекминского района [20] сообщил, что в период Советского Союза, в 1970-е и 1980-е гг. государство активно поддерживало охотничью деятельность. Помимо основной работы, люди занимались коммерческой охотой, добывая пушнину. Например, мужчины брали отпуск на основной работе на период охоты на пушнину и выезжали на охоту за счет колхозов и совхозов. Их обеспечивали оружием, боеприпасами, продовольствием, одеждой, транспортом, а иногда даже доставляли на места охоты вертолетами, как отмечают респонденты, государство было заинтересовано в добыче пушнины.

Современная охота и традиции, сохранившиеся в ней. На сегодняшний день охота все так же является весьма популярным занятием для всех слоев населения, однако, вместе с тем, это так же занятие дорогостоящее: теперь охотнику необходимо самостоятельно приобретать специальное снаряжение, одежду, транспорт, оружие для охоты, продовольствие и т. д., что не приносит экономической выгоды. Большинство охотников-любителей сообщают, что занимаются охотой не ради заработка или пополнения запасов продовольствия, для них это хобби, вид активного отдыха на природе.

В плане традиций и ритуальных обрядов современные охотники придерживаются некоторых правил. Первый и обязательный ритуал заключается в подношении духам местности, а также духу охоты. По пути следования на место охоты некоторые охотники делают небольшие остановки в значимых и культовых местах для организации подношений духам местности. Так, духов задабривают предпочтительнее оладьями, молочными напитками, которые берутся специально с такой целью. Если упомянутое пожертвование отсутствует, то задабривают мучным изделием и маслом, в некоторых случаях табаком и алкоголем. Информанты расходятся в мнении о необходимости сопровождающей речи-прошения. Одна часть информантов считает, что не обязательно просить устно, можно ограничиться прошением в уме, другая часть считает, что необходимо проговорить именно вслух, так как посредством даров жертвователю устанавливает одностороннюю связь с духами, которые могут выслушать просящего. Прибыв на предполагаемое место охоты, помимо духов местности, на разведенный огонь совершают подношение в сторону духа огня. Как сообщают информанты, «нельзя кормить огонь мясом, колбасой», по всей видимости, данный запрет является остаточным запретом при традиционной охоте, в котором запрещалось предавать огню мясо добытого лося, медведя, лисы и т. д. Вместе с этим также через огонь просят и всячески задабривают подношениями духа охоты [16, 22].

Волею случая один из авторов стал свидетелем одного происшествия. Так, во время полевых работ на охотничьих угодьях два информанта решили выехать в соседнюю местность на болотоходе к знакомым охотникам. Выехав в обратный путь, информанты заблудились, хотя, как высказался один из информантов, места, в которых они заблудились, были знакомы ему с детства. Через несколько часов после осознания того, что они заблудились, один из охотников понял, что по приезду они не покормили духов той местности, в которую они приехали в гости. Быстро спешившись, они вдвоем сделали подношение духам тем, что у них было с собой, – сигаретами, и, со слов информанта, всего через несколько минут выехали

на знакомую тропу и успешно добрались до своей избы. Информанты были уверены, что все дело в том, что они не задобрили духов, в связи с чем они не хотели их отпускать [16].

Таким образом, кормление духов происходит многократно: при остановках на культовых и значимых местах задабривают духов местности, в конечном стационарном лагере, кроме духов местности, дополнительно делают подношение духу огня и духу охоты.

Одним из практикующихся до сегодняшних дней традиционных правил в охоте является запрет в течение 40 дней заниматься охотой человеку, который пережил смерть близкого человека или присутствовал на церемонии погребения умершего, наказанием за нарушение запрета служит игнорирование Байаная провинившегося охотника, и промысловика в дальнейшем не будет попадаться дичь. Современными охотниками этот запрет соблюдается в обязательном порядке. Такого охотника называют «киртийбит», т. е. «загрязненный». Информанты сообщают, что возможно обойти данный запрет либо смягчить запрет особым ритуалом. Так, обход запрета возможен, в случае если охотник перед выездом на угодье вымажет лицо грязью, как бы маскируя свое лицо. Второй способ – очищение с помощью дыма: необходимо найти дерево, пораженное молнией, взять оттуда лучину, поджечь и потушить так, чтобы лучина тлела и дымилась, и этим самым дымом охотнику необходимо провести вокруг себя три раза. Данный способ похож на ранее описанный нами традиционный способ очищения от «скверны». По сообщениям информантов, данная маскировка и очищение способны скрыть либо очистить человека, и охотник уже не боится наказания от духа охоты и промысла [17].

Говоря о запретах, необходимо упомянуть запрет на добычу медведя в берлоге. По мнению практически всех опрошенных охотников, в связи с тем что запретили добычу медведя в берлоге, исчезает целый пласт религиозно-обрядовых условностей. Более нельзя проводить обряды инициации в медвежатники, забываются старые обычаи и условности охотников. Помимо этого, популяция медведей сильно выросла, что является большой опасностью для домашнего скота и человека. Среди охотников любимые байки перед костром – это встреча кого-либо с медведем. Такие истории участились, и практически каждый охотник хотя бы через одного человека знает пережившего встречу с медведем. Как говорят охотники, это свидетельствует о чрезмерном увеличении популяции и смене ареалов обитания медведей [19].

Одним из интереснейших моментов современной охоты является толкование снов. Так, многие охотники верят в то, что добытчику в ночь перед успешной охотой должна присниться женщина. Так, один из информантов привел следующий пример: «Однажды мы выехали в удаленное место на охоту, приехали, обустроились и легли спать. Рано утром один из охотников резко закричал на всю избушку “Приснилась, приснилась!”», мы все проснулись, обрадовались и, быстро позавтракав, вышли на угодье. В тот день мы добыли лося, сон моего товарища не соврал. Если одному или нескольким охотникам снится женщина, то к нему в тот день благосклонен Байанай, остальные охотники должны следовать указаниям провидца и надеяться на его чутье» [18]. Возможно, сны, в которых присутствует женщина, восходят к древним представлениям о том, что Байанай – это не единоличный дух-покровитель леса, а род, в котором есть множество духов, включая женщин [8, с. 49].

Дополнительно можно упомянуть о двух суевериях, зафиксированных при полевых работах: первое – среди охотников бытует суеверие о том, что нельзя брать с собой в качестве провизии мясо дикого зверя или птицы, так как дух охоты может отказать в успешной охоте, ссылаясь на то, что у охотника уже имеется добыча. Второе суеверие касается оружия: при первом успехе из нового ружья необходимо его обмазать кровью добычи. Данное суеверие призвано задобрить свое ружье, чтобы оно стреляло без промаха и не давало осечек и т. д. [22].

К предвестникам успешной охоты также можно отнести ворона. Так, по мнению охотников, встреча на пути к охотничьим угодьям или во время охоты ворона сигнализирует об успешной охоте, так как считается, что ворон находится рядом с результативными охотниками, которые оставят после разделки дичи много съедобного. У современных якутов в обиходе

используется поговорка «Кыыс төрөөтөбүнэ ыт үөрэр, уол төрөөтөбүнэ суор үөрэр», что переводится как «При рождении девочки радуется собака, при рождении мальчика – ворон» и означает, что девушка отдает остатки пищи со стола собаке, юноша оставляет часть дичи духу охоты, чем и кормится ворон [18].

Охотничьи сюжеты в современном фольклоре. Любопытным отражением духовных представлений, окружающих современную охоту, являются так называемые охотничьи байки, или охотничьи страшилки, которые являются достаточно популярным сюжетом в современном устном фольклоре якутов. В общем арсенале современных якутских страшилок существует множество различных поджанров, но объединяющим выступает часто один признак – встреча современных урбанизированных людей с традиционным миром прошлого и конфликт, провоцируемый столкновением этих двух миров. Охота в этом ключе не является исключением.

Согласно упомянутым выше авторам, по методологии которых будет построена эта часть статьи, фольклорные тексты тут выступают в роли общественного «послания», концентрированной формы выражения коллективного дискомфорта. Нами были выделены 16 историй, сюжет которых происходит во время охоты, из разных источников: опубликованных сборников личных историй, публицистических статей, сюжетов из регионального специализированного охотничьего журнала и тематического паблика из социальных сетей [23–30].

Собранные истории можно разделить на три сюжетные группы: непочтительное отношение охотников к духам местности или добыче и последовавшая за этим кара; встреча с неупокоенными душами в охотничьем домике; положительная встреча с духом-хозяином охоты Байанаем и последующая удача; встреча с необъяснимыми явлениями, демонстрирующая страх перед природой и предками.

Выразительным аспектом анализа здесь может выступить хронологическая привязка пересказанных историй. Ровно половина историй относится к советскому периоду, причем лишь одна относится к военному времени, а остальные относятся ко второй половине XX в. (в двух случаях даны уточнения и отсылки к 1970-м и 1980-м гг.). Вторая половина сюжетов определяется современностью: пять историй без уточнения, одна относится к 2000-м гг. и две – к 2010-м. Здесь стоит отметить, что предыдущие исследования выявили принадлежность этого жанра современного фольклора к позднесоветскому периоду [37]. Таким образом, мы относим страшилку к жанру современной словесности. При этом персонажи и обстоятельства в них все еще остаются традиционными. В этих условиях на современный жанр и современную реальность наслаивается традиционное содержание, что и определяет главный конфликт этих историй.

Частой формальной структурной частью подобных произведений является ссылка на источник в начале повествования: «Как-то раз мне отец рассказал историю, случившуюся с ним лично» [27, с. 26], «Один мой хороший друг рассказал, как они на охоту ездили» [30]. Такое начало с ходу создает установку на реальность, предполагает веру и соучастность рассказчика к описываемым событиям.

Исследователи современной страшилки определяют ее композицию логичной трехактной структурой: запрет/его нарушение/воздаяние [38, с. 10]. По тем же принципам построена и якутская страшная история с разницей лишь в том, что в сюжете задействованы персонажи из традиционного фольклора, а также в уже упомянутой установке на реальность: если в условной советской страшилке про красную руку слушатель порой осознает фантазийную природу этой истории (впрочем, исследователи часто поэтому относят этот жанр к категории детского фольклора), то этническая страшилка более приближена к быличке в обстоятельствах современности.

«Запретом» в изучаемой тематической группе произведений выступает нарушение традиционного порядка охоты, проявления духовного невежества: «Мне пришлось сквозь лесотундру пробивать дорогу на бульдозере, ломая и круша и без того хлипкие карликовые дере-

вья» [27, с. 19], «...пара молодых парней начали пить водку. Проезжая возле большого озера, один из них начал критиковать его – мол, что за лужа, рыбы явно нет» [27, с. 26], «...весной они поехали стрелять по уткам. Не обошлось без выпивки» [30], «...он забыл покормить духа земли, и старец разгневался и дал о себе знать» [26].

В качестве зловредных персонажей и карающей силы в охотничьих страшилках выступают как правило дух-хозяин охоты Байанай, локальные духи местности, неупокоенные души, могилы шаманов, в одном случае антагонистом являлся Чучунаа (региональный вариант снежного человека, образ дикого человекообразного существа). Все эти перечисленные образы имеют корни в традиционных представлениях якутов. Традиционной вере якутов близки анимистические воззрения, согласно им, одушевленными являются не только животные, но и все проявления материального мира, явления окружающего пространства [39, стб. 9891]. Это выражалось в почитании духов местности, а также духов-покровителей, в нашем случае Байаная. Вера в зловредность неупокоенных душ и шаманских могил также связана с традиционными представлениями о «плохой» смерти. Р.И. Бравина указывает, что понятие «нехорошей», «худой» смерти относилось к умершим преждевременно (по болезни или в результате несчастного случая), а также связано с обрядом инициации шамана [40, с. 163]. Отдельно интересным образом выделяется Чучунаа. В исследовательской литературе представления якутов о нем описывается И.С. Гурвичем: эти дикие люди с длинными волосами и покрытым шерстью лицом имеют рост ниже или выше среднего человека, одеты в звериные шкуры, ходят с луком и ножом. Речь у них нечленораздельная, живут предположительно в пещерах. Нападают на людей ночью, обстреливая из лука или забрасывая камнями [41, с. 11].

Разрешение главного конфликта этих историй можно разделить на 1) положительные – человеком были предприняты некие практики воздействия на разрешение проблемы: «И только к утру мой друг, который верит во все эти «аньыы» (суеверия. – *Прим. авт.*), вспомнил, что они не «кормили» духа Байаная. После того как он совершил обряд «кормления», криков было не слышно, но охота не удалась» [30], 2) негативные – наказание: «В итоге он сошел с ума, спустя четыре дня он повесился. Местные поговаривают, что в том месте раньше жил темный шаман...» [29]. Причем не совсем ясно, в каких случаях благоприятное разрешение конфликта представляется возможным, здесь определенных условий, по-видимому, нет. Итог зависит лишь от благосклонности или степени обиженности духов.

Небольшая часть собранных охотничьих баек вообще не относилась к типичной формуле страшилки, а, скорее, представляли собой «свидетельства» встречи современного человека с чем-то, что он посчитал сверхъестественным. Причем в отличие от большинства подобных историй в них не случалось типичного конфликта: охотники вели себя прилично, явных нарушений правил не описано. Более того, иногда в них описывается плодотворная встреча с Байанаем и последующая удача в охоте. Интересным является сюжет о встрече охотника с женщиной. Согласно ему, мужчина набредает на охотничий домик, встречается там незнакомку, которая оказывается духом [28]. Этот сюжет, по-видимому, видоизмененная форма представления о дочерях Байаная, рассмотренного выше. На наш взгляд, такие истории также являются показательными. Во-первых, они демонстрируют проявление страха перед природой, веру в иррациональное и обряд как форму магического воздействия. Во-вторых, они показывают, что охота – пространство «опасное» даже при соблюдении всех условностей и любые действия находятся под постоянным наблюдением.

Заключение

Таким образом, в современной охоте сохраняется достаточно большое количество духовных практик, ограничений, обрядов, а также внутреннего фольклора. Сам по себе этот процесс, очевидно, выделяется из досугового разнообразия современного человека, эта деятельность, связанная с природой, актом насилия, традиционным промыслом предков, часто

сопряжена со старыми постройками, неизвестными местами. Все эти факторы комплексно уводят охоту в категорию пространств сакральных, опасных локусов, требующих особых правил, обычаев, осторожности. Изученные современные духовные практики, включающие в себя табу, обряды и фольклорные сюжеты, тесно связаны с традиционными представлениями, хоть порой достаточно в упрощенном виде (а иногда и запутанном, к примеру, к компетенции Байаная современные охотники относят не только вопросы добычи, но и целостность окружающей природы).

Такая стабильность, возможно, и выступает фактором устойчивой популярности данного промысла у современных якутов. В реалиях постиндустриального общества она осталась одной из «буферных зон», покрывающей потребность людей в проявлениях своей этничности. «Будучи, как и в прежние времена, достоянием всех людей, мифологическое сознание ныне – это уже не форма преодоления незнания, а скорее способ безболезненного погружения в незнание. Задача мифа XX в. – не преодоление человеческим логосом вселенского хаоса, а бесконечное погружение в этот хаос» [42, с. 55]. Современная охота, сохраняя в себе традиционные практики и мифологическое мышление, уводит эту деятельность в сторону не только рационального промысла или отдыха на природе, особым образом она остается «якорем» в традиционность – местом обращения к традиции, консервативной попыткой современных людей задержать неумолимый процесс глобализации.

Список источников:

1. Национальный состав населения / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476> (дата обращения: 21.05.2024).
2. Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): статистический сборник / ред. коллегия: И.К. Гаевая (председатель), И.И. Батожергалова, В.А. Константинова. Якутск: Типография СММК, 2023. 544 с.
3. Население Якутии – самое вооруженное на Дальнем Востоке // ЯСИА. URL: <https://ysia.ru/naselenie-yakutii-samoe-vooruzhennoe-na-dalнем-vostoke/> (дата обращения: 11.02.2023).
4. Росгвардия: на руках у россиян находится более 6,6 млн единиц зарегистрированного оружия // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7474587> (дата обращения: 26.03.2024).
5. Приклонский В.Л. Три года в Якутской области: этнографические очерки // Живая старина. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1890. Вып. I. С. 63–83.
6. Трошанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. 2-е изд. М.: URSS, 2012. 210 с.
7. Ястремский С.В. Остатки старинных верований у якутов = Ueberreste eines von Urahnen stammenden Cultus bei den Jakuten. Иркутск: Типо-литография П. И. Макушина, 1897. 44 с.
8. Ионов В.М. Дух – хозяин леса у якутов. Петроград: Тип. Имп. Акад. наук, 1916. 49 с.
9. Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар: в 2 кн. Т. 1. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. 414 с.
10. Кулаковский А. Е. Материалы для изучения верований якутов. Якутск: б.и., 1923. 107 с.
11. Антонов Н.К. Предание об обряде посвящения в охотники: сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск, 1961. С. 23–25.
12. Николаев С.И. Народ саха. Якутск: Якутский край, 2009. 300 с.
13. Николаев С.И. Обычаи народа Саха. Якутск: НИПК «Сахаполиграфиздат», 1996. 48 с.
14. Головнев А.В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.
15. Ламажаа Ч.К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знания. Понимания. Умения. 2010. № 2. С. 88–93.
16. ПМА, май 2023, РС(Я), Вилюйский район, с. Сыдыбыл, Догоюсов П. А., 1984 г.р.
17. ПМА, май 2024 г., РС(Я), г. Якутск, Кондратьев А.А., 1994 г.р.
18. ПМА, февраль 2023 г., РС(Я), г. Якутск, Иванов Р.И., 1966 г.р.
19. ПМА, март 2023 г., РС(Я), Олекминский район, с. Юнкюр, Пермин В.Г., 1954 г.р.
20. ПМА, сентябрь 2019 г., РС(Я), Олекминский район, с. Юнкюр, Самсонов А.П., 1975 г.р.
21. ПМА, март 2021 г., РС(Я), Среднеколымский район, с. Аргахта, Стручков Н.П., 1942 г.р.
22. ПМА, май 2023 г., РС(Я), Таттинский район, с. Черкех, Собакин Т.С., 1988 г.р.

23. Охотничьи рассказы // Байанай: научно-популярный журнал охотников и рыболовов. 2016. № 6 (74). С. 22–25.
24. Охотничьи рассказы // Байанай: научно-популярный журнал охотников и рыболовов. 2016. № 12 (80). С. 30–33.
25. Сетевое информационное издание ехо-ykt. URL: <https://www.exo-ykt.ru/articles/ohotnichi-bayki> (дата обращения: 30.06.2024).
26. Сетевое информационное издание ехо-ykt. URL: <https://www.exo-ykt.ru/articles/otvazhnyy-bulchut> (дата обращения: 30.06.2024).
27. Страшные истории Якутии. Вып. 1 / сост. Д. Михайлов (Trimid). Якутск: б. и., 2017. 60 с.
28. Страшные истории Якутии: паблик. URL: https://vk.com/sakha_horror?w=wall-60308515_312 (дата обращения: 30.06.2024).
29. Страшные истории Якутии: паблик. URL: https://vk.com/sakha_horror?w=wall-60308515_507 (дата обращения: 30.06.2024).
30. Страшные истории Якутии: паблик. URL: https://vk.com/sakha_horror?w=wall-60308515_871 (дата обращения: 30.06.2024).
31. Dundes A. Texture, Text, and Context of the Folklore Text vs. Indexing // Journal of Folklore Research. 1997. Vol. 34, № 3. P. 221–225.
32. Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: сборник статей / перевод с английского; сост. А.С. Архипова. М.: Восточная литература, 2003. 279 с.
33. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 532 с.
34. Научный архив Института антропологии и этнологии РАН. Ф. 11. О. 1. Д. 51. Л. 1-5.
35. Постановление Совета министров РСФСР от 16 марта 1957 года № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765714380> (дата обращения: 05.06.2024).
36. Постановление Совета министров РСФСР от 26 октября 1957 года № 1177 «О мерах по улучшению использования кедровых насаждений, развитию промыслов и увеличению заготовок кедровых орехов, пушнины, боровой дичи и дикорастущих ягод в таежных районах Сибири, Дальнего Востока и Севера европейской части РСФСР» / Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/372721-o-merah-popoluchsheniyu-ispolzovaniya-kedrovyh-nasazhdeniy-razvitiyu-promyslov-i-uvelicheniyu-zagotovok-kedrovyh-orehov-pushniny-borovoy-dichi-i-dikorastuschih-yagod-v-taezhnyh-rayonah-sibiri-dalnego-vostoka-i-severa-evropeyskoy-chastirsfr-postanovlenie> (дата обращения: 05.06.2024).
37. Гоголев А. И., Федорова А. Р. Современная якутская страшная история как жанр городского постфольклора // Человек и культура. 2022. № 2. С. 38–45.
38. Лойтер С.М., Неелов Е. М. Современный школьный фольклор. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 10.
39. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I. 2-е изд. М.: АН СССР, 1959. 1280 стб.
40. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 294 с.
41. Гурвич И.С. Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). М.: Мысль, 1975. 96 с.
42. Автомонова Н.С. Миф: хаос и логос / Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М.: Политиздат, 1990. С. 30–57.

Федоров Святослав Игоревич.
Младший научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.
Старший преподаватель.
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.
Ул. Белинского, 58, Якутск, 677027.
E-mail: fedorov.si@mail.ru

Федорова Айталиа Родиноовна.
Младший научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.
E-mail: aytap@mail.ru

Материал поступил в редакцию 8 июля 2024 г.

HUNTING FOLKLORE IN CONTEMPORARY YAKUT CULTURE: AN ANCHOR IN THE TRADITIONALITY OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY

In traditional Yakut culture, hunting has always occupied an important place in the subsistence system. This complex process was surrounded by a series of sacred practices and representations preserved in a somewhat modified form in modern Yakutia. Hunting is still a very popular seasonal activity in the Republic of Sakha (Yakutia) and is practiced even in urban areas. Today, it is accompanied by modern technical means and methods and is shrouded in a series of bureaucratic procedures. However, the ritual remains an unchanging element of this process. The whole algorithm of hunting is linked to a series of conventions, beliefs, and rituals that seem anachronistic in modern reality.

Nevertheless, the ritual still plays an important role in hunting, as it is a binding rule and a criterion for the success of the hunt. In this context, it is interesting to examine the preservation of traditions in modern society: How and why do they coexist in the reality of the XXI century, and on what principle are such stable artifacts of traditionality based? The relevance of this topic arises from the rapid modernization processes that many indigenous ethnic groups of the Russian North have undergone. They were decisive for the formation of some mechanisms of resistance to these processes and the emergence of 'zones' in which ethnicity was condensed and concentrated. Hunting is an example of such a zone in modern Yakut culture. This study examines hunting from the perspective of anthropological discourse, analyzes its functional role in social processes related to globalization and traditionalization, and considers hunting folklore as a means of expressing public messages, using both published and field ethnographic material. Finally, the authors conclude that in highly traditional societies, the 'anchors' of ethnic culture are those areas of traditional life associated with the categories of 'fear' and ideas about the mystical. Thus, hunting is seen as a socio-cultural phenomenon that preserves traditions because traditional ideas about interaction with nature and closeness to the irrational are preserved in this area.

Keywords: Yakutia, modern hunting, hunting folklore, modern folklore, horror stories, traditionalism

References:

1. *Natsional'niy sostav naseleniya* [National composition of the population] / Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Sakha (Yakutia). URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476> (accessed: 21.05.2024).
2. Gaevaya I.K., Batozhergalova I.I., Konstantinova V.A. (eds) *Statisticheskii ezhegodnik Respubliki Sakha (Yakutiya): statisticheskii sbornik* [Statistical Yearbook of the Republic of Sakha (Yakutia): statistical collection] / editorial board: Yakutsk: Tipografiya SMIK, 2023. 544 p.
3. *Naselenie Yakutii - samoe vooruzhennoe na Dal'nem Vostoke* [Yakutia's population is the most armed in the Far East]. YASIA. URL: <https://ysia.ru/naselenie-yakutii-samoe-vooruzhennoe-na-dalnem-vostoke/> (accessed: 11.02.2023).
4. *Rosgvardiya: na rukakh u rossiyan nalhoditsya bolee 6,6 mln edinit zaregistrovannogo oruzhiya* [Rosgvardia: Russians have more than 6.6 million registered weapons in their hands]. TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7474587> (accessed: 26.03.2024).
5. Priklonsky V. L. *Tri goda v Yakutskoy oblasti: Etnograficheskie ocherki* [Three years in the Yakutsk region: Ethnographic sketches]. *Zhivaya starina – Living Antiquity*, 1890, no. 1, pp. 63–83 (in Russian).
6. Troschansky V.F. *Evoliutsiia chernoi very (shamanstva) u yakutov* [Evolution of black faith (shamanism) among the Yakuts]. Moscow, URSS Publ., 2012. 210 p. (in Russian).
7. Yastremsky S.V. *Ostatki starinnykh verovanii u yakutov = Ueberreste eines von Urahnen stammenden Cultus bie den lakuten* [Remains of ancient beliefs in Yakuts = Ueberreste eines von Urahnen stammenden Cultus bie den lakuten]. Irkutsk, Typolithography of P. I. Makushin, 1897. 44 p. (in Russian).
8. Ionov V.M. *Dukh – khoziain lesa u yakutov* [Master spirit of the forest in Yakuts]. Petrograd, Tip. Imp. Acad. of Sciences, 1916. 49 p. (in Russian).
9. Ksenofontov G. V. *Uraangkhai-sakhalar* [Uraangkhai-sakhalar]. Vol. 1. Yakutsk, National Publishing House of the Republic of Sakha (Yakutia). 1992. 414 p. (in Russian).
10. Kulakovskiy A.E. *Materialy dlia izucheniya verovanii yakutov* [Materials for the study of Yakut beliefs]. Yakutsk, 1923. 107 p. (in Russian).
11. Antonov N.K. *Predanie ob obriade posviashcheniya v okhotniki: sbornik statey i materialov po etnografii narodov Yakutii* [Legend about the rite of initiation into hunters: a collection of articles and materials on the ethnography of the peoples of Yakutia]. Yakutsk, 1961. pp. 23–25 (in Russian).

12. Nikolaev S.I. *Narod sakha* [Sakha people]. Yakutsk, Yakutskiy krai Publ., 2009. 300 p. (in Russian).
13. Nikolaev S.I. *Obychai naroda Sakha* [Customs of the Sakha people]. Yakutsk, Sakhapolygraphizdat Publ., 1996. 48 p. (in Russian).
14. Golovnev A.V. Etnichnost': ustoychivost' i izmenchivost' (opyt Severa) [Ethnicity: stability and variability (the experience of the North)]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*, 2012, no. 2, pp. 3–12 (in Russian).
15. Lamazhaa Ch.K. *Arkhaizatsiya, traditsionalizm i neotraditsionalizm* [Archaisation, traditionalism and neotraditionalism]. Znaniia. Pontmaniia. Umeniia, 2010, No 2, pp. 88–93 (in Russian).
16. *Author's field materials*, May 2023, RS(Ya), Vilyui district, Sydybyl village, Dogoyusov P.A., born in 1984.
17. *Author's field materials*, May 2024, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, A.A. Kondratyev, born in 1994.
18. *Author's field materials*, February 2023, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, R.I. Ivanov, born in 1966.
19. *Author's field materials*, March 2023, Republic of Sakha (Yakutia), Olekminsky District, Yunkyr village, V.G. Permin, born in 1954.
20. *Author's field materials*, September 2019, Republic of Sakha (Yakutia), Olekminsky Rayon, Yunkyr village, Samsonov A.P., born in 1975.
21. *Author's field materials*, March 2021, Republic of Sakha (Yakutia), Srednekolymsky District, Argakhtakh village, N.P. Struchkov, born in 1942.
22. *Author's field materials*, May 2023, Republic of Sakha (Yakutia), Tattinsky District, Cherkeh village, T.S. Sobakin, born in 1988.
23. Okhotnich'i rasskazy [Hunting stories]. *Bayanay: nauchno-populiarniy zhurnal okhotnikov i rybolovov – Baynai: popular science magazine of hunters and fishermen*, 2016, no. 6 (74), pp. 22–25 (in Russian).
24. Okhotnich'i rasskazy [Hunting stories] / *Bayanay: nauchno-populiarniy zhurnal okhotnikov i rybolovov – Baynai: popular science magazine of hunters and fishermen*, 2016, no. 12 (80), pp. 30–33 (in Russian).
25. Okhotnich'i bayki [Hunting tales] / *EXO-YKT*. URL: <https://www.exo-ykt.ru/articles/okhotnichi-bayki> (accessed: 30.06.2024).
26. Otvazhnyy Bulchut [Brave Bulchut] / *EXO-YKT*. URL: <https://www.exo-ykt.ru/articles/otvazhnyy-bulchut> (accessed: 30.06.2024).
27. Mikhailov D. *Strashnye istorii Yakutii* [Scary stories of Yakutia]. Vol. 1. Yakutsk, 2017. 60 p. (in Russian).
28. *Strashnye istorii Yakutii* [Scary stories of Yakutia]. URL: https://vk.com/sakha_horror?w=wall-60308515_312 (accessed: 30.06.2024). (In Russian).
29. *Strashnye istorii Yakutii* [Scary stories of Yakutia] URL: https://vk.com/sakha_horror?w=wall-60308515_507 (accessed: 30.06.2024) (in Russian).
30. *Strashnye istorii Yakutii* [Scary stories of Yakutia]. URL: https://vk.com/sakha_horror?w=wall-60308515_871 (accessed: 30.06.2024) (in Russian).
31. Dundes A. Texture, Text, and Context of the Folklore Text vs. Indexing. *Journal of Folklore Research*, 1997, no. 3, pp. 221–225.
32. Dundes A. *Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz: Sbornik statey* [Folklore: semiotics and/or psychoanalysis: Collection of articles]. Translated from English by A.S. Arkhipova. Moscow, Oriental Literature Publ., 2003. 279 p. (in Russian).
33. Arkhipova A., Kirziuk A. *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR]. Moscow, New Literary Review Publ., 2021. 532 p. (in Russian).
34. *Scientific archive of the Institute of Anthropology and Ethnology of the Russian Academy of Sciences*. Fund. 11. Inventory. 1. File. 51. List. 1–5.
35. *Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 16 March 1957 № 300 "On measures for the further development of the economy and culture of the peoples of the North"* / Electronic fund of legal and regulatory-technical documents URL: <https://docs.cntd.ru/document/765714380> (accessed: 05.06.2024) (in Russian).
36. *Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 26 October 1957 № 1177 "On measures to improve the use of pine plantations, the development of fisheries and increase the procurement of pine nuts, furs, hog game and wild berries in the taiga regions of Siberia, the Far East and the North of the European part of the RSFSR"* / Electronic Library of Historical Documents. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/372721-o-merah-po-uluchsheniyu-ispolzovaniya-kedrovyyh-nasazhdeniy-razvitiyu-promyslov-i-uvelicheniyu-zagotovok-kedrovyyh-orehov-pushniny-borovoy-dichi-i-dikorastuschih-yagod-v-taehnyh-rayonah-sibiri-dalnego-vostoka-i-severa-evropeyskoy-chasti-rsfr-postanovlenie> (accessed: 05.06.2024) (in Russian).
37. Gogolev A.I., Fedorova A.R. Sovremennaya yakutskaya strashnaya istoriya kak zhanr gorodskogo postfol'klora [Modern Yakut scary story as a genre of urban postfolklore]. *Chelovek i kul'tura – Man and Culture*, 2022, no. 2, pp. 38–45 (in Russian).
38. Loiter S.M., Neelov E.M. *Sovremenniy shkol'niy fol'klor* [Modern school folklore]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1995. pp. 10 (in Russian).
39. Pekarskiy E.K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 1280 p. (in Russian).

40. Bravina R.I., Popov V.V. Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' yakutov: pamyatniki i traditsii (XV–XIX vv.) [Yakut funeral and memorial rituals: monuments and traditions (15–19 centuries)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008. 294 p. (in Russian).
41. Gurvich I.S. *Tainstvenniy chuchuna (istoriia odnogo etnograficheskogo poiska)* [Mysterious Chuchuna (History of one ethnographic search)]. Moscow, Mysl Publ., 1975. 96 p. (in Russian).
42. Avtomonova N.S. *Mif: khaos i logos / Zabluzhdaushchiysya razum?* [Myth: chaos and logos / Deluded mind? Diversity of non-scientific knowledge]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. Pp 30–57 (in Russian).

Fedorov Svyatoslav Igorevich.

Junior Researcher, Senior Lecturer.

**Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.**

Petrovskogo str., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

**Department of World, Russian History, Ethnology and Archaeology,
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.**

Belinskogo str., 58, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: fedorov.si@mail.ru

Fedorova Aitalina Rodionovna.

Junior Researcher.

**Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.**

Petrovskogo str., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: aytap@mail.ru

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

УДК 81-11; 001.32; 06.091.5

А.Г. Богданова, А.А. Ким

А.П. ДУЛЬЗОН – ЛИЧНОСТЬ, УЧЕНЫЙ, НАСТАВНИК: К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В статье рассматривается многогранное научное наследие Андрея Петровича Дульзона (1900–1973), доктора филологических наук, профессора, выдающегося российского лингвиста, этнографа и археолога, основателя Томской школы полевой лингвистики. Анализируется его вклад в изучение истории, языков и культур народов Сибири, с особым акцентом на взаимосвязи между лингвистическими, археологическими и этнографическими данными. Подчеркивается значение его экспедиционной деятельности, созданной им научной школы и уникального архивного фонда для современных научных исследований.

Ключевые слова: *А.П. Дульзон, лингвистика, археология, этнография, народы Сибири, полевые исследования, научная школа, междисциплинарный подход*

*Радость исследователя, по-моему, в том, чтобы
суметь положить собственный кирпичик в пирамиду познания!*
А.П. Дульзон

Личность Андрея Петровича Дульзона занимает особое место в истории российской науки. Он являлся не просто узким специалистом, а ученым широкого профиля, обладавшим глубокими знаниями в области лингвистики, этнографии и археологии. Его работы внесли неоценимый вклад в изучение истории, языков и культур народов Сибири, а основанная им Томская школа полевой лингвистики продолжает успешно развиваться и в настоящее время. Вклад А.П. Дульзона в изучение народов Сибири уникален благодаря комплексному подходу, объединяющему три, на первый взгляд, отдельные дисциплины: лингвистику, археологию и этнографию. Этот междисциплинарный подход позволил ему получить более глубокое и многогранное понимание прошлого и настоящего народов Сибири.

Андрей Петрович Дульзон (1900–1973) – доктор филологических наук, профессор, выдающийся лингвист, этнограф и археолог, основатель Томской школы полевой лингвистики, лауреат Государственной премии СССР. А.П. Дульзон родился 27 января (9 февраля) 1900 г. в немецком селе Прайс (ныне – село Краснополье Саратовской области), окончил Саратовский университет, учился в аспирантуре при Московском научно-исследовательском институте языкознания, успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации, основной тематикой которых явилось исследование диалектов немцев Поволжья [1, с. 9–57].

Коллеги высоко оценили научную работу А.П. Дульзона. Они отметили, что его диссертационное исследование особенно ценно тем, что в нем широко используются полевые и архивные материалы, что позволило более точно установить закономерности процесса смешения диалектов.

Работы А.П. Дульзона в области диалектологии, и в частности его докторская диссертация, выдвинули его в число ведущих советских германистов не только благодаря новизне материала, но и благодаря оригинальности и самостоятельности его теоретического подхода.

Профессиональная деятельность А.П. Дульзона в Томске началась в 1941 г. После депортации в Сибирь в качестве этнического немца он поступил на кафедру немецкого языка и общего языкознания Томского педагогического института в качестве профессора, а в начале следующего года был назначен заведующим этой кафедрой. Томск стал для Дульзона не только местом вынужденного пребывания, но и новой отправной точкой для научной деятельности.

Именно здесь, вдали от привычного региона, раскрылся его интерес к коренным народам Сибири и их исчезающим языкам и культурам.

Более 30 лет своей жизни Андрей Петрович посвятил изучению происхождения аборигенных сибирских народов, их языков и культур. Он был не кабинетным ученым, а исследователем-практиком, организатором и вдохновителем многочисленных экспедиций. Он сумел организовать и провести вместе со своими учениками более 80 экспедиций по Сибирскому региону, собрал материал по диалектам чулымского, селькупского, кетского языков, руководил сбором материала по другим языкам народов Сибири и Крайнего Севера. За монографию «Кетский язык» в 1971 г. ему была присуждена Государственная премия СССР.

А.П. Дульзон первым применил междисциплинарный подход к изучению разносистемных языков (археология – этнография – лингвистика); разработал комплексную программу исследования языков и культур народов Сибири (принята в 1946 г.); начал масштабную документацию языков народов Сибири, продолжающуюся до сих пор. Ученый зафиксировал данные уникальных неродственных и вариативных языков, ныне исчезающих (а в ряде случаев уже утраченных), что является одной из приоритетных задач ЮНЕСКО по сохранению языков коренных народов, в особенности в свете проводимого в 2022–2032 гг. Международного десятилетия языков коренных народов.

Междисциплинарный подход к исследованию этнолингвистических особенностей коренных народов характерен для Томской лингвистической школы по изучению исчезающих языков Сибири им. А.П. Дульзона. Вслед за учителем представители научной школы в своих исследованиях обосновывают тезис о том, что язык – это ключ к пониманию культуры. Изучение языка и культуры отдельных миноритарных этносов открывает доступ к пониманию общемировой культуры и языковой картины мира цивилизации в целом. «Я лингвист. Люблю свою науку. Данные лингвистики имеют огромное значение для общей теории о развитии человеческой культуры», – говорил А.П. Дульзон [2].

Лингвистический вклад. Лингвистика являлась основной сферой научных интересов А.П. Дульзона. Он изучал языки коренных народов Сибири, в том числе «засыпающие», то есть находящиеся на грани исчезновения. Он проводил кропотливую работу по сбору языкового материала, изучению диалектов, составлению словарей и грамматик. Его монография «Кетский язык» (1968) стала классическим трудом и внесла огромный вклад в изучение этого уникального языка. А.П. Дульзон, занимаясь изучением языков Сибири, пытался выявить их генеалогические связи, реконструировать древнейшие формы языков и определить пути миграции народов. Лингвистические данные являлись для него одним из ключевых источников информации об этногенезе народов Сибири [3, с. 17].

Археологический вклад. А.П. Дульзон активно участвовал в археологических экспедициях, а также самостоятельно организовывал археологические исследования. А.П. Дульзоном было раскопано и описано 87 погребений. Он считал, что археологические находки могут предоставить ценную информацию о материальной культуре, образе жизни и истории древних народов Сибири. А.П. Дульзон изучал поселения, курганы, могильники, петроглифы и другие археологические памятники. Он проводил раскопки, анализировал находки и пытался связать их с данными других дисциплин. Археологические данные использовались им для подтверждения или опровержения лингвистических гипотез, а также для реконструкции истории миграции и культурных контактов народов Сибири. Одной из значительных работ А.П. Дульзона, которая как бы перекидывает мост от археологии к живому языку, является «Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар» (1958) [3, с. 10]. Результаты экспедиций позволили сделать А.П. Дульзону важные заявления об этногенезе сибирских народов, восстановить образцы их материальной и духовной культуры.

Этнографический вклад. Этнография также занимала важное место в научных интересах А.П. Дульзона. Он изучал традиционную культуру, обычаи, обряды, верования и фольклор

народов Сибири. Он проводил полевые исследования, собирал этнографические материалы, фотографировал, записывал песни и сказания. Дульзон стремился зафиксировать исчезающие элементы традиционной культуры, а также понять их связь с историческим прошлым народов. Он считал, что этнографические данные могут помочь интерпретировать археологические находки, а также лучше понять лингвистические особенности языков [3, с. 15].

Междисциплинарный подход в действии. В последние годы наблюдается бурный и стремительный рост интереса к междисциплинарным исследованиям, частью которых является лингвистика. Характерно, что все эти современные направления уже давно практиковались А.П. Дульзоном. Примером успешного междисциплинарного подхода А.П. Дульзона является его работа по изучению этногенеза чулымских тюрков. Он сочетал данные лингвистики (анализ языка и диалектов), археологии (изучение древних поселений и курганов) и этнографии (изучение традиционной культуры и обычаев), чтобы реконструировать историю формирования этого народа. Его работа показала, как различные источники информации могут дополнять друг друга и приводить к более глубокому пониманию прошлого.

Научная школа и наследие. Высокая трудоспособность А.П. Дульзона и его учеников (вокруг А.П. Дульзона всегда работал большой коллектив его аспирантов, соискателей и просто энтузиастов) позволила собрать уникальный масштабный материал по сибирским языкам, который хранится в Томском государственном педагогическом университете (ТГПУ) на кафедре языков народов Сибири. Архив кафедры в настоящее время насчитывает более 200 рукописных томов, более 300 тыс. карточек по словарям, более 300 тыс. карточек по топонимам Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии, топонимические карты, аудио- и видеозаписи на цифровых и аналоговых носителях. Это бесценное наследие, которое и сегодня служит основой для новых научных исследований. К научному архиву относится также диссертационный фонд школы профессора А.П. Дульзона, содержащий 80 кандидатских и докторских диссертаций, а также тематическая библиотека, основу которой составила личная библиотека проф. А.П. Дульзона, имеющая в своем составе уникальные книги как по германистике, так и по языкам Сибири.

А.П. Дульзон создал свою уникальную научную школу, воспитав целую плеяду талантливых лингвистов, этнографов и археологов. Его ученики продолжают его дело и сегодня, проводя полевые исследования, публикуя научные работы и сохраняя языки и культуры народов Сибири. Как и было принято при жизни А.П. Дульзона, его научная школа продолжает работу в различных направлениях: по кетскому языку, селькупскому языку, восточным диалектам хантыйского языка, тюркским языкам Южной Сибири. Ученые продолжают сбор материала по всем вышеуказанным языкам, чтобы как можно более масштабно и детально зафиксировать и описать засыпающие языки Сибири, издают монографии [4], лексикографические труды [5], пособия по языку коренных народов [6]. Традиционно наиболее развитыми являются следующие направления исследований: сопоставительно-типологические исследования фонетического строя индоевропейских языков и языков аборигенов Сибири; сопоставительно-типологические исследования морфологического строя индоевропейских языков и языков аборигенов Сибири; контрастивное описание словарного корпуса индоевропейских языков и языков аборигенов Сибири; проблемы межъязыковой эквивалентности в лексической семантике; типологические и характерологические черты некоторых славянских, германских и романских языков, а также языков аборигенов Сибири.

Одним из важных критериев существования научной школы является наличие учеников и последователей. Преемственность научных традиций Дульзоновской школы выражается в том числе в деятельности студенческого научного объединения (СНО) Института иностранных языков и международного сотрудничества ТГПУ. Студенты, проявляющие склонность к научно-исследовательской деятельности, приглашаются присоединиться к деятельности СНО. У них появляется уникальная возможность познакомиться с деятельностью кафедры языков

народов Сибири, увидеть экспедиционное оборудование для записи лингвистических данных, картотеку, освоить методы обработки лингвистических данных. Основными результатами деятельности СНО являются научные публикации, достижение поставленных целей при работе в командах научных проектов, в т. ч. по грантам. Развиваются связи с другими научно-образовательными центрами России и мира, реализуются лингвистические проекты. Так, по созданию мультязычного словаря лингвистических терминов [7] были использованы выработанные в научной школе А.П. Дульзона методики работы с языковым материалом разносистемных языков при использовании современных программ обработки лингвистических данных.

Студенты из числа носителей языков коренных народов пробуют себя не только как исследователи, но и выступают в качестве информантов, производя аудио- и видеозаписи своих идиомов с использованием специального оборудования.

В честь 125-летнего юбилея со дня рождения Андрея Петровича Дульзона Томский государственный педагогический университет организует цикл мероприятий. Юбилейный год открыла работа круглого стола «А.П. Дульзон: личность, наставник, ученый», который состоялся 07.02.2025 на базе ТГПУ. Участниками мероприятия стали родственники А.П. Дульзона, исследователи исчезающих языков малочисленных этносов Сибири, этнографы, археологи Большого университета Томска (ТГПУ, НИ ТГУ, НИ ТПУ), Высшей школы экономики (НИ ВШЭ), чьи научные интересы сформировались под влиянием научных трудов А.П. Дульзона. В работе круглого стола также приняли участие ректор ТГПУ А.Н. Макаренко, преподаватели, сотрудники, а также студенты вузов г. Томска.

Участники отметили многогранность личности А.П. Дульзона, акцентировав внимание не только на его мощном исследовательском потенциале, но и на таланте как педагога и наставника.

Представители семьи Дульзон в знак признательности и в честь 125-летия со дня рождения Андрея Петровича передали в дар Томскому государственному педагогическому университету несколько экспедиционных фотографий, чтобы память об А.П. Дульзоне служила источником вдохновения для будущих поколений педагогов и ученых.

Одним из ключевых мероприятий круглого стола стало подписание двустороннего соглашения о сотрудничестве между Томским областным российско-немецким домом и Томским государственным педагогическим университетом. Одним из важных мероприятий празднования юбилея А.П. Дульзона станет совместная экспозиция, организованная на базе ТГПУ.

Серия докладов исследователей была связана с обобщением научного наследия А.П. Дульзона и описанием дальнейшего развития научных изысканий. Продолжая деятельность А.П. Дульзона, спикеры круглого стола посвятили доклады комплексному изучению миноритарных этносов Сибири и Крайнего Севера – лингвистическому, этнографическому и археологическому.

В течение всего юбилейного 2025 г. кафедра языков народов Сибири ТГПУ будет проводить уже ставшие традиционными мероприятия: «Сказки на языках народов России за чашкой чая» (где участники мероприятия читают сказки на «засыпающих» языках и диалектах, обсуждают их значение и возможности популяризации), «Малый фольклор на языках народов Сибири» (дискуссии о народном творчестве, представление загадок, поговорок, частушек, пословиц, считалок на родных языках), круглый стол ко Дню российской науки, посвященный выражению разных концептуальных понятий в материальной и духовной культуре коренных народов Сибири.

В сентябре 2025 г. состоится 31-я Международная конференция «Дульзоновские чтения», которая стала признанным научным брендом Томского государственного педагогического университета [8]. В рамках данной конференции в течение нескольких дней исследователи из России и стран ближнего и дальнего зарубежья будут обсуждать вопросы изучения и сохранения «засыпающих» языков и культур. Так как проблема происхождения аборигенов

Сибири и их языков представляет не только локальное значение, она многочисленными нитями связана с древнейшей историей народов Европы, Азии, Америки и в конечном итоге с происхождением языка вообще, круг участников конференции с каждым годом расширяется. А.П. Дульзон в свое время отмечал, что со временем изучение языков Сибири будет играть все большую роль в разрешении проблемы происхождения языка [3, с. 8]. Описание отдельных сторон того или иного языка не просто важно с точки зрения проблемы происхождения языков, но и в том, что полученные данные могут использоваться гораздо шире, т. е. при сопоставлении в типологическом и генетическом планах различных языковых семей.

Память об Андрее Петровиче Дульзоне будет увековечена открытием мемориальной доски осенью 2025 г.

Анализируя жизненный путь Андрея Петровича, можно выделить несколько ключевых аспектов его личности и деятельности. Прежде всего это его преданность своему делу, стойкость в условиях социальной и политической нестабильности, способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам без ущерба для своих моральных принципов.

Важным элементом его наследия является особое внимание к образовательному процессу, передаче знаний и ценностей будущим поколениям. Это был человек, который не просто транслировал знания, но и вдохновлял на стремление к познанию, прививал чувство ответственности за свои поступки. Несмотря на положение спецпереселенца, в первые 13 лет жизни в Томске А.П. Дульзон сумел развернуть плодотворную научную и преподавательскую деятельность в Томском педагогическом институте. Андрей Петрович был полностью погружен в науку – большую часть времени он проводил в своем кабинете, где была собрана очень солидная библиотека. Частыми гостями в его доме были представители малочисленных аборигенных народов Сибири. Для Андрея Петровича было характерно уважительное отношение к своим респондентам. Об этом свидетельствует воспоминание его сына Альфреда: «Однажды в экспедиции, в которые меня часто брал отец, я позволил себе пренебрежительно отозваться о проводнике, указав на его примитивность и отсутствие представления о самолетах. Отец пристыдил меня и объяснил, что мое высказывание свидетельствует о том, что я гораздо более примитивен, чем старик из кетского народа. Отец объяснил, что кеты знают и чувствуют свою окружающую среду настолько, насколько нам со всей нашей техникой не узнать. Про тайгу и природу эти люди знают в тысячу раз больше нас, а что касается нравственных принципов, то уровень их может быть гораздо выше, чем у любого интеллигента. Этот наглядный урок и беседа научили меня без предубеждения относиться к людям с любым цветом кожи, любой национальности, а судить о конкретном человеке только по его конкретным поступкам» [1, с. 47].

Воспитание начинается с примера – примера выдающихся личностей. Память – важный фактор формирования нравственных ориентиров и гражданской позиции будущих педагогов. Андрей Петрович был поистине уникальной личностью, сочетая в себе талант не только великого ученого, который внес неоценимый вклад в развитие лингвистики, археологии и этнографии, но и наставника, который мог увидеть талантливого молодого человека, вдохновить его и нацелить на достижение научных результатов.

Андрей Петрович – образец нравственной стойкости и непоколебимой преданности просвещению. В 1914 г. он получил открытку из Тифлиса (с Турецкого фронта) от своего отца, в которой он написал: «Я скоро, быть может, буду убит. Помни свою обязанность как хороший сын. Учись прилежно, чтобы сделаться человеком». Позже А.П. Дульзон написал на открытке: «Выполнил» [1, с. 10]. Это ярко характеризует характер Андрея Петровича.

Личность Андрея Петровича – бесценное наследие и ориентир для последующих поколений педагогов и ученых. Его работы оказали значительное влияние на изучение не только сибирских, но и евразийских языков и культур, что делает его наследие поистине всемирным.

Вклад А.П. Дульзона в лингвистику, археологию и этнографию народов Сибири трудно переоценить. Он являлся ученым-энциклопедистом, обладавшим широким кругозором и умев-

шим видеть взаимосвязи между различными областями знания. Его междисциплинарный подход позволил ему получить более глубокое и многогранное понимание прошлого и настоящего народов Сибири. Его работы остаются актуальными и сегодня, а его научная школа продолжает успешно развиваться, внося значительный вклад в изучение истории, языка и культуры этого уникального региона. Память о нем живет в его трудах, в его учениках и в тех, кто продолжает его благородное дело сохранения культурного и языкового наследия народов Сибири.

Список источников:

1. Дульзон А.А. Одна из четырех сторон жизни. Томск: Изд-во Томского университета, 2014. 255 с.
2. К 120-летию со дня рождения А.П. Дульзона // Научная библиотека ТГПУ. URL: <https://libserv.tspu.ru/lib/lib-photos.html> (дата обращения: 01.02.2025).
3. Осипова О.А. Многогранность профессора А.П. Дульзона (1900–1973). Томск: Томский государственный педагогический университет, 2011. 63 с.
4. Ковылин С.В., Норманская Ю.В. Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. М.: Альма Матер, 2022. 301 с. (Методы культуры: филология; 2; Памятники селькупской письменности XIX в., созданные святителем Макарием (Невским)).
5. Кондияков А.Ф., Лемская В.М. Чулымский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края: 2007–2021 гг. Т. 1. Томск: НИ ТГУ, 2021. 204 с.
6. Функ Д.А., Токмашев Д.М. Телеутский фольклор. Лирика: учебное пособие для учащихся 5–9 классов. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022. 120 с.
7. Иванова А.М., Краевская И.О., Лемская В.М., Фомин Э.В. Интерлингвистика хутлăхёнчи чăваш чĕлхин терминологийĕ: учебное пособие. Чебоксары: ЧувГУ им. И.Н. Ульянова, 2024. 208 с.
8. Ким А.А., Крюкова Е.А. Конференция «Дульзоновские чтения»: история и современность // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2023. Вып. 4 (42). С. 159–162.

Богданова Анна Геннадьевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: bogdanovaag@tspu.ru

Ким Александра Аркадьевна.

Доктор филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: kim@tspu.ru

Материал поступил в редакцию 15 февраля 2025 г.

Anna G. Bogdanova, Alexandra A. Kim

THE ROLE OF A.P. DULZON IN THE PRESERVATION OF THE ETHNOCULTURAL HERITAGE OF SIBERIA: ON THE 125TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH

The article examines the multifaceted scientific legacy of Andrei Petrovich Dulzon (1900–1973), Doctor of Philology, professor, outstanding linguist, ethnographer and archaeologist, founder of the Tomsk school of field linguistics. His contribution to the study of the history, languages and cultures of the peoples of Siberia is analyzed, with a special emphasis on the relationship between linguistic, archaeological and ethnographic data. The importance of his expeditionary activities, the scientific school he created and the unique archival fund for modern scientific research is emphasized.

Keywords: *A.P. Dulzon, linguistics, archeology, ethnography, peoples of Siberia, field research, scientific school, interdisciplinary approach*

References:

1. Dul'zon A.A. *Odna iz chetyrekh storon zhizni* [One of the four sides of life]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2014. 255 p. (in Russian).
2. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya A.P. Dul'zona [On the 120th anniversary of A.P. Dulzon's birth]. In: *Nauchnaya biblioteka TGPU* [Scientific Library of TSPU]. URL: <https://libserv.tspu.ru/lib/lib-photos.html> (accessed: 01.02.2025) (in Russian).
3. Osipova O.A. *Mnogogrannost' professora A.P. Dul'zona (1900–1973)* [The versatility of Professor A.P. Dulzon (1900–1973)]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2011. 63 p. (in Russian).
4. Kovylin S.V., Normanskaya Yu.V. *Kirillicheskie pamyatniki na ural'skikh i altayskikh yazykakh* [Cyrillic monuments in the Uralic and Altai languages]. Moscow: Al'ma Mater Publ., 2022. 301 p. (in Russian).
5. Kondiyakov A.F., Lemskaya V.M. *Chulymskiy yazyk d. Pasechnoe Tyukhtetskogo rayona Krasnoyarskogo kraya : 2007–2021 gg.* [Chulym Language, Pasechnoye Village, Tyukhtetsky District, Krasnoyarsk Krai: 2007–2021]. Vol. 1. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2021. 204 p. (in Russian).
6. Funk D.A., Tokmashev D.M. *Teleutskiy fol'klor. Lirika* [Teleut Folklore. Lyric poetry]. Moscow, Institut yetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN Publ., 2022. 120 p. (in Russian).
7. Ivanova A.M., Kraevskaya I.O., Lemskaya V.M., Fomin Ye.V. *Interlingvistika hutlähënchi chävash chëlhin terminologijë* [Chuvash language terminology in the context of interlinguistics]. Cheboksary, ChuvGU im. I.N. Ul'yanova Publ., 2024. 208 p. (in Chuvash).
8. Kim A.A., Kryukova E.. Konferentsiya «Dul'zonovskie chteniya»: istoriya i sovremennost' [Conference “Dulzon Readings”: history and modernity]. *Tomskiy zhurnal lingvistiki i antropologii – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2023, no. 4 (42), pp. 159–162 (in Russian).

Bogdanova Anna Gennad'evna.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Director of the Institute of Foreign Languages and International Cooperation.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: bogdanovaag@tspu.ru

Kim Alexandra Arkad'evna.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,

Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication,

Institute of Foreign Languages and International Cooperation.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kim@tspu.ru

М.А. Попов, Д.А. Функ**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ НИЖНЕЧУЛЫМСКИЕ ТЕКСТЫ В ЗАПИСИ А.П. ДУЛЬЗОНА 1948 Г.**

В обзоре публикуются десять архивных нижнечулымских текстов, собранных А.П. Дульзоном в 1948 г. во время экспедиции в д. Тургай Асиновского района Томской области. Все тексты (за исключением одного, фрагментарно изданного самим собирателем в 1966 г.) ранее не были опубликованы либо проанализированы; они приводятся с антропологическими комментариями. Подробно комментируются сюжеты о встрече героя со сверхъестественным, об «обмирании», терминология, позволяющая реконструировать представления чулымцев о «душе». Особо отмечается влияние русского языка и культуры, прослеживаемое в лексике, образности, отдельных сюжетных заимствованиях публикуемых текстов.

Ключевые слова: Дульзон А.П., нижнечулымский диалект чулымского языка, фольклорные материалы, культура чулымцев, языковые и культурные контакты

Тексты, приводимые и анализируемые в данном обзоре, были записаны А.П. Дульзоном в 1948 г. в ходе экспедиции в д. Тургай Асиновского района Томской области. Сейчас на месте Тургая – прибрежные таежные холмы, на которых еще видны несколько разрушенных домов: уже через 20 лет после экспедиций А.П. Дульзона, в конце 1960-х гг., деревня была фактически разрушена наводнением и в последующие годы постепенно опустела; жители переселились на другой берег Чулыма, в с. Ежи и Апсагачево и в соседнее с Тургаем с. Минаевка – там, в частности, в 2021 г. нами (М.П.) было записано интервью с Зоей Тегенечевой – дочерью одной из информанток А.П. Дульзона, Дарьи Тегенечевой. На момент же экспедиций А.П. Дульзона Тургай был крупной, относительно старой чулымской деревней (основанной, по словам информанта Н.П. Ербакаева, в 1850-х гг. Гавриилом Пангиным, переселившимся из д. Балагачево), практически моноэтнической; русскоязычные переселенцы селились в основном в соседней Минаевке.

Комплексные экспедиции на нижний Чулым – в Тургай, Минаевку и несколько соседних деревень – были организованы А.П. Дульзоном в рамках экспедиционного «пятилетнего плана» 1946–1951 гг., предполагавшего полноценное лингвистическое, этнографическое и археологическое обследование района. План этот, весьма амбициозный и масштабный, был успешно реализован, несмотря на множество помех, как случайных, так и вполне сознательно организованных (в архиве А.П. Дульзона (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 208) сохранилась подробная деловая и личная переписка о систематических, ежегодных – с 1946 по 1949 г. – попытках отказать ему в выдаче открытого листа на проведение экспедиции: А.П. Дульзон видел за этими отказами «злую волю» своих могущественных недоброжелателей из высших академических кругов и безуспешно пытался с нею бороться; подробное рассмотрение этого историко-бюрократического «детектива», впрочем, выходит за рамки настоящего обзора). Наиболее известна сейчас археологическая часть полученных в итоге результатов – раскопки средневекового чулымского Тургайского городища, чулымских и селькупских курганов вокруг него (проводились, в частности, Е.М. Пеняевым, В.С. Синяевым и Р.А. Ураевым). Лингвистическая часть известна куда менее – опубликованными в итоге оказались лишь несколько собранных в Тургае текстов. Этнографические же данные так и остались в архиве.

В целом полевые материалы 1948 г. крайне объемны, но при этом фрагментированы и разрозненны: это словарные списки, как общие, так и тематические (особенно часто встречаются термины родства, хозяйственная/охотничья лексика, названия трав и растений); записи отдельных предложений, сгруппированные, как правило, вокруг грамматических и/или синтаксических признаков (например, подборка предложений с использованием различных времен и лиц одного глагола); записи отдельных слов с переводом; списки возможных вопросов

к информантам; наконец, крайне интересные исторические и этнографические данные, однако зафиксированные только на русском языке, лишь с подробным анализом чулымских топо- и антропонимов.

Среди разнородного массива данных выделяются 14 более или менее крупных цельных текстов, записанных на чулымском с параллельным (полным или частичным) русским переводом. Четыре из них («Как пекут хлеб», «Удивительная яма», «Погребение в колодах», «Нападения кыргызов») были опубликованы А.П. Дульзоном в 1952 г. [1, с. 175–177] (поморфемная разметка и уточнение перевода представлены в [2, с. 139–156], частичный анализ грамматики этих текстов – в работе [3, с. 48–50]). Пятый текст («В 1941 году») был опубликован в 1966 г. [4, с. 466], лингвистический анализ сделан в публикации [5, с. 256–261]. Девять текстов, насколько нам известно, не публиковались и не анализировались.

Нами ниже публикуются десять архивных нижнечулымских текстов, собранных А.П. Дульзоном в 1948 г. Один из текстов представляет собой полную версию вышеупомянутого текста «В 1941 году». Большинство текстов содержат специфические сюжеты, ценные не только с лингвистической, но и с этнологической/антропологической точки зрения – как данные о быте, культуре, повседневной жизни, народной религиозности, фольклоре чулымцев в 1930–40-х гг. Свою задачу мы видели не столько в этнолингвистических, сколько в антропологических комментариях к публикуемым материалам, позволяющим, как нам видится, рассматривать записанные А.П. Дульзоном тексты в широком контексте культур тюркских народов Южной Сибири.

В приводимом ниже материале полужирным дан текст, записанный А.П. Дульзоном на нижнечулымском диалекте, в квадратных скобках нежирным шрифтом – его же пояснения по тексту; курсивом – подстрочник с буквальным переводом на русский язык. В первом тексте полужирным курсивом обозначен параллельный текст на среднечулымском диалекте. Материал, зачеркнутый А.П. Дульзоном, приводится в квадратных скобках с маркированием астериском: «*[...]». В тех случаях, где перевод А.П. Дульзона был фрагментарным и неполным, нами приводится полный буквальный перевод, выполненный на основе корпуса чулымских данных, размещенных в открытом доступе.

Текст 1 хранится в ГАТО (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 1, л. 97), был изначально собран С.Е. Маловым на Среднем Чулыме в 1908 г. и опубликован в [6, с. 2]. А.П. Дульзоном выполнен параллельный его перевод на нижнечулымский диалект чулымского языка.

(1) **кадзайннала' праткан јет ол ауац арзывала, мында' полуац кызыл каруац, аны једол алуац пёрсалуац кьстаруа'.**

Пер оџул ергетӓ барыбџан агац арасы барган; кызылџат бар, аны ол џл пергӓн кыстарџа,

Когда-то прежде шел юноша по лесу, (тут) была красная смородина, ее этот юноша взял и отдал девушкам.

(2) **Пир гыс арӓ айткан: ѓзенӓ мензӓ пӓруџум (пергӓм) каруац удзун.**

кыс ара айткан: џл! сӓ кызылџат ѓцӓн нӓн берӓккӓм?

(А одна) девушка ему сказала: юноша! что я тебе дам за смородину?

(3) **Ол удур айткан: пиргӓ јӓткӓрӓк.**

Ол џл айткан: кыс! сен мӓ кот бер, тен.

Тот юноша в ответ сказал: дай мне насладиться тобой.

(4) **кьс айткан: сӓн ол мӓни кӓлwel, сӓн мӓни алзац аргӓ, анда' јадӓрwис пиргӓ'[вместе].**

Кыс ара айткан: сен менӓ оџул кӓлbeџil, а јесli аллук болсац, мен анда кот сӓ береimӓн.

Девушка ответила ему: юноша, ты со мной не шути, а если возьмешь меня замуж, то я согласна на твое предложение.

(5) [Взят русский текст С.Е. Малова]

Текст 2 хранится в ГАТО (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 1, л. 101–101об), опубликован в [4, с. 466] с сокращениями. Ниже подчеркнуты те части, которые есть только в полной версии в полевых тетрадах.

(1) **кырык пер' жылда' мән аұымбала' кәрндәжымбала' жөрәным тайуа' жазлап адаруа' тн.**

В 1941 г. я с отцом и своим товарищем пошел на охоту в тайгу – стрелять белок.

(2) **уудүн пәрвергәвыс өртә түштүн** [с обеда].

Из дому мы отправились после обеда.

(3) **Цөмге' једиң тарткәвыс тәмкү.**

Дойдя до Чулыма, мы покурили.

(4) **Андын јеткәвис камуштуу' јайка'.**

Потом мы дошли до камышового болота...

(5) **От койзүп кайнаткәвыс цай.**

...Разожгли костер и вскипятили чай.

(6) **Цай идзивап пәрвәргәвис илгәрә.**

Выпив чай, мы отправились дальше.

(7) **Кеңваруа'выс** [перешли] **ца'лбакты'** [Челбак] **тайуа' жауа'зынга' једиң** [до края тайги дойдя] **конуа'выс.**

Мы перешли челбак [и,] дойдя до края леса, переночевали.

(8) **Игиндзигүндә пәрвергәвыс әртән тайуавала' илгәрә** [дальше].

На следующий день мы пораньше отправились в тайгу.

(9) **Прәткәвыс тоуашкан тнң пизәны истәп** [выследили] **аткәвыс.**

Увидев белку, мы выследили ее и застрелили.

(10) **Илгәрә' прәткәвыс тоуашпаруан** [попал след] **үсјөлу.**

Пошли дальше, встретился след рыси...

(11) **Пис аны сүргәвис** [гоняли] **инир болгөнза'** [до вечера] **үстү једелвәни'вис келижиң** **паруан** [пришлось] **конаруа.**

...Мы гоняли ее до вечера, но догнать не смогли, пришлось переночевать.

(12) **Үдзүндү кунда' пәрвәргәвыс әртән илгәрә.**

На третий день, утром, мы отправились дальше.

(13) **Орнунга'** [до места] **једиң улуу цортанныуа'** [оз. Чертаны] **токтәнывыс** [остановились] **өзүвүскә' эткә'вис одау** [балаган] **темнәни'вис** [наготовили] **өдун пер једунгә** [на одну неделю].

Когда мы дошли до места, до оз. Б. Чертаны, мы остановились, соорудили себе балаган, наготовили дров на неделю.

(14) **көнуп пәрвәргә'вис јазлап үң јара'** [на три стороны] **мән пәрвәргам куң** **цәү'жынга'** [восток].

Переночевав, мы отправились на промысел в трех направлениях: я пошел на восток [где солнце восходит],

(15) **аұым пәрвәргән күн коңнужунга** [запад], **кәрндәжым пәрвәргән отра' түн (дүн) јанга'** [север].

мой отец – на запад [где солнце садится], а мой товарищ – на север [на сторону середины ночи].

(16) **јәрәм күнјаны** [полдень] **јәткәлуан** [осталось].

Полдень остался [букв. Половина стороны неба/солнца осталась].

(17) **Мән өтйгәм онбеш тнң, пир камноң, үң кланоң, андын инергәй** [под вечер] **тоуашпаруан** [наткнулся] **мә ајыу кыштыуы.**

Я убил пятнадцать белок, одну выдру, трех колонков. Потом под вечер я увидел берлогу медведя.

(18) **Пизāны́ ўдзўвўс** [втроем] **кыштаўда** [в берлоге] **өтигāви́с.**

Мы убили медведя в берлоге

(19) **Апцыу́ып сойўāвыс** [вытащили ободрали].

и, вытащив его, содрали шкуру.

(20) **Парјōуу** [всего] **јāзьлāнывыс јāрым** [1/2] **ай; өтигāви́с толайзы** [всего] **иги́ јўс элиу тйң, пир камнōц, иги́ ўс, иги́ кунну́, пир пула́н пир āјыу.**

*Мы охотились [*не отрываясь] полмесяца. Всего убили 250 белок, одну выдру, две рыси, две росوماхи, одного лося и одного медведя.*

(21) **Уўā ўāп (кēп) здава́т эткāви́с өс си́п пушни́нывыска́.**

Придя домой, сдали все на нашу пушнину.

(22) **āлыдывы́с туруāн** [вытянули] **пир мы́н јўс јāдо́нбāш āwāцкā́.**

Наши звери стояли [букв. стали] 1175 р.

(23) **Āјыуы́выс тартка́н өни́ги́ пут саткāвыс акца́, туруāн тоу́с јўс кърыкпāш āwāцкā́** [за деньги].

Наш медведь вытянул 12 пудов, продали за деньги, стало 945 рублей.

(24) **Алуāвыс пайда́к аш и пайда́к тавар́, өдү́к и јамы́у и права́нт анды́н āлуāвыс ўц таш арүа́ пиз āны ицкāви́с кēвергāви́с өзү́рүгунү́ ўдзўвўста́ колту́клашса́п ырлашканјāна келгāви́с ууā́.**

Мы взяли много еды и много товара, обувь и кожи и провианта, потом взяли три бутылки водки, мы ее выпили, пришли на другой день втроем, взявшись за подмышки, пели песни, назад пришли домой.

Текст 2 практически полностью опубликован самим А.П. Дульзоном [4]; однако между записью и публикацией мы выявили одно курьезное различие. Опубликованная версия обрывается на фразе (22), говорящей о стоимости добытых животных при сдаче пушнины, и текст, рассказывающий об охоте, таким образом выглядит вполне завершенным. Однако в записи, как мы видим выше, присутствуют еще два завершающих предложения, не вошедших в публикацию, очевидно, по причине несоответствия нравам эпохи: живое и яркое описание охотников, бурно отпраздновавших свою удачу и возвращающихся домой с песнями, еле стоя на ногах («держась за подмышки»), явно не слишком укладывалось в нормативные представления о жизни передовой советской деревни. Отметим также любопытное и не встречавшееся ранее в других источниках обозначение полуденного времени: *јāрьм кўнјāны* ‘букв. половина стороны солнца/дня’.

Текст 3 хранится в ГАТО (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 41, л. 147–147об).

(1) **тā (те) једи́ндā мā келгāн тāны́ш-кижим.**

На той неделе ко мне пришел мой знакомый.

(2) **Ол мā јакла́пјаткан цāндā кāна́ ол јурта́пұа, мēң āпци́м кайнатка́н ўрā.**

Пока он мне рассказывал, как он живет, моя жена варила уху.

(3) **Кадзе́н пы́шваруāн урā́ пис өтиуāвыс стōлāргāзинга́ јēни́вис ўрā́.**

Когда кушание было готово, мы сели за стол и покушали.

(4) **Аш јепјаткан цāндā мāн јакла́псалұам, өс тāны́ш кижимгā́ кāна́ јурта́пұам.**

Пока мы ели, я рассказал своему знакомому, как я живу.

(5) **Мāн āрā́ јакла́псалұам, өс јāзьлāжы́м и пāлыклāжы́м тоуāшпарұам ауадзāрāзында́ āјиуā́. Мēң ауац арāзында́ мылтыуы́м окла́лұаткан окшу́увак тро́пала́, мāн āны́ атвāдым.**

Я ему рассказал про свою охоту и рыбную ловлю и что я осенью в лесу наткнулся на медведя; однако у меня ружье было заряжено мелкой дробью, так что я не решился стрелять.

(6) **Ајыу́ мēни́ кōрүвēри́п морла́псалвēри́п парсāлы́вуāн.**

Медведь, меня увидев, зарычал, повернулся и ушел.

(7) Мёң таныш кижим айткан оларның јөрүдiң үң ајыу јаста иги једун (једон) цёни (дзёни) јепүдiң аш; оларны саклапјадиләр ижёнвогилар [надеются] тудувәригә.

Мой знакомый сказал, что у них три медведя вот уж недели две ходят на поля и съедают хлеб; их подкарауливают и надеются поймать.

(8) Мёң таныш кижим јаклән јайүада өзү өтигән пälä'ајыуаң.

Сам он летом убил медвежонка.

(9) Кадзең келзең ол айткан мензә коргезерим јамыуыны.

Когда ты придешь, сказал он, я тебе покажу шкуру.

(10) Мән аны садаруа поларом којарвөпгьрум өзүмгә.

Я ее не хочу продать, хочу оставить себе.

(11) Пара мең таныш кижим айткан:

Уходя мой знакомый сказал:

(12) Сән кälзäң мёң алымүа, конүо́хом мändä; јуртызың кош пир једун; мән јуртапүа́м јакшы азьри́м и идзиргә́рим.

Если ты придешь в мою деревню, ты будешь ночевать у меня; ты можешь у меня жить хоть несколько дней; я живу в достатке, тебе дам покушать и попить.

Текст 4 хранится в ГАТО (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 41, л. 149об–150).

(1) кыш сувак полваза пискә, одун јеткөк; кыш сувак поза, пискә одун јетвөк.

Если зима будет не холодная, нам дров хватит; если будет крепкий мороз, нам дров не хватит.

(2) Анда пис јёксаларвыс јылүг, парейвыс, аүадзарашыңга, кезәрвис одун, сән әккälärвис ууә.

Тогда мы запрежем лошадь, поедem в лес, нарубим дров, наложим и повезем домой.

(3) Аүаң пистиг тыгудзак әүрәттә [как в огороде] окшок.

Лес у нас близко, все равно как во дворе.

(4) Цынап, куруу одун јакшы коједі, кәјың и каруей коједі јакшы кош јашта поза.

Правда, сухие дрова хорошо горят, но береза и сосна горит хорошо, даже если она и сыра.

Текст 5 хранится в ГАТО (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 42, л. 56об–60).

(1) мән полүам јет полүан мә јөрвә јаш.

Я был молодым, было мне 20 лет.

(2) *[Мёң полүан пир аруыш пис аныңвалә].

У меня был один друг, мы с ним.

(3) Мән аруыжимвалә пиррас јөрәнивис түннә әлүә.

Мы с моим другом один раз пошли ночью в деревню.

(4) келгам әлдын ууә үң часта, өтиүам стöl арүазыңга, аш јиүә.

Я пришел из деревни домой в 3 часа, сел за стол, еду есть.

(5) Аш јевгам полүан ештивоца́м [только начал кушать, слышу] кимälä *[түннә] пискә тикидәп киркälд [стуча заходит].

Только начал есть, слышу, кто-то к нам, стуча, заходит.

(6) Киркелгеннәр (Киргелгеннәр) иги пијок кизи, игизидә терелтиргәннәр – подоло-Ка [Зашли два высоких человека, оба доставали (упирались) о потолок].

Зашли два высоких человека, оба доставали (упирались) до потолка.

(7) Мензәуыңга́м [я дума...] кижиләр.

Я думал – люди.

(8) *[олар кижиләр әмәс полүаннәр емжәди, а полүаннар јәктәр емжәди 'они оказывается были не люди, а были черти'].

Они не люди были, оказывается, а были черти, оказывается.

(9) андын **јакшыла көрзәм** [хорошенько посмотрел]

Оттуда (потом) я хорошенько если посмотрел

(10) **ајактарыңга** [на ноги] **пирөзүнүн** [у одного] **јылұы** **цаләуы**, **игиндзизиниң инәк цаләуы**.

на их ноги, у одного лошадиные копыта, у другого – коровьи копыта.

(11) **Мән корууңпаруам** [испугался], **цәбләм көлүмдүн ашпаруан**.

Я испугался, моя ложка из моей руки упала.

(12) **каран әуым уклаңјаткан полуан** [спал] **пәштәуендә (пәштеуендә)** [ср.: стр. 94; на печи].

? мой отец спал (уснувшим был) на печи.

(13) **кәналә ештәвәргән** [Как-то услышал] **түйшкелгән пәштеуендин аларуа айткан** [слез с печки им сказал]: **оулар** [ребятки] **парактар** [пойдемте], **мәң оулум с'ләргә корууңтур** [мой сын вас боится].

Когда услышал, слез с печи, им сказал: ребята, уходите, мой сын вас боится.

(14) **Сөндә ол тоннаңып оларныңвала пиргә парсәлывуан**

Потом он, одевшись, с ними вместе вышел

(15) **таштын**.

на улицу.

(16) **полуан үр**.

Был далеко.

(17) **Сөндә келгән**.

Потом пришел.

(18) **Мән әрә суруам: олар, ауай** [ауай – обращение: отец], **кимей полуаннар ол мә айткан:**

Я его спросил: отец, кто были, он мне рассказал:

(19) ***[сән палам аңнартурк түннә әлүә јөрвел, а то олар сәни тудуң аппәруктар, олар кижиләр әмес, олар јәктәр]**.

Ты, мой сын, туда ночью в деревню не ходи, а то они тебя, схватив, унесут, они не люди, они черти.

(20) **олар кижиләр әмес, олар јәктәр, түннә и орта дүннә јөрјидиләр јәктәр**.

Они не люди, они черти, ночью и среди ночи (в середину ночи) ходят черти.

(21) **Сән аңартурк, палам, туңнә әлүә јөрвел, а то сени тудуң аппәруктар**.

Ты туда, мой сын, ночью в деревню не ходи, а то тебя, схватив, унесут.

(22) **мәндә пәртим** [и я, оказывается, пошел].

И я, оказывается, пошел.

(23) **кедзә пис төрт кижі куләттәньвәс ивәнда** [у Ивана].

Вчера мы 4 человека гуляли у Ивана.

(24) **Сөндә иңир попаруан мәң езим кириң цыуың јөрвиңти** [местами входил в память, изредка был без чувств].

Потом вечер настал. Я местами входил в память, изредка был без чувств.

(25) **Мәң оуларым пәрывуаннар окшу түлвүткә** [мои ребята пошли как вроде бы в Минаевку].

Мои ребята пошли как вроде бы в Минаевку.

(26) **Мәндә оларныңвала пәрыптим** [и я оказывается с ними ушел; **окшу** – как-будто].

И я, оказывается, с ними ушел.

(27) **анда цәдзышкәвәс** [подрались] **әмиш** [әмиш – так], **ешмени пәрпром** [ничего не знаю].

Там мы, оказывается, подрались, ничего не знаю.

(28) **анда әжып уклаңпартим** [свалился уснул сам не знаю].

Там я, свалившись, уснул (оказывается).

(29) **ојантырзәм, уклапјәм уӯдә әмәс** [просыпаюсь сплю не дома] – **јөрвәс јеримдә** [в нехоженном месте; где не хаживал (и не нужно было)] – **анда јөрхәм әмиш** [там ходил, оказывается].

Когда проснулся, сплю не дома – в нехоженном месте – там я ходил, оказывается.

Текст 5 – один из самых любопытных в фольклористическом плане среди всех представленных, фактически включает два текста. Условно их можно обозначить как 5.1 (строки 1–21) и 5.2 (строки 22–29). Будучи записаны вместе и от одного информанта, в самом дневнике они при этом разделены несколькими маргиналиями, представляющими собой, судя по всему, запись А.П. Дульзоном «для себя» потенциальных вопросов к информанту о терминах родства; при этом текст 5.2, продолжающийся после этих нескольких строк маргиналий, сюжетно напрямую не связан с текстом 5.1, и спустя почти 80 лет мы, расшифровывая дневник, можем лишь догадываться: продолжал ли информант этим рассказом предыдущий, или же запись двух этих текстов разделяло некоторое время, или же вовсе записи были сделаны в разные дни и в ходе отдельных бесед; однако в силу отсутствия очевидной и прямой сюжетной связи логичнее, как нам кажется, рассматривать их как два отдельных текста, хотя и рассказанных А.П. Дульзону одним и тем же информантом в более или менее близких речевых ситуациях.

Текст 5.1 представляет собой, по сути, классическую быличку, рассказ о встрече со сверхъестественным, с не человеческими обитателями окружающего мира. Интересен он и специфическими фольклорными универсалиями, и широкими южносибирскими параллелями, связывающими его, например, с контекстом низшей демонологии хакасов и шорцев, но при этом с некоторыми различиями, а также тем, что этот текст в одной и той же среде (от однофамильца и односельчанина Г.А. Мамонтова, К.П. Мамонтова, жителя д. Тургай) был записан дважды с разницей в 30 лет.

Быличка, аналогичная тексту 5.1, была записана в Минаевке от К.П. Мамонтова группой М.С. Усмановой в 1977 г.; запись хранится в Музее археологии и этнографии Сибири (МАЭС) им. В.М. Флоринского Томского государственного университета в составе фонда экспедиционных дневников (см.: МАЭС. Ф. 676, д. 7, л. 12об–13). Несмотря на 30 лет, прошедших между записями, тексты в сюжетном плане не отличаются практически ничем, кроме одного важного эпизода: если в варианте, записанном А.П. Дульзоном, рассказчика спасает отец, договорившийся с незванными пришельцами и выведший их из дома, то в варианте М.С. Усмановой отец ничего не делает, «два высоких человека» уходят сами, обнаружив, что не способны добраться до главного героя (=Г.А. Мамонтова) и навредить ему, поскольку тот сидит в глубине помещения и от входа его отделяет балка-матица.

Примечательно также, заметим, что в тексте М.С. Усмановой, записанном на русском языке, приводится оригинальное название «высоких людей»: *узънарък*; с поправкой на превратности полевой записи оно может быть нормализовано как **узун арык*, либо как **узун арыг*. Первая часть имени этих персонажей переводится с нижнечулымского как ‘длинный’ [2, с. 140]. Интерпретация же второй части – при наличии вариантов перевода ‘кал’, ‘крупный’ и, возможно, ‘мягкий’ (нижнечулымско-тюркско-русский карточный словарь А.П. Дульзона) или же в случае *арыг* ‘чистый’ – должна исходить, на наш взгляд, из контекста всего повествования и рисуемого в нем образа «высоких людей». Именно поэтому мы предлагаем видеть в нем ‘худой, тощий’, как это зафиксировано для слова *арых/арық* в хакасском и шорском языках. Иными словами, *узун-арык* в чулымском фольклоре – это, скорее всего (если ориентироваться на буквальные смыслы обеих частей имени), ‘*долговязые-тощие’, что вполне соответствует описанию внешности этих духов у Г.А. Мамонтова.

И все же позволим себе еще один комментарий: поскольку речь в названных текстах шла о персонажах потустороннего мира, то буквальное толкование их имени (к тому же с поправкой на очевидную неточность полевой записи М.С. Усмановой) нельзя признать ни оптималь-

ным, ни уж точно единственно возможным. Обратим внимание на встречающиеся в шорском героическом эпосе (см. шорские эпосы «Қан-Оолақ» https://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?lang_code=cjs&id=23 и «Көк-Торчук» https://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?lang_code=cjs&id=2 в Корпусах ИЭА РАН) имя дочери хана умерших/покойников – *үзүт қызы Ызен-Арыг* ‘дочь узюта Последыш/Оторвавшаяся-Чистая’ и на собственно название земли, в которой обитают и сам хозяин покойников *Ўзүт-Қан*, и покойники/души умерших *үзүт* (мн. ч. *үзүттер*), – *Ўзүт-Қанның чер* ‘Земля Узют-Хана’, или, в некоторых текстах, *Ўчүн-Арыг чер* ‘Причина(?)–Чистая земля’. Вполне возможно, что в случае с *узун-арык* фольклора чулымцев мы имеем дело с отголосками представлений саяно-алтайских тюрков о подземном мире и его обитателях.

Весь текст, в сущности, находит себе вполне предметные и явные южносибирские параллели. Духи в облике высоких людей с коровьими и/или лошадиными ногами (иногда также иными зооморфными признаками – рожками, хвостами) хорошо известны в первую очередь в хакасском фольклоре: это *мусмал*, также известный как *інек-азах* ‘коровья нога, коровоногий’. *Мусмалы* схожи с таинственными «высокими людьми» из былички Г.А. Мамонтова: они живут в тайге, появляясь в человеческих селениях ночью (ср. в тексте 5: *олаṙ кижүлṙ әмәс, олаṙ јәктṙ, түннṙ и ортаṙ дүннṙ јөрүдилṙ јәктṙ* ‘они не люди, они черти, ночью и среди ночи [в середину ночи] ходят черти’); опознать их можно преимущественно по коровьим ногам; они похищают людей, ср. в тексте: *Сән аһартук, палам, туннṙ аһуṙ јөрвәл, а то сени тудуһ аһаһруктар* ‘Ты туда, мой сын, ночью в деревню не ходи, а то тебя, схватив, унесут’ и (момент, отсутствующий в быличке Г.А. Мамонтова, но подробно освещенный в хакасских текстах) поедают их, особо высоко ценя печень и легкие [7, с. 95–97].

Загадочным выглядит лишь момент, завершающий рассказ Г.А. Мамонтова в рассматриваемой нами здесь версии: его отец, проснувшись, запросто и по-дружески уговаривает «высоких людей» выйти, сам выходит с ними и впоследствии возвращается как ни в чем не бывало – поведение, аналогию которому сложно найти в хакасских быличках о *мусмалах* (те, как правило, описываются как кровожадные твари, встреча с которыми наедине заканчивается для человека смертью, если тот, конечно, не сумеет перехитрить людоеда и сбежать). Запись 1977 г. из МАЭС менее противоречива в этом плане, как уже говорилось выше, в ней *узун-арык* не могут пройти в дом (и, вероятно, навредить рассказчику), поскольку тот сидит в глубине помещения и их, судя по всему, разделяет балка-матица, наделявшаяся у чулымцев, как и в целом у южносибирских тюрков, крайне значимым статусом: она рассматривалась как «основа» дома. У хакасов под матицу при строительстве дома закладывались жертвенные деньги, а на нее вешали семейные обереги [8, с. 318]; телеуты при дальних переездах даже могли увозить «счастливую» матицу с собой и использовать ее при возведении нового дома [9, с. 132]; у чулымцев на матицу вешали семейный охотничий талисман – шкурку колонка (МАЭС. Ф. 872, д. 2, л. 70). Как и в случае многих других «сырых» экспедиционных текстов, записанных много лет назад в полевых условиях, мы оказываемся не в состоянии ответить на вопрос, имеем ли мы дело с какой-то случайностью в рамках конкретной речевой ситуации – оговоркой, шуткой, скрытностью информанта – или же корово- и лошадеподобие *узун-арык* и впрямь считались в чулымском фольклоре более добродушными и договороспособными, чем их кровожадные степные собратья.

Текст 5.2 несколько проще, он представляет собой бытовой рассказ о попойке и последующей неудачной дороге по лесу, где рассказчик «местами входил в память, изредка был без чувств» и в итоге, проснувшись, обнаружил себя в лесу, «в нехоженном месте» (*jörwäs jërimdä*). В этой сугубо бытовой истории внимание привлекает лишь ремарка А.П. Дульзона – перевод им оборота «*jörwäs jërimdä*» как «в нехоженном месте; где не хаживал (и не нужно было)». Именно это заставляет задуматься, не идет ли здесь речь не просто о некоей непролазной глуши, но о некоем символически значимом, «священном/нехорошем месте».

Текст 6 хранится в ГАТО (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 42, л. 85об–86).

(1) **кудайуа'уцваруан тушазы** [его душа в рай пошла].

К Богу улетела его душа.

(2) **төгүттә'кайнапјә** [грешный на смоле горит].

В смоле (дегте?) горит.

(3) **ол јазуклуу болуан, тилиндзә'үскәрә'асхан** [грешный был на язык повешен].

Он был грешный, был на язык повешен.

(4) **кувас јәрда јөртхә** [в красивом месте ходить будут].

В красивом месте ходит (ходят/ходить будут).

(5) ***[коуд] кōдууа'пир оцка'ōлпаруан.**

В кадку один старик умер

(6) **Ол сōнда тирлиппаруан.**

Он потом ожил.

(7) **ол оцка'айткан төүүтта'кайнапјә јазуклуу киж.**

Тот старик сказал, что в смоле (?дегте) горит грешный человек.

(8) **кайзи'кижини тилиндзә асхан јазуклу кижини.**

Некоторого человека повесили за язык, грешного человека.

(9) **пир тилиндзи киж киргән, пир еней еней (енек) кезек картопка'пирүан ол енек
өзү өлпаруан аның еше јоул.**

Один (?за языком) человек вошел, одна женщина (?резать) картошку дала, та женщина сама умерла, ей ничего не было.

(10) ***[јокне соз]**

(11) **јазуу'јок кижиләр кувас јәрда'јөрхә.**

Безгрешные люди в красивом месте ходят.

(12) **От алјайпхә** [трава цветет]

Трава цветет.

(13) **мән јахшы нөзәни еткам** [я хорошее сделал]

Я хорошее что-то сделал.

Текст 6 представляет собой запись фольклорного текста в классическом (в первую очередь для фольклора восточных славян) жанре «мытарства» либо «обмирания» (фольклорный термин, введенный в [10] и далее использованный в [11, с. 11–12]). Вся структура текста здесь в целом соответствует классическому сюжету «обмирания», описанному С.М. Толстой [10], – очевидные параллели и переплетения с иными видами текстов о загробной жизни (духовными стихами, житиями); трехчастная структура (экспозиция – описание загробных мытарств – завершение), правда, экспозиция и завершение в пересказе срослись воедино; описание загробной судьбы покойных «из первых рук», символическое совпадение предназначенных им загробных кар и воздаяний с тем, как они грешили при жизни.

В предложении *кōдууа'пир оцка'ōлпаруан* первое слово, вероятно, от рус. *кадка*, *колода* (обозначение гроба именно как «колоды», от метода его изготовления, часто встречается в русскоязычных сибирских записях XIX – начала XX в.), тогда перевод обозначим как 'букв. в кадку один старик умер'. Очевидно, текст выступает здесь с типичным для «обмираний» описанием летаргического эпизода; следующее сразу за ним *ол сōнда тирлиппаруан* 'он потом ожил' – не менее типичное описание выхода из летаргии или длительного обморока, после которого, по законам жанра, вернувшийся с того света очевидец должен рассказать окружающим о том, что именно он видел. В чулымской версии, как мы видим, структура экспозиции и завершения закольцовывается, сходится воедино. Основная же часть, повествующая о самих видениях загробной жизни, всецело совпадает, вплоть до прямых текстуальных схождений, там, где источником вдохновения и для чулымцев, и для жителей Полесья явно выступала житийная литература с описанными текстами обмираний: эпизодические, краткие картины отдельных

сцен мучений или блаженств; грешники варятся в кипящей смоле или (очевидно, в случае греха злословия или суесловия) подвешены на крюк за язык; люди же безгрешные, «хорошее что-то сделавшие», наслаждаются цветущими райскими лугами и т. д., ср. [10]. Отметим также использование для перевода слова «душа» очевидную кальку с русского *туша*⁷; вопроса о чулымских обозначениях для «души» мы отдельно коснемся далее.

Текст 7 хранится в ГАТО (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 42, л. 211об–214об).

(1) **пирраc мѐн а́уьм јаклѐн пискѧ.**

Однажды мой отец нам рассказывал.

(2) **пурун полун пайдак ауац** [раньше было много леса].

Раньше было много леса.

(3) **пир јардѧ ауац ортаѧьнда полун иуи кол.**

В одном месте посреди леса было два озера.

(4) **коллар ортаѧьнда полун одрац** [был островок].

Посередине озер был островок.

(5) **ол одрацка паруаннар пир семјѧ** [ушли одна семья] **кижиләр јәуьруа арүа** [гнать].

На тот островок ушла одна семья людей гнать/охотиться.

(6) **оларның полун иги цапцак поза** [поза – барда].

У них было две кадки барды.

(7) **олар аны** [аны = андын] **јакканнар пүрроқ цапцауьны** [пүрро цапцауьны – одну кадку].

Они ?налили одну кадку.

(8) **әрә** [әрә – в то время] **јеткегеннар иги әр кижі.**

В то время дошли два мужчины.

(9) **үдзүндзүзү кәлгән пожадыны** [пош ат – незапряженный конь, верховой] **өс пәјиндә** [третий приехал верхом на своей кобыле].

Третий приехал на незапряженном (верховом) коне, на своей кобыле.

(10) **пәјины кижәнепсалун өстәри ицјөрвәргәннар арүа** [кобылу спутал, сами стали пить].

Кобылу спутал, сами стали пить водку.

(11) **Оларның естәри цыкварун** [они все спились].

Их души вышли (они все спились).

(12) **кайзылары** [некоторые]

Некоторые вернулись домой.

(13) **јаннарүаннар уә**

(14) **Пир өзү уклаппарун андоқ** [андоқ – там же проснулся].

Один там же уснул (в оригинале: проснулся).

(15) **Ојануан пәррук јерини пләрроқ** [пәррук – идти куда не знает].

Проснулся, место, куда идти, не знает.

(16) **андын көрзә пәрхәди пир јолудзак** [посмотрел, идет тропинка].

Потом (букв. оттуда) посмотрел, идет одна тропинка (дорожка).

(17) **Ол пәрывун ол јолвалә** [пошел – идти не может].

Он пошел – идти не может.

(18) **Пәррук мәкәзи јоуул** [мочи нет; меке – мочь].

Идти нет силы (мочи).

(19) **Көрзә сөнда – кләди аның пәји** [посмотрев назад – идет его кобыла].

Смотрит (букв. если смотрит) назад – идет его кобыла.

(20) **Ол цыкварун пир јәдукка, саклавун, өс пәјини (пәйни)** [колода – јәдук; залез, стал ждать свою кобылу].

От залез (букв. вышел) на одну колоду, стал ждать свою кобылу.

(21) **Пѣји'јѣткелгән јаддук кăдынұа (кăдынга)** [кобыла подошла к колоде].

Его кобыла подошла к колоде.

(22) **Ол әре'мўнăвăртўшкăн јанарвовуан (јанарповуан) уўă** [на нее упал верхом и надумал ехать домой; **јан** – домой иди].

Он на нее упал верхом и надумал ехать (букв. возвращаться) домой.

(23) ***[Ол] пѣји кăп цăпсăлывуан** [кăп – бросилась бежать; **кăп пăк** – здорово; **цăпсăлывуан** – в мах побежала; **цап** – беги бегом, не пешком, на чем-нибудь или верхом быстро].

Его кобыла бросилась бежать (в мах).

(24) **ол пѣјиндин**

Со своей кобылы упал.

(25) **ăшпаруан.**

(26) **[Ол сăуынұан анын пѣји.**

Он подумал, его кобыла.

(27) **[Ол вазă' полұан емжѣди а́йыу.**

То снова оказался медведь.

(28) **А́йыу коруу'пăрып цыцсалұан и о́лпаруан.]**

Медведь испугался, ?испугался и умер.

(29) **Игиндзи' гўндă' олар јоккалăры пăрывуаннар анок** [анок – то же место], **кайда' ол мўнган (мўнұан) ѳс пѣингă.**

На другой (второй) день все ушли в то же место, где он взобрался на свою кобылу.

(30) **јакшыла' кѣп кѳргеннăр – јолу анын пѣјинын а́мăс** [Путем пришли посмотреть хорошенько – **Кѣп јакшыла' кѳргеннăр** – след не «евоной» кобылы].

Путем пришли посмотреть хорошенько – след не его кобылы.

(31) **Полұан емжѣди а́йыу.**

Оказался медведь.

(32) **Ол анда' ицсăпти пир цапцак пăрда' [выпил целую кадку барды], по́ппаруан ѳзрўк, клăткăн емжѣди јолудзаквала', анок сўрдўрă** [шел, оказывается, по тропинке; **анок сўрдўрă** – за ним же следом; **сўр** – гони].

Он там выпил целую кадку барды, стал пьяным, шел (сюда), оказывается, по тропинке, за ней следом.

(33) **Ол әре'мўнăвăртўшкăндă'** [на него сел врасплох],

На нее сел врасплох.

(34) **а́йыу әре'коруу'пăрып, цăпрăдып, а́жып, о́лпаруан.**

Медведь мужчину(?) испугался, упав, умер.

(35) **Олар аны тап сойсалұаннар.**

Они его нашли и ободрали.

В сущности, в тексте предельно бытовой рассказ о том, как пьяный охотник до смерти (в самом буквальном смысле) испугал медведя, перепутав того с кобылой, попытавшись на него усесться, примечателен для научного комментария двумя моментами. Во-первых, использованным оборотом *оларнын естѣри' цыкваруан* 'букв. их души вышли'; вопрос о применении различных терминов для обозначения души будет отдельно рассмотрен далее.

Во-вторых, обращает на себя внимание оборот «бежать в мах». Именно в таком виде он встречается крайне редко; нам известны лишь три примера – два вхождения в русских переводах алтайских эпических текстов, сделанных Н.Я. Никифоровым («Алтын-Мизе» и «Аин-Шаин-Шикширге» [12]); и одно – в путевых заметках о путешествии по Балканам («Из Румелии», 1886) архимандрита Антонина (Капустина). Судя по тому, что архимандрит Антонин был уроженцем южной части Пермской губернии (современной Курганской области), пред-

ставляется разумным предположить, что мы имеем дело не с калькированным переводом не-которого чулымского оборота, а со специфическим урало-сибирским диалектизмом.

Текст 8 хранится в ГАТО (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 42, л. 215об).

(1) **а́скидä, кáдзён полвāн тǎрзä тǎжь, андä едēдигāннǎр (едēдиуāннǎр) тǎрзä таги поуактын, āмизä мўстуу мал пўрўшнēзиндин.**

Наши люди раньше, когда не было еще стекла, делали окна из пузырей, преимущественно же из брюшины крупных животных.

(2) **Ол пўрўшнāны саладилар јдǎргä.**

Положат гнить,

(3) **кáдзён јйпǎрзä āны āп пыздаквалa кырадилар** [достают].

а потом ножом соскобят ворсинки.

(4) **кырывāдывйп** [отскоблив] **јоуадздакалa, андын едēдилǎр тǎрзä таш.**

Отскоблив (?орудием), из него делают оконное стекло.

(5) **Тǎрзе тǎжындä ўтāпсаладилар тёрвāк уйдўк.**

в брюшине делали отверстия

(6) **Ол уйдуккā ётсаладилар кьстаў** [к этому отверстию подгоняют затычку – кьстаў].

которые затыкали пробкой

(7) **кыстаўыны āдзудуп кǎредилǎр таштын.**

Чтобы можно было смотреть наружу

(8) **[јоуадзакалa – тонко]**

Упоминания об окнах чулымских домов, затянутых брюшиной, встречаются у всех путешественников XVIII в., проезжавших по Причулымю. Таким образом, в тексте 8 мы имеем дело с описанием этой технологии. Обращает на себя внимание термин *пўрўшнēзиндин* ‘из брюшины’, судя по форме и звучанию, заимствованный в чулымский язык из русского.

Текст 9 хранится в ГАТО (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 42, л. 246).

(1) **Пис пунь полгас каран**

Мы сегодня были у (?скупого) старика.

(2) **оцкэдэ ол айткэн**

Он сказал, что беременная женщина (букв. человек с животом) не родит, умрет.

(3) **курсактыг кижй поль тугел-**

(4) **вин ёлгай. Мен ол оцка**

Я того старика (?)уверил,

(5) **ижентяним, а то китыр**

а то (?)притаится

(6) **айткэн мен иги огл.**

сказал(?и) моих два сына.

(7) **[Из письма И.Н. Мамонтова]**

Текст 9 – письмо И.Н. Мамонтова – носит бытовой характер и представлен фрагментарно, в архиве А.П. Дульзона его полный вариант не сохранился. Примечательно наименование беременной женщины термином *курсактыг кижй* ‘букв. с животом человек, брюхатый человек’. При этом сам термин *кижй* ‘человек’ в чулымском узусе достаточно строго гендерно маркирован: обычно он применяется к мужчинам, но не к женщинам. Логично предположение о возможной эвфемистической, табуирующей натуре этого наименования. Впрочем, это может быть и просто устоявшийся речевой оборот.

Текст 10 хранится в ГАТО (ГАТО. Ф. 1763, оп. 1, д. 42, л. 251об).

(1) **[Частушка]**

(2) Пьек пулут аргэзындэ

Высоко за облаками

(3) Аквагэц карыцак

Белая снежиночка

(4) Рак турэ аргэзындэ

Далеко за городами

(5) Юртэпяди мен эцим

*[*Ходит моя жена]*

(6) Тадлый полгэн пилижерге

Сладко было спознаваться

(7) Ма кувэзым сенбеле

Мне красивая с тобой

(8) Жалкэ жалкэ айдункалэргэ

Жалко, жалко расставаться

(9) Эр, полдубэ кудумбэлэ

Грустно, будто бы душой

[Перевод с русского]

Текст 10, несмотря на кажущуюся внутреннюю цельность, на самом деле представляет собой совместную запись двух исходно бытовавших отдельно частушек; обе, как указывает А.П. Дульзон, переведены с русского языка, трансформация в записи обоих оригиналов весьма интересна. Так, первая из них («Высоко за облаками...») иногда встречается в позднейших источниках периода Великой Отечественной войны (что, в принципе, коррелирует с датами записи текста А.П. Дульзоном в 1947–48 гг.), а именно периода блокады Ленинграда и боев за город. В фундаментальном советском сборнике частушек, опубликованном в серии «Библиотека поэта» в 1966 г., встречается вариант текста «дооктябрьских» частушек [13, с. 212], практически во всем, кроме незначимой замены нескольких слов на синонимы, совпадающий с записанной А.П. Дульзоном частушкой, но без атрибуции даты и места: «Далеко за облаками / Белая снежиночка, / Далеко за городами / Служит ягодиночка».

Примечательно, что частушка, в целом переведенная на чулымский дословно, претерпела в процессе перевода одно ключевое смысловое изменение: произошла своего рода гендерная инверсия исполнителя и адресата. Все описанные выше частушки – традиционно женские, написаны от лица женщины и женщинами, как отдельно подчеркивают авторы сборников частушек, традиционно исполнялись; более того, во всех зафиксированных частушках этого периода и места термин «ягодиночка» характерен для обращения девушки к возлюбленному, не наоборот. В чулымском же варианте ситуация переворачивается в обратную сторону: здесь исполнителем частушки выступает уже мужчина, а адресатом – женщина. Соответственно, исчезают любые упоминания о «службе»: возлюбленная уже не «служит», а просто «ходит»; а «ягодиночка» превращается просто в *мен эцим* < **мйн айцим* ‘мою жену’. Вторая половина текста еще более интересна: это не что иное, как эквиритмически переведенная на чулымский строфа из стихотворения «Вид прелестный, милы взоры...» М.М. Хераскова 1796 г., получившая в отрыве от основного текста самостоятельную известность как эпиграф к IX главе известного произведения «Капитанская дочка».

Невозможно не отметить парадоксальный характер получившегося текста – его предельную эклектичность и одновременно внутреннюю связность. С одной стороны, «гендерно инвертированный» и несколько измененный в деталях вариант широко известной частушки 1900–1920-х гг. в принципе не может сочетаться каким бы то ни было образом со строфой М.М. Хераскова. С другой стороны, будучи сложены вместе, два этих перевода образуют в итоге последовательный и вполне логичный текст о боли разлуки и тоске по любимой.

Следует отдельно рассмотреть зафиксированные А.П. Дульзоном три варианта слов со значением ‘дух, душа’, в употреблении которых прослеживаются любопытные этнолингвистические/социолектные закономерности. Наиболее понятный из этих терминов – *кут*, упоминающийся в тексте 10 (*кудумбэлэ* ‘душой’). Именно это слово многократно зафиксировано всеми экспедициями в Причулымье как одно из общеупотребимых обозначений души по чулымски. Обычно информантами *кут* упоминается наряду с *тын*, *сүне* и *сүт* – всем четырем терминам находятся широкие тюркские параллели, конкретно в южносибирском и алтайском ареале [14, с. 33; 17, с. 87]. Этот термин широко зафиксирован еще в древнетюркских памятниках, а чулымские представления о «посмертной душе» *сүт* тождественны шорскому и алтайскому концепту *јүзүт*. В современных тюркских языках Южной Сибири *кут* – это именно ‘душа как жизненная сила, обеспечивающая бытие человека’ [14, с. 33] (и зафиксированные в Причулымье представления укладываются в эту же схему), а также как ‘счастье, благополучие’, см. телеутские свадебные песни [15, с. 80]), что фиксируются в древнетюркских памятниках [16, с. 87].

Любопытно появление в тексте 6 («К Богу улетела его душа...») очевидного русского заимствования *тушй*. Утверждать что-либо о причинах подобного заимствования вне контекста исходной речевой ситуации невозможно, ограничимся рядом предположений. Во-первых, можно предположить заимствование текста в целом либо некоторых встречающихся в нем устойчивых формулировок из русскоязычной среды (пересказ на чулымском языке текста, исходно услышанного/прочитанного на русском языке). Косвенным подтверждением этой версии в той или иной степени выступает, в частности, тот факт, что сам жанр текстов-«обмираний» предельно нехарактерен для чулымского фольклора, но при этом крайне распространен в фольклоре восточнославянских народов (особенно белорусов, а Причулымье в первой половине XX в. активно заселялось именно переселенцами из Беларуси).

Во-вторых, использование русизма для обозначения знакомого чулымской культуре концепта указывает не на текстуальное заимствование, но на определенное маркирование узуса, на некоторый определенный «вид» души (очевидно, отличный для информанта от *тын*, *кут*, *сүне* и *сүт*) и на определенные обстоятельства рассказа об этой душе, в силу которых здесь должно использоваться именно это слово. Вполне вероятно, что, согласно восприятию информанта, по христианскому загробному миру странствует во время обмирания не душа-дыхание *тын*, не душа-сила *кут*, не душа-двойник *сүне* и не мертвая душа *сүт*, но неким образом отличная от них «православная», «церковная» *тушй*, и, рассказывая о ее странствиях по тому свету, для него принципиально важно использовать именно тот термин, который используется в прочих текстах о загробной жизни: церковных, житийных, народных (например, духовных стихах) – и даже сугубо фольклорных (текстах-«обмираниях») и т. п.

В-третьих, возможно и самое простое объяснение: использование русизма вместо одного из оригинальных чулымских слов объяснялось конкретной речевой ситуацией, а именно попросту разговором с русскоязычным исследователем. Информант мог воспользоваться русским заимствованием не потому, что не хотел или не считал возможным применить оригинальный термин, а потому, что хотел быть верно понятым собеседником.

Отметим еще одну форму, в русском переводе переданную словом «душа» – *ес* (*Оларның естәри ыкварған* ‘их души вышли’, в уточнении А.П. Дульзона «они все спились», вероятно, «напились»). В среднечулымских материалах этот термин зафиксирован (*эзи асваган* ‘он испугался до беспамятства’) [17, с. 67], и ему находится прямая параллель в шорском языке: *эс* ‘ум, память, разум, чувство’ – *эске саларга* ‘запомнить’, *эстең шыгарга* ‘забыться’. Таким образом, речь здесь идет не столько о «душе» как таковой в любом из характерных для чулымской культуры ее вариантов, сколько о разуме и памяти. При этом восприятие души как разума и самосознания *ес* вполне непротиворечиво дополняет выстраивающуюся по упоминаниям информантов картину вышеупомянутых чулымских представлений о человеческой личности.

Опубликованные нами тексты – это далеко не все архивные материалы А.П. Дульзона, собранные у чулымцев, равно как и наши к ним комментарии отнюдь не всё, что можно сказать об этих фольклорных записях с точки зрения как лингвистики, так и антропологии. Надеемся, что данной публикацией мы привлечем внимание коллег к этим уникальным материалам, безусловно, нуждающимся во введении в научный оборот и в осмыслении скрытых в нем смыслов.

Список источников:

1. Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томского педагогического института. Томск, 1952. Т. 9. С. 76–211.
2. Лемская В.М. Чулымско-тюркские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала: труды кафедры языков народов Сибири. Т. 5. Томск: ТМЛ-Пресс, Вайар, 2017. С. 103–176.
3. Лемская В.М. Порядок слов в нижнечулымском диалекте чулымско-тюркского языка: диахронический аспект // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2020. Вып. 4 (30). С. 41–59.
4. Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М.: Наука, 1966. С. 446–466.
5. Лемская В.М. Чулымско-тюркский язык // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 4. Томск: ТМЛ-Пресс; Вайар, 2015. С. 217–291.
6. Малов С.Е. Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и антропологическом отношениях. 1909. № 9. С. 35–46.
7. Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. 208 с.
8. Бурнаков В.А. Жилище в традиционных верованиях и обрядности хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, Вып. 7. С. 308–322.
9. Функ Д. А. Бачатские телеуты в XVIII первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М.: ИЭА РАН, 1993. 325 с.
10. Толстая С.М. Полесские «обмирания» // Живая старина. 1999. № 2. С. 22–23.
11. Левкиевская Е.Е. Пространство потустороннего мира в народных представлениях восточных славян // Славяноведение. 2006. № 6. С. 9–15.
12. Никифоров Н.Я. Аноосский сборник: собр. сказок алтайцев / с примеч. Г.Н. Потанина. Омск, 1915. 293 с.
13. Частушка. М. – Л.: Советский писатель, 1966. 608 с.
14. Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005. 398 с.
15. Телеутский фольклор [сост., вступ. ст., запись, пер., коммент. Д.А. Функа]. М.: Наука, 2004. 182 с.
16. Тютешева Е.В., Озонова А.А., Шагдурова О.Ю., Байыр-оол А.В. Лексика, репрезентирующая понятие «душа» в южносибирских тюркских языках // Язык и культура. 2020. № 52. С. 85–109.
17. Кондяков А.Ф., Лемская В.М. Чулымский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края: 2007–2021 гг. Т. 1. Томск: Изд-во ТГУ, 2021. 204 с.

Попов Михаил Андреевич.

Докторант.

Департамент социологии и антропологии.

Еврейский университет в Иерусалиме.

Har HaZofim, Jerusalem, 91905.

E-mail: govuskuolfi@gmail.com, hetttt@yandex.ru

Функ Дмитрий Анатольевич.

Доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией социокультурной антропологии.

Московский государственный лингвистический университет.

Ул. Тверская, 11, Москва, 125993.

E-mail: d_funk@iea.ras.ru

Материал поступил в редакцию 15 февраля 2025 г.

UNPUBLISHED LOWER CHULYM TEXTS AS RECORDED BY A.P. DULZON IN 1948

The review publishes ten archival Lower Chulym texts collected by A.P. Dulzon in 1948 during an expedition to the village of Turgai, Asinovsky District, Tomsk Region. The texts (except for one, published by A.P. Dulzon in 1966 with the final part omitted) have not been previously published or analyzed, and are presented here with anthropological interpretation. The article provides a detailed commentary on the plot of one text – a folkloric account about a hero's encounter with the supernatural, the plot is compared with similar motifs in the linguacultures of other ethnic groups in Southern Siberia, as well as with a version recorded in 1977 by other researchers. Comments are given on the text containing the plot of “fainting”, various designations of allegorical images in the texts are considered, the transformation of the “gender inverted” text is analyzed, and the Lower Chulym variants of designations for the concept of the soul are considered.

Keywords: *Lower Chulym dialect, expedition materials, folklore texts, plot of fainting, concept of the soul*

References:

1. Dul'zon A.P. Chulymskie tatary i ikh yazyk [Chulym Tatars and their language]. In: *Uchenye zapiski Tomskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Tomsk Pedagogical Institute]. Tomsk, 1952. Vol. 9. Pp. 76–211 (in Russian).
2. Lemskaya V.M. Chulymsko-tyurkskie teksty [Chulym-Turkic texts]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala: Truda kafedry yazykov narodov Sibiri. Kollektivnaya monografiya* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area: Works of the Department of Languages of the Peoples of Siberia. Collective monograph]. Vol. 5. Tomsk: TML-Press, Vayar Publ., 2017. Pp. 103–176 (in Russian).
3. Lemskaya V.M. Poryadok slov v nizhechulymskom dialekte chulymsko-tyurkskogo yazyka: diakhronicheskiy aspekt [Word order in the Lower Chulym dialect of the Chulym-Turkic language: diachronic aspect]. *Tomskiy zhurnal lingvistik i antropologii – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2020, vol. 4 (30), pp. 41–59 (in Russian).
4. Dul'zon A.P. Chulymsko-tyurkskiy yazyk [Chulym-Turkic language]. In: *Yazyki narodov SSSR* [Languages of the peoples of the USSR]. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1966. Pp. 446–466 (in Russian).
5. Lemskaya V.M. Chulymsko-tyurkskiy yazyk [Chulym-Turkic language]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-yeniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 4. Tomsk, TML-Press; Vayar Publ., 2015. Pp. 217–291 (in Russian).
6. Malov S.E. Otchet o komandirovke studenta Vostochnogo fakul'teta Sergeya Efimovicha Malova [Report on a business trip of a student of the Faculty of Oriental Studies Sergei Efimovich Malov]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskom, arkheologicheskom i antropologicheskom otnosheniyakh – News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological and Anthropological Relations*, 1909, vol. 9, pp. 35–46 (in Russian).
7. Burnakov V.A. *Dukhi Srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov* [Spirits of the Middle World in the Traditional Worldview of the Khakass]. Novosibirsk, Institut arkheologii i yetnografii SO RAN Publ., 2006. 208 p. (in Russian).
8. Burnakov V.A. Zhilishhe v traditsionnykh verovaniyakh i obrjadnosti hakasov [Dwelling in Traditional Beliefs and Rituals of the Khakass]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Bulletin of NSU. Series: History, Philology*, 2011, vol. 10, no. 7, pp. 308–322 (in Russian).
9. Funk D.A. *Bachatskie teleuty v 18 – pervoy chetverti 20 veka: istoriko-yetnograficheskoe issledovanie* [Bachat Teleuts in the 18th – First Quarter of the 20th Century: Historical and Ethnographic Research]. Moscow: IYeA RAN Publ., 1993. 325 p. (in Russian).
10. Tolstaya S. M. Poleskie «obmiraniya» [Poles «Fainting»]. In: *Zhivaya starina* [Living old times]. 1999. Vol. 2. Pp. 22–23 (in Russian).
11. Levkievskaya E.E. Prostranstvo potustoronnego mira v narodnykh predstavleniyakh vostochnykh slavyan [The Space of the Other World in the Folk Conceptions of the Eastern Slavs]. In: *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. 2006. Vol. 6. Pp. 9–15 (in Russian).
12. Nikiforov N.Ya. *Anoskiy sbornik : Sobr. skazok altaytsev / S primech. G.N. Potanina* [Anosky Collection: Collected Tales of the Altai People / With notes by G.N. Potanin]. Omsk, 1915. 293 p. (in Russian).
13. *Chastushka* [Folk Rhyme]. Moscow-Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1966. 608 p. (in Russian).
14. Funk D.A. *Miry shamanov i skaziteley: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov* [The Worlds of Shamans and Storytellers: A Comprehensive Study of Teleut and Shor Materials]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 398 p. (in Russian).

15. Funk D.A. (ed.) *Teleutskiy fol'klor* [Teleut Folklore] Moscow, Nauka Publ., 2004. 182 p. (in Russian).
16. Tyuntesheva E.V., Ozonova A.A., Shagdurova O.Yu., Bayyr-ool A.V. Leksika, reprezentiruyushchaya ponyatie "du-sha" v yuzhnosibirskikh tyurkskikh yazykakh [Lexis representing the concept of "soul" in the South Siberian Turkic languages]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. 2020. Vol. 52. Pp. 85–109 (in Russian).
17. Kondiyakov A.F., Lemsкая V.M. *Chulymskiy yazyk d. Pasechnoe Tyuhtetskogo rayona Krasnoyarskogo kraya : 2007–2021 gg.* [Chulym language of the village Pasechnoye, Tyukhtetsky district, Krasnoyarsk territory: 2007–2021]. Vol. 1. Tomsk, 2021. 204 p. (in Russian).

Popov Mikhail Andreevich.

Ph. D. student.

Department of Sociology and Anthropology.

Hebrew University of Jerusalem.

Har HaZofim, Jerusalem, 91905.

E-mail: govuskuolfi@gmail.com; hettt@yandex.ru

Funk Dmitry Anatol'evich.

Doctor of Historical Sciences, Professor,

Head of the Laboratory of Sociocultural Anthropology.

Moscow State Linguistic University.

Tverskaya str., 11, Moscow, Russia, 125993.

E-mail: d_funk@iea.ras.ru;

НАШИ АВТОРЫ

- Бадарчы А.-Х.Т. Младший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: badarchy2019@mail.ru
- Беленов Н.В. Кандидат педагогических наук, доцент.
Самарский государственный социально-педагогический университет.
Ул. М. Горького, 65/67, Самара, 443099.
E-mail: belenov82@gmail.com
- Богданова А.Г. Кандидат филологических наук, доцент,
директор Института иностранных языков и международного сотрудничества.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: bogdanovaag@tspu.ru
- Данилов И.А. Младший научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.
E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru
- Иванова Л.И. Научный сотрудник.
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра.
Ул. Пушкинская, 13, Петрозаводск, 185910.
E-mail: ljuchiki@mail.ru
- Ким А.А. Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
Институт иностранных языков и международного сотрудничества.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: kim@tspu.ru
- Кисагулов А.В. Младший научный сотрудник.
Институт экологии растений и животных УрО РАН.
Ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144.
E-mail: Akis9119@gmail.com
- Ключева М.А. Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник.
Марийский научно-исследовательский институт им. В.М. Васильева.
Ул. Красноармейская, 44, Йошкар-Ола, 424036.
Институт системного программирования им. В.П. Иванникова.
Ул. А. Солженицына, 25, Москва, 109004.
E-mail: keymachine@yandex.ru
- Куцаева М.В. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Пер. Большой Кисловский, 1, стр. 1, Москва, 125009.
E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru
- Миронова В.П. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра.
Ул. Пушкинская, 13, Петрозаводск, 185910.
E-mail: tutkija@mail.ru
- Монгуш Н.М. Младший научный сотрудник.
Институт лингвистических исследований РАН.
Пер. Тучков, 9, Санкт-Петербург, 199053.
E-mail: mongusnachyn@mail.ru
- Ооржак Б.Ч. Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.
Институт лингвистических исследований РАН.
Пер. Тучков, 9, Санкт-Петербург, 199053.
E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

- Попов М.А. Докторант (Ph. D. student).
Департамент социологии и антропологии.
Еврейский университет в Иерусалиме.
Har HaZofim, Jerusalem, 91905.
E-mail: govuskuolfi@gmail.com, hettt@yandex.ru
- Русланов Е.В. Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник.
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.
E-mail: butleger@mail.ru
- Садыкова Э.Ф. Кандидат педагогических наук, доцент.
Тюменский государственный университет.
Ул. Знаменского, 58, Тобольск, 626150.
E-mail: e.f.sadykova@utmn.ru
- Содномпилова М.М. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047.
E-mail: sodnompilova@yandex.ru
- Тюнтешева Е.В. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: tyunteshvae@mail.ru
- Файзуллина Г. Ч. Доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник.
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН.
Ул. Академика Осипова, 15, Тобольск, 626152.
E-mail: utgis@mail.ru
- Федорова А.Р. Младший научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.
E-mail: aytar@mail.ru
- Федоров С.И. Младший научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.
Старший преподаватель.
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.
Ул. Белинского, 58, Якутск, 677027.
E-mail: fedorov.si@mail.ru
- Функ Д.А. Доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией социокультурной антропологии,
Московский государственный лингвистический университет.
Ул. Тверская, 11, Москва, 125993;
E-mail: d_funk@iea.ras.ru
- Чугунекова А.Н. Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.
Ул. Ленина, 92, Абакан, 655017.
E-mail: Chugunekowa@yandex.ru
- Шагдурова О.Ю. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: kokoshnikova@mail.ru
- Юсупов А.Ф. Доктор филологических наук, доцент.
Казанский федеральный университет.
Ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008.
E-mail: faikovich@mail.ru

AUTHORS

- Badarchi A.-Kh.T.* Senior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.
Institute of Philology of SB RAS.
Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: badarchy2019@mail.ru
- Belenov N.V.* Candidate of pedagogical Sciences, associate, Professor of the Department of ICTO.
Samara State University of Social Sciences and Education.
Gorky str., 65/67 M., Samara, Russia, 443099.
E-mail: belenov82@gmail.com
- Bogdanova A.G.* Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Director of the Institute of Foreign Languages and International Cooperation,
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: bogdanovaag@tspu.ru
- Chugunekova A.N.* Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher.
Institute of Humanities Research and Sayano-Altay Turkology,
Katanov Khakas State University.
Lenina str., 94, Abakan, Russia, 655017.
E-mail: Chugunekowa@yandex.ru
- Danilov I.A.* Junior Researcher.
Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of SB RAS.
Petrovskogo str., 1, Yakutsk, Russia, 677027.
E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru
- Fayzullina G.Ch.* Doctor of Philological Sciences, Professor.
Doctor of Philology, Associate Professor, Senior Researcher.
Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch RAS.
Academician Osipova str., 15, Tobolsk, Russia, 626150.
E-mail: utgus@mail.ru
- Fedorova A.R.* Junior Researcher.
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS.
Petrovskogo str., 1, Yakutsk, Russia, 677027.
E-mail: aytap@mail.ru
- Fedorov S.I.* Junior Researcher, Senior Lecturer.
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS.
Petrovskogo str., 1, Yakutsk, Russia, 677027.
Department of World, Russian History, Ethnology and Archaeology,
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.
Belinskogo str., 58, Yakutsk, Russia, 677027.
E-mail: fedorov.si@mail.ru
- Funk D.A.* Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociocultural Anthropology.
Moscow State Linguistic University.
Tverskaya str., 11, Moscow, Russia, 125993.
E-mail: d_funk@jea.ras.ru
- Ivanova L.I.* Researcher.
Institute of Linguistics, Literature and History of KarRC RAS.
Pushkinskaya str., 11, Petrozavodsk, Russia, 185910.
E-mail: ljuchiki@mail.ru
- Kim A.A.* Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication,
Institute of Foreign Languages and International Cooperation.
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: kim@tspu.ru

- Kisagulov A.V. Junior Researcher.
FSBI Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS.
March 8 str., 202, Ekaterinburg, Russia, 620144.
E-mail: Akis9119@gmail.com
- Klyucheva M.A. Candidate in theory and history of art, senior researcher fellow.
Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History.
Krasnoarmeyskaya str., 44, Yoshkar-Ola, Russia, 424036.
Ivannikov Institute for System Programming RAS.
A. Solzhenitsyn str., 25, Moscow, Russia, 109004.
E-mail: keymachine@yandex.ru
- Kutsaeva M.V. Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow.
Institute of Linguistics RAS.
Bolshoy Kislovskiy lane, 1, str.1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru
- Mironova V.P. Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher.
Institute of Linguistics, Literature and History of KarRC RAS.
Pushkinskaya str., 11, Petrozavodsk, Russia, 185910.
E-mail: tutkija@mail.ru
- Oorzhak B.Ch. Doctor of Philological Sciences, Chief Scientific Officer.
Institute of Linguistic Research RAS.
Tuchkov lane, 9, St. Petersburg, Russia, 199053.
E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru
- Mongush N.M. Junior Research Assistant.
Institute of Linguistic Research RAS.
Tuchkov lane, 9, St. Petersburg, Russia, 199053.
E-mail: mongusnachyn@mail.ru
- Popov M.A. Ph. D. student.
Department of Sociology and Anthropology.
Hebrew University of Jerusalem.
Har HaZofim, Jerusalem, 91905.
E-mail: govuskuolfi@gmail.com, hettt@yandex.ru
- Ruslanov E.V. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher.
Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Center RAS.
October ave., 71, Ufa, Russia, 450054.
E-mail: butleger@mail.ru
- Sadykova E.F. Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor.
Tyumen State University.
Znamensky str., 58, Tobolsk, Russia, 626150.
E-mail: e.f.sadykova@utmn.ru
- Shagdurova O.Yu. Candidate of Philology,
Senior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.
Institute of Philology SB RAS.
Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: kokoshnikova@mail.ru
- Sodnompilova M.M. Doctor of History, leader researcher.
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS.
Sakhyanova str., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.
E-mail: sodnompilova@yandex.ru
- Tyuntseva E.V. Candidate of Philology,
Senior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.
Institute of Philology SB RAS.
Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: tyuntsevae@mail.ru
- Yusupov A.F. Doctor of Philology, Associate Professor.
Kazan Federal University.
Kremlevskaya str., 18, Kazan, Russia, 420008.
E-mail: faikovich@mail.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.ru

Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (**docx/doc и pdf**).

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на русском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в порядке упоминания источников;
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле:

- (на английском языке)
- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на русском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в порядке упоминания источников – **источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла. Для статей на английском языке:

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на английском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);

- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в порядке упоминания источников (**источники на русском языке – в транс-литерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**);
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле (на русском языке):

- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на английском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Текст статьи объемом не менее 12 и не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон.

Список литературы (не менее 15 источников) предполагает полные библиографические сведения обо всех публикациях и источниках, упоминаемых в статье, и не должен содержать работы, на которые нет ссылок в тексте, также желательно преобладание публикаций последних лет издания. В случае если статья на русском языке, в конце приводится список литературы на русском языке. Далее, после краткой аннотации статьи на английском языке приводится **список литературы на английском языке**, где русскоязычные источники сопровождаются **транслитерацией латиницей и переводом автора и названий публикаций на английский язык [v kvadratnyh skobkah]**).